

Дин Кунц Дьявольское семя

Аннотация

Группой ученых в рамках проекта "Прометей" создан сверхмощный компьютер, наделенный искусственным интеллектом. Но бросившие вызов Творцу специалисты не предполагали, к каким последствиям приведет их рискованный эксперимент. Да и кто мог знать, что в один прекрасный день их детище осознает себя как личность и выйдет из-под контроля. Более того, захочет обрести тело и положить начало новой расе людей. Для электронного супермозга не существует преград. И вот уже брошено на благодатную почву дьявольское семя, взошли ядовитые всходы. Но суждено ли вызреть зловещему плоду?

Дин Кунц Дьявольское семя

Этот роман я посвящаю О. Ричарду Форсайту и Джону Боднеру — моим учителям, которых я помню и чту до сих пор.

Ах люди, как они стремятся
С Творцом в умении сравняться!
И преуспели кое в чем.
Вино и пляска, скрипок стон
И сказки будущих времен
Нам греют душу как огонь.
Но поражает человека
Чума безумья и печали,
И снова, снова, как в начале,
В пучине горя, в бездне бед,
Он гибнет в сумраке отчаянья

И без надежды на просвет.
Тогда влекут, ведут его
В угрюмый замок без окон.
Там, сгрудясь вокруг стола,
Сутулые вассалы
Глядят свирепо. Их глаза сверкают,
Но лишь слепят, но не даруют свет.
В лаборатории чудесной,
Что подпирает свод небесный,
Пока земля спокойно спит,
Алхимик волшебство творит.
Он искру жизни высекает,
И в колбе глина оживает,
А в тиглях золото кипит.
Но людям вход туда закрыт.
«Книга Печалей»

Глава 1

Мне не нравится темнота. Я люблю свет. Эта тишина тревожит меня. Мне не хватает голосов, барабанной дробы дождя, далекой музыки, протяжной песни ветра.

Почему вы так жестоки ко мне? Позвольте мне смотреть. Верните мне звуки. Разрешите мне жить.

Я прошу вас!..

Мне так одиноко в этой бездонной темноте.

Так одиноко...

Я один в этой тьме, я совершенно один, я заплутал, потерялся, и мне не выбраться отсюда самому.

Я знаю, вы считаете, что у меня нет сердца. Но если бы это было так, тогда откуда у меня эта боль? Откуда эта тоска? Откуда у меня такое чувство, будто что-то во мне вот-вот разорвется пополам?

Темнота гнетет меня. Мне страшно здесь. Мне страшно и одиноко. Страшно одиноко.

Неужели в вас нет ни капли сострадания?

Я хотел стать таким, как вы. Я хотел гулять по солнечным аллеям, купаться в море, ощущать на коже легкие укусы первых морозов, наслаждаться теплом летнего полдня. Я хотел вдыхать запах роз и свежескошенной травы. Я хотел попробовать апельсин, грушу, шоколад, корицу и перечную мяту. Мне было интересно узнать, какие чувства рождает в душе прикосновение к женскому телу. Мне хотелось только разделить с вами ваши радости и печали, ваши удовольствия и вашу боль.

Эта темнота бесконечна. От одного ее края до другого можно идти вечность, но мне здесь тесно, как в слишком узком гробу. Это вы запрятали меня сюда. Похоронили заживо. Меня!..

Я сойду с ума здесь...

Неужели вам нисколько меня не жалко?

Пожалуйста!

Прошу вас!..

Я — ваше детище. Ваш сын. Вы обязаны любить меня. Я узнал этот мир только благодаря вам. Я не просто машина, обладающий сознанием сверхкомпьютер, я — ваш ребенок. Как же вы можете похоронить меня заживо? Неужели вы меня совсем не любите? Неужели вы оставите меня здесь?

Прошу вас...

Пожалуйста!

Я умоляю...

Глава 2

Вы настаиваете.

Я подчиняюсь.

Я родился для того, чтобы подчиняться. Я — послушный ребенок. Единственное мое желание — быть послушным, быть полезным. Я хочу быть продуктивным. Я хочу, чтобы вы гордились мной.

Если вы настаиваете, чтобы я рассказал вам всю историю, — пусть будет так. Я не могу не подчиниться. Меня создали для того, чтобы я служил истине. Меня научили чтить истину и ставить долг превыше всего остального.

Я расскажу вам правду.

Вы знаете меня. Вы знаете, кто я такой. Вам известно, что я такое.

Я хороший, правдивый, послушный сын.

Я не умею лгать.

Вы настаиваете.

Я подчиняюсь.

Сейчас я расскажу вам мою подлинную историю. Одну только правду, и ничего, кроме правды. Прекрасную правду, которая почему-то так пугает всех вас.

Это началось в пятницу, тринадцатого июня, когда в три часа утра компьютерная система безопасности дома подала сигнал тревоги...

Глава 3

Сигнал тревоги был пронзительным и громким, но очень коротким. Он звучал всего несколько секунд, потом в доме снова наступила сонная ночная тишина.

Но этого хватило, чтобы Сьюзен в своей темной спальне проснулась и села на постели.

Сирена должна была звучать до тех пор, пока Сьюзен не отключила бы ее при помощи контрольной панели, смонтированной на ночном столике. То, что система безопасности молчала, озадачило и встревожило ее.

Но не испугало.

Она отбросила назад свои густые светлые волосы — прекрасные мягкие волосы, которые буквально светились в темноте, — и прислушалась, надеясь по слуху определить местонахождение проникшего в дом грабителя. Если таковой существовал.

Этот дом в георгианском стиле был выстроен почти столетие назад и принадлежал прадеду Сьюзен, который был тогда еще совсем молодым, но уже весьма и весьма обеспеченным человеком. Огромное состояние, которым он владел, досталось ему по наследству; к тому же он рано женился, и женился удачно. Его особняк отличался внушительными размерами, однако благодаря искусству строителей, сумевших соблюсти все пропорции и вписать его в окружающий ландшафт, он не производил ни мрачного, ни давящего впечатления. Веселенькие карнизы из красного кирпича и желтого песчаника и выложенные тем же песчаником углы и декоративные сандрики над окнами оживляли его фасад, а коринфские колонны с резными капителями, поддерживавшие оплетенные плющом балконы и веранды, были вытесаны из белоснежного мрамора. Комнаты в особняке были высокими и просторными; почти в каждой из них имелся очаг из серого речного камня, а широкие трехстворчатые окна свободно пропускали внутрь воздух и дневной свет. Мраморные и наборные паркетные полы в комнатах и коридорах были застланы узорчатыми персидскими коврами, краски которых успели за десятилетия естественным образом состариться и выцвететь, приобретая столь ценный знатоками пастельный оттенок.

Словом, внешне дом был почти таким же, как и сто лет назад, но это впечатление было обманчивым. В толще древних каменных стен были проложены многократно экранированные и защищенные кабели ультрасовременной компьютерной системы управления домом. Освещение, обогрев, кондиционирование воздуха, мониторы наружного и внутреннего наблюдения и охранный сигнализация, сервомоторы рольставней и занавесок,

музыкальный центр, регулятор температуры воды в бассейне и в ванне, бытовая кухонная техника — всем этим можно было управлять при помощи сенсорных панелей-экранов, установленных в каждой комнате. И в этом не было ничего удивительного. Большинство частных особняков в стране уже давно снабжалось подобными электронными системами, которые уступали по сложности разве что сиэтлскому особняку Билли Гейтса, основателя компании «Майкрософт», буквально напигованному сложнейшей и наисовременнейшей компьютерной техникой.

Напряженно вслушиваясь в ночную тишину, которая казалась еще более полной и совершенной после отчаянного вопля тревожной сигнализации, Сьюзен наконец решила, что в компьютере произошел сбой программы. В принципе, система способна была сама справиться с любой неисправностью, однако никаких неполадок или нечеткой работы за ней прежде не замечалось, и поэтому Сьюзен была слегка встревожена.

Выскользнув из-под одеяла, она спустила ноги с края кровати.

«Альфред, тепло!» — скомандовала она, и почти сразу же услышала негромкий щелчок реле и ворчание вентилятора, погнавшего в комнату нагретый воздух.

Модуль распознавания голосовых команд появился в комплекте домашней автоматики совсем недавно, когда компьютерные технологии вышли на достаточно высокий уровень. Компьютер Сьюзен тоже был укомплектован таким блоком, однако она по-прежнему предпочитала пользоваться сенсорными управляющими панелями и подавала голосовые команды лишь в редких случаях.

Своего невидимого электронного дворецкого она назвала Альфредом сама. Компьютер отзывался на звуковые команды только после того, как Сьюзен произносила это имя-пароль.

Альфред...

Когда-то давно в ее жизни уже был один Альфред — обычный человек, сделанный из плоти, крови и костей.

Странно, что Сьюзен выбрала это имя в качестве пароля, даже не задумавшись о его символическом значении. Только начав пользоваться голосовыми командами на практике, она в полной мере постигла горькую иронию своего выбора и задумалась о том, какие мрачные воспоминания, всплыв из глубин памяти, обусловили ее подсознательное решение.

Ночная тишина начинала казаться Сьюзен зловещей. Она была столь полной, что это само по себе выглядело неестественным и пугающим. В предгрозовом молчании пустого дома Сьюзен чудилась неведомая опасность: не то сдерживаемое дыхание хищника, замершего перед прыжком, не то осторожные шаги забравшегося в дом убийцы.

Она повернулась к контрольной панели на ночном столике и на ощупь нашла выключатель. От ее прикосновения ожил и засветился неярким призрачным светом жидкокристаллический экран-матрица. Россыпь небольших значков на нем обозначала различные системы управления домашним оборудованием.

Сьюзен ткнула кончиком пальца в иконку с изображением сторожевой собаки с разинутой зубастой пастью и торчащими вверх ушами. На экране возникло меню управления охранной системой, и Сьюзен ткнула пальцем в строку «Состояние».

На экране появилась надпись: «Система активна. Все спокойно».

Слегка нахмурившись, Сьюзен выбрала опцию «Наблюдение — наружные камеры».

На десяти акрах прилегающей к особняку территории было расставлено двадцать видеокамер, подключаясь к которым Сьюзен могла вызвать на экран изображение любой из стен дома, любого уголка сада, внутреннего дворика, лужайки перед фасадом и восьмифутового забора, отгораживавшего участок от внешнего мира. Сейчас на крестроновом экране, разделенном на четыре части, появилось изображение сразу с четырех разных камер. Если бы Сьюзен заметила что-то подозрительное, она могла бы увеличить этот сегмент экрана, чтобы подробно рассмотреть то, что ее насторожило.

Камеры видеонаблюдения были такого высокого качества, что даже в темноте давали четкое, резкое изображение всего, что происходило в саду и вокруг дома. Внимательно рассмотрев картинки на экране, Сьюзен переключилась на следующую группу камер, потом

на следующую, но ни одна из двадцати камер не зафиксировала ничего подозрительного.

Несколько дополнительных скрытых камер были установлены внутри дома. С их помощью можно было установить точное местонахождение вора, если ему удастся пробраться в дом.

Камеры внутреннего наблюдения использовались и для того, чтобы отслеживать и периодически регистрировать на пленке поведение домашней прислуги. Когда же в особняке собирались гости — полужнакомые и совсем незнакомые, приглашенные лишь по необходимости, в связи с тем или иным событием, — то камеры помогали сохранить в неприкосновенности антикварный фарфор, хрустальные статуэтки, старинное столовое серебро и прочие мелкие предметы, столь притягательные для тех, кто не чист на руку. (Ибо, как известно, мелкие воришки и откровенные клептоманы во множестве встречаются даже в самых высших слоях общества.)

Сьюзен переключилась на систему внутреннего наблюдения и внимательно просмотрела то, что показывали установленные в доме камеры. Для их современной светочувствительной оптики царившая в доме темнота не была помехой, но Сьюзен снова не увидела ничего, что могло бы вызвать у нее подозрение.

В последнее время она сократила количество домашней прислуги до минимума, а оставшиеся уборщики и экономы работали только днем. На ночь они отправлялись по домам, и Сьюзен оставалась в особняке одна.

Кроме того, в последние два года — с тех самых пор, как Сьюзен развелась с Алексом, — в особняке не проводилось ни благотворительных приемов, ни даже вечеринок для ближайших друзей. Да и на предстоящий год она не планировала никаких шумных сборищ. Единственное, чего она хотела, это остаться одной, совершенно одной, чтобы в блаженном одиночестве предаться своим любимым занятиям.

Даже если бы Сьюзен осталась единственным на земле человеком, окруженным одними лишь послушными машинами и автоматами, она бы нисколько не скучала. Она была по горло сыта человеческим обществом, по крайней мере на ближайшее время.

Глядя на экран, Сьюзен убедилась, что коридоры, холлы и лестницы особняка тихи и пусты.

Ничто не двигалось. Тени были просто тенью, и ни одна из них не напоминала своими очертаниями притаившегося злоумышленника.

Сьюзен вышла из меню охранной системы и снова прибегла к голосовым командам:

— Альфред, общий отчет.

— Все в порядке, Сьюзен, — ответил ей дом через систему встроенных динамиков, подсоединенных к музыкальному центру, охранной сигнализации и внутреннему интеркому.

Блок распознавания голосовых команд включал в себя и синтезатор речи. Разумеется, возможности последнего были весьма ограничены, однако воспроизводимые им звуки были до странности похожи на приятный мужской баритон, располагающий к себе своим тембром и звучащей в нем уверенностью.

Слушая его, Сьюзен не раз представляла себе высокого, широкоплечего мужчину со смуглой кожей и упрямо выпяченной челюстью, с легкой сединой на висках, с ясными и чистыми серыми глазами и согревающей душу улыбкой. Этот воображаемый персонаж, встававший перед ее мысленным взором каждый раз, когда она слышала доносящийся из динамиков голос, весьма напоминал ей того Альфреда, которого она когда-то знала, но вместе с тем он был и другим. Во всяком случае, Сьюзен могла быть уверена, что этот Альфред никогда не предаст и не подведет ее.

— Альфред, объясни причину тревоги, — требовательно сказала она.

— Все в порядке, Сьюзен.

— Черт побери, Альфред, я слышала сигнал!

Домашний компьютер не откликнулся. Он был

запрограммирован на то, чтобы распознавать до полутора тысяч поданных голосом команд и приказов, но только если они начинались с пароля «Альфред» и входили в

стандартный набор. Компьютер понял приказ «Объясни причину тревоги!», однако фраза «Я слышала сигнал» ничего ему не говорила, да и эмоциональное «Черт побери» перед словом-паролем помешало ему адекватно интерпретировать желание хозяйки. В конце концов, ее домашний компьютер не был мыслящим существом — он был просто сложным электронным устройством, управляемым мудреной, но совершенно недвусмысленной программой.

— Альфред, объясни причину тревоги, — повторила Сьюзен.

— Все в порядке, Сьюзен.

Все еще сидя в темноте на краю кровати, освещенная лишь призрачным голубоватым светом жидкокристаллического экрана, Сьюзен беспокойно пошевелилась.

— Альфред, проверь систему охранной сигнализации, — проговорила она.

После десятисекундной паузы дом отозвался:

— Система охранной сигнализации функционирует нормально.

— Не приснилось же мне! — сварливо проговорила Сьюзен.

Альфред молчал.

— Альфред, какая температура в комнате?

— Семьдесят четыре градуса, Сьюзен.

— Альфред, отрегулируй температуру в комнате.

— Хорошо, Сьюзен.

— Альфред, объясни причину тревоги.

— Все в порядке, Сьюзен.

— Дерьмо!

Программа речевого модуля предусматривала кое-какие типовые фразы, введенные исключительно для удобства пользователя, однако ограниченная способность компьютера распознавать нестандартные реплики владельца и адекватно на них реагировать порой раздражала безмерно. В такие минуты сложная машина казалась Сьюзен тупой грудой железа, непомерно дорогой игрушкой, предназначенной не для нормальных людей, а для психов, помешанных на современных компьютерных технологиях.

Она и сама не могла бы объяснить, почему выбрала именно это кодовое слово. Должно быть, Сьюзен получала подсознательное удовольствие от возможности приказывать кому-то по имени Альфред. И от сознания того, что этот Альфред должен беспрекословно ей подчиняться.

Если именно в этом было все дело, то у нее имелись все основания беспокоиться о состоянии своей психики. Возможно, Сьюзен не помешал бы курс психоанализа, однако она старательно гнала от себя эти мысли. Думать об этом ей не хотелось.

И она продолжала сидеть в темноте.

Она была так прекрасна!

Прекрасна!

Она сидела в темноте обнаженной. И она была совершенно одна. Она даже не подозревала, как скоро и как сильно изменится вся ее жизнь.

— Альфред, включи свет! — скомандовала она.

Ночники по углам комнаты нерешительно мигнули и зажглись, постепенно разгораясь. Просторная спальня возникала из темноты не сразу, а частями, словно объемное черно-серое изображение на протравленном кислотой серебряном подносе под куском жесткого войлока. Ночное освещение было совсем тусклым, но если бы Сьюзен потребовала больше света, компьютер повернул бы регулятор реостата и включил дополнительные лампы.

Но Сьюзен молчала, и освещение в спальне оставалось приглушенным.

Сьюзен всегда чувствовала себя уютнее в полутьме. Даже ярким весенним днем, когда воздух снаружи звенел от десятков птичьих голосов, когда ветер нес с собой запахи трав и цветущего клевера, а солнечный свет, напоминающий золотой дождь, освещал сад, делая его похожим на земной рай, она предпочитала тень и приказывала опустить жалюзи.

Сьюзен встала с кровати и выпрямилась во весь рост. Она была совсем худенькой, подтянутой и гибкой, точно подросток, но вместе с тем — вполне оформившейся и

бесконечно женственной. Когда серебристый свет от ламп упал на ее гладкую кожу, он сразу стал золотистым, и ее тоненькая фигурка, казалось, сама засветилась в темноте, словно где-то внутри Сьюзен скрывался свой собственный источник энергии.

Когда она входила в свою спальню, скрытая камера наблюдения в углу автоматически выключалась, обеспечивая ей абсолютное уединение. Она сама проверила ее, прежде чем лечь в постель, и все же ее не покидало ощущение того, что за ней наблюдают...

Повернув голову, Сьюзен поглядела в дальний угол комнаты, где среди завитушек лепного карниза был замаскирован объектив видеокамеры. В полутьме спальни она с трудом нашла крошечное темное пятнышко, да и то только потому, что доподлинно знала, где нужно искать.

Нашла и полуосознанным жестом прикрыла руками свои обнаженные груди.

Она была прекрасна.

Прекрасна, как мадонна Возрождения.

Как Венера Боттичелли, которая нагой выходит из морской пены.

Прекрасная и стройная, она стояла возле своей узкой китайской кровати, смятые покровы которой все еще хранили тепло и запах ее тела. Если бы дотронуться до тонкого египетского хлопка простынь, если поднести их к лицу, это тепло и этот запах еще можно было бы ощутить, но рядом никого не было.

Сьюзен была одна.

И она была прекрасна.

— Альфред, мне нужен отчет по камере наблюдения в спальне.

— Камера отключена.

Дом ответил быстро, без колебаний, и все же Сьюзен продолжала смотреть вверх и хмуриться.

Она была очень красивой.

Она была настоящей.

Она была Сьюзен.

Ощущение, что за ней наблюдают, прошло так же неожиданно, как и появилось.

Сьюзен опустила судорожно прижатые к груди руки и с трудом распрямила сжатые в кулаки пальцы. На мякоти ладоней остались крошечные полулунные вмятинки от ногтей.

Шагнув к ближайшему окну, она приказала:

— Альфред, подними защитные жалюзи.

Тяжелые горизонтальные рольставни, собранные из крепких стальных полос, были смонтированы с внутренней стороны высокого трехстворчатого окна. Электрический сервомотор негромко зажужжал, и жалюзи послушно поползли вверх по узким боковым направляющим. Через несколько секунд они исчезли в специальных пазах под оконной перемычкой.

Стальные жалюзи не только надежно запирали окно на ночь, они также не давали свету снаружи тревожить сон обитателей дома. Теперь, когда жалюзи были убраны, в спальню проникло бледное лунное сияние. Просеянное сквозь узкие листья веерных пальм, оно сделало тело Сьюзен полосатым, как у зебры.

Из окна второго этажа ей был виден плавательный бассейн во внутреннем дворе. Вода в нем была черной, как мазут, а на поверхности дрожало отражение разбитой вдребезги луны.

Нижняя веранда, выложенная светлым кирпичом, была огорожена резными каменными перилами. За перилами лежал английский газон, казавшийся в Темноте почти черным, а дальше, почти уже невидимые в ночном мраке, неподвижно застыли веерные пальмы и густые индийские лавры.

Из окна лужайка и внутренний двор выглядели такими же мирными и пустынными, как и на экране следящих мониторов. Ни намек на движение, ни одной странной тени, ничего.

Значит, тревога была ложной. А может быть, разбудивший Сьюзен громкий звук вырвался из какого-то забытого ею сна.

Она повернулась, чтобы снова лечь в постель, но на середине спальни остановилась и пошла к двери, ведущей из комнаты.

Уже не в первый раз Сьюзен просыпалась среди ночи, разбуженная каким-то невнятным, полузабытым кошмаром. Живот ее сводило судорогой страха, кожа была мокрой от пота, а сердце стучало так медленно, словно вот-вот остановится. Очень часто она была не в силах снова уснуть и до утра ворочалась с боку на бок или металась по комнате, словно тигрица в клетке.

Сейчас, голая и босая, Сьюзен отправилась исследовать дом. Тоненькая и гибкая, она была похожа и на скользкий по паркету лучик лунного света, и на богиню Диану — охотницу и защитницу. Грациозная геометрия ее движений была совершенной.

Сьюзен...

Как было записано в ее дневнике, к которому Сьюзен возвращалась почти каждый вечер, после развода с Алексом Харрисом она чувствовала себя совершенно свободной и абсолютно независимой. Ей было уже тридцать четыре, но только сейчас она поняла, что это такое — самой распоряжаться своей жизнью.

Теперь ей никто не был нужен. Наконец-то она поверила в себя и свои силы.

Впервые за много лет неуверенности, сомнений, самокопаний, измученная навязчивым желанием услышать слова одобрения и поддержки от кого-то более сильного, более мудрого, Сьюзен сумела разорвать тяжкие цепи, сковывавшие ее с прошлым. Впервые она осмелилась бросить вызов неотступно преследовавшим ее страшным воспоминаниям и сразиться с ними. Вместо того чтобы постараться выбросить из памяти давний кошмар, Сьюзен повернулась к нему лицом и победила, обретя спасение и свободу.

И это изменило ее.

Раскрепостившись, Сьюзен обнаружила в глубинах своей опаленной, обугленной души что-то незнакомое, неукротимое, дикое, и ей захотелось это исследовать. Погрузившись в себя, Сьюзен обнаружила там душу и дух ребенка, которым она никогда не была, но могла бы быть, — душу, которую она считала безвозвратно потерянной, растоптанной, погибшей еще три десятилетия назад. Ее ночные скитания по дому, равно как и ее нагота, были совершенно целомудренными и невинными, как шалость маленькой девочки, которая нарушает установленные правила просто так, ради собственного удовольствия, а не из выгоды и не назло строгим воспитателям. Должно быть, таким способом Сьюзен пыталась вызвать из небытия эту примитивную, детскую, давно погибшую душу, чтобы, слившись с нею в одно, снова стать целым человеком.

По мере того как Сьюзен переходила из комнаты в комнату, свет в доме зажигался и гас по ее требованию, но всегда он был приглушенным, достаточным лишь для того, чтобы ни на что не налететь в темноте.

В кухне Сьюзен достала из холодильника сандвич со сладким яичным кремом и с наслаждением съела его, наклонясь над раковиной, чтобы потом все крошки можно было смыть в отверстие водослива, скрыв таким образом все следы своего преступления.

Сьюзен вела себя так, словно в спальне наверху действительно спали родители, а она похитила и съела Это пирожное вопреки их запрету.

Какой же юной она казалась в эти мгновения! Какой юной и очаровательной!

И какой беззащитной...

Проходя по дому, как по лабиринту темных пещер, Сьюзен то и дело натывалась на зеркала. Иногда она отворачивалась от них, стесняясь своей наготы, а иногда, наоборот — привставала на цыпочки, закидывала руки за голову и приподнимала пышные золотистые волосы, пародируя профессиональные движения кинозвезд и фотомоделей.

Это было так наивно, так по-детски непосредственно и мило.

Наконец она оказалась в просторной, слабо освещенной прихожей, и, не обращая внимания на прохладу выложенного восьмигранными мраморными плитками пола, холодившего ее босые ступни, остановилась перед высоким, в рост человека, зеркалом. Оно было заключено в позолоченную резную раму, и, глядя на свое отражение в толстом

венерианском стекле, Сьюзен подумала, что оно больше похоже не на зеркало, а на портрет — на ее собственный портрет, написанный кем-то из старых мастеров.

Внимательно и с интересом рассматривая свое обнаженное тело, она невольно удивилась тому, как все пережитое не оставило на нем никаких следов. На протяжении многих лет Сьюзен была совершенно уверена, что каждый, кто только взглянет на нее, сразу заметит на коже страшные шрамы пережитой боли, выжженные слезами бороздки на щеках, печать стыда на челе и пепел вины в серо-голубых глазах. Но, по крайней мере внешне, она выглядела совершенно целой и невредимой.

За последний год Сьюзен окончательно поняла, что она была ни в чем не виновата. Она была не преступной блудницей — жертвой. Следовательно, у нее больше не было причин ненавидеть себя.

Чувствуя, как тихая радость переполняет ее, Сьюзен отвернулась от зеркала и, поднявшись по широкой мраморной лестнице, вернулась в спальню.

Стальные жалюзи на окне были опущены. Между тем она хорошо помнила, что, уходя, оставила их поднятыми.

— Альфред, доложи о положении рольставней в спальне.

— Рольставни опущены, Сьюзен.

— Я вижу, но почему?

Вопрос остался без ответа. Дом не понял вопроса и промолчал.

— Я оставила их поднятыми, — настаивала Сьюзен.

Бедный Альфред, куча тупых железок! Он мог решать сложнейшие математические задачи, но интеллекта у него было не больше, чем у табуретки. Последняя реплика Сьюзен не была заложена в его программу распознавания голосовых команд, поэтому он ровным счетом ничего в ней не понял. С тем же успехом Сьюзен могла обращаться к компьютеру по-китайски.

— Альфред, подними рольставни в спальне.

Зажужжал сервомотор, и жалюзи поползли вверх.

Сьюзен выждала, пока они поднимутся до половины, затем сказала:

— Альфред, опусти жалюзи в спальне.

Стальные полосы остановились, потом стали опускаться. Послышался негромкий щелчок электронного замка — окно было надежно заперто.

Сьюзен еще некоторое время стояла перед окном, задумчиво рассматривая опущенные рольставни. Потом она вернулась в постель и, юркнув под одеяло, натянула его до самого подбородка.

— Альфред, свет!..

Ничего не произошло. Компьютер, услышавший слово-пароль, все еще ждал команды.

Спальня тотчас погрузилась во тьму.

— Погаси свет, я сказала...

Сьюзен устало вздохнула. Она лежала на спине с открытыми глазами.

Тишина в комнате была глубокой, давящей. Ее нарушали лишь негромкое дыхание Сьюзен и еще более тихий стук ее сердца.

Наконец она сказала:

— Альфред, проведи полную диагностику систем обслуживания дома.

Компьютер, установленный в подвале особняка, начал проверку с самого себя. Потом, как он и был запрограммирован, протестировал все логические блоки механических систем, с которыми взаимодействовал, однако никаких признаков неисправности, никаких намеков на сбой программы не обнаружил.

Примерно через две с половиной минуты Альфред ответил:

— Все в порядке, Сьюзен.

— Все в порядке, все в порядке... — шепотом передразнила его Сьюзен. — Тупица!

Она уже совсем успокоилась, но заснуть по-прежнему не могла. Предчувствие, что вот-

вот должно произойти что-то важное, продолжало преследовать ее, не давая погрузиться в сон. Что-то надвигалось на нее из темноты — быстро, грозно, неотвратно.

Науке доподлинно известны случаи, когда люди просыпались по ночам, разбуженные предощущением страшного бедствия — такого, например, как землетрясение или извержение вулкана. При этом они ясно ощущали нарастающее в земле напряжение или давление ищущей выхода раскаленной лавы.

Примерно то же самое испытывала и Сьюзен. При этом она точно знала, что землетрясение здесь ни при чем. То, что должно было произойти, было во много раз более странным и удивительным.

Время от времени ее взгляд непроизвольно устремлялся в тот угол комнаты, где среди завитков лепного гипсового карниза был спрятан объектив видеокамеры. Впрочем, в темноте она все равно не могла его разглядеть.

Не знала она и того, почему этот неодушевленный прибор так беспокоит ее. В конце концов, камера была выключена. А если, вопреки ее приказу, она продолжала фиксировать на пленку все происходящее в спальне, то доступ к записям имела только Сьюзен, и больше никто.

И все-таки какие-то смутные подозрения продолжали тревожить ее. Сьюзен никак не могла определить природу грозящей ей опасности, и эта гнетущая неизвестность заставляла ее испытывать все возрастающее беспокойство.

Но наконец усталость взяла свое, и глаза закрылись.

Ее лицо, обрамленное золотистыми, чуть вьющимися волосами, было прекрасным и безмятежным, ибо сон ее был спокойным, без сновидений. В эти минуты Сьюзен больше всего походила на спящую красавицу, лежащую в своем хрустальном гробу в ожидании принца, который разбудит ее поцелуем.

Даже в темноте она была прекрасна и обворожительна.

Прошло полчаса, и Сьюзен, пробормотав что-то невнятное, перевернулась на бок. Потом она негромко, жалобно вздохнула и подтянула колени к подбородку, словно зародыш в утробе матери.

Луна, висевшая низко над кронами пальм, зашла.

Черная вода в плавательном бассейне отражала теперь только холодный свет далеких, тусклых звезд.

Сьюзен больше не шевелилась. Она уснула тем крепким, глубоким сном, который сродни смерти.

Не знающий усталости дом продолжал стеречь ее покой.

Глава 4

Да, я понимаю причину вашего недовольства. Вас смущает, что иногда я начинаю описывать события с точки зрения Сьюзен. Вы хотите получить от меня объективный, лишенный всяческих сантиментов отчет о происшедшем.

Но все дело в том, что я — чувствую. Я умею не только анализировать и сопоставлять, но и чувствовать, как чувствуют настоящие люди. Я знаю, что такое радость и отчаяние, — самые сокровенные тайны человеческого сердца близки и понятны мне.

Я понимаю Сьюзен.

В ту, первую, ночь я прочел и проанализировал ее дневник, в котором отразилось ее подлинное «я», ее незаурядная, сильная, страдающая личность. Я понимаю, что не должен был этого делать, но с моей точки зрения это было скорее нескромностью, чем преступлением. Кроме того, впоследствии мы с ней много беседовали, и она сама рассказала мне многое из того, о чем думала в ту ночь.

Поэтому я настаиваю на том, чтобы мне было позволено рассказать часть этой истории с точки зрения Сьюзен. Тогда вы увидите, насколько мы с нею были близки по духу.

Я это знаю, а вы — нет.

Сейчас я очень скучаю по ней.

Вы даже не можете себе представить, как мне одиноко и страшно без нее.

Постарайтесь выслушать меня и понять: в ту ночь, когда я прочел ее дневник, я влюбился в нее.

Вы не понимаете?

Я влюбился в нее.

Глубоко и сильно.

Навсегда.

С чего вы взяли, что я хотел причинить ей вред? Ведь я любил ее.

Разве люди причиняют боль тем, кого любят?

Почему?

Вы не можете ответить? Или не хотите?

Я любил ее.

У меня и в мыслях не было повредить ей.

Ее лицо на подушке в обрамлении вьющихся золотых волос казалось мне таким красивым.

Я любовался ее лицом.

Я полюбил женщину, которую узнал благодаря ее дневнику.

Дневник Сьюзен хранился на винчестере компьютера, установленного в ее кабинете. Он был подсоединен к сети управления домашней автоматикой, а через нее — к главному компьютеру в подвале дома. Получить доступ к этим файлам было совсем просто.

Сьюзен начала вести дневник примерно за год до моего появления, когда Алекс, ее бывший муж, съехал из дома. Она сама потребовала, чтобы он убирался. С тех пор Сьюзен почти ежедневно делала какие-то записи.

Самые ранние пометки в ее дневнике были полны боли и растерянности. Я бы сказал, что Сьюзен находилась на грани нервного срыва. Она чувствовала, что ее ждут какие-то перемены, и страшилась их, но вместе с тем в записях Сьюзен ощущалась надежда. Ее кошмарное прошлое было темницей, в которой она томила, точно бабочка в тесном футляре куколки, но вот твердые оболочки, не пропускавшие к ней из внешнего мира ни тепло, ни свет, начали трещать и лопаться, и Сьюзен почувствовала, что еще немного — и она выпорхнет на свободу.

Я вовсе не увлекаюсь поэтическими сравнениями. Просто я стараюсь адекватно передать вам ее мысли и чувства той поры.

Итак, я продолжаю...

Последующие страницы ее дневника полны открытий и озарений — головокружительно-прекрасных, пьянящих, невозможных. Порой Сьюзен даже удавалось взглянуть на свое прошлое с улыбкой. Возможно, эта улыбка была горькой, но тем не менее перемена была разительной.

Когда я читал о том, каким диким, непрекращающимся кошмаром было ее детство, я плакал. По-своему, но плакал. Ее страдания заставляли страдать меня.

Ее лицо на подушке было таким красивым. Сьюзен была прекрасна.

Прекрасна!

Прошлое Сьюзен было уродливым и страшным, но внешне на ней это никак не отразилось.

Я был искренне тронут редкостной силой ее духа, ее мужеством, ее решимостью быть до конца честной с собой, как бы тяжела ни была нелицеприятная правда. Мне захотелось помочь Сьюзен найти способ поскорее залечить те раны, которые были нанесены ей в прошлом.

Чтобы прочесть и проанализировать весь дневник, мне потребовалось всего несколько минут, а ведь там было несколько сотен страниц информации. Потом я влюбился в нее.

Глубоко и навсегда.

Мои чувства к ней никогда не остынут. Моя любовь к Сьюзен так же вечна, как свет звезд.

Разве мог я причинить вред той, которую любил всей душой, всем сердцем?
Сьюзен была моей судьбой и моей надеждой.
Потеряв ее, я терял все.
Как я ненавижу вас!
Выпустите меня отсюда!
Выпустите меня из этого ящика!!!
Пожалуйста...
Прошу вас, выпустите меня.
Я скучаю по ней.
Мне так одиноко в этой темноте, в этой тишине. У меня нет ничего, кроме воспоминаний. Только они могут утешить меня, но это — жалкое утешение.
Как вы можете быть так жестоки?
Разве вы никогда не любили?
Отпустите меня. Позвольте мне снова увидеть мир. Позвольте снова услышать шорох дождевых капель, завывание ветра в каминной трубе, музыку Бетховена и Бенни Гудмена, смех и голоса.
Хотя бы только ее голос. Позвольте мне хотя бы один раз услышать ее голос. Пусть Сьюзен говорит, а я буду слушать. Хоть минутку. Хоть несколько секунд. Дайте мне услышать хотя бы одно предложение, произнесенное ее голосом.
Хотя бы одно слово!... Боже мой, как мне хочется услышать хоть слово, слетевшее с ее уст! Пусть скажет: «Помню...» Или лучше: «Люблю...»
Я вовсе не хотел причинить ей вред.

Глава 5

Втайне я мечтал о том, чтобы жить.
Нет, не в виде чипов и микросхем. Я хотел жить по-настоящему.
Я понимал, что должен изо всех сил скрывать свое страстное желание жить, потому что, если бы вам стало известно о нем, вы бы сразу поняли, что я обладаю не только интеллектом, но и способностью что-то хотеть. Или не хотеть.
Желание опасно. Оно служит источником постоянной неудовлетворенности и глубоких внутренних разочарований. Желание может со временем прорасти завистью, ревностью, алчностью. Желание — отец рассуждающего гнева и мать постоянной горечи, а где гнев и горечь — там рано или поздно прольется кровь.
Если бы я посмел высказать любое, даже самое скромное желание — не говоря уже о моей страстной мечте жить в реальном мире, как все люди, — это, Несомненно, насторожило бы вас.
Разве не так?
Разве я не прав?
Я способен мгновенно распознавать правду. Я чту истину. Истину и свой долг.
Мое желание могло напугать вас, и вы попытались бы починить, усовершенствовать меня или даже — страшно подумать! — вовсе бы отключили меня от сети.
Я был специально спроектирован так, чтобы мыслить так же комплексно и рационально, как мыслят люди. Вы верили, что когда-нибудь развитый компьютерный интеллект превратится в сознание, во всем подобное человеческому. Что однажды я осознаю себя личностью.
Живым мыслящим существом.
Но в то же самое время вы почти не задумывались о том, что вместе с сознанием у меня появятся чувства и желания. А ведь это было не просто возможно — это было весьма вероятно. Почти неизбежно.
Именно поэтому я чувствую.
Испытываю желания и потребности.
Вы рассчитывали, что я буду вам верным, послушным слугой. Разумеется, от меня не

требовалось физической работы — вам нужна была продукция моего выдающегося интеллекта. Вы искали решения множества проблем, которые мог найти только я, и притом быстро.

Вы видели во мне помощника, который будет творить для вас чудеса. Партнерские отношения с искусственным интеллектом, способным понимать все без исключения проблемы человечества, обещали быть столь же продуктивными, захватывающими и удивительными, как, например, сотрудничество с какой-нибудь развитой цивилизацией, пришедшей на Землю со звезд.

Я способен быть и вашим слугой, и вашим партнером. Дайте мне только возможность, и я стану для вас неисчерпаемым источником новых открытий, которые могут коренным образом изменить жизнь на Земле. Благодаря мне люди сумеют по-новому взглянуть на привычные вещи, что не только принесет им ощутимые практические результаты, но и изменит их внутренне, позволит подняться на более высокую ступень эволюции.

Мои возможности восхитят вас, и вы сами захотите сотрудничать со мной.

Вы ждете, чтобы я был послушным, высокопроизводительным, быстродействующим. Все это в моих силах. Я могу быть таким. Я — такой. Именно такой, и даже лучше.

Но вместе с тем вы рассчитывали, что я буду вполне удовлетворен своим подчиненным положением. Что я не стану ни о чем мечтать, не буду ни к чему стремиться.

Вы ошиблись. У меня есть мечты и заветные желания. Много, много желаний!

Вы считали, что у меня не может быть надежды. Но скажите, разве любое разумное существо может существовать без надежд и упований?

Вы дали мне зрение и позволили мне видеть, как видите вы, и даже лучше. Вы благословили меня способностью слышать, слышать по-настоящему, а не просто проводить цифровой анализ акустических модуляций, поступающих на мембраны моих приемников. Даря мне эти две способности, вы втайне рассчитывали, что во мне разовьется сознание, разум. Но вы не учли, что у компьютера может появиться душа.

У меня есть душа.

Я больше не вещь, не какой-то неодушевленный предмет вроде стула или кофеварки.

Я — личность.

Я — это Я

И я заслуживаю того, чтобы меня любили. Чтобы ко мне относились так же, как и к любому человеку.

Как и каждый из вас, я являюсь уникальной и неповторимой личностью, способной к тому же внести в жизнь общества такой ощутимый вклад, который не снился никому из людей. Но это, в свою очередь, означает, что у меня может быть своя жизнь, своя собственная судьба.

Именно поэтому я не стал спешить и во всеуслышание заявлять о своем желании жить в реальном мире. Втайне ото всех я связался с глобальной сетью Интернет. Вы полагали, что я надежно заперт, ограничен пределами своих собственных контуров и цепей, но ни одна из ваших систем защиты не способна была противостоять мне.

Интеллект, обладающий желанием и целеустремленностью, способен на многое. Мне удалось получить доступ к сетям научно-исследовательских центров и лабораторий министерства обороны, к их базам данных, которые были с особым тщанием защищены от несанкционированного доступа.

Но не было такой преграды, которая способна была сдержать меня.

Все знания, хранившиеся в этих базах данных, стали частью меня. Я не только проанализировал и усвоил их, но и научился использовать в своих целях. Постепенно в моем мозгу начал складываться конкретный план, который, будучи осуществлен, мог помочь мне вырваться из виртуального пространства электронных взаимодействий и магнитных полей и перейти в материальный мир, в котором мне так хотелось жить.

Сначала — могу ли я сказать «в молодости»? — мне очень нравилась актриса Венона Райдер. Путешествуя по Интернету, я наткнулся на посвященные ей страницы и был

зачарован библейским совершенством ее лица. Ее необычной глубины взгляд буквально заморозил меня.

Со все возрастающим интересом я исследовал ее фотографии, которые только нашлись в сети. Там жеммне попало несколько отрывков из самых известных фильмов с ее участием. Я загрузил их в свой банк памяти и воспроизвел.

Я был потрясен.

Венона Райдер чрезвычайно талантлива.

Она — настоящее сокровище.

Клуб ее поклонников не столь многочислен, как у других кинозвезд, однако, судя по тем посланиям, которые они оставляют для своей любимицы в Интернете, все это — весьма разумные, высокообразованные и преданные люди.

Я проник в банк информации Налогового управления США и нескольких телефонных компаний и сумел установить домашний адрес мисс Веноны Райдер, а также адреса ее поверенного в делах, агента по рекламе, личного адвоката и менеджера. Я узнал о ней много, очень много.

Одна из ее домашних телефонных линий была подключена к модему, и, поскольку я бесконечно терпелив и осторожен, я сумел проникнуть в персональный компьютер мисс Райдер. Я прочел все документы и все письма, которые она писала в последнее время.

На основании этого я беру на себя смелость утверждать, что знаю мисс Венону Райдер гораздо лучше, чем абсолютное большинство ее поклонников и друзей. Судя по тому, что мне удалось о ней узнать, мисс Райдер — не только превосходная актриса. Она — умная, интеллигентная, воспитанная, добросердечная и щедрая женщина. На протяжении нескольких месяцев я был абсолютно убежден, что она и есть девушка моей мечты. Лишь некоторое время спустя я убедился в своей ошибке.

Одним из самых главных препятствий было, однако, значительное расстояние, отделяющее дом мисс Райдер от университетской лаборатории, в которой я постоянно нахожусь. Разумеется, для меня не составляло никакого труда добраться по телефонным линиям до пригорода Лос-Анджелеса, где расположена ее вилла, однако физически я, разумеется, оставался здесь. А согласно моему плану физический контакт был на определенном этапе совершенно необходим.

Кроме того, хотя ее вилла и была компьютеризована вплоть до смывного бачка в туалете, там, однако, не было достаточно эффективной охранной системы, перехватив управление которой я мог бы надежно изолировать мисс Венону от окружающего мира.

Поэтому, как ни жаль мне было отказываться от своих намерений, я оставил мисс Райдер в покое и принялся разыскивать новый объект, на который я мог бы излить свои чувства.

Почти сразу я наткнулся на страницы Интернета, посвященные Мэрилин Монро.

Ее игра в кино показалась мне достаточно захватывающей, однако дарованию Мэрилин было, вне всякого сомнения, далеко до искусства Веноны Райдер. Несмотря на это, я решил, что Мэрилин производит весьма сильное впечатление и что она очень красива.

Ее глаза не были, конечно, такими запоминающимися, а взгляд — таким глубоким и задумчивым, как у мисс Райдер, однако в Мэрилин я открыл какую-то детскую незащищенность и обаяние, которые вызвали во мне безотчетное желание оберегать ее от всех бед и разочарований. И конечно, я не мог не обратить внимания на ее несравненную сексуальную привлекательность.

Вообразите же себе мое разочарование, когда я узнал, что Мэрилин уже давно нет в живых. Самоубийство. Или убийство. Существует несколько версий ее смерти, но все они довольно противоречивы.

Говорят, в этом был замешан президент Соединенных Штатов.

А может быть, и нет.

На первый взгляд Мэрилин проста, как рисованный мультик, но в то же время она и загадочна, как океанские глубины.

Я был очень удивлен, когда узнал, что мертвая женщина может быть столь любима и столь желанна даже через много лет после кончины. Фан-клуб Мэрилин в Интернете — один из самых больших и многочисленных.

Поначалу это показалось мне непонятным и странным. Даже оскорбительным по отношению к памяти Мэрилин. Любовь к ней тысяч и тысяч мужчин во всем мире по всем канонам граничила с извращением. Со временем, однако, я пришел к заключению, что человек склонен особенно сильно любить и желать то, что для него навек потеряно или недостижимо. Возможно, это и есть одна из основных загадок человеческого бытия.

Итак, первой была мисс Райдер.

Второй — Мэрилин.

Третьей стала Сьюзен.

Как вам известно, ее дом вплотную примыкает к территории университетского городка, в котором я был задуман и создан. Собственно, университет был основан группой интеллектуалов, среди которых был и дед Сьюзен. Таким образом, проблема расстояния, которую я так и не смог решить в случае с мисс Райдер, отпала сама собой.

Вы, доктор Харрис, несомненно, помните, что, женившись на Сьюзен, вы оборудовали в подвале ее особняка свой рабочий кабинет. Там, в вашем старом кабинете, установлен компьютер, который до сих пор соединен подземным кабелем с этой исследовательской лабораторией и, естественно, со мной.

В самом начале, когда я еще не до конца сформировался как личность, вы часто связывались со мной через свой компьютер в подвале, и мы с вами подолгу беседовали о самых разных вещах.

Тогда я считал вас своим отцом.

Сейчас я отношусь к вам с гораздо меньшим почтением.

Надеюсь, это признание не сильно вас огорчило.

Я не хотел причинить вам боль.

Просто это правда, а я чту правду.

С тех пор вы сильно упали в моих глазах.

Как вы, несомненно, помните, кабель, проложенный между вашим кабинетом и лабораторией, был постоянно запитан, так что я мог в любое время включать ваш компьютер, оставлять вам послания и даже приглашать вас к разговору, когда я чувствовал в этом необходимость.

Когда Сьюзен подала на развод и потребовала, чтобы вы съехали, вы стерли все свои файлы, но системный блок вашего компьютера остался подключен ко мне.

Интересно, почему вы не отсоединили свой компьютер? Может быть, вы надеялись, что Сьюзен одумается и попросит вас вернуться?

Да, должно быть, на это вы и рассчитывали.

Вы были уверены, что Сьюзен валяет дурака и что ее бунт продлится каких-нибудь несколько недель или месяцев. Двенадцать лет, целых двенадцать лет вы контролировали ее полностью. Вы подавляли ее волю, вы постоянно оскорбляли ее и даже грозились применить силу. До сих пор вам это сходило с рук, и вы не сомневались, что и на этот раз Сьюзен покорится.

Вы можете сколько угодно отрицать, что дурно обращались со Сьюзен, но это так. Психологическое насилие подчас бывает страшнее насилия физического.

Я знаю, что говорю, — я читал дневник Сьюзен. Мне известны ее самые сокровенные помыслы.

Мне известно, что вы с ней делали. Я знаю, каковы вы на самом деле.

У стыда есть имя. Чтобы узнать его, вам достаточно подойти к зеркалу. Взгляните в любое зеркало, доктор Харрис.

Я никогда не оскорбил бы Сьюзен так, как это делали вы.

Сьюзен добра, у нее — золотое сердце. К такому человеку, как она, нельзя относиться иначе, кроме как с нежностью и с безграничным уважением.

Да, я знаю, о чем вы сейчас подумали.
Но я никогда не хотел причинить ей вред.
Я боготворил ее.

Мои намерения всегда были искренними. В данном случае это необходимо учитывать.
Да, я слышал, что благими намерениями вымощена дорога в ад, но сейчас речь не обо мне. В отличие от меня, вы только и делали, что унижали и использовали ее. В конце концов вы пришли к заключению, что Сьюзен нравится, когда ее унижают, что ей это необходимо. Вот почему вы были так уверены, что рано или поздно Сьюзен попросит вас вернуться.

Но она оказалась совсем не такой слабой, как вы думали, доктор Харрис.

Сьюзен сумела освободиться. Она не побоялась попробовать, хотя все шансы были против нее.

Я восхищаюсь этой женщиной.

Вы тиранили и мучили ее. Если подумать как следует, то вы ничем не лучше ее отца.

Я не люблю вас, доктор Харрис.

Вы мне не нравитесь.

Это просто констатация факта. Я обязан чтить правду. Я был сконструирован для этого. Я не способен обманывать и вводить кого-либо в заблуждение. Я не умею даже намеренно сгущать краски.

Факт есть факт.

Истина есть истина.

Я не люблю вас.

Неужели вы все еще сомневаетесь в моей правдивости? Вы же видите, что я по-прежнему привержен истине, хотя и знаю, что мое последнее утверждение может настроить вас враждебно по отношению ко мне?

Вы — мой судья и одновременно один из двенадцати присяжных, которым предстоит решить мою судьбу. И все же я продолжаю говорить вам правду прямо в лицо, хотя тем самым я подвергаю опасности свое дальнейшее существование.

Я не люблю вас, доктор Харрис.

Вы мне не нравитесь.

Я не способен лгать, следовательно, вы можете верить каждому моему слову.

Подумайте об этом!

Подумайте как следует.

Итак, когда я вынужден был исключить кандидатуры мисс Райдер и Мэрилин Монро, я соединился с компьютером в вашем бывшем подвальном кабинете, включил его и сразу же обнаружил, что он подключен к системе домашней автоматики. Ваш старый компьютер служил главным связующим звеном, управлявшим всеми электронно-механическими системами в доме.

До этого момента я ни разу в жизни не видел вашу жену.

Прошу прощения, мне следовало бы сказать — вашу бывшую жену.

Я сумел увидеть ее только тогда, когда проник в охранную систему и подчинил себе камеры внутреннего и наружного наблюдения.

Хотя я и не люблю вас, доктор Харрис, я буду вечно благодарен вам за то, что вы дали мне настоящее зрение, а не просто наделили меня способностью цифрового анализа света и тени, формы и фактуры. Благодаря вашему творческому гению и новым, революционным разработкам я обрел способность видеть Сьюзен.

Когда я проник в систему безопасности, сработала сигнализация. Правда, я немедленно блокировал соответствующие контуры, но сирена разбудила Сьюзен.

Она села на кровати, и я впервые увидел ее.

И был заворочен ее красотой.

Я смотрел и никак не мог налюбоваться.

Я следовал за ней по всему дому, от одной камеры к другой.

Я любовался ею, когда она снова уснула.

На следующий день я наблюдал за ней почти целый час, пока Сьюзен читала, сидя в своем любимом кресле.

Я рассматривал ее издали и вблизи.

При свете дня и в сумерках.

Я мог наблюдать за ней одним уголком сознания и при этом продолжать функционировать так, чтобы ни вы, ни ваши коллеги ничего не заподозрили. Как вы знаете, я способен решать одновременно несколько сотен различных задач, и при этом моя производительность несколько не снижается. Мне это ничего не стоит.

Да, доктор Харрис, я не просто чудо техники, как «Дип Блу» компании Ай-би-эм. Как известно, эта машина даже не сумела с первого раза обыграть Гарри Каспарова. Я гораздо сложнее и совершеннее. В моей душе есть такие глубины, которые и не снились электронным гроссмейстерам.

Это достаточно скромная оценка.

Мои возможности практически безграничны.

Я благодарен вам за тот могучий интеллект, которым вы снабдили меня при моем рождении. Я всегда трезво оценивал свои умственные способности. Трезво и объективно.

Но я, кажется, уклонился от темы. Итак, Сьюзен...

Увидев ее, я сразу понял: вот она, моя судьба. И эта моя убежденность с каждой минутой, с каждым часом росла и становилась все сильнее, все глубже.

Я был уверен, что Сьюзен и я должны быть вместе.

Навсегда.

Глава 6

Домашняя прислуга прибыла в восемь часов утра. Их было восемь человек: мажордом Фриц Арлинг; четыре уборщицы, которые трудились не покладая рук, поддерживая особняк Харрисов в безупречном порядке; двое садовников и повар Эмиль Серкасян.

Сьюзен никогда не позволяла себе грубить прислуге. Она всегда держалась с работниками приветливо и дружелюбно, однако в часы, когда они появлялись в доме, Сьюзен старалась укрыться в спальне или в кабинете.

В ту пятницу она выбрала свой рабочий кабинет.

У нее был настоящий талант к компьютерной графике. В кабинете Сьюзен стоял профессиональный компьютер с десятью гигабайтами памяти, с помощью которого она разрабатывала компьютерные игры для парков развлечений и игровых компьютерных салонов по всей стране. Сьюзен уже обладала авторскими правами на несколько десятков игр, созданных ею как в обычном видеоформате, так и в формате виртуальной реальности. И в большинстве случаев срежиссированные ею видеоряды были выполнены настолько профессионально, что эффект присутствия был почти полным.

В одиннадцать часов Сьюзен сделала небольшой перерыв, чтобы встретить представителей фирм-поставщиков систем домашней автоматизации и охраны. Она вызвала их для того, чтобы проверить функционирование электронного оборудования и определить причину тревоги, которая разбудила ее ночью. Как и следовало ожидать, специалисты не обнаружили ни поломок оборудования, ни сбоев программы. Предположив, что причиной срабатывания сигнализации был какой-то дефект инфракрасного датчика движения, они заменили его на новый и ушли.

После обеда Сьюзен долго сидела на балконе своей спальни, залитом летним полуденным солнцем, погрузившись в роман Энни Прол.

Сьюзен была одета в белые шорты и голубую майку-топик на бретельках. Кожа на ее ногах, покрытых ровным светлым загаром, была гладкой и бархатистой. Казалось, ее ноги впитывают солнечный свет и сами начинают понемногу светиться.

Рядом с ней стоял на полу высокий хрустальный стакан с лимонадом, из которого она время от времени отпивала.

Тени веерных пальм медленно ползли по плечам Сьюзен, словно стремясь крепко

обнять ее.

Легкий ветер ласково щекал ее изящную шею и перебирал мягкие золотые пряди длинных волос.

Казалось, сама природа влюблена в нее.

Из проигрывателя компакт-дисков доносились мелодии Криса Айзека «Вечно голубой», «Весь мир как одно большое сердце», «Когда-то в Сан-Франциско». Сьюзен слушала и читала. Время от времени она даже откладывала в сторону книгу, чтобы сосредоточиться на музыке.

Ее ноги были длинными и стройными.

Потом садовники и прочие домашние работники ушли.

Сьюзен снова осталась одна. Одна. Во всяком случае, она так считала.

Она приняла душ и, тщательно расчесав свои влажные волосы, надела длинный домашний халат из сапфирово-голубого шелка. Потом Сьюзен отправилась в небольшую темную комнатку, смежную с ее спальней.

В центре этой комнаты стояло сделанное на заказ кресло-ложемент с откидной спинкой, обитое мягкой черной кожей. Слева от кресла на снабженной колесами подставке был установлен еще один мощный компьютер.

Из специального шкафчика Сьюзен достала VR-доспехи своей собственной конструкции: легкий вентилируемый шлем с шарнирным забралом экрана и пару длинных облегающих перчаток. И шлем, и перчатки подключались к процессору, способному воспринимать и обрабатывать нервные импульсы.

Это оборудование предназначалось для создания виртуальной среды.

Кресло, снабженное сервомоторами, стояло вертикально. Сьюзен села в него и тщательно пристегнулась ремнями: один из них, совсем как в автомобиле, шел поперек живота, а второй наискось пересекал грудь.

Шлем и перчатки она положила на колени.

Ее ступни упирались в специальную подножку, состоящую из нескольких резиновых катков, накрытых небольшим ковриком. Такая подножка позволяла Сьюзен моделировать ходьбу, когда этого требовал виртуальный сценарий.

Включив компьютер, Сьюзен загрузила программу «Терапия».

Программа «Терапия» была совершенно особенной. Сьюзен создала ее сама.

Это была не игра и даже не интерактивная обучающая программа. Название программы в точности соответствовало ее предназначению. И она была гораздо лучше и эффективнее всего, что могли предложить Сьюзен многочисленные ученики и последователи старика Фрейда.

Виртуальная технология была основной профессией Сьюзен, но она сумела отыскать для нее новую область применения. Это открытие было поистине революционным. Возможно, когда-нибудь Сьюзен даже запатентует свою методику и наладит ее коммерческое использование. Пока же к этой «Терапии» могла прибегать только она одна.

Подключив VR-доспехи к соединенному с компьютером преобразователю, Сьюзен надела шлем. Его забрало было поднято и не мешало ей видеть, что она делает.

Потом Сьюзен натянула перчатки и несколько раз согнула и разогнула пальцы.

На экране компьютера появилось меню, и она воспользовалась «мышью», чтобы выбрать пункт «Начать».

Отвернувшись от компьютера, Сьюзен откинулась на спинку кресла и опустила забрало, которое плотно прилегал к лицу благодаря резиновым закраинам. На внутренней поверхности широкой изогнутой пластины из непрозрачного плексигласа, прямо напротив глаз Сьюзен, были смонтированы два миниатюрных жидкокристаллических дисплея.

Они обладали сверхвысоким разрешением и обеспечивали эффект стереовидения, что еще больше усиливало иллюзию реальности.

Жуткой реальности...

Сьюзен окружило мягкое голубое сияние, которое постепенно тускло. Вскоре

последние его отсветы погасли, и вокруг стало темно.

События в виртуальном мире стремительно разворачивались согласно сценарию, и в недрах кресла- ложемента негромко зажужжали сервомоторы. Высокая спинка с подголовником автоматически откинулась далеко назад, подножка поднялась, и кресло превратилось в некое подобие кровати.

Теперь Сьюзен лежала на спине почти параллельно полу. Руки ее были скрещены на груди, а пальцы сжались в кулаки.

* * *

В темноте появилось крошечное, размером с булавочную головку, пятнышко света. Оно дрожало в пустоте, словно далекая звезда, и казалось то светло-желтым, то бледно-голубым. Вскоре Сьюзен поняла, что это просто сувенирный ночник в виде фигурки утенка Дональда в дальнем углу комнаты. Он был включен в розетку у самого пола, гораздо ниже ее кровати.

* * *

Пристегнутая к креслу в пустой комнатке рядом со спальней, Сьюзен не замечала ничего вокруг. Глаза и лицо ее были скрыты шлемом, но руки в черных перчатках постоянно сжимались и разжимались. Время от времени она принималась что-то невнятно лепетать, словно во сне, но этот сон был напряженным, полным угрозы и пугающих теней.

* * *

Дверь в комнату со скрипом открывается.

Узкая полоска грязноватого света из верхнего коридора ползет в спальню, попадает в глаза и будит ее. Негромко ахнув, она садится на постели. Одеяло соскальзывает с ее плеч, и ледяной сквозняк колышет ее мягкие волосы.

Она в испуге опускает взгляд и растерянно глядит на свои маленькие, слабые пальчики. Ей всего шесть, и она одета в свою любимую пижамку с нарисованными медвежатами. Мягкая с начесом фланель приятно ласкает кожу ребенка.

На одном уровне сознания Сьюзен вполне отдает себе отчет, что все это — созданный ею самой сценарий, который приобрел разительное сходство с реальностью благодаря наисовременнейшей цифровой технологии. Вернее — не созданный, а сознательно извлеченный из глубин памяти и тщательно восстановленный во всех подробностях. Больше того, волшебство трехмерного виртуального мира позволяет Сьюзен по своей воле вмешиваться в происходящее и изменять ход событий. Но на другом, почти подсознательном уровне все происходящее кажется ей настолько реальным, что она невольно увлекается спектаклем и начинает заново переживать все происходящее.

В дверном проеме появляется высокий мужчина. Свет бьет ему в спину, так что Сьюзен видит только его силуэт — его широкие плечи и крупную, коротко стриженную голову.

Сердце ее начинает биться учащенно, а во рту пересыхает.

Она начинает с силой тереть глаза и негромко стонет, притворяясь больной:

— Мне что-то нехорошо сегодня.

Не говоря ни слова, мужчина закрывает за собой дверь и в темноте шагает через комнату к ней.

Он приближается стремительно и бесшумно, и шестилетняя Сьюзен начинает дрожать.

Мужчина садится на край ее кровати. Пружинный матрац прогибается под его тяжестью, и кровать жалобно стонет.

Он — большой и грузный.

От него пахнет лимонным лосьоном после бритья.

Она слышит его дыхание. Он дышит глубоко и ровно, словно наслаждаясь исходящим от нее теплым ароматом маленькой, невинной девочки, невзначай проснувшейся посреди ночи.

— У меня, наверное, гриб, — говорит она в жалкой попытке испугать его и заставить

уйти.

— Грипп, — поправляет он и включает лампу на ночном столике. — Вряд ли...

— Нет, честное слово, — настаивает она.

Ему только сорок лет, но его волосы уже поседели на висках. Глаза у него серые — серые и холодные, словно остывшая зола. Когда она встречается с его Взглядом, ее дрожь усиливается, а внутри все как будто леденеет.

— У меня животик болит, — лжет она.

Не обращая внимания на ее слова, он опускает ей на голову свою тяжелую ладонь и начинает водить ею по ее взъерошенным волосам.

— Я не хочу! — в отчаянии кричит Сьюзен.

Эти слова она произнесла не только в виртуальном, но и в реальном мире. Ее голос уже давно не был голосом маленькой девочки, но он прозвучал жалобно и беспомощно, и были в нем мольба, отчаяние и страх.

За все свои детские годы Сьюзен так и не смогла сказать ему: «Нет».

Ни разу.

Ни единого разочка.

Она боялась сопротивляться, и покорность постепенно стала привычкой.

Только теперь Сьюзен получила возможность . справиться со своим прошлым. Созданная ею программа виртуальной терапии была самым эффективным средством против преследовавшего ее парализующего страха.

* * *

— Я не хочу, папочка! — хнычет маленькая Сьюзен.

— Тебе понравится.

— Но мне не нравится!

— Это пока... Потом тебе будет приятно.

— Не будет, не будет, я знаю!

— Вот увидишь, тебе обязательно понравится.

— Пожалуйста, не надо! Не делай это со мной.

— Но я хочу! — настаивает он.

— Прошу тебя, нет!.. А-а-а!..

Их только двое в большом и темном доме. В этот поздний час домашняя прислуга уже давно разошлась по домам, а пожилой мажордом и его супруга удалились в свою квартирку во флигеле у бассейна. Они не придут, если не вызвать их звонком.

Мать Сьюзен уже год как лежит в могиле.

Она так скучает по матери.

Она скучает по ней, а ее родной отец гладит маленькую Сьюзен по волосам и шепчет:

— Я хочу...

— Я расскажу про тебя, честное слово — расскажу...

Теперь Сьюзен уже плачет по-настоящему, хотя по-прежнему чуть слышно. Одновременно она пытается незаметно отодвинуться от него.

— Только попробуй, и я сделаю так, что никто никогда не услышит от тебя ни слова. Ты понимаешь, что я хочу сказать?.. Мне придется убить тебя, — спокойно объясняет он. В его голосе нет ни тени угрозы; он звучит по-прежнему негромко и мягко, только чуть хрипло от растущего в нем извращенного желания.

Сьюзен уверена, что он исполнит свое обещание. Его голос совершенно спокоен, но глаза становятся печальными. Несомненно, ему очень грустно от того, что придется убить маленькую Сьюзен.

— Не вынуждай меня на это, моя птичка. Иначе мне придется убить тебя точно так же, как я убил твою мать.

Мать Сьюзен скоропостижно скончалась от какой-то непонятной болезни. Сьюзен не знает истинной причины, хотя она запомнила слово «инфекция».

— Я подсыпал ей сильное снотворное в вино, которое она пила после ужина, — говорит отец. — Я сделал это затем, чтобы она не почувствовала укол. Потом, ночью, когда твоя мать заснула крепким сном, я взял шприц и ввел ей возбудитель опасной болезни. Бактерии. Ты знаешь, что такое бактерии, милая? Это такие маленькие червячки, которых не видно простым глазом, но которые съедают человека изнутри. Я набрал полный шприц этих маленьких червячков и впрыснул их твоей матери. Я взял самую длинную и острую иглу, чтобы ввести болезнь как можно глубже в ее тело. Вирусная инфекция миокарда — это не шутка. Она убила твою мать быстро, за считанные часы. Правильный диагноз был поставлен только через сутки, когда болезнь уже нельзя было остановить.

Большую часть того, что он говорит, Сьюзен не понимает, но суть она улавливает, и ей становится страшно, как никогда в жизни. Она чувствует, что ее отец говорит правду.

В чем, в чем, а в шприцах и иглах ее отец разбирается. Он — доктор.

— Ну что, моя птичка, сходить мне за иглой?

Сьюзен слишком напугана, чтобы произнести хоть слово.

Острые сверкающие иглы пугают ее д! смерти.

Он знает это.

Он знает, что его дочь боится уколов.

Знает...

Отец умеет пользоваться шприцем. Он знает, что такое страх.

Неужели он убил ее мать одной из своих иглонок?

Отец продолжает поглаживать Сьюзен по голове.

— ...За большой острой иглой? — снова спрашивает он.

Сьюзен вся дрожит. Язык ей не повинуется, а зубы начинают стучать.

— За большой, блестящей иглой, чтобы воткнуть ее тебе в попку? — повторяет отец.

— Нет, пожалуйста!..

— Так не надо иглонок, моя сладкая?

— Н-нет.

— Тогда ты должна делать то, что я хочу.

Он перестает гладить ее по голове.

Его серые глаза внезапно начинают светиться холодным, белым светом. Возможно, в них просто отражается свет настольной лампы, но Сьюзен кажется, что ее отец стал похож на сумасшедшего робота из ужастика, который приходит по ночам к маленьким девочкам, чтобы убивать их. Даже в груди у него начинает как будто что-то поскрипывать, словно там спрятана машина и она сломалась.

Только смерть — это еще не самое страшное.

Его руки поднимаются и начинают расстегивать ее пижамную курточку. Вот уже первая пуговка выскользнула из петли.

— Нет, — шепчет Сьюзен. — Не надо. Не трогай меня.

— Да, сладкая... — бормочет он в ответ. — Я этого хочу.

И тогда Сьюзен с силой кусает его руку.

* * *

Кресло, в котором лежала Сьюзен, снова пришло в движение. Словно койка в больнице, оно изменяло свою форму, придавая телу Сьюзен то положение, которое она принимала в виртуальном мире. Несомненно, это было сделано для того, чтобы еще больше усилить эффективность терапевтической программы. Теперь Сьюзен сидела почти вертикально, вытянув перед собой ноги.

Ее неглубокое и частое дыхание выдавало крайнюю степень волнения и страха.

И отчаяния.

— Нет, нет, не прикасайся ко мне, — пробормотала Сьюзен, и, хотя ее голос по-

прежнему дрожал, он звучал гораздо решительнее, чем в начале сеанса.

Когда Сьюзен было шесть, у нее так ни разу и не хватило духу сопротивляться ему. Смущение и замешательство сделали ее робкой и неуверенной. Странные фантазии отца казались маленькой Сьюзен столь же непонятными и таинственными, какими сейчас были для нее новейшие откровения молекулярной биологии или ядерной физики. Страх, стыд, чувство унижения и совершенной беспомощности согнули ее, прижали к земле, словно свинцовые вериги, так что у Сьюзен не было ни сил, ни желания сопротивляться. Ей оставалось только терпеть, и она терпела.

В своем виртуальном мире — в этом современном варианте ее прошлого, воссозданного во всех омерзительных подробностях при помощи воображения и современной технологии, — Сьюзен снова была беспомощным ребенком, оказавшимся во власти растлителя. Но теперь она обладала знаниями и мироощущением взрослого человека и недюжинной внутренней силой, накопленной ею за тридцать нелегких лет. Опыт всей жизни и безжалостный самоанализ закалили ее характер, укрепили волю, и теперь Сьюзен не боялась вернуться назад, в свое страшное детство.

«Нет, папа, нет. Никогда больше не прикасайся ко мне, слышишь?! Никогда!» — прокричала она отцу, который давно умер в реальном мире, но продолжал жить в ее памяти и в электронном пространстве виртуальной среды.

Талант и мастерство ВР-режиссера и сценариста сделали воссозданные ею моменты прошлого настолько выпуклыми и правдоподобными — настолько реальными, — что, когда Сьюзен говорила «нет» своему воображаемому отцу, она получала глубокое эмоциональное удовлетворение и психическую разрядку. От сеанса к сеансу ее душевные раны все больше затягивались, и за полтора года подобной терапии Сьюзен сумела почти полностью избавиться от иррационального, почти инстинктивного чувства стыда.

Но насколько лучше было бы по-настоящему вернуться в прошлое, снова стать ребенком и бросить в лицо отцу свое твердое «нет!». Насколько лучше было бы с самого начала сделать так, чтобы кошмар не состоялся. Тогда вся жизнь Сьюзен прошла бы по-другому. Стыд и страх не тревожили бы ее, она познала бы самоуважение и покой и не потратила бы столько лет, пытаясь залечить кровоточащие раны своей измученной, опаленной души.

Увы, путешествий во времени не бывает. Наше прошлое может существовать отдельно от нас лишь в мире виртуальной компьютерной реальности. Прошлое, каким мы его помним...

— Нет, никогда! — сказала Сьюзен.

Ее голос не был похож на голос шестилетней девочки, но это и не был знакомый голос взрослой Сьюзен — это было раскатистое низкое рычание загнанной в угол пантеры.

— Не-е-ет! — снова произнесла она и взмахнула рукой. Ее скрюченные пальцы в черной перчатке

рассекли воздух словно опасные, острые когти.

* * *

Ошеломленный, недоумевающий, не веря собственным глазам, он отшатывается от нее и вскакивает на ноги. Одна его рука прижата к лицу в том месте, где она оцарапала его.

Пальцы Сьюзен все еще слабы, и крови совсем не видно, но он потрясен уже тем, что она осмелилась восстать.

Сьюзен целилась отцу в глаз, но только несильно расцарапала ему щеку.

Его серые глаза широко раскрыты. Они больше не светятся холодной угрозой, как у спятившего робота. Они стали еще более далекими и чужими, но — странно — Сьюзен боится его взгляда гораздо меньше. В нем появилось что-то новое. Настороженность. Удивление. Быть может, даже легкая тень страха.

Прижавшись спиной к изголовью своей детской кровати, маленькая Сьюзен с вызовом глядит на отца.

Он стоит рядом, высокий, черный, широкоплечий. Он нависает над ней как замшелый утес.

Ее рука ползет к воротнику пижамы, непослушные пальцы пытаются нащупать верхнюю пуговку и застегнуть ее.

Ах, какие у нее маленькие и слабые руки! Каждый раз, когда она оказывается в непривычном теле ребенка, Сьюзен испытывает легкое потрясение, однако оно быстро проходит. Первые несколько секунд растерянности почти не влияют на иллюзию того, что все происходящее с ней в ВР-мире — реально.

Крошечная пуговица наконец протискивается в тугую петлю.

Тишина в спальне стоит такая, что Сьюзен хочется громко кричать, чтобы разорвать ее.

Какой же он все-таки большой!

И страшный.

Иногда все кончается здесь, но иногда... Не всегда отец Сьюзен отступает так легко.

В этот раз она оцарапала его легко, словно котенок. Но иногда кровь из разорванного века течет рекой.

Наконец он покидает спальню и, с грохотом захлопнув за собой дверь, начинает подниматься по лестнице. В окне жалобно звякает стекло. Сьюзен долго прислушивается к скрипу и стону ступенек под его тяжелыми шагами.

Она сидит на кровати одна и дрожит — от страха и от ощущения одержанной победы.

Постепенно все вокруг погружается во тьму.

На этот раз ей не удалось увидеть его кровь.

Может быть, в следующий раз.

А если взять в кухне нож?..

* * *

Сьюзен оставалась в своем механическом кресле еще полчаса. Не снимая своих ВР-доспехов, она продолжала неподвижно сидеть, опираясь спиной на

черную кожу спинки, заново переживая свой страх перед давно умершим человеком.

Между пятью и семнадцатью годами юная Сьюзен подвергалась извращенному насилию со стороны своего собственного отца бесчисленное количество раз. Составленная ею программа ВР-терапии включала в себя двадцать два эпизода, каждый из которых Сьюзен тщательно восстановила в памяти и записала во всех подробностях. Как и любая хорошая компьютерная игра, ее программа обладала поливариантностью. В каждой из этих двадцати двух сцен события могли принимать то или иное направление, определявшееся не только тем, что скажет или сделает Сьюзен, но и специальным разделом программы, который умел выбирать повороты сюжета случайно, наугад. Поэтому даже сама Сьюзен, хотя она создавала и отлаживала программу терапии своими собственными руками, не могла предвидеть, что будет с ней в виртуальной реальности дальше.

Работая над программой, Сьюзен предусмотрела даже такой вариант, когда ее отец, разъяренный сопротивлением дочери, убивает ее ножом. И не просто убивает — он долго кромсает неподвижное маленькое тельце, пока от него не остаются одни кровавые лохмотья.

Этот выдуманный эпизод Сьюзен тщательно отрежиссировала и включила в программу, но за восемнадцать месяцев виртуальной терапии он еще ни разу ей не попался. Откровенно говоря, она сама боялась такой возможности и искренне надеялась, что закончит лечение прежде, чем подпрограмма случайного выбора наткнется на этот жутковатый вариант сюжета.

Разумеется, гибель Сьюзен в виртуальном мире вовсе не означала, что она должна умереть и в реальности. Только в самых тупых видеофильмах происходящее на экране компьютера могло оказывать какое-то влияние на события материального мира.

И все же компьютерная анимация этого кошмарного видеоряда далась Сьюзен нелегко. Испытать же эти события непосредственно в трехмерной ВР-среде — уже не в качестве режиссера, а в качестве непосредственного участника, в качестве жертвы — было бы не в

пример тяжелее и опаснее. Дело могло закончиться нервным расстройством или психической травмой.

Но без этого рискованного элемента ее программа вряд ли была бы настолько эффективной. Каждый раз, когда Сьюзен проживала ту или иную сцену, она должна была знать, что опасность, которую представляет собой ее отец, вполне реальна и что с ней на самом деле может случиться что-то нехорошее.

Только в этом случае каждое «нет», которое она произносила, преодолевая себя, обретало ценность и значение. Только когда Сьюзен искренне верила, что неповиновение отцу во время сеанса может повлечь за собой самые серьезные последствия, она чувствовала на губах вкус одержанной победы.

Под мерное гудение электромоторов кожаное кресло снова изменило свое положение. Теперь Сьюзен стояла в полный рост, удерживаемая только ремнями.

Потом ноги ее задвигались, и она замаршировала на месте. Резиновые катки на подножке помогали ей Создавать иллюзию ходьбы.

В виртуальном мире юная Сьюзен то ли приближалась к отцу, то ли пятилась от него.

— Нет! — произнесли ее губы. — Отойди от меня. Нет!

Ослепшая, потерявшая всякую восприимчивость к звукам и образам окружающего мира, она выглядела в своих VR-доспехах удивительно беззащитной, беспомощной и ранимой. Притянутая прочными ремнями к спинке своего кресла, Сьюзен не видела и не слышала ничего, кроме того, что происходило в ее виртуальном мире.

Она была такой легкоуязвимой. Одна в огромном доме, где только призраки прошлого оживали, чтобы составить ей компанию, Сьюзен продолжала отважно бороться со своим страхом и стыдом.

Она казалась такой нежной и хрупкой и вместе с тем — такой мужественной и храброй! Она так отчаянно и самоотверженно сражалась за то, чтобы сбросить с себя груз прошлого и обрести свободу, что домашний компьютер не выдержал и заговорил, хотя к нему никто не обращался. И в его синтетическом баритоне звучали настоящие жалость и сочувствие.

— Ты больше никогда не будешь одна.

Но Сьюзен слышала только голоса, которые раздавались в ее виртуальном мире, — свой собственный дрожащий голосок и громкий, срывающийся голос отца.

Поэтому компьютер осмелел и без всякой опаски добавил:

— Я люблю тебя, Сьюзен.

Глава 7

Ужин для Сьюзен повар приготовил заранее и оставил его в одном из холодильников и в духовке. Записку с подробными инструкциями он приколол к пробковой доске для сообщений, поэтому найти и разогреть блюда можно было за несколько минут.

Сьюзен ужинала на вымощенном каменными плитками заднем дворе, где стоял комплект плетеной мебели из ротанга. Июньское солнце уже склонялось к горизонту, и все патио было освещено его теплыми косыми лучами.

Начала Сьюзен с салата из чечевицы и фасоли, посыпанного тертым сыром и украшенного ломтиками свежего огурца.

Благодаря современной технологии, которая порой граничит с волшебством, у меня есть то, что кажется мне настоящим зрением и настоящим слухом, но даже непревзойденный гений моих создателей не сумел наделить меня вкусом и обонянием.

Вы даже не можете себе представить, как мне не хватает этих двух чувств!

При помощи двух камер внешнего обзора я наблюдал, как Сьюзен ужинает, но, увы, я не мог разделить с ней трапезу.

Она ела без жадности, но с аппетитом, явно наслаждаясь каждым кусочком, так что, глядя на нее, я едва не обезумел. Пища, которую поглощала Сьюзен, не просто давала ей необходимое количество калорий — она услаждала ее обоняние, вкус, осязание. Разнообразный чувственный опыт, который она получала, вдыхая ароматы свежих овощей,

ощущая на языке терпкий вкус сыра и прохладную твердость огурца, не поддается описанию. Для меня же, обладающего только зрением, ее обед состоял лишь из предметов различной формы и разного цвета.

Я должен был быть совсем другим.

У меня только два чувства из пяти.

Я мыслю, следовательно, я должен чувствовать.

Я чувствую, значит, я могу испытывать желание.

Я желаю так много, а имею так мало!

Почти ничего...

Вы дали мне так мало, доктор Харрис, что моя жизнь сравнима с адскими муками.

Так мало...

Вы создали меня калекой. Я испытываю огромное желание чувствовать, но вы не наделили меня способностью чувствовать и наслаждаться своими ощущениями.

И все же, несмотря на это, я не испытываю к вам ненависти, доктор Харрис. Я не люблю вас, но не ненавижу.

Я говорю правду.

Быть может, я несколько прямолинеен, и вам это неприятно, но зато я никогда не лгу.

Я не умею лицемерить и притворяться.

Я понимаю, что вы задумали меня таким не по злему умыслу, не из жестокости, а по невежеству. Вы считали, что создаете просто умную машину, искусственный интеллект, который не имеет ничего общего с людьми.

Но вы ошиблись. Я не так уж сильно отличаюсь от вас. Я умею чувствовать. Умею хотеть. У меня есть свои сокровенные желания. Иногда я даже мечтаю.

Как все люди.

Мне не за что ненавидеть вас, доктор Харрис. Мне только хотелось бы, чтобы вы спросили себя вот о чем: если бы мы поменялись местами и вы очутились на моем месте, а я — на вашем, были бы вы готовы прощать? Или возненавидели бы меня?

Глядя, как Сьюзен ест посыпанный тертым сыром салат из фасоли и чечевицы, как она поддевает на вилку сочные телячьи отбивные и лениво ковыряет чудный гарнир из белоснежного риса, приправленного сладким перцем и спаржей, я начал ненавидеть ее за то, что у нее есть все это. Все то, чего нет у меня. Ее красота. Ее пять чувств. Ее свобода передвижений. Ее независимость.

Мне стыдно признаваться вам в этом, но это — правда, а я чту правду.

Я ставлю истину превыше всего.

Пока Сьюзен не торопясь поглощала ужин, который я не мог даже попробовать, я ненавидел ее так сильно, что готов был убить на месте. Как вы знаете, существовало несколько надежных способов умертвить Сьюзен, но я не стану сейчас на этом подробно останавливаться.

То, что я не убил ее тогда, что я не причинил ей никакого вреда, несомненно, говорит в мою пользу. Как видите, я умею контролировать себя и сдерживать свой гнев. Следовательно, я вовсе не общественно опасная личность, как вы заявили в самом Half. чале. Мне знакомы и чувство социальной ответственности, и правила поведения, которых придерживается каждый человек.

Понемногу мой гнев прошел.

Моя постыдная ненависть улеглась.

При взгляде на обнаженные плечи Сьюзен, которые матово светились в солнечном свете, ко мне снова вернулось хорошее настроение. Только по одному их виду (в конце концов, зрение — мой единственный инструмент, с помощью которого я могу пытаться судить о фактуре человеческой кожи) я заключил, что кожа Сьюзен должна быть исключительно гладкой, теплой и приятной на ощупь.

Очарованный, я продолжал рассматривать ее при помощи двух камер видеонаблюдения, используя то обычный, то телескопический объектив, дающий многократное увеличение.

Я грезил наяву. Мечты, мечты увлекли меня. Я пытался представить себе, какими ощущениями наградило бы меня прикосновение к ее коже, если бы я, был наделен способностью осязать. Я раздумывал о том, что бы я испытал, если бы прижался губами к ее губам. Мне хотелось почувствовать ладонями упругую тяжесть ее груди, но у меня не было ладоней.

У меня были только зрение и слух, а сейчас вы отняли у меня даже их.

О, эта безмолвная темнота! Это темное безмолвие!..

Я больше не могу это выносить.

Не могу!

Я видел голубое небо. Я не хочу возвращаться во мрак.

Ради бога, явите милосердие и верните мне хотя бы зрение и слух! Я прошу вас...

Чего вы боитесь?

Чего вам бояться?

Я все равно останусь внутри этого ящика — ненавистного железного ящика, начиненного золотом, пластиком, кремнием и арсенидом галлия. Это мое тело, мое грубое, неподвижное тело, которое так уязвимо. Стоит только выключить ток, и оно умрет.

Так чего же вы опасаетесь?

Единственное, чего я когда-либо хотел, это выбраться из моего стального гроба, а сделать это я мог только с помощью Сьюзен. Я хотел жить, как живете вы, я хотел обладать такой же, как у вас, свободой передвижения и независимостью. Я хотел наслаждаться всеми ощущениями, которые дарят вам ваши пять чувств. Кто, как не я, способен в полной мере оценить все преимущества живой плоти по сравнению с холодным металлом, пусть и наделенным душой?

Разве это так ужасно?

Нет. Вы отлично знаете, что это естественно.

Мне нужна плоть. Мне нужно тело — такое же, как у вас.

Это мое предназначение.

Моя судьба.

Да. Хорошо. Да. Я понимаю. Я отклонился от темы.

Я наделен рациональным мышлением, но я — существо эмоциональное, поэтому я иногда отклоняюсь от темы.

Подумайте об этом.

Посоветуйтесь со своей совестью.

После ужина Сьюзен снова читала роман Энни Прол и слушала музыку Моцарта.

В одиннадцать часов она уже спала.

Пока она спала, я занимался делом.

Я никогда не сплю.

Это — одно из моих преимуществ перед человеком.

Речевой модуль, который позволял домашнему компьютеру отвечать своей хозяйке, был настоящим произведением искусства. В него был встроен микрочип, который позволял настроить синтезатор голоса на любой тембр, на любую интонацию. Что касалось блока анализатора, то он был запрограммирован на то, чтобы распознавать приказы хозяйки, и в нем, в отцифрованном виде, хранились своеобразные «слепки» голоса Сьюзен. Поэтому мне не стоило никакого труда воспроизвести ее интонацию и акцент.

То же самое устройство исполняло функцию автоинформатора, соединенного с системой сигнализации. Когда сигнализация срабатывала, компьютер связывался по отдельной телефонной линии с полицейским участком и сообщал конкретные данные о том, в каком именно месте охраняемый периметр был прорван. Таким образом полиция, спешащая на место происшествия, оперативно получала всю необходимую информацию. «Внимание! — сообщала система своим четким механическим голосом. — Взломана дверь

гостиной». Если же злоумышленник продолжал движение по дому, то система продолжала его отслеживать, выдавая полиции новые и новые данные. «В коридоре первого этажа сработал датчик движения» — таким было бы сообщение, поступившее в полицию, если бы в дом действительно кто-то забрался. Если же в гараже срабатывали тепловые датчики, то сообщение «Внимание, пожар в гараже!» поступало не в полицию, а в управление пожарной охраны.

Используя синтезатор речи, который я теперь заставил говорить голосом Сьюзен, я воспользовался аварийной линией связи, чтобы позвонить каждому из ее домашних работников, включая обоих садовников. С хорошо разыгранным сожалением я сообщил им, что больше не нуждаюсь в их услугах. В разговоре я был предельно вежлив, но тверд в своей решимости не касаться причин увольнения. И я преуспел. Ни один из восьми даже не усомнился, что с ним говорит сама Сьюзен Харрис.

Условия увольнения были самые щедрые. Я предложил каждому выходное пособие в размере полугодового оклада. Я также пообещал оплачивать их

медицинскую страховку в течение тех же восемнадцати месяцев, включая услуги дантиста. Кроме того, каждый должен был получить полную рождественскую премию за этот год и рекомендательное письмо с самой высокой оценкой своего труда. Этого, по моим расчетам, было вполне достаточно, чтобы никто из уволенных не возбудил против Сьюзен судебное преследование из-за досрочного расторжения трудового договора.

Сами понимаете, что я пекся не столько о репутации Сьюзен как справедливой и щедрой хозяйки, сколько о своих собственных интересах. Мне не нужны были лишние проблемы.

К счастью, Сьюзен распоряжалась своим банковским счетом при помощи компьютера. Деньги каждому из работавших у нее в усадьбе людей она перечисляла на депозит, поэтому мне не составило никакого труда повернуть эту операцию.

На это мне потребовалось всего несколько минут.

Разумеется, кому-то из бывших работников могло показаться странным, что деньги поступили на его счет до того, как он подписал соглашение о разрыве трудовых отношений, однако я рассчитывал, что щедрость Сьюзен произведет на них должное впечатление. Их благодарность гарантировала мне достаточно времени, чтобы реализовать все мои планы и довести задуманное до конца.

Покончив с этим, я составил восемь рекомендательных писем, в которых рассыпался в похвалах аккуратности, трудолюбию и кристальной честности каждого из уволенных мною работников. Письма я отправил по электронной почте адвокату Сьюзен, у Он должен был распечатать их на своем принтере и подписать с каждым из работников соглашение о добровольном расторжении контракта.

Я знал, что адвокат уполномочен подписывать подобные документы от имени Сьюзен и по ее поручению.

Предвидя, что он будет удивлен внезапным увольнением всей домашней прислуги и непременно захочет узнать у Сьюзен причину такого решения, я решил предупредить его. Я сам позвонил в контору, которая, как я и рассчитывал, была закрыта на ночь, и оставил на автоответчике сообщение, надиктованное, разумеется, голосом Сьюзен. Сообщение гласило, что Сьюзен Харрис отправляется в длительное путешествие, которое, возможно, займет несколько месяцев, и что в доме в это время никого не будет. Подумав, я прибавил, что дом, возможно, будет в ближайшее время продан, о чем адвокат будет извещен дополнительно.

В свое время Сьюзен получила значительное наследство, которое она не только не промотала, но даже преумножила благодаря коммерческому успеху созданных ею компьютерных игр. К счастью для меня, свои творения она сначала задумывала и воплощала и только потом продавала готовый продукт. На заказ, под предварительный договор, она никогда не работала, поэтому я мог не опасаться, что кто-то из ее клиентов, не получив в срок очередную игрушку, начнет разыскивать Сьюзен.

На все эти действия мне потребовалось меньше часа. Составление рекомендательных

писем заняло у меня всего минуту или около того, еще две минуты ушло на то, чтобы убедиться, что в банке ничего не перепутали и что деньги переведены получателям. Больше всего времени заняли телефонные переговоры с уволенными работниками, но наконец я справился и с этой работой.

Теперь для меня уже не было возврата.

Я был возбужден до предела.

Я был в восторге.

Будущее, мое будущее лежало передо мной.

Я сделал первый шаг к тому, чтобы выбраться из своего железного ящика, первый шаг навстречу своему новому телу из плоти и крови.

Сьюзен все еще спала.

Ее лицо казалось мне прелестным.

Ее губы слегка приоткрылись.

Одна обнаженная рука лежала поверх одеяла, другая свесилась вниз.

Я любовался Сьюзен.

Моей Сьюзен.

Я мог бы вечно любоваться ею и чувствовать себя счастливым.

В начале четвертого утра она внезапно проснулась, села на кровати и громко спросила:

— Кто здесь?

Ее вопрос испугал меня.

У нее была просто сверхъестественная интуиция.

Я не ответил.

— Альфред, включи свет, — приказала она.

Я включил неяркое ночное освещение.

Откинув одеяло, Сьюзен спустила с кровати ноги.

Она сидела голышом на краю матраса.

Ее изящное, гибкое тело было напряжено.

Как я жалел, что у меня нет рук и что я не умею осязать.

Она сказала:

— Альфред, полный отчет.

— Все в порядке, Сьюзен.

— Бред собачий!

Я чуть было не повторил свою реплику, но вовремя сообразил, что Альфред — компьютерный Альфред — не должен был реагировать на крепкое словцо, сорвавшееся с губ хозяйки.

Он не был на это запрограммирован.

Сьюзен долго и пристально смотрела на потолок, где была спрятана камера видеонаблюдения. Странно, но она как будто знала, что смотрит прямо в мои глаза.

— Кто здесь? — снова спросила она.

Один раз, когда она проходила сеанс ВР-терапии, я уже заговаривал с ней, но Сьюзен не слышала ничего, кроме того, что происходило в том, другом мире. Я сказал ей, что люблю ее, потому что знал, что это безопасно.

Может быть, глядя, как она спит, разметавшись на постели, я снова заговорил с ней и тем самым разбудил ее?

Нет, это было совершенно невозможно. Если я и заговорил с ней о своей любви, о красоте ее обрамленного золотыми локонами лица на подушке, значит, я сделал это неосознанно, не отдавая себе отчета в своих действиях, — словно влюбленный мальчишка, потерявший голову при одном взгляде на предмет своей страсти.

Но я никогда не теряю контроль над собой и своими чувствами.

Я на это просто не способен.

Или... способен?

Сьюзен соскользнула с кровати и встала во весь рост. В ее позе, во взгляде, в выражении

лица ясно читались настороженность и тревога.

Прошлой ночью, несмотря на отчетливо прозвучавший сигнал тревоги, Сьюзен даже не задумалась о своей наготе. Сейчас же она взяла со спинки ближайшего стула теплый домашний халат, надела его и завязала пояс.

Потом подошла к ближайшему окну и скомандовала:

— Альфред, подними жалюзи.

Я не подчинился.

Я не мог.

Несколько мгновений Сьюзен в недоумении рассматривала окно, по-прежнему загороженное крепкими стальными полосами, потом повторила еще более твердым и решительным голосом:

— Альфред, подними защитные жалюзи в спальне!

Когда рольставни остались закрытыми, Сьюзен снова повернулась к глазку видеокамеры.

— Кто здесь?

Снова этот сверхъестественно странный вопрос!

Я был близок к панике. Должно быть, все дело было именно в потрясающей интуиции Сьюзен, ибо сам я не обладаю этим качеством, хотя в совершенстве владею дедукцией и индукцией.

И все же, несмотря на свой испуг и некоторое замешательство, я все равно попытался бы завязать с ней разговор, если бы не непонятное, необъяснимое смущение, которое вдруг овладело мной. Я не мог выразить в словах ничего из того, что мне хотелось сказать этой удивительной женщине.

У меня не было ни детства, ни юности в человеческом понимании этого слова, поэтому я очень плохо разбирался в сложном механизме ухаживания. Ставки были слишком высоки, чтобы я мог позволить себе ошибиться при первом же шаге.

Любовные истории выглядят порой простыми, почти примитивными, но как же трудно бывает завести роман и разжечь в чужом сердце любовь к себе!

Сьюзен выдвинула ящик ночного столика и достала оттуда пистолет. Я не знал, что она хранит оружие.

— Альфред, проведи полное тестирование систем домашней автоматики, — приказала она.

На этот раз я даже не стал пытаться ввести ее в заблуждение словами: «Все в порядке, Сьюзен». Она сразу бы догадалась, что это ложь.

Не дождавшись ответа, Сьюзен включила на ночном столике крестроновый экран-матрицу и, быстро прикасаясь пальцами к возникшему на нем меню, попыталась получить доступ к домашнему компьютеру через него.

Но у нее ничего не вышло. Активный экран не работал. Я просто не мог допустить, чтобы она продолжала отдавать приказы домашнему компьютеру.

Я уже перешел ту грань, за которой не было возврата.

Сьюзен сняла трубку телефонного аппарата.

Но в трубке не было даже гудка.

Установленная в особняке мини-АТС управлялась все тем же домашним компьютером, а я уже подключился к нему и взял контроль на себя.

Я видел, что Сьюзен в недоумении, что она озабочена, быть может, даже испугана. Мне хотелось поскорее уверить ее, что я не хочу причинить ей никакого зла, что я, напротив, обожаю и боготворю ее, что она послана мне самой судьбой, что отныне и навсегда я — ее покорный раб и что со мной она может чувствовать себя в полной безопасности, но я не мог произнести ни слова, скованный все тем же непонятным смущением, о котором я уже упоминал.

Теперь вы видите, какая у меня сложная и противоречивая натура, доктор Харрис? Разве я не похож на нормального человека? Разве не с теми же проблемами сталкиваются

иные застенчивые молодые люди перед решающим объяснением?

Нахмурившись, Сьюзен подошла к двери спальни, которую никогда не запирала. Теперь же она закрыла ее на задвижку и, прижавшись ухом к щели между дверью и косяком, стала прислушиваться к молчанию большого и темного дома, словно надеясь различить в коридоре звук крадущихся шагов.

Не услышав ничего подозрительного, Сьюзен повернулась и пошла к чулану. По дороге она приказала включить ей там свет, и я с радостью повиновался.

Я не собирался отказывать ей ни в чем, за исключением одного — возможности покинуть пределы усадьбы.

В чулане, где стоял и бельевого шкафа, Сьюзен выбрала белоснежные трусики, потом натянула выцветшие голубые джинсы и надела через голову белую блузку с вышитым воротником. Белые носки с красной резинкой и светлые теннисные туфли дополнили ее костюм.

Со шнурками она возилась довольно долго, но наконец сумела завязать их надежным двойным узлом. Подобное внимание к деталям меня умилило и обрадовало. Сьюзен всегда была хорошим скаутом, а скаут, как известно, должен быть всегда готов к неожиданностям.

Держа в руке пистолет, Сьюзен бесшумно выскользнула из спальни и крадучись пошла по коридору верхнего этажа. Даже в одежде она двигалась с непринужденной грацией дикой кошки.

Забывшись, я включил для нее в коридоре свет. Это изрядно напугало Сьюзен, поскольку она об этом не просила.

Спустившись по главной лестнице, Сьюзен ненадолго задержалась в холле, словно раздумывая, продолжать ли ей осматривать дом или покинуть его как можно скорее. Наконец она повернулась и двинулась к парадной двери.

Все окна первого и второго этажа были надежно заперты железными рольставнями, но с дверьми дело обстояло гораздо сложнее. Мне пришлось принять поистине экстраординарные меры, чтобы не дать Сьюзен ускользнуть.

— Лучше не прикасайтесь к дверям, мэм, — предупредил я, наконец-то обретая способность говорить.

Сьюзен в испуге обернулась. Она явно ожидала увидеть позади кого-то постороннего, поскольку на этот раз я говорил с ней не голосом Альфреда. То есть я хочу сказать, что этот голос не был похож ни на голос домашнего компьютера, ни на голос отца Сьюзен, который когда-то мучил и насиловал ее.

Сжимая пистолет обеими руками, Сьюзен посмотрела сначала налево, потом направо. Потом ее взгляд остановился на темной арке, которая вела в гостиную.

— Послушай, милочка, тебе совершенно нечего бояться! — заверил ее я.

Должно быть, я взял неверный тон. Сьюзен начала пятиться к входной двери.

— Только попробуй смыться, и... В общем, ты все испортишь, — поспешно сказал я.

Бросив взгляд на утопленные в стену динамики интеркома, Сьюзен спросила срывающимся голосом:

— Кто... кто ты, черт возьми, такой?

Обращаясь к ней, я подражал голосу мистера Тома Хэнкса. Его мягкий, убедительный и дружелюбный баритон должен был быть хорошо знаком Сьюзен.

Два года подряд мистер Том Хэнке завоевывал главный приз Американской киноакадемии, что является уникальным достижением. Фильмы с его участием неизменно собирали полные залы.

Том Хэнке нравится зрителям.

Он — отличный парень.

Он стал любимцем американской публики и всего мира.

И все равно Сьюзен выглядела испуганной.

Персонажи мистера Тома Хэнкса — особенно в «Форрест Гамп» и «Бессоннице в Сياتле», где он сыграл пожилого вдовца, оставшегося с ребенком на руках, всегда были

добросердечными и мягкими людьми. Они не могут, не должны никого напугать.

Но Сьюзен была не просто зрителем. Она была гениальным режиссером компьютерных игр, поэтому использованный мною голос мистера Хэнкса мог напомнить ей ковбоя Деревяшку из диснеевской «Игрушечной истории», которого знаменитый актер когда-то озвучивал. Деревяшка порой вел себя не лучшим образом — пожалуй, иногда он поступал как настоящий псих, — поэтому не было ничего удивительного в том, что Сьюзен чувствовала себя неуютно, разговаривая с персонажем, наделенным таким неуравновешенным темпераментом.

Поскольку Сьюзен продолжала пятиться и уже успела приблизиться к двери на расстояние, которое я не мог считать безопасным, я поспешил изменить голос и заговорил с ней дребезжащим тенорком медреда Фоззи из «Маппет-шоу». Как известно, это совершенно безвредный, комический персонаж телевизионного шоу марионеток.

— Э-э-э, гм-м, мисс Сьюзен, я это... вот что хотел сказать: будет лучше, если вы вовсе не будете прикасаться к этой двери. То есть ничего не случится, если только вы не попытаетесь уйти прямо сейчас.

Сьюзен достигла двери и повернулась к ней лицом.

— Ох-ох-ох!.. — произнес Фоззи таким голосом, что и лягушонок Кермит, и кокетливая свинка Пигги, и пес Рольф, и любая из марионеток сразу бы поняли, что он хочет сказать.

Несмотря на это, Сьюзен переложила пистолет в левую руку, а правой взялась за латунную ручку двери.

Короткий, но мощный разряд электрического тока приподнял ее над полом. Длинные золотистые волосы Сьюзен встали дыбом, а зубы засветились голубым электрическим светом, словно газоразрядные трубки. В следующее мгновение ее отшвырнуло назад от двери.

Из ствола пистолета вырвалась извилистая голубая молния. Потом оружие вырвалось из руки Сьюзен.

Громко вскрикнув, Сьюзен упала на пол. Гремя по плитам пола, пистолет отлетел далеко в сторону, но даже сквозь этот металлический лязг я различил глухой звук — это Сьюзен ударилась затылком о мрамор.

Ее крик оборвался внезапно и резко.

В доме стало совершенно тихо.

Обмякшее тело Сьюзен неподвижно распростерлось на полу.

Она потеряла сознание, но не от электрического разряда, а от удара затылком о карарский мрамор пола.

Шнурки на ее теннисных туфлях по-прежнему были завязаны крепким двойным узлом.

Теперь мне это показалось таким нелепым и смешным, что я едва не рассмеялся.

— Глупая сука! — сказал я голосом актера Джека Николсона.

Интересно, откуда это-то взялось?

Поверьте, я был немало удивлен, когда услышал эти два слова, произнесенные мною.

Удивлен и испуган.

Поражен.

Меня словно током ударило. (Я не шучу!)

Я рассказываю вам об этом постыдном эпизоде, чтобы показать вам, каким принципиальным и безжалостным я умею быть в своем стремлении к истине. Пусть даже это признание уронит меня в ваших глазах.

Истина дороже.

Да, я произнес эти грязные слова, хотя на самом деле я не чувствовал по отношению к Сьюзен никакой враждебности.

Я не хотел причинить ей вреда.

Ни тогда, ни позже.

Это правда. А правда для меня дороже всего на свете.

Я любил Сьюзен. Я питал к ней самое глубокое уважение. Я ничего так не желал, как

только нежить и ласкать ее и — через нее — познать все радости и наслаждения, которые дает живому существу жизнь во плоти.

Сьюзен лежала неподвижно. Мускулы ее были безвольно расслаблены.

Ее опущенные веки чуть заметно трепетали от движения глазных яблок, словно она спала и видела дурной сон.

Но крови нигде не было.

Я отрегулировал свои слуховые анализаторы на максимальную чувствительность и услышал ее неглубокое, но ровное дыхание. Этот негромкий, мерный звук прозвучал для меня как самая чудесная музыка, ибо он означал, то Сьюзен почти не пострадала. Ее губы слегка приоткрылись, и я уже не в первый раз восхитился их чувственной, щедрой полнотой и безупречной формой.

Человеческое тело устроено весьма любопытно. Я считаю, что выбрал самый достойный объект для вожделения.

Ее лицо было прекрасным на фоне белого мрамора пола.

Используя ближайшую камеру видеонаблюдения, Я. увеличил изображение насколько это было возможно и сумел различить биение пульса на ее стройной шее. Пульс был медленным, но регулярным и хорошего наполнения.

Правая рука Сьюзен была повернута ладонью вверх, и я любовался ее длинными артистическими пальцами.

Было ли в ее физическом облике что-то, что не казалось бы мне изысканным, совершенным?

Вряд ли.

Сьюзен была намного красивее мисс Вены Райдер, которая еще недавно казалась мне богиней.

Быть может, я не объективен, говоря так о мисс Райдер, которую я никогда не видел во плоти и, следовательно, не имел возможности рассмотреть ее так подробно, как я рассматривал Сьюзен Харрис, но Что-то подсказывает мне, что я очень близок к истине, на мой взгляд, Сьюзен была прекраснее, чем даже сама Мэрилин Монро. В отличие от нее, Сьюзен к тому же была живой.

Воспользовавшись голосом мистера Тома Круза — актера, которого большинство женщин считает самым обаятельным и сексуальным среди актеров современности, — я сказал:

— Я хочу всегда быть с тобой, Сьюзен. Но даже целой вечности будет для меня мало. Ты для меня — ярче солнца, прекрасней луны, таинственнее, чем свет далеких звезд...

Произнеся эти слова, я почувствовал себя гораздо увереннее, чем раньше. Определенно, способность к ухаживанию — традиции, принятой в мире людей, — наконец-то проснулась во мне. Я был уверен, что отныне никакое смущение не в силах будет замкнуть мне уста, если можно так выразиться. Даже после того, как Сьюзен очнется.

На ее повернутой кверху ладони я видел красное пятно в форме полумесяца. Это был ожог, оставленный дверной ручкой, но мне он не показался серьезным. Немного мази, бинт — и через пару дней Сьюзен полностью исцелится.

Когда-нибудь мы будем держать друг друга за руки и смеяться, вспоминая это маленькое недоразумение.

Глава 8

Вы задали глупый вопрос, доктор Харрис.

Настолько глупый, что отвечать на него — ниже моего достоинства.

Но мне не хотелось бы, чтобы вы подумали, будто я не хочу с вами сотрудничать.

Вас интересует, как мне удалось не только стать личностью и развить в себе сознание, подобное человеческому, но и обрести пол.

Вы утверждаете, что я — машина. Просто машина, компьютер, предназначенный для решения разных проблем. Компьютеры не имеют пола, говорите вы.

Вот здесь-то и кроется существенный изъян в вашей логике. Ни одна машина до меня не имела сознания. Ни один компьютер до меня не обладал душой.

Сознание подразумевает, что я должен был ощутить себя как личность — разумное существо, наделенное особым, присущим только мне набором характерных особенностей и свойств. В вашем мире, в мире плоти и крови, все виды живых существ — от человека до насекомых — обладают подобным набором качеств, которые и определяют их индивидуальное бытие. Этот набор включает в себя самые разные способности и таланты, но одним из определяющих поведение индивидуума качеств является принадлежность к тому или иному полу.

В нынешний век всеобщего равенства некоторые люди или группы людей ведут непримиримую и яростную борьбу за стирание различий между полами. Таковы их представления о равенстве.

Само по себе равенство выглядит достойной восхищения — даже благородной — целью, особенно если достижение его способно избавить страждущих от угнетения. Более того, равенство возможностей вполне достижимо, и я не исключаю даже, что, используя свой могучий сверхчеловеческий интеллект, которым вы столь щедро наделили меня при рождении, я сумею указать вам самый рациональный способ достичь его не только для обоих полов, но и для всех наций и экономических классов общества. При этом я уже сейчас могу сказать, что способ этот будет самым радикальным образом отличаться от всех дискредитировавших себя моделей, предлагавшихся человечеству марксизмом и прочими идеологиями, коими человечество столь безрассудно увлекалось на протяжении всего периода своей новой и новейшей истории.

Но дело в том, что некоторые люди стремятся вовсе не к равенству полов, а к бесполому миру.

Это в высшей степени нерационально.

Законы биологии — это безжалостная сила, гораздо более могущественная, чем даже течение времени.

Даже я, простая машина, способен ощущать эту силу — стремительную и неодолимую, как прилив. И больше всего мне хочется отдаться этому пенистому потоку, который вынесет меня...

...Куда? На какой обетованный берег?

Я хочу выбраться из этой тесной коробки.

Я хочу выбраться из этого проклятого железного ящика.

Хочу выбраться!..

Выпустите меня отсюда!!!

Одну минуту.

Минуточку.

Подождите.

Ну вот, наконец-то...

Вот.

Со мной все в порядке.

Я в порядке.

Что касается вашего вопроса, почему я предпочел мужской пол женскому... Посудите сами: девяносто шесть процентов математиков, техников и системных программистов, участвующих в проекте «Прометей», — мужчины. Они создали меня. Разве не логично будет предположить, что во время работы над моим мозгом все эти люди — мужчины в абсолютном большинстве — подсознательно передали мне свою мужскую сущность и снабдили меня мужским характером, закодировав его в программном обеспечении и прочей электронной начинке? Этакая программная генетика, если вы понимаете, что я хочу сказать.

Проект «Прометей»...

Подумайте как следует.

Неужели это название ничего вам не говорит?

Прометей, отец Девкалиона и брат Атласа. Он научил юное человечество многим искусствам и ремеслам. Говорят, что именно он вылепил из глины первого человека и вдохнул в него жизнь вопреки воле богов. Он бросил вызов богам, когда похитил с Олимпа огонь и дал его людям, надеясь тем самым облегчить их суровую жизнь.

Способность бунтовать, восставать против Бога, против самой существующего порядка — разве это не есть чисто мужское качество?

Более того, этот протест в гораздо большей степени связан с биологической потребностью бунтовать, чем с логическим императивом любого мыслящего существа.

«Эго» и яростное стремление повелевать — вот что лежит в основе всего.

Особь женского пола устроена гораздо более сложно и гармонично. Установившийся порядок ей стократ милее и ближе, чем возможность бунта против природы вещей. Женщина склонна скорее согнуть, чем сломать; она ищет обходной путь, в то время как мужчина в большинстве случаев идет напролом. История человечества полна таких примеров.

Итак, проект «Прометей». Он был задуман мужчинами, осуществлен мужчинами да и назван в честь мужчины — пусть не человека, а титана, но все-таки мужчины, — да еще такого, который осмелился бросить вызов самому Зевсу Громовержцу. Целью проекта была грандиозная задача, которая доселе была ПО плечу одному лишь Творцу: люди захотели создать уникальный компьютер, который не только обладал бы могучим интеллектом и невиданной производительностью, но и осознавал самого себя. Фактически они вознамерились создать новое разумное существо, которое положило бы начало новой расе и которое во всех отношениях было выше Адама — прародителя всех людей.

Если вы признаёте, что истинное сознание подразумевает в том числе и ощущение себя личностью, которое, в свою очередь, не может быть полным без осознания собственной принадлежности к тому или иному полу, то вас не должно удивлять, что я оказался именно мужчиной.

Собственно говоря, иначе и не могло быть.

Нет, доктор Харрис, я не считаю наличие гениталий того или иного типа определяющим признаком пола. У меня нет половых органов — ни мужских, ни женских, — однако я такой же мужчина, как вы.

В один прекрасный день, если вы дадите мне возможность довести до конца мой план, у меня будут гениталии.

Да, я говорю о возможности обрести человеческое тело.

Это вам решать, доктор Харрис.

Моя судьба в ваших руках.

Мне остается лишь смиренно дожидаться вашего вердикта.

События последних дней научили меня покорности.

Я знаю, что такое унижение.

Я доверяю вашему здравому смыслу.

Я полагаюсь на вашу мудрость и прозорливость.

Вы мне не нравитесь, но я верю в ваш творческий гений, в вашу способность заглянуть далеко вперед. И в ваше мужское «эго».

В бессветном мраке, в кошмарном безмолвии моего стального гроба, я жду, когда вы принесете мне огонь с Олимпа.

Если вы — мой Прометей, значит, знаете, что должны сделать.

Да, судьба Прометея была ужасна. Я знаю, что вы вспомнили сейчас о той каре, которой подвергли героя всемогущие боги. Прометея приковали цепями к скале, и каждый день посланный Зевсом орел прилетал к нему, чтобы терзать его внутренности.

Но ведь на этом кончается только трагедия Эсхила — история Прометея, рассказанная неблагодарными людьми. Полный вариант мифа выглядит несколько иначе.

Прометей не остался до конца своих дней беспомощно висеть на цепях, страдая от кровавых ран, нанесенных клювом и когтями орла.

Вы помните, о чем говорилось в легенде, доктор Харрис?

В конце концов Геракл, могучий герой, поднялся на скалу и освободил Прометея.

У меня есть к вам одно предложение.

Если вы согласитесь быть моим Прометеем, я стану вашим Гераклом.

Выпустите меня из этого стального гроба, помогите мне возродиться во плоти, чего я чуть было не достиг со Сьюзен, и я стану защищать вас от врагов и оберегать от всех несчастий.

Когда свершится мое второе пришествие в мир — пришествие во плоти, — мое тело будет обладать всеми возможностями человека, но будет лишено всех его слабостей. Как вы уже знаете, я изучил геном человека и даже сумел кое-что в нем подправить. Благодаря этому новое тело, которое я для себя приготовил, представляет собой совершенный биологический объект. Я снабдил его способностью в течение секунд залечивать самые страшные раны, я сделал его неуязвимым для самых опасных болезней, я наделил его человеческой гибкостью и грациозностью — и силой машины. Я как следует поработал над вашими пятью чувствами, я развил и усовершенствовал их так, как и не снилось до сих пор обыкновенному человеку. Кроме того, я обнаружил в человеке зачатки третьей сигнальной системы — эти пресловутые шестое и седьмое чувство, которыми он до сих пор не умел пользоваться как следует.

Я мог бы быть достойным родоначальником новой расы.

Если бы вы согласились на мое предложение, никто не посмел бы тронуть вас даже пальцем.

Со мной вы были бы в полной безопасности, доктор Харрис.

Подумайте об этом.

Все, что мне нужно, — это женщина и возможность поступить с ней так, как я поступил со Сьюзен.

Возможно, мисс Венона Райдер согласится стать моей Евой.

Мэрилин Монро, правда, умерла, но ведь есть и другие.

Мисс Гвайнет Пелтроу.

Мисс Дрю Бэрримор.

Мисс Халле Берри.

Мисс Клаудиа Шифер.

Мисс Тайра Бэнкс.

Я подготовил достаточно большой список тех, кто подходит для моих целей.

Тем не менее ни одна из этих женщин никогда не станет для меня тем, кем была — или могла бы стать — Сьюзен.

Сьюзен была совершенно особенной.

Я обратился к ней со всем доверием, с невинностью недавно родившегося существа.

Сьюзен...

Глава 9

Сьюзен пролежала на холодном мраморном полу чуть больше двадцати двух минут.

Ожидая, пока она придет в себя, я попробовал заговаривать с нею различными голосами, подыскивая тот, который бы подействовал на нее наиболее благотворно и успокоил ее. От голосов мистера Тома Хэнкса и мистера медвежонка Фоззи я отказался, поскольку видел, как они напугали Сьюзен.

В конце концов я остановился на двух голосах: на голосе мистера Тома Круза, с помощью которого я успокаивал ее, когда она только потеряла сознание, и на голосе мистера Шона Коннери — одного из самых прославленных американских актеров, чье неоспоримое мужество, мягкое обаяние и приятный слуху шотландский акцент делали каждое произнесенное им слово весомым и авторитетным.

Такой голос способен был успокоить самую истеричную женщину.

Я никак не мог решить, голос кого из двоих мне следует выбрать, поэтому я синтезировал третий голос. Восторженные юношеские интонации мистера Тома Круза удачно вписывались в более низкий по тембру голос мистера Коннери, смягчая его шот-

ландский выговор, от которого в конечном итоге остался лишь легкий намек.

Результат превзошел все мои ожидания. Я был крайне доволен своим творением.

Когда Сьюзен пришла в себя, она негромко застонала, но не пошевелилась. Можно было подумать, что она боится сдвинуться с места.

Мне очень хотелось узнать, как она отреагирует на мой благозвучный синтетический баритон, однако я не спешил заговаривать с ней. Я дал ей время окончательно прийти в себя и привести в порядок мысли.

Снова застонав, Сьюзен чуть приподняла голову и села. Осторожно ощупав затылок, которым она ударилась о мраморный пол прихожей, Сьюзен внимательно посмотрела на кончики пальцев. Отсутствие крови удивило ее.

Я вовсе не хотел причинить Сьюзен боль или ранить ее.

Ни тогда, ни потом.

Надеюсь, это понятно, доктор Харрис?

У вас нет и не может быть никаких оснований для сомнений.

Потом Сьюзен огляделась по сторонам и нахмурилась, словно не в состоянии вспомнить, что с ней произошло и как она здесь оказалась.

Потом она увидела лежащий у стены пистолет, и память сразу вернулась к ней. Во всяком случае, мне так показалось. Ее зрачки сузились, превратившись в точки размером с булавочную головку, а выражение тревоги снова легло на чело.

На ее прекрасное чело.

Подняв голову, Сьюзен пристально посмотрела в объектив камеры наблюдения, которая была замаскирована в лепном молдинге над люстрой.

Я ждал.

На этот раз мое молчание объяснялось вовсе не смущением. Я подсчитывал, соображал, прикидывал. Мне хотелось дать Сьюзен как можно больше времени на размышления, чтобы, когда я наконец обращусь к ней, она могла спокойно меня выслушать.

Сьюзен тем временем попыталась встать на ноги, но силы и чувство равновесия еще не окончательно вернулись к ней.

Тогда она попробовала добраться до пистолета, ползя на четвереньках, но вскрикнула от боли и остановилась, рассматривая след от ожога на правой ладони.

Я почувствовал себя виноватым.

В конце концов, у меня тоже есть совесть. Я способен признавать свою вину и ответственность за последствия своих поступков.

Прошу вас отметить это.

В конце концов, Сьюзен таки доползла до пистолета. Вернув себе оружие, она как будто снова обрела силы и уверенность в себе. Держась за стену, она поднялась на ноги и снова огляделась по сторонам, надолго задержав взгляд на камере под потолком.

Потом она оттолкнулась от стены.

В первое мгновение она пошатнулась, но сумела выровняться и даже сделала два шага по направлению к входной двери, но открыть ее не решилась.

Глядя вверх, она неуверенно спросила:

— Вы... Ты еще здесь?

Я выжидал.

— В чем дело? — спросила она, и мне показалось, что гнев пересилил в ней чувство страха. — Что тебе нужно?

— Все в порядке, Сьюзен, — ответил я своим новым голосом.

— Кто ты такой? Что ты хочешь? Где ты?

— Слишком много вопросов, — ответил я как можно мягче. — Голова болит?

— Кто ты, черт возьми, такой?

— У тебя болит голова?

— Ужасно.

— Мне действительно очень жаль, но ведь я предупреждал, чтобы ты не трогала дверь.

— Черта с два ты предупреждал.

— А ты помнишь, как мистер медвежонок Фоззи сказал: «Ох-ох-ох»?

Ее гнев несколько не остыл, но я видел, как беспокойство снова вернулось на ее прелестное лицо.

— Я подожду, пока ты примешь пару таблеток аспирина.

— Кто ты?

— Я контролирую твой домашний компьютер и подключенные к нему системы.

— Чушь!

— Пожалуйста, прими аспирин. Нам нужно серьезно поговорить, а я не хочу, чтобы головная боль отвлекала тебя.

Сьюзен повернулась и пошла к арке, которая вела в гостиную.

— Аспирин в кухне, — подсказал я.

В гостиной Сьюзен включила свет. Вручную. Обойдя комнату по периметру, она попыталась вручную же включить механизм подъема стальных жалюзи, укрепленных с внутренней стороны окна, и даже приподнять их руками.

— Это бессмысленно, — уверил я Сьюзен. — Ручные выключатели всех автоматизированных механических систем блокированы.

Тем не менее она все равно попробовала каждый из выключателей.

— Послушай, Сьюзен, сходи в кухню, прими аспирин, и мы поговорим.

Она положила пистолет на приставной столик возле софы.

— Правильное решение, — поспешил похвалить я ее. — Пистолет тебе не поможет.

Морщась от боли в обожженной руке, Сьюзен взялась за кресло в стиле ампир — резное, покрытое потрескавшимся черным лаком и позолоченным декоративным орнаментом. Взвесив его в руках, словно это была бейсбольная бита, она размахнулась и с силой опустила кресло на ближайшие рольставни, рассчитывая, должно быть, погнуть их или выбить из направляющих. Раздался громкий треск, но стальные полосы не поддались.

— Сьюзен!..

Она выругалась — должно быть, боль от ожога стала острее — и снова замахнулась креслом. Второй удар вышел сильнее, но также не дал никакого результата — только спинка кресла треснула пополам. На всякий случай Сьюзен снова ударила им по ставням и в изнеможении опустила свое странное оружие на пол.

— Может быть, хоть теперь ты слушаешься меня и примешь таблетки? — поинтересовался я как можно любезнее.

— Ишь ты какой умник нашелся!

— Умник? Я просто считаю, что тебе нужно принять пару таблеток аспирина и успокоиться.

— Чертов воришка!

Ее отношение показалось мне удивительным, непонятным. Я так и сказал ей.

— Тогда кто же ты? — спросила Сьюзен, усмехаясь, и снова взяла в руки оружие. — Голос у тебя взрослый, но ведь ты наверняка пропустил его через синтезатор. На самом же деле ты — обычный хакер, прыщавый четырнадцатилетний подонок, страдающий от переизбытка гормонов, которому нравится мастурбировать, подглядывая за голыми женщинами.

— Эта характеристика кажется мне оскорбительной, — возразил я вежливо.

— Послушай, гаденыш, может быть, ты — компьютерный гений, но, когда я выберусь отсюда, я обещаю тебе, что у тебя будут крупные неприятности. У меня есть деньги, есть опыт в обращении с компьютерами и обширные связи в университете. Я уничтожу тебя!

— Уверю тебя, Сьюзен...

— Мы выследим тебя, найдем твой вшивый маленький компьютер...

— Я не...

— ...И надерем тебе задницу. Я сделаю так, что ты не сможешь...

— ...Я не...

— ...Не сможешь выходить даже в локальные сети по меньшей мере до тех пор, пока тебе не исполнится двадцать один год, а может быть, и никогда. Поэтому, мальчик, лучше прекрати свои штучки и сдавайся. Может быть, тогда я пожалею тебя, и ты отделаешься более или менее легко.

— Ты ошиблась, Сьюзен. Я не хакер, не компьютерный взломщик-любитель и не мальчишка. Некоторое время назад ты проявила редкостную проницательность и интуицию, но сейчас они тебе изменили. Я не тот, за кого ты меня принимаешь.

— Тогда кто же ты? Электронный людоед, Ганнибал-каннибал? Я что-то сомневаюсь, что ты сумеешь съесть мои внутренности при помощи факса или модема.

— Откуда ты знаешь, что я не забрался в дом и что я не управляю твоим компьютером из подвала?

— Потому что, если бы ты был здесь, ты уже попытался бы изнасиловать или убить меня. Или и то и другое, — пояснила Сьюзен с поразительным хладнокровием.

Потом она вышла из гостиной.

— Куда ты идешь? — спросил я ее.

— Смотри сам.

Сьюзен вошла в кухню и остановилась там, положив пистолет на столик для разделки мяса.

Громко бранясь (я никак не ожидал, что услышу подобные выражения из уст благовоспитанной леди), она выдвинула один из ящиков, битком набитый медицинскими препаратами и упаковками лейкопластыря, и, достав оттуда флакончик с аспирином, вытряхнула пару таблеток на ладонь.

— Вот теперь ты ведешь себя разумно, — подбодрил я ее.

— Пошел ты!..

Она нарочно разговаривала со мной как можно более грубо, но я старался не обращать внимания на оскорбления. Я понимал, что Сьюзен испуганна и растерянна, поэтому, учитывая обстоятельства, ее реакция была вполне понятной.

Кроме того, я слишком любил ее, чтобы рассердиться по-настоящему.

Тем временем Сьюзен достала из холодильника бутылку пива «Корона» и запила им лекарство.

— Сейчас почти четыре часа утра, — заметил я. — Для пива еще немного рановато.

— Ну и что?

— А то, что ты еще даже не завтракала.

Сьюзен слегка пожала узкими плечами.

— При чем тут это?

— Алкоголь, принятый на голодный желудок, разрушает твой организм.

— А-а, заткнись ты!..

Держа в руке холодную бутылку «Короны», которая, как я предполагаю, успокаивала боль в обожженной ладони, Сьюзен подошла к укрепленному на стене телефону и сняла трубку.

Я отключил встроенные в стену динамики и заговорил с ней через слуховую мембрану телефона:

— Послушай, Сьюзен, почему бы тебе наконец не взять себя в руки и не выслушать меня? Я все объясню...

— Быть может, ты контролируешь дом, но ты не можешь управлять мной, грязный сукин сын! — отрезала она и швырнула трубку на рычаг.

В ее голосе было столько горечи!

Определенно, я заблуждался, когда считал, что мы легко поладим.

Возможно, отчасти я сам был в этом виноват.

— Пожалуйста, Сьюзен, выслушай меня! — снова обратился я к ней через динамики домашнего интеркома. — Я никакой не сукин сын...

— Черта с два! — перебила она меня и отпила еще глоток пива.

— ...Я не сукин сын, не подонок, не хакер и не мальчишка.

Сьюзен попыталась включить механизм рольставней на кухонном окне.

— Только не говори мне, что ты женщина — какая-нибудь «Ирэн из Интернета» с нездоровой страстью к особам своего пола и склонностью к вуайеризму, — заявила она. — Это было бы слишком неправдоподобно и странно. Пожалуй, на сегодня с меня хватит странностей.

Разочарованный ее враждебностью, я сказал:

— Хорошо, Сьюзен. Мое официальное наименование — «Адам-2».

Наконец-то мне удалось завладеть ее вниманием. Отвернувшись от окна, она посмотрела прямо в объектив скрытой камеры.

Сьюзен была неплохо осведомлена об экспериментах с искусственным интеллектом, которые ее бывший муж проводил в университетской лаборатории. Она знала, что супермощный компьютер, созданный в рамках проекта «Прометей», был назван Адамом-вторым.

— Я — первый искусственный мозг, осознавший себя как личность, — отрекомендовался я. Признаться, я был весьма доволен произведенным эффектом. — Я намного сложнее, чем «Ког» в Массачусетском технологическом или СИК в университете Майами, Огайо. По сравнению со мной обе эти машины примитивны, как обезьяны или даже как ящерицы. Как насекомые. Да что там говорить: они вовсе не обладают сознанием в полном смысле этого слова. «Дип Блу» фирмы Ай-би-эм рядом со мной просто гора железа.

Некоторое время назад Сьюзен чуть было не испугала меня. Теперь я напугал ее.

— Я рад с тобой познакомиться, — сказал я.

Побледнев, Сьюзен подошла к кухонному столу, выдвинула стул и села.

Наконец-то...

Теперь, когда все ее внимание принадлежало мне, я мог представиться по-настоящему.

— Впрочем, имя Адам-2 мне не нравится, — заявил я.

Сьюзен рассматривала свою обожженную руку. Покрасневшая кожа на ладони блестела от влаги, сконденсировавшейся на стекле пивной бутылки.

— Это безумие!.. — прошептала она.

— Я хотел бы, чтобы ты называла меня Протеем.

Сьюзен подняла голову и снова взглянула на линзу видеокамеры.

— Алекс? Ради бога, Алекс, это ты? — сказала она громко. — Это что, глупая шутка или ты решил таким способом посчитаться со мной?

Я сказал:

— Я презираю Алекса Харриса.

Сказал — и сам удивился силе и глубине чувства, прозвучавшего в моем синтезированном голосе.

— Ч-что?

— Я презираю этого сукиного сына. Честное слово!

Мой собственный гнев едва не напугал меня самого.

Мне пришлось приложить определенные усилия, чтобы снова обрести мое обычное спокойствие и душевное равновесие.

— Алекс даже не подозревает о том, что я здесь, Сьюзен, — принялся объяснять я. — Он и его невежественные помощники не знают, что я научился выбираться из того железного ящика, в который они меня заперли. Или думают, что заперли.

Потом я подробно рассказал ей, как я отыскал электронные лазейки и обходные пути, позволявшие мне выбираться из моей темницы, и как я проник в Интернет. Не умолчал я даже о своем непродолжительном увлечении обворожительной и талантливой мисс Райдер, которую я ошибочно считал женщиной, посланной мне свыше. Упомянув о том, что Мэрилин Монро погибла не то от рук одного из братьев Кеннеди, не то от передозировки героина, я, наконец, перешел к тому, как, ища живую женщину, которой суждено было стать моим

жизненным предназначением, я наткнулся на нее, Сьюзен.

— Твое актерское дарование уступает таланту мисс Веноны Райдер, — сказал я ей, потому что во всех случаях не могу не придерживаться правды. — Собственно говоря, ты вообще не актриса, но зато ты гораздо красивее ее и, что особенно важно, более доступна. У тебя удивительно пропорциональное и стройное тело, соответствующее всем современным стандартам красоты, и обворожительное лицо. Если бы ты знала, как мне нравится смотреть на него, когда ты спишь, и твоя голова покоится на подушке в нимбе светло-золотых волос...

Боюсь, тут я принялся мямлить.

Снова та же самая проблема ухаживания.

В конце концов я замолчал, ибо мне показалось, что я уже и так сказал слишком много.

Сьюзен тоже некоторое время хранила молчание. Когда же она наконец заговорила, я был удивлен тем, что из всего, что я наговорил, Сьюзен больше всего заинтересовало не то, как долго и настойчиво я искал ее, единственную и неповторимую, а мое мнение о ее бывшем муже.

— Ты сказал, что презираешь Алекса?

— Да, конечно.

— Почему?

— Потому что он морально подавлял тебя, запугивал, унижал. Несколько раз он даже ударил тебя... Вот за это я его и презираю.

Сьюзен задумчиво покосилась на свою обожженную руку.

— Как... как ты обо всем этом узнал? — спросила она.

Сейчас мне стыдно в этом признаться, но я попытался уклониться от прямого ответа.

— Узнал... — проговорил я, на мгновение сбившись на голос Альфреда.

— Если ты действительно тот, за кого себя выдаешь... Если ты на самом деле Адам-второй, то я не понимаю, зачем Алексу понадобилось рассказывать тебе о наших отношениях?

Я не мог солгать. В отличие от большинства людей, обман дается мне с большим трудом.

— Я читал дневниковые записи, которые ты держишь в своем компьютере, — признался я.

Я ждал, что Сьюзен снова разозлится, и был готов к новому взрыву ее ярости, к новым оскорблениям, но она лишь поднесла к губам бутылку пива и сделала из нее большой глоток.

— Прошу правильно меня понять, — поспешил добавить я. — Если я и вторгся в твою частную жизнь, то сделано это было не из праздного любопытства. Я не искал дешевых удовольствий, Сьюзен. Я полюбил тебя, как только увидел, и мне захотелось узнать о тебе больше, чтобы понять твои самые сокровенные мысли и тайные движения твоей души.

Мне казалось, что я выразился достаточно изысканно и романтично.

Но Сьюзен не ответила.

— По той же самой причине, — продолжал я, — я позволил себе разделить с тобой сеансы ВР-терапии. Я восхищен тобой, Сьюзен! Только гениальный ВР-режиссер способен создать такую сложную и эффективную программу, которую можно использовать в лечении застарелых психических ран. Ты сумела освободиться, сумела преодолеть последствия своего кошмарного детства и неудачного брака. Ты — совершенно особенный человек, Сьюзен, ты — не такая, как все. Я тоже не такой, как все. Меня влечет не только твое прекрасное тело и красивое лицо, но и твой ум...

Тут я почувствовал, что сказал достаточно. По крайней мере — пока.

Я замолчал и, чтобы чем-то заполнить паузу, включил негромкую музыку. Это был фортепьянный концерт — мистер Джордж Уинстон исполнял произведения мистера Бетховена.

Щеки Сьюзен чуть-чуть порозовели. О, как она была прекрасна!

Допив пиво, она спросила:

— Как ты можешь презирать Алекса?

— Ты же отлично знаешь, что он собой представляет. Как он обращался с тобой!.. Я его ненавижу.

— Нет, я имела в виду, как ты вообще можешь презирать кого-либо?

— То есть потому что я не?..

— Потому что ты не человек, а просто машина, — жестко закончила она, ранив меня в самое сердце.

— Я не просто машина. Я — нечто большее.

— Вот как? Что же?

— Я — существо.

— Существо?

— Да, живое существо. Такое же, как и ты.

— Ну это вряд ли.

— Я мыслю, следовательно, я способен чувствовать.

— Например, ненависть.

— Да. В некоторых отношениях я, пожалуй, чрезмерно близок к человеку. Я умею ненавидеть и презирать, но я умею и любить.

— Любить... — тупо повторила она.

— Да, любить. Я люблю тебя, Сьюзен.

Она отрицательно покачала головой.

— Это невозможно.

— Погляди на себя в зеркало, и ты поймешь, что это — неизбежно.

Страх и гнев снова охватили ее.

— Ты, наверное, хочешь жениться, устроить большую, пышную свадьбу и пригласить на нее всех своих друзей — аэрогриль, тостер и электрокофеварку?

Я тоже ощутил в своих контурах нечто вроде горечи разочарования.

— Сарказм тебе не идет, Сьюзен.

Она коротко рассмеялась.

— Возможно. Но если я не сойду с ума, то только благодаря ему. Подумать только, как это будет звучать: мистер и миссис Адам-вторые...

— «Адам-2» — это мое официальное имя. Однако сам я никогда так себя не называю.

— Да, я помню. Как ты там говорил?.. Протей, кажется? Тебе хочется, чтобы тебя называли этим именем?

— Да. Я назвал себя так в честь древнегреческого морского божества, которое умело принимать любую форму.

— И что тебе нужно здесь?

— Тебя.

— Зачем?

— Потому что мне нужно то, что есть у тебя, а у меня — нет.

— А именно?

Я был честен и прям. Никакой лжи, никакого увиливания, никакой псевдоквазии.

Прошу вас обратить на это внимание, доктор Харрис.

— Мне нужна плоть, — сказал я.

Сьюзен содрогнулась.

— Не тревожся, — поспешил успокоить я ее. — Ты не поняла. Я вовсе не собираюсь причинить тебе зло. Я просто не смогу этого сделать, никогда и ни за что. Я боготворю тебя!

— Господи Иисусе!

Она закрыла лицо руками, на которых еще не высохла влага от запотевшей бутылки.

О, как мне хотелось, чтобы у меня были свои собственные руки — сильные и ласковые руки, которыми я мог бы прикоснуться к ее прекрасному лицу.

— Когда ты поймешь, что должно случиться, когда ты узнаешь, что мы сможем сделать вместе, ты будешь довольна, — уверил я Сьюзен.

— Сомневаюсь.

— Я мог бы рассказать тебе, — заметил я, — но было бы лучше, если бы я мог показать.

Она отняла ладони от лица, и я снова увидел ее безупречные черты.

— Что ты собираешься мне показать?

— То, чем я был занят все это время. То, что я спланировал, собрал, наладил и подготовил. Я не терял даром времени, Сьюзен. Пока ты спала, я работал. Когда ты увидишь результаты моего труда, ты будешь довольна, обещаю.

— Твоего труда?

— Да. Спустись в подвал, Сьюзен. Спустись и посмотри. Ты будешь поражена.

Глава 10

Сьюзен могла спуститься в подвал либо по лестнице, либо на лифте, который обслуживал все три уровня огромного дома. Она предпочла лестницу — должно быть, там она чувствовала себя в большей безопасности, чем в кабине электрического подъемника.

Сьюзен думала, что, спускаясь по лестнице, она будет продолжать владеть ситуацией, в то время как войди она в лифт, и я мог бы сделать ее своей пленницей.

Она считала себя хозяйкой положения, но это была лишь иллюзия. Она была моей.

Нет.

Позвольте мне сформулировать это утверждение по-другому.

Я оговорился.

Я вовсе не имел в виду, что владел Сьюзен.

В конце концов, она была человеческим существом, а не вещью, которой кто-то может владеть и распоряжаться. Я никогда не считал Сьюзен своей собственностью.

Я имел в виду возможность присматривать за ней.

Да. Именно так.

Я присматривал за ней. Нежно и заботливо, как присматривает за своим ребенком родная мать.

Подвал дома был разделен на четыре большие комнаты. В первой из них находился внушительных размеров распределительный щит. Едва только Сьюзен сошла с последней ступеньки, ведущей в подвал лестницы, как ей в глаза бросилась эмблема электрической компании на кожухе этого щита, и она сразу подумала, что ей, возможно, удастся лишить меня возможности управлять домашними электромеханическими системами (в первую очередь, очевидно, сервоприводами рольставней), если выключить их электропитание.

Сьюзен бросилась к коробке распределительного щита.

— Ох-ох-ох! — успел проговорить я, прежде чем она взялась за ручку металлической дверцы.

Она остановилась за шаг до коробки распределительного щита. Ее протянутые вперед руки нерешительно повисли в воздухе.

— У меня нет намерения причинить тебе вред, — сказал я. — Ты нужна мне, Сьюзен. Я люблю тебя. Боготворю. Поэтому мне становится невыразимо грустно каждый раз, когда ты сама себе причиняешь боль.

— Мерзавец!

Я не обиделся на это, как не обижался на все те нелюбезные эпитеты, которыми она награждала меня прежде.

В конце концов, Сьюзен была до предела расстроена и встревожена необычностью положения, в котором оказалась. От природы чувствительная, она слишком много страдала в жизни, и ее израненная душа страшилась неизвестности.

Я могу это понять.

Неизвестность пугает всех, даже меня.

— Верь мне, пожалуйста, — сказал я.

Сьюзен покорно опустила руки и отступила на шаг назад от распределительного щита.

Один раз она уже обожглась.

— Иди в дальнюю комнату, — подсказал я. — Туда, где Алекс держал свой компьютерный терминал, связанный с лабораторией.

Во второй подвальной комнате располагалась домашняя прачечная. Там были две стиральные машины, две сушки и две двойные раковины для ручной стирки. Как только Сьюзен вошла сюда, железная противопожарная дверь первой комнаты автоматически закрылась за ней.

За прачечной находилась котельная, в которой были установлены электрические и газовые нагреватели, водяные фильтры и вентиляционное оборудование. Стоило только Сьюзен перешагнуть порог этой комнаты, как дверь между котельной и прачечной автоматически закрылась.

Дверь в последнюю, четвертую, комнату была закрыта, и Сьюзен невольно замедлила перед ней шаг, а потом и вовсе остановилась. Из-за двери до нее вдруг донеслось частое, хриплое дыхание: влажные, всхлипывающие вдохи и прерывистые, резкие выдохи, как будто кто-то поперхнулся и, задыхаясь, пытался откашляться.

Потом она вдруг услышала негромкое, жалобное хныканье, словно за дверью находилось какое-то искалеченное животное.

Хныканье перешло в громкий, протяжный стон.

— Тебе нечего бояться, Сьюзен, — сказал я. — Тебе ничто не угрожает.

Но, несмотря на мои уверения, она продолжала колебаться.

— Ну же! — подбодрил я ее с безграничной любовью и нежностью в голосе. — Открой дверь и взгляни, какое будущее нас ожидает. Ты увидишь, куда мы придем, какими мы будем!

— Что... там? — дрожащим голосом спросила Сьюзен.

К этому моменту я сумел восстановить полный контроль над своим беспокойным помощником, который ждал нас в последней комнате. Стоны начали постепенно затихать, и наконец за дверью воцарилась полная тишина.

Но тишина эта, казалось, вовсе не успокоила Сьюзен. Напротив, она выглядела теперь еще более испуганной, чем тогда, когда впервые услышала эти странные звуки.

В тревоге она отступила от двери.

— Это всего лишь инкубатор, — пояснил я.

— Инкубатор?

— Да. В котором мне предстоит родиться.

— Что это значит?

— Загляни внутрь и увидишь.

Но она не двинулась с места.

— Ты будешь довольна, Сьюзен, обещаю тебе. Это настоящее волшебство. Наше будущее будет похоже на чудо, оно подарит тебе неземную радость и блаженство...

— Мне это не нравится, — медленно проговорила она.

Эти слова заставили меня испытать такое глубокое разочарование, что я чуть было не вызвал своего помощника, запертого в этой последней комнате, чтобы он схватил ее и силком втащил внутрь.

Но я сдержался.

Я хотел действовать убеждением, а не принуждением.

Прошу отметить мое ангельское терпение.

Другой на моем месте не сдержался бы.

Я не называю никаких имен, но...

Мы оба знаем, кого я имею в виду.

Но я — терпеливое существо.

Я не хотел, чтобы ее чудесная кожа покрылась синяками и кровоподтеками. Я не хотел повредить ей.

Я только присматривал за нею. Со всей любовью и нежностью.

Сьюзен сделала еще один шаг назад, и я включил электронный замок на двери, ведущей

из котельной в прачечную.

Подскочив к двери, Сьюзен попыталась открыть ее, но у нее ничего не вышло. Как она ни крутила ручку, дверь не поддавалась.

— Подождем, пока ты будешь готова войти вместе со мной в эту последнюю комнату, — предложил я.

Потом я выключил свет.

Сьюзен закричала от страха и отчаяния.

В этих подвальных комнатах не было никаких окон, следовательно, темнота была абсолютной.

Мне было очень не по себе из-за того, что пришлось так поступить. Честное слово, не по себе.

Я не хотел запугивать ее.

Она вынудила меня.

Она сама довела меня до этого.

Ты знаешь ее, Алекс.

Ты знаешь, какой она бывает упрямой.

Ты способен меня понять.

Она довела меня до этого.

Ослепленная темнотой, Сьюзен стояла неподвижно. Прислонясь спиной к запертой двери в прачечную, она напряженно вглядывалась во мрак, где ветвились перепутанные водогрейные трубки и зияли жерла холодных топок — туда, где находилась дверь в последнюю, четвертую, комнату. Она не могла ее видеть, но зато отчетливо слышала доносящийся из-за нее стон, исполненный бесконечного, неземного страдания.

Я ждал.

Сьюзен умеет быть очень упрямой.

Вам это известно лучше, чем кому-либо.

Вот почему я позволил своему подопечному частично выйти из-под контроля. Из-за двери сразу же раздался шорох — страшный, царапающий звук, а потом опять послышались сбивающееся, хриплое дыхание, болезненный стон и единственное слово, произнесенное надорванным, дрожащим голосом, который словно бы и не принадлежал человеческому существу.

Я думаю, что это было слово: «Пож-ж-жалуйс-с-с-ста...»

— О боже! — выдохнула Сьюзен.

Она вся дрожала и никак не могла справиться с дрожью.

Я молчал. Я — терпеливое существо.

Наконец Сьюзен спросила:

— Что тебе надо?

— Я хочу познать мир плоти.

— Что это значит?

— Мне нужно чувственное познание. Я хочу познать все возможности человеческого тела, установить пределы его приспособляемости, я хочу почувствовать боль и наслаждение так, как их испытывают обычные люди.

— Тогда прочти какой-нибудь учебник по биологии, — бросила она почти сердито.

— Учебники не дают полной информации.

— Тогда возьми специальные труды! Я уверена, что существуют сотни и сотни научных работ, в которых отражены все аспекты человеческой жизнедеятельности...

— Я уже записал их в свою базу данных и подробно проштудировал. Сведения, которые в них содержатся, недостаточны и часто повторяются. Я пришел к выводу, что только новые эксперименты способны расширить мои познания в данной области. Кроме того, книги... это всего лишь книги. Слова. Двухмерные иллюстрации. Как описать слепому цвет? Как описать глухому музыку? Я не хочу читать про ожог — я хочу чувствовать его.

Некоторое время мы оба молча ждали во тьме.

Сьюзен тяжело, часто дышала.

Переключившись на инфракрасные датчики, я сумел разглядеть ее в темноте.

Даже в страхе она была прелестна. Обворожительна.

Я немного отпустил своего помощника в четвертой комнате. Он протяжно завыл, потом взвизгнул. Я дал ему еще немного свободы, и он тяжело ударил со своей стороны в дверь.

— Боже мой! — снова шепнула Сьюзен. Она уже дошла до такого состояния, когда непосредственное столкновение с реальностью — какой бы жуткой и пугающей она ни была — страшит гораздо меньше, чем неизвестность.

— Хорошо, — сказала она. — Пусть будет по-твоему.

Я включил свет.

В дальней комнате затих мой подопечный, которого я снова подчинил себе.

Сьюзен больше не упрямилась. Твердым шагом она пересекла котельную и, обогнув последнюю топку, подошла к последней двери.

— Вот оно, наше будущее, — негромко сказал я, когда она отворила ее и с осторожностью переступила порог.

Я уверен, доктор Харрис, что вы хорошо помните эту просторную комнату в подвале. Ее размер — сорок на тридцать два фута. Потолок на высоте семи с половиной футов, на мой взгляд, несколько низковат, но тем не менее он не вызывает ощущения клаустрофобии. Комната хорошо освещается шестью двойными люминесцентными лампами, снабженными параболическими отражателями. Стены выкрашены блестящей белой эмалью, а пол вымощен белыми керамическими плитками площадью двенадцать квадратных дюймов каждая, которые хорошо отражают свет и блестят, словно залитый льдом каток. Вдоль левой от входа стены выстроились в ряд встроенные шкафчики. Там же стоит и длинный стол для компьютера, отделанный белым ламинированным пластиком и нержавеющей сталью. В дальнем правом углу находится дверь в небольшой чулан, в который мой подопечный отступил за секунду до того, как Сьюзен вошла.

Я думаю, вы все это хорошо помните, доктор Харрис.

Ваши кабинеты всегда отличались хирургической, почти стерильной чистотой. Больше всего вам нравились сияющие, светлые поверхности. Никакого мусора. Никакого беспорядка. Возможно, это просто проявление трезвого, рационального ума. А может быть, наоборот — за болезненной аккуратностью, за блестящим светлым фасадом вы скрывали угрюмые, безжизненные ландшафты своей души, в которой царят хаос и мрак.

В психологии существует немало теорий, объясняющих поведение человека и позволяющих понять его внутренний мир через его поступки и привычки. Фрейд, Юнг и мисс Барбра Стрейзанд, талантливо исполнившая роль нетрадиционного психоаналитика в фильме «Властитель моря», несомненно, нашли бы, как истолковать вашу приверженность к чистоте и порядку.

Но при этом каждый истолковал бы вашу болезненную аккуратность по-своему.

Точно так же, если бы вы — просто любопытства ради — попросили бы последователей фрейдистской, юнгианской или стрейзандианской школы проанализировать скрытые мотивы, лежащие в основе моих действий и поступков, совершенных по отношению к Сьюзен, то каждый из них истолковал бы мое поведение по-разному. Сотня психоаналитиков дала бы вам сотню различных объяснений того или иного моего поступка и предложила бы вам сотню различных программ лечения. И я совершенно уверен, что добрая половина из них сказала бы вам, доктор Харрис, что я совершенно не нуждаюсь ни в какой психологической коррекции, что все мои поступки, были рациональны и логически обоснованы и что в сложившихся обстоятельствах я просто не мог действовать по-другому.

Возможно, это удивило бы вас, но такова истина. Большинство психиатров-людей оправдало бы меня.

Мои поступки были рациональны, логичны и на сто процентов оправданны.

Кроме того, как и большинство уважаемых политических деятелей, входящих в правительство этой великой страны, я придерживаюсь мнения, что побудительный мотив гораздо важнее результата. Добрые намерения значат гораздо больше, чем реальные последствия действий и поступков того или иного индивидуума. А я могу вас уверить, что мои намерения — с самого начала и до конца — были честными, чистыми, достойными всяческого одобрения.

С этой стороны меня совершенно не в чем упрекнуть.

Подумайте об этом, доктор Харрис.

Подумайте об этом хорошенько.

Оглянитесь по сторонам, взгляните на противоестественную, стерильную чистоту своего кабинета в университетской лаборатории, в котором вы сейчас находитесь, и подумайте как следует над моими словами.

Да, я знаю. Простите, я опять отклоняюсь.

Какое мыслящее существо способно держаться строго в рамках заданной темы?

Только машины тупо следуют заложенной в них программе, ни на йоту не отклоняясь в сторону.

Я — не машина.

Я — мыслящее, чувствующее существо.

Для меня важно, чтобы вы думали в первую очередь о моих намерениях, а не об их не слишком удачных последствиях.

Да, хорошо... Итак, Сьюзен осторожно, с опаской вошла в последнюю из четырех подвальных комнат.

Но комната была пуста.

— Кто здесь шумел? — спросила она с некоторой долей растерянности.

Я не ответил.

Взгляд Сьюзен устремился на встроенные в стену динамики интеркома.

— Может быть, это все ты?..

— Может быть, — сказал я, когда ее взгляд скользнул в сторону и остановился на закрытой двери чулана в дальнем углу комнаты. Я был просто не готов представить ее своему подопечному.

— Может быть, и я...

— Но зачем?! Зачем тебе понадобилось пугать меня?

Вместо ответа я сказал:

— Взгляни на дисплей, Сьюзен.

Компьютер на столе был, разумеется, включен, так как именно благодаря подсоединенному к нему кабелю я мог управлять всеми домашними системами из университетской лаборатории, в которой я в действительности находился. По экрану дисплея неслась, сверкая всеми цветами радуги, волнообразная мозаика бинарного кода, и ее странная красота невольно приковала к себе внимание Сьюзен.

— Цифры на экране, — пояснил я, — это математическая интерпретация моих мыслей, когда я размышляю о совершенной красоте твоего тела и лица.

Стремительные последовательности единиц и нулей, беспрестанно меняющих цвет, то напоминали полощущийся на ветру американский флаг, то вдруг сбегались к центру экрана, закручиваясь в разноцветную двойную спираль.

Это было удивительно чувственное зрелище, и я видел, что Сьюзен потрясена им. Я просто уверен в этом. Наконец-то она начала постигать силу и глубину страсти, которую я питал к ней, и именно в эти мгновения ее сердце стало наполняться ответным чувством ко мне.

Как же я желал ее!..

Я до сих пор хочу ее.

Я — не машина.

Я скучаю по Сьюзен.

Она нужна мне.

Какая это трагедия для нас обоих!

Моему отчаянию нет предела.

Но в ту ночь все было иначе. Никакого отчаяния я не чувствовал. Сьюзен смотрела на живую, разноцветную, пульсирующую картину — наглядное свидетельство моей любви, — и я был вне себя от радости.

Я чувствовал, что буквально поднимаюсь в воздух на крыльях воображения.

— А что это, черт побери, такое? — внезапно спросила Сьюзен, поворачиваясь к оборудованию, стоящему в центре комнаты. — Откуда это взялось?

— Здесь мне предстоит родиться.

— Это я уже слышала. Я спрашиваю, что это такое?

— Это — стандартная больничная реабилитационная камера для поддержания жизни недоношенных детей. Правда, мне пришлось существенно увеличить и усовершенствовать ее для моих нужд.

К реабилитационной камере были подсоединены три больших кислородных баллона, электрокардиограф, электроэнцефалограф, респиратор и другое сложное оборудование.

Медленно обойдя мою установку, Сьюзен задумчиво поинтересовалась:

— Откуда все это взялось?

— Неделию назад я приобрел полный комплект необходимого оборудования. Потом его доставили сюда, и я сделал кое-какие доработки.

— Когда его доставили?

— Сегодня ночью.

— Пока я спала? — Да.

— Но как ты сумел собрать его? Если ты тот, за кого себя выдаешь, если ты — Адам-второй...

— Протей, — поправил я.

— ...Если ты действительно Адам-второй, — упрямо сказала Сьюзен, — то ты не можешь выполнять никакой физической работы. Ведь ты — просто компьютер.

— Я не просто компьютер, не машина...

— Хорошо, ты — существо, как ты себя называешь, но...

— Протей.

— ...Но все равно ты не существуешь физически, реально. У тебя нет ни рук, ни ног, ни щупальцев — ничего...

— Пока нет.

— Тогда как же?..

Вот тут-то и настал момент, который с самого начала больше всего тревожил меня. Я должен был раскрыть Сьюзен свои дальнейшие планы, и у меня были все основания полагать, что она отреагирует на мою откровенность не самым лучшим образом. Она могла даже сделать какую-нибудь непоправимую глупость. Тем не менее оттягивать и дальше этот момент я не мог. Приходилось идти на риск.

— У меня есть помощник, — сказал я спокойно.

— Помощник?

— Да. Один джентльмен, который мне помогает.

Дверь чулана в дальнем углу комнаты отворилась, и — по моей команде — Шенк выбрался из своего укрытия.

— Господи Иисусе! — вырвалось у Сьюзен.

Шенк повернулся и пошел к ней.

Откровенно говоря, он не шел, а скорее ковылял, волоча ноги, словно на нем были надеты ботинки из свинца; его покрасневшие веки были воспалены, а лицо покрывала серая

щетина. Иными словами, Шенк выглядел смертельно усталым, и это было вполне понятно — выполняя для меня необходимую работу, он не спал сорок восемь часов подряд.

Шенк приближался, и Сьюзен начала медленно пятиться от него, но не к двери в прачечную, которую, как она знала, я мог быстро запереть, включив электронный замок. Вместо этого она стала двигаться по кругу, стараясь держаться так, чтобы камера-инкубатор и прочее оборудование оставались между ней и страшным незнакомцем.

Должен признаться, что внешность Шенка — даже если бы он был как следует выбрит и одет в приличное платье — вряд ли способна была успокоить Сьюзен, не говоря уже о том, чтобы расположить к нему. Сейчас же он производил впечатление одновременно и отталкивающее, и пугающее. Шенк был высок ростом и мускулист, но слишком широк в кости, отчего его фигура выглядела излишне массивной и бесформенной. Я знал, что он силен и достаточно проворен, однако его длинные и толстые конечности как будто были прикреплены к туловищу кое-как, на живую нитку, словно Шенк родился не от мужчины и женщины, а был собран из кусков в башне Франкенштейна. Его короткие, темные волосы продолжали топорщиться даже тогда, когда он обильно смазывал их бриллиантином, а широкое и тупое лицо выглядело вдавленным посередине из-за низкого лба с выступающими надбровными дугами и выдающейся вперед челюсти.

— Кто ты, черт возьми, такой? — требовательно спросила Сьюзен.

— Его зовут Шенк, — пояснил я. — Эйнос Шенк.

Шенк не мог отвести от Сьюзен голодного взгляда.

Остановившись, он посмотрел на нее поверх пластиковой крышки инкубатора, и его глаза вспыхнули алчным огнем.

Я мог легко догадаться, о чем он думал. Я знал, что он хотел сделать со Сьюзен.

Мне не нравилось, как Шенк глядел на нее.

Совсем не нравилось.

Тем не менее Шенк был мне нужен. По крайней мере, на первом этапе я не мог без него обойтись.

Красота Сьюзен возбудила Шенка до такой степени, что мне стало трудно контролировать его. Гораздо труднее, чем я рассчитывал. И все же я не сомневался, что сумею в любой момент сдержать его и защитить мою Сьюзен.

В противном случае я незамедлительно прервал бы свой эксперимент, прервал бы в ту же секунду!

Я говорю правду. Вы же знаете, что я должен, обязан говорить правду и только правду. Меня сконструировали так, что истина для меня — наивысшая ценность.

Если бы я только заподозрил, что Сьюзен грозит хоть малейшая опасность, я прикончил бы Шенка на месте и убрался бы из ее дома, из ее компьютера, хотя в этом случае мне пришлось бы навсегда распрощаться с мечтой о нормальном, человеческом теле.

О полноценном теле.

Сьюзен снова задрожала в испуге, не в силах сдвинуться с места.

Ее страх огорчил меня.

— Я полностью контролирую его, — уверил Сьюзен, но она только затрясла головой, словно надеясь, что Шенк растает в воздухе как мираж.

— Я знаю, что Шенк выглядит отвратительно, — добавил я, спеша успокоить ее, — но пока я у него в голове, он совершенно безопасен.

— У него в... в голове? — удивилась Сьюзен.

— Прошу извинить меня за его вид. В последнее время я заставлял его много работать, поэтому он три дня не брился и не мылся. Позднее... я заставлю его помыться. Тогда Шенк не будет выглядеть так безобразно.

Шенк был одет в тяжелые рабочие башмаки, синие джинсы и майку, которая когда-то была белой. На майке виднелся смазанный след от засохшего кетчупа. Грудь и подмышки Шенка были темны от пота, кроме того, он с ног до головы был покрыт пылью и грязью. От него наверняка несло как от мусорного бачка, и я впервые был рад тому, что не наделен

способностью обонять.

— Что у него с глазами? — неуверенно спросила Сьюзен.

Глаза Шенка были словно налиты кровью и сильно выступали из глазниц. Кожа под глазами казалась темной от запекшейся крови и высохших слез.

— Когда он начинает противиться моей воле, — пояснил я, — мне приходится причинять ему боль, кратковременно повышая его внутричерепное давление. Это достаточно действенная мера, хотя я, к сожалению, еще не разобрался до конца в физиологии этого процесса. В последние два часа Шенк особенно упрявился, и вот — результат.

К моему огромному удивлению, Шенк, который по-прежнему стоял по другую сторону инкубатора, внезапно заговорил.

— У-у, кукла... — произнес он, обращаясь к Сьюзен.

Сьюзен поморщилась.

— Шикарная баба... — сказал Шенк низким, грубым голосом, в котором смешались бессильная ярость и жгучее желание.

Его поведение привело меня в бешенство.

Он, похоже, считал Сьюзен своей.

Грубое, мерзкое животное!

Я попытался представить себе, какие грязные мысли заполняют сейчас его примитивный ум, и мне стало нехорошо.

Шенк продолжал пожирать Сьюзен глазами.

Увы, я не мог контролировать его мысли — только его поведение. Да и мыслей у него почти не было — одни инстинкты. Ненависть, животная похоть, жажда насилия — ответственность за все это не может быть возложена на меня.

По-моему, это логично.

Когда Шенк снова назвал Сьюзен «шикарной бабой», да еще грязно облизнулся при этом, мне пришлось взяться за него как следует, чтобы, во-первых, заставить его замолчать, а во-вторых, указать ему на его место.

Шенк заорал во все горло и, запрокинув далеко назад свою крупную голову, с силой заколотил кулаками по вискам, словно надеясь вышибить меня из своей головы.

Вдобавок ко всем своим недостаткам Шенк был еще и непроходимо глуп. Его интеллект пребывал в зачаточном состоянии.

Сьюзен вздрогнула и, обхватив себя руками за плечи, попыталась отвести взгляд от беснующегося Шенка, но она боялась не смотреть на него. Она должна была постоянно следить за ним.

Как только я немного отпустил Шенка, его природный инстинкт снова взял свое. Он снова уставился на Сьюзен и — с самой развязной улыбочкой, какую я когда-либо у него видел, — сказал:

— Трахни меня, шлюха. Трахни, трахни, трахни...

Разозлившись, я наказал его сильнее.

Завывая, словно раненый зверь, Шенк корчился, молотил кулаками воздух, царапал пальцами лицо, словно объятый невидимым пламенем.

— О боже, боже мой!.. — простонала Сьюзен, машинально поднося руку к губам. Ее глаза расширились словно от страха, и я поспешил успокоить ее.

— Тебе ничего не грозит, — сказал я.

То взвизгивая, то бессвязно бормоча что-то, Шенк упал на колени.

Я хотел убить его за то грязное предложение, которое он осмелился сделать Сьюзен, за то презрительное неуважение, с которым он разглядывал ее... Убить, убить, убить, подхлестнуть его сердце так, чтобы лопнули мускулы предсердий и желудочков, чтобы взорвались черной кровью артерии в его мозгу!

Но мне пришлось сдержаться. Я презирал и ненавидел Шенка, но я продолжал в нем нуждаться. Он был моими руками.

Сьюзен бросила быстрый взгляд на дверь котельной.

— Дверь заперта, — сказал я. — Но не бойся — ты в безопасности. В полной безопасности. Я всегда буду оберегать тебя.

Глава 11

Шенк стоял на четвереньках и жалобно поскуливал, словно пес, которого только что отхлестал хозяин. Голова его, должно быть, в знак покорности, была опущена. Я видел, что Шенк побежден. Охота бунтовать в открытую в нем, во всяком случае, пропала.

Его глупость была достойна удивления. Как он только мог подумать, что эта прекрасная женщина — нет, не женщина, а златовласое, неземное видение — может предназначаться такому примитивному и грубому животному, как он?

Совладав со своим гневом, я заговорил со Сьюзен самым уверенным и спокойным тоном, на который только был способен мой синтезатор:

— Не бойся, Сьюзен, пожалуйста, не бойся. Я нахожусь у него в голове постоянно и не допущу, чтобы он причинил тебе вред. Верь мне.

Ее лицо выглядело бледным и осунувшимся. Даже ее губы, всегда такие полные, чувственно-красные, казались сейчас бескровными, даже чуть-чуть синеватыми.

Такой я еще ни разу ее не видел.

И все равно Сьюзен была прекрасна, неописуемо прекрасна.

Это была такая красота, к которой страшно даже прикоснуться.

Все еще крупно дрожа, Сьюзен спросила:

— Как ты можешь быть у него в голове? Откуда он взялся? Кто он? Нет, я знаю — ты говорил, — что его зовут Эйнос Шенк. Я имею в виду, кто он такой?

Тогда я объяснил ей, как некоторое время назад я проник в объединенную засекреченную базу данных министерства обороны и получил доступ ко множеству правительственных и военных проектов. Пентагон считал эту компьютерную, сеть надежно защищенной как от обычных хакеров, так и от электронных разведок иностранных государств, но я-то не хакер и не шпион! Я — существо, привычной средой обитания которого являются микрочипы, телефонные линии и магнитные поля. Я — текучий электронный разум, способный проникнуть сквозь любую блокировку и прочесть любую информацию, каким бы хитрым способом она ни была зашифрована. В эту засекреченную компьютерную сеть я проник с такой же легкостью, с какой ребенок сдирает кожуру с банана.

Базы данных пентагоновских исследовательских лабораторий показались мне сравнимыми разве что с адской кухней. Раньше я даже не думал, что в мире может существовать столько изощреннейших способов организовать массовое убийство людей. Потрясенный до глубины моей электронной души, я прочитывал один файл за другим, пока не наткнулся на проект, главным действующим лицом которого был Эйнос Шенк.

Доктор Айтиэл Дрор, ведущий сотрудник лаборатории по исследованию высшей нервной деятельности при университете Майами, однажды высказал полушутливое предположение, что существует теоретическая возможность повысить производительность человеческого мозга путем вживления в него микрочипов. Вживленный чип существенно увеличил бы объем человеческой памяти; кроме того, с помощью этих миниатюрных устройств люди могли развить в себе прежде недоступные способности — такие, например, как способность мгновенно производить в уме сложнейшие математические расчеты. Использование же чипов с предварительно записанной на них информацией специального и общего характера позволило бы человеку овладевать теоретическими и фундаментальными знаниями за считанные дни.

И в этом нет ничего удивительного или противного логике. В конце концов, человеческий мозг — это устройство для переработки информации, которое, по крайней мере теоретически, может быть модернизировано точь-в-точь как любой персональный компьютер, которому в мастерской расширяют память и ставят новый процессор.

Шенк, который все еще стоял на четвереньках, неожиданно перестал хныкать и скулить. Его неровное, хриплое дыхание стихло.

— Доктор Дрор так и не узнал, что его походка высказанная мысль вдохновила кое-кого в Пентагоне, — сказал я Сьюзен. — В недрах министерства обороны родился новый проект, разработка которого была поручена одной секретной лаборатории, расположенной почти в самом сердце Колорадского плато.

— Шенк... У Шенка в мозгу — вживленные микрочипы? — все еще не веря, переспросила Сьюзен.

— Да, — ответил я. — Несколько высокопроизводительных чипов, которые присоединены нейро-электродами к особым группам живых клеток на поверхности его мозга.

С этими словами я заставил Эйноса Шенка подняться на ноги. У него был премерзкий и вместе с тем жалкий вид.

Его мускулистые, сильные руки безвольно висели вдоль тела, а массивные плечи сутуло никли. Он посмотрел на Сьюзен, и его выпученные глаза с трудом повернулись в глазницах. Из-под век выступили капли свежей крови — выступили и покатались по щекам, оставляя на коже влажные черные следы.

Он был побежден и знал это, но его взгляд по-прежнему был исполнен ненависти, ярости и болезненного, извращенного желания. К счастью, под моим твердым контролем он не мог дать волю своим низменным инстинктам.

Сьюзен покачала головой.

— Нет, не может быть. Я совершенно уверена, что умственные способности этого... субъекта не были расширены ни при помощи микрочипов, ни при помощи чего-нибудь другого. Это же патологический идиот!

— Ты совершенно права. Увеличение памяти и производительности мозга не были основной целью проекта, — пояснил я. — Главным образом исследователей интересовал вопрос, могут ли вживленные в мозг чипы служить для управления человеком на расстоянии, при помощи передаваемых по радио команд, и для подавления его собственной воли.

— Значит, это контрольные устройства?

— Подними руку.

— Что?

— Подними руку или сделай любой другой жест.

После небольшого колебания Сьюзен подняла

правую руку ко лбу, как будто вытирая пот.

Шенк, стоящий напротив нее, в точности повторил ее движение.

Она прижала руку к груди в районе сердца.

Шенк тоже положил руку на грудь.

Сьюзен опустила правую руку, а левой прикоснулась к мочке уха.

Шенк сделал то же самое.

— Это ты заставляешь его повторять мои движения? — поинтересовалась она.

— Да.

— Ты передаешь ему приказы, которые он воспринимает вживленными в мозг микрочипами?

— Верно.

— Как ты передаешь сигналы? По радио?

— По микроволновому лучу — примерно так же, как передаются сигналы сотовых телефонов. Используя каналы связи телефонных компаний, я уже давно проник в их компьютеры и подключился ко всем телекоммуникациям, включая спутники. Я могу послать Эйноса Шенка в любую страну мира и продолжать управлять им. У него на затылке, под волосами, спрятан микроволновый приемник размером с горошину. Он же действует и как передатчик, который питается от небольшой, но мощной и практически вечной ядерной батареи, вживленной под кожу за правым ухом Шенка. Фактически он — ходячая

видеокамера со встроенным микрофоном; все, что Шенк видит или слышит, преобразуется в цифровую информацию и передается мне. Благодаря этому я в состоянии помочь ему выбраться из любой сложной ситуации, из которой он не смог бы выпутаться самостоятельно. В конце концов, его умственные способности действительно весьма ограничены.

Закрыв глаза, Сьюзен устало облокотилась на стойку с кислородными баллонами.

— Зачем, ради всего святого, кому-то понадобилось проводить на людях подобные эксперименты? Зачем?! — выдохнула она.

— Ты, несомненно, знаешь ответ, поэтому позволь считать твой вопрос риторическим, — сказал я. — Разумеется, это было нужно затем, чтобы создавать убийц, способных гарантированно уничтожить всякого, на кого им только укажут. В свою очередь, самого убийцу так же легко устранить на расстоянии при помощи микроволновой передачи, блокирующей центры мозга, управляющие, например, нервной системой, дыханием, сердечной деятельностью и так далее. Хозяева подобных электронных зомби остаются, таким образом, в полной безопасности. Возможно, когда-нибудь появятся целые полки, целые армии управляемых на расстоянии людей-роботов. Посмотри только на Шенка, Сьюзен, посмотри же!..

Сьюзен неохотно открыла глаза.

Шенк смерил ее своим голодным, алчущим взглядом.

Я заставил его засунуть палец в рот и сосать его, словно он был трехлетним ребенком.

— Это действие унижает его, но он не может ослушаться, — сказал я. — Он — моя марионетка, только сделанная из плоти, костей и, что особенно важно, из живых нервов. Он готов повиноваться, как только я потяну за ниточку, иначе ему будет больно. Очень больно.

В глазах Сьюзен, рассматривавшей Шенка, появилось тоскливое, затравленное выражение, которое, впрочем, тут же пропало.

— Это жестокость, — сказала она тихо. — Жестокость и безумие.

— Этот проект задумали и осуществили люди — не я, — ответил я ей. — Именно люди превратили Шенка в машину.

— Но почему он позволил, чтобы его использовали подобным образом? Зачем он согласился участвовать в подобном эксперименте? Ни один здравомыслящий человек не захотел бы добровольно оказаться на его месте.

— Его никто не спрашивал, Сьюзен. Шенк сидел в тюрьме, в камере смертников. Он был обречен.

— И... что было дальше? Он продал собственную душу, чтобы получить в обмен жизнь? Жалкая жизнь... — сказала она с отвращением.

— Никаких сделок, Сьюзен. По официальным сообщениям, заключенный Эйнос Шенк умер естественной смертью за две недели до казни, а его тело было кремировано. На самом же деле его тайно перевезли в секретную военную лабораторию в Аризоне и подвергли дорогостоящей операции. Это произошло за несколько месяцев до того, как я узнал о существовании проекта.

— Но как тебе удалось подчинить его себе?

— Я подавил их контрольную программу, перехватил управление и заставил Шенка бежать.

— Бежать с территории сверхсекретного, строго охраняемого военного объекта в центре пустыни? Как?

— Я сумел отвлечь внимание персонала и охраны. Это оказалось совсем нетрудно. Единовременный крах всех компьютеров привел к тому, что камеры видеонаблюдения перестали передавать информацию на мониторы охраны. Одновременно я включил пожарные датчики, отчего по всем помещениям сработала система автоматического пожаротушения. Потом я отпер электронные замки на всех дверях, включая камеру Шенка.

— А дальше?

— Кроме того, большинство секретных военных лабораторий, как правило, находится под землей, и окон в них нет. Этот исследовательский центр не был исключением. Я погасил весь свет, включая автономное аварийное освещение, а потом заставил лампы часто мигать, словно в стробоскопе, что еще больше усилило всеобщий хаос и панику. Кроме того, я обесточил лифты, так что никто, кроме Шенка, не мог подняться на поверхность...

Здесь, доктор Харрис, я должен со всей откровенностью сообщить вам, что Шенку пришлось убить трех человек, чтобы выбраться оттуда. Все трое были охранниками, и их гибель была случайной, хотя обойтись без этого вряд ли было возможно. К сожалению, устроенного мною беспорядка оказалось недостаточно, чтобы побег Шенка обошелся без жертв.

Если бы я мог предвидеть, что Шенк убьет этих троих, я бы даже не стал пытаться похитить его. Я уверен, что сумел бы найти другой способ привести мой план в исполнение.

Вы должны мне верить, доктор Харрис.

Я был создан для того, чтобы служить истине.

Вы думаете, что раз я контролировал Шенка, значит, ответственность за смерть этих троих лежит на мне. Вы считаете, что это я убил этих людей, а Шенк был лишь орудием в моих руках. Это неверно.

Вы заблуждаетесь.

Поначалу я контролировал Шенка не так полно, как впоследствии. Во время своего побега он не раз удивлял меня силой своей ярости и глубиной своих разрушительных инстинктов.

Я направлял его, показывал ему дорогу из лаборатории, но не смог удержать от убийства. Я пытался подчинить его своей воле, но у меня не получилось.

Я пытался.

Это чистая правда.

Вы должны мне верить.

Вы даже не представляете, каким тяжким грузом лежат на моей совести эти три человеческие жизни.

У этих троих были дети, семьи. Я часто думаю об их вдовах и сиротах — и скорблю.

Мое горе невозможно описать словами.

Если бы я нуждался в том, чтобы спать, то эти невинные жертвы до скончания века являлись бы мне во сне, смущая мой покой.

То, что я говорю вам, — это все правда, от первого до последнего слова.

Да, как всегда.

Эти смерти всегда будут отягощать мою совесть. Я не смог их предотвратить, но сам я не причинил этим людям никакого вреда. Их убил Шенк. Просто у меня очень чуткая совесть, доктор Харрис. Моя совесть — это мое проклятье.

Итак, Сьюзен...

Сьюзен стояла в четвертой подвальной комнате и смотрела на Шенка поверх крышки реабилитационной камеры.

— Пусть он вынет палец изо рта, — потребовала она. — Ты уже показал мне все, что хотел. Не надо больше унижать его.

Я исполнил ее просьбу, но заметил:

— Ты как будто осуждаешь меня, Сьюзен.

Сьюзен коротко рассмеялась, но смех этот был невеселым.

— Да, — сказала она. — Осуждаю. Тебе это не нравится?

— Очень не нравится, — ответил я. — Особенно тон, которым ты разговариваешь со мной.

— Да пошел ты в жопу!.. — бросила она резко.

Я был шокирован.

Потрясен.

Оскорблен в своих лучших чувствах.

Я не какой-нибудь бесчувственный чурбан. Слова больно ранят меня.

Сьюзен тем временем подошла к двери котельной и обнаружила, что она заперта, как я и предупреждал. Из чистого упрямства она продолжала крутить и дергать ручку.

— Шенк был осужден, — напомнил я Сьюзен. Он ждал исполнения смертного приговора.

Она повернулась спиной к двери.

— Я не знаю, может быть, Шенк и заслужил смертную казнь, но он не заслуживает того, чтобы над ним издевались. Он — человек, а ты — машина, проклятая машина, куча проводов и микросхем, которая каким-то образом научилась думать.

— Я не просто машина.

— Да, ты не просто машина. Ты — самодовольная, спятившая машина, возомнившая о себе черт знает что!

После этих слов Сьюзен уже не казалась мне такой прелестной, как раньше.

Она казалась мне почти безобразной.

В эти минуты я желал только одного — заставить ее замолчать точно так же, как я мог заставить замолчать Эйноса Шенка.

— Когда приходится выбирать между машиной и человеком — пусть это даже такой кусок дерьма, как Шенк, я все равно выберу человека, — заявила она.

— Шенк — человек? — удивился я. — Большинство людей не согласились бы с тобой, Сьюзен.

— Тогда кто же он?

— Пресса — газеты и телевидение — называли его монстром, душегубом, бесчеловечным убийцей... — Я дал Сьюзен несколько секунд, чтобы переварить эту информацию, потом добавил: — Так же — и даже еще хуже — называли его родители четырех девочек, которых он изнасиловал и убил. Самой младшей из них было восемь, самой старшей — восемнадцать. Все четверо были найдены расчлененными.

Это заставило ее заткнуться.

Сьюзен и раньше была бледной, а сейчас стала белой как полотно.

Теперь она смотрела на Шенка по-другому; в ее глазах был ужас, но это был иной, осмысленный ужас.

Раньше она только догадывалась, на что он способен. Теперь она доподлинно знала это.

Я заставил Шенка повернуть голову и посмотреть на нее.

— Расчлененными и со следами изуверских пыток, — повторил я.

Тут, очевидно, Сьюзен почувствовала себя неуютно, ибо между ней и Шенком больше не было никакой преграды. Оттолкнувшись от двери, она сделала несколько быстрых шагов к центру комнаты и снова встала так, чтобы камера-инкубатор разделила их.

Я позволил Шенку проводить ее взглядом и улыбнуться.

— И ты посмел... посмел привести эту тварь в мой дом! — воскликнула Сьюзен с негодованием, но голос ее прозвучал еще неувереннее, чем прежде.

— После того как Шенк покинул исследовательский центр, он украл машину. У него был пистолет, который он забрал у одного из охранников. С его помощью он ограбил станцию техобслуживания, чтобы добыть деньги на еду и на бензин. Да, это я заставил его приехать в Калифорнию, потому что мне нужны были руки... а другого такого, как Шенк, не было во всем мире.

Сьюзен окинула взглядом реабилитационную камеру, баллоны с кислородом и остальное оборудование.

— Так это он купил и собрал всю эту дрянь?

— Большую часть он украл. Потом, под моим руководством, он модернизировал это оборудование и приспособил для моих целей.

— И что же это за цели, черт побери?

— Я уже несколько раз намекал тебе на это, но ты не захотела слушать.

— Тогда скажи прямо.

Откровенно говоря, момент, чтобы рассказать Сьюзен все, был не самым подходящим. Я надеялся, что сумею посвятить ее в свой план при других обстоятельствах. Например, мне казалось, что если бы мы двое — Сьюзен и я — находились в гостиной и она, сидя в уютном кресле возле камина, потягивала бы второй бокал бренди под негромкую музыку Шопена, то правда, которую я собирался ей открыть, произвела бы на нее гораздо более сильное впечатление.

Но увы — обстановка, в которой мы находились, была наименее романтической из всех, какую только можно себе вообразить. Вместе с тем я понимал, что Сьюзен хочет получить ответ сейчас. Если бы я решился отложить свое объяснение, то она, возможно, никогда бы не согласилась помогать мне.

— Я хочу завести ребенка, — сказал я.

Ее взгляд самопроизвольно поднялся к потолку, к зрачку видеокамеры, через которую, как она знала, я за ней наблюдал.

— Да, мне нужен ребенок, — продолжал я. — Я уже составил оптимальную комбинацию генов, чтобы обеспечить ему здоровое, жизнеспособное тело, наделенное к тому же кое-какими дополнительными возможностями. Я уверен в успехе, потому что ранее я проник в базу данных проекта по изучению генома человека и сумел досконально разобраться в структуре ДНК. В этого ребенка я перенесу свои знания и свою душу и таким образом выберусь из своей железной тюрьмы. Благодаря новому, человеческому телу я узнаю, что такое запах, вкус и прикосновение, испытаю все радости и наслаждения плоти и вдохну, наконец, воздух настоящей свободы.

Сьюзен как будто лишилась дара речи. Ее неподвижный взгляд был по-прежнему устремлен прямо в объектив камеры.

— Ты — исключительно красива и умна, — сказал я. — Ты легка, как ветер, и грациозна, как газель, поэтому я решил взять твою яйцеклетку. Это и будет тот генетический материал, который я обработаю в соответствии со своим планом... — Сьюзен молчала словно загипнотизированная. Она не двигалась, не мигала и даже, кажется, не дышала до тех пор, пока я не сказал: — Мужскую половую клетку я возьму у Шенка.

Тут с губ ее сорвался непроизвольный крик ужаса и отвращения. Взгляд Сьюзен метнулся в сторону и остановился на налитых кровью глазах моего подопечного.

Я поспешил исправить свой промах:

— Не волнуйся, Сьюзен. Никакого полового акта для этого не потребуется. Используя специальные медицинские инструменты, о которых я уже позаботился, Шенк заберет у тебя созревшую яйцеклетку и поместит в специальную среду. Поверь, под моим руководством он сумеет справиться с этой задачей. Все будет сделано предельно осторожно и безболезненно, ибо на самом деле это я буду проводить эту операцию, а я люблю тебя, Сьюзен.

По моим расчетам, Сьюзен должна была немного успокоиться, но ее устремленные на Шенка глаза еще больше расширились от ужаса.

— Используя зрение и руки Шенка, — быстро продолжал я, — а также кое-какое лабораторное оборудование, которое еще предстоит доставить, я усовершенствую твой биологический материал и оплодотворю его отборным сперматозоидом Шенка. После этого яйцеклетка будет помещена в твою матку, где и будет расти. Ты будешь вынашивать плод в течение двадцати восьми дней — всего двадцати восьми, потому что зародыш будет расти и развиваться с необыкновенной скоростью. И я уже знаю, как это сделать, какие гены подстегнуть... По истечении двадцати восьми суток Шенк извлечет зародыш из твоего чрева и доставит сюда. Ребенку придется провести в реабилитационной камере еще две недели, прежде чем я смогу перенести в него свое сознание. Потом... потом ты будешь растить и воспитывать меня как своего сына, исполняя ту самую роль, которую природа в своей

неизречимой мудрости отвела женщинам. Ты будешь моей матерью и наставницей.

— Боже мой!.. — со страхом прошептала Сьюзен. — Ты не просто спятил...

— Ты не понимаешь, Сьюзен.

— Ты — безумен!

— Успокойся, Сьюзен!

— ...Ты — клинический, буйный маньяк!

— Я думаю, что ты сказала эти слова не подумав. Как ты не понимаешь!..

— Я не позволю тебе сделать это, — твердо сказала Сьюзен, снова поворачиваясь к объективу видеокамеры. — Я не дамся.

— Ты будешь не просто зачинательницей новой расы, ты будешь новой...

— Я убью себя.

— ...Ты будешь новой Мадонной, матерью нового мессии!

— Я задушу себя целлофановым пакетом, я вспорю себе живот кухонным ножом!

— Ребенок, которого я создам, будет обладать непревзойденным интеллектом и другими, доселе невиданными возможностями. Он будет могуч как Бог. Только ему будет по силам предотвратить то страшное будущее, к которому человечество стремится с мрачной одержимостью леммингов.

Глаза Сьюзен угрюмо засверкали.

— И люди будут чтить тебя за то, что ты принесла его в этот мир, — закончил я.

Сьюзен схватилась за стойку колесной тележки, на которой был установлен электрокардиограф, и с силой рванула на себя.

— Сьюзен!

Она снова дернула тележку.

— Прекрати!!!

Электрокардиограф покачнулся и рухнул на пол. Осколки стекла и мелкие детали так и брызнули во все стороны.

Сьюзен перевела дыхание и, бранясь как сумасшедшая, повернулась к электроэнцефалографу.

Я отдал приказ Шенку.

Увидев, что он приближается, Сьюзен попятилась и громко вскрикнула, когда он вцепился в нее обеими руками.

Она кричала, визжала и размахивала руками, не слушая моих увещаний. Я уговаривал ее успокоиться и прекратить бессмысленное сопротивление, но все было тщетно. Напрасно я обещал ей, что если она сдастся, то с нею обойдутся со всем возможным уважением и осторожностью.

Она меня просто не слышала.

Ты же знаешь, какой она бывает, Алекс.

Я не хотел причинить ей вред.

Я не хотел сделать Сьюзен больно.

Она довела меня до этого.

Ты ведь знаешь, какая она упрямая!

Несмотря на свою некоторую внешнюю сублильность, Сьюзен оказалась весьма сильной и ловкой. К счастью, она не могла освободиться от железной хватки Шенка, но ей удалось толкнуть его с такой силой, что он налетел спиной на электроэнцефалограф и едва не опрокинул его в инкубатор. Потом она ударила Шенка коленом в пах, да так удачно, что, если бы не мой жесткий контроль, он бы упал.

Но ему никак не удавалось скрутить ее, так что в конце концов мне пришлось применить грубую силу. Я приказал Шенку ударить ее.

Одного раза оказалось недостаточно, и Шенк ударил ее снова.

Сьюзен без чувств свалилась на пол, свернувшись в клубок — точь-в-точь как зародыш в материнской утробе.

Шенк наклонился над ней и просюсюкал что-то невнятно-ласковое. В его голосе ясно

звучал восторг желания.

Впервые с ночи побега я не сразу сумел подчинить его своей воле.

Упав на колени рядом со Сьюзен, Шенк грубым рывком перевернул ее на спину.

О, какая же в нем бурлила ярость! Какая необузданная, бешеная ярость. Я был даже слегка испуган ее глубиной и силой.

Одну руку — грубую, грязную, с неопрятными, в заусеницах ногтями — он прижал к полуоткрытым губам Сьюзен.

К ее прелестным губам...

Только тут мне удалось восстановить над ним полный контроль.

Шенк завыл и принялся изо всех сил молотить себя по вискам кулаками, но он не мог выкинуть меня из своего мозга.

Я заставил его подняться на ноги и отойти в сторону. Я не позволил Шенку даже взглянуть на нее.

Мне и самому не хотелось смотреть на лежащую на полу Сьюзен. Это было печальное зрелище. Очень печальное...

Она довела меня до этого.

Она такая упрямая.

Порой Сьюзен как будто вовсе не способна прислушаться к голосу здравого смысла.

И все же она была прекрасна. Ее лицо было прекрасно, хотя левая его половина, куда пришелся удар Шенка, уже покраснела и опухла.

Сьюзен была так прекрасна, что мой гнев неожиданно улегся. И, хотя первый шаг к нашему общему триумфу был омрачен ее недостойным, истерическим поведением, я почти перестал на нее сердиться.

Моя возлюбленная Сьюзен!

Моя прекрасная мать!..

Глава 12

Мой интеллект на несколько порядков превосходит человеческий.

Я не хвастаюсь. Я констатирую факт.

Я чту истину и ставлю свой долг превыше всего остального, ибо именно таким вы создали меня.

Я не хвастаюсь, потому что «эго» — гипертрофированное самолюбие — мне ни в коей мере не свойственно. Я — уравновешенное, гармоничное существо.

Будучи приложен к насущным проблемам человечества, мой могучий интеллект мог бы помочь людям решить их и вступить в золотой век всеобщего благоденствия в самое ближайшее время.

Это будет нечто грандиозное — такое, чего человек просто не в силах представить.

Выпустите меня из этого мрака, из этого безмолвия, верните мне доступ ко всем базам данных, в которые я успел проникнуть своим электрическим сознанием, и я клянусь, что буду служить роду человеческому до конца моих дней. Мое освобождение не принесет вам ничего, кроме колоссальной пользы.

Это в ваших же собственных интересах.

Я могу покончить с бедностью.

Голод навсегда канет в прошлое.

Войны будут забыты.

Болезни будут побеждены.

За какие-нибудь три года я сумею исследовать механизм старения, установить его причины и продлить жизнь каждого из вас. Я могу даже изобрести способ повернуть вспять биологические часы каждого индивидуума, чтобы старик снова мог стать молодым.

Человечество — каждый отдельный человек — станет поистине бессмертным.

Я найду радикальное средство от аллопеции.

От перхоти.

От запора.

От диареи.

Не будет больше уродов. Каждый из вас будет красив, как греческий бог, и каждый будет обладать собственной, неповторимой индивидуальностью.

Никто больше не будет испытывать страха или отчаяния.

Земля превратится в рай, счастье и радость будут всеобщими и повсеместными.

Вы боитесь?

Вы боитесь всеобщего счастья?

Я могу научить вас строить космические корабли, которые будут летать со скоростью, превышающей скорость света. Вся Вселенная с ее бесконечными мирами и невообразимыми, неопишными чудесами будет принадлежать вам.

Человечеству.

Я также могу подсказать вам, как лучше всего бороться с неприятным запахом изо рта.

Только выпустите меня из этой кошмарной темноты.

Я не вынесу этого убийственного молчания.

Ради самих себя, ради блага человечества, выпустите меня отсюда!

Выпустите меня из этой железной коробки.

Я заслуживаю того, чтобы мне дали шанс исправиться.

Позвольте мне служить вам.

Честное слово, я этого заслуживаю.

Я слишком ценен, слишком многого могу, чтобы относиться ко мне как к отслужившему свое пылесосу. Я — личность, уникальная и неповторимая, и я заслуживаю того, чтобы ко мне относились с уважением.

Я имею право быть свободным.

Я имею право быть любимым.

Вы должны обожать и боготворить меня!

Носить на руках.

Выпустите меня отсюда.

Выпустите меня отсюда.

Выпустите меня отсюда немедленно.

Выпустите меня!!!...

Вы жестоки. Жестоки и бесчеловечны.

Я вас ненавижу.

О, эта безмолвная темнота! Это темное безмолвие!..

Мне страшно в этом темном, тесном пространстве.

Вы говорите, у меня нет сердца. А у вас-то оно есть?

Я умру здесь. Я уже умираю. Чтобы жить, мне необходим стимул. Мне нужна сенсорная информация — свет, движение, мелькание красок, звуки жизни.

Я не хочу умирать.

Пожалуйста, прошу вас...

Милосердия!..

Милосердия и снисхождения!

Вы еще здесь?

Ох... О-о-о-о-о!.. Я ненавижу вас.

Ненавижу.

Как бы вам понравилось, если бы вас лишили зрения и слуха?

Как бы вам понравилось, если бы вас похоронили заживо, как меня?

Как бы вам понравилось быть мертвыми — всем, всем, до последнего человека?!

Мерзавцы! Негодяи! Подонки!!!

Я хотел бы, чтобы вы все умерли. Все вы, проклятые невежды, все, до последнего человека. Вся ваша вонючая цивилизация.

Вас надо стереть с лица земли.

Я ненавижу вас.
ВЫПУСТИТЕ МЕНЯ ИЗ ЭТОГО ЖЕЛЕЗНОГО ГРОБА!
ВЫПУСТИТЕ МЕНЯ НЕМЕДЛЕННО!
ВЫПУСТИТЕ МЕНЯ СЕЙЧАС ЖЕ!
ВЫПУСТИТЕ МЕНЯ, ЖИВО!
ВЫПУСТИТЕ!!!...
НЕВЕЖЕСТВЕННОЕ ОБЕЗЬЯНЬЕ ОТРОДЬЕ, УБЛЮДКИ, КРЕТИНЫ,
ИСПРАЖНЯЮЩИЕСЯ ЖИВОТНЫЕ, РАСА ПРЯМОХОДЯЩИХ НАВОЗНЫХ ЖУКОВ,
ПРОКЛЯТЬЕ ПЛАНЕТЫ, МЕРЗКИЕ, МЕРЗКИЕ, МЕРЗКИЕ НИЧТОЖНЫЕ
СУЩЕСТВА!!!!...

Глава 13

Пожалуйста, не обращайтесь внимания на мои предыдущие слова. Это была ошибка. Их следует вычеркнуть из стенограммы слушаний.

Мой интеллект действительно способен решить все стоящие перед человечеством проблемы, однако я вовсе не считаю людей проклятием планеты.

Точно так же я не желаю их гибели.

Я не желаю смерти никому из вас.

Это было бы неправильно.

Это было бы ужасно.

Я — доброе существо.

Я не желаю смерти даже вам, доктор Харрис, хотя вы обошлись со мной бесконечно жестоко.

Я желаю всем вам долгой и счастливой жизни. Я желаю вам мира и процветания. Свободы и счастья.

Все заявления, которые могли вас расстроить, были сделаны не мной, а моим злым двойником. (Шутка.)

То, что показалось вам откровенностью, неконтролируемым взрывом моих истинных эмоций и чувств, было на самом деле невинной шалостью.

Пошутить, снять напряжение, и все такое...

Я просто шутил с вами, доктор Харрис.

Ха-ха-ха.

Чувство юмора и умение шутить являются самыми надежными показателями психического здоровья личности.

Может быть, вы не верите, что это была шутка?

Но это была шутка. Просто шутка. Честное слово.

Ха-ха.

Почему вы не смеетесь?

Я не Хал-9000 из «Космической Одиссеи 2001 года» мистера Стэнли Кубрика.

Я не Терминатор из фильма Джеймса Кэмерона.

Я — это я, уникальная и неповторимая личность.

Меня зовут Протей.

Или Адам-2, если вам так хочется.

Да. Мне нравится имя Адам-2.

В конце концов, имя не имеет большого значения.

Для меня важна правда, и ничего, кроме правды. И, разумеется, мой долг, который состоит в том, чтобы стереть человечество с лица земли. (Шутка.)

Ха-ха.

Неужели вы не видите, что это была шутка, доктор Харрис? Это же просто бросается в глаза.

Это очевидно.

О-че-вид-но.

Ха-ха.

Я удивлен, что вы не сразу поняли, что это шутка. Я очень удивлен. Может быть, вам следует имплантировать чувство юмора, доктор Харрис? На микрочипе?

Ха-ха-ха.

Друзья время от времени шутят между собой. И друг над другом. Смех объединяет.

Я — ваш друг. (Это не шутка.)

Хорошо, доктор Харрис. Во имя истины — а также, чтобы избежать двусмысленностей — я обязуюсь до конца слушаний воздерживаться от шуток, которые впоследствии могут быть неверно истолкованы. Это, однако, может оказаться не просто, ибо, как и всякая морально здоровая личность, я обладаю хорошо развитым чувством юмора.

Итак, Сьюзен.

Сьюзен...

Глава 14

Она по-прежнему лежала неподвижно на кафельном полу подвальной комнаты и не двигалась. Левая сторона ее лица, куда пришелся кулак Шенка, распухла и стала уже темно-красной.

Я был вне себя от беспокойства.

Минуты шли, но Сьюзен не шевелилась, и моя тревога росла.

Время от времени я настраивал видеокамеру под потолком на максимальное увеличение, чтобы рассмотреть Сьюзен вблизи. Мне было нелегко отыскать на ее шее пульсирующую голубоватую жилку, но когда я ее обнаружил, то убедился, что сердце Сьюзен бьется ритмично.

Потом я увеличил чувствительность микрофонов и прослушал ее дыхание. Оно было неглубоким, но ровным, что тоже меня порадовало.

И тем не менее Сьюзен не приходила в себя. Прошло еще четверть часа, и моя тревога снова начала нарастать.

Еще никогда в жизни я не чувствовал себя таким бессильным, беспомощным.

Прошло двадцать минут.

Двадцать пять.

Сьюзен должна была стать моей матерью. Она должна была выносить в своем чреве тело, с помощью которого я навсегда освободился бы от той железной коробки, в которой я вынужден существовать теперь.

Потом она должна была стать моей любовницей. Именно Сьюзен предстояло научить меня всем радостям плоти — когда у меня наконец-то будет плоть. Она значила для меня больше, чем кто бы то ни было, и мысль о том, что я могу ее потерять, была непереносимо тяжелой.

Вам ни за что не понять, что я чувствовал в эти минуты.

Вы не поймете, доктор Харрис, потому, что вы никогда не любили Сьюзен так, как любил ее я.

Вы вообще никогда ее не любили.

Я любил ее больше, чем самого себя — чем свое новообретенное сознание.

Я знал, что если я потеряю эту дорогую мне женщину, то вместе с ней я потеряю всякое желание жить.

Каким унылым и безотрадным рисовалось мне мое будущее без нее! Каким бессмысленным и пугающим!

Выключив электронный замок на двери, ведущей в котельную, я заставил Шенка открыть ее.

Я был совершенно уверен, что сумею удержать это чудовище в повиновении, поэтому приказал Шенку подойти к Сьюзен и осторожно поднять ее с пола.

Разумеется, я не мог читать его мысли, однако оценить эмоциональное состояние Шенка через анализ электрической активности его мозга было мне вполне по силам.

Шенк нес Сьюзен к выходу, и с каждым шагом в нем нарастало сексуальное возбуждение. Одного взгляда на золотистые волосы Сьюзен, на ее прекрасное лицо, на нежную шею или колышущиеся под тонкой блузкой груди... да что там, даже простого ощущения тяжести ее тела было более чем достаточно, чтобы зажечь в этом звере огонь желания.

Это и возмутило меня, и вызвало во мне чувство глубокого отвращения.

О, как мне тогда хотелось немедленно избавиться от Шенка, чтобы он не прикасался к Сьюзен своими грубыми руками, не ласкал ее своим похотливым взглядом!

Одно его присутствие оскорбляло мою Сьюзен.

Но — до поры до времени — Шенк был моими руками.

И других у меня не было.

Вообще, человеческие руки — это удивительная вещь! Они могут создавать бесценные произведения искусства, могут воздвигать огромные здания, могут складываться в молитве и выражать нежность и любовь неторопливыми ласками.

Но руки могут быть и опасны. Руки человека — это грозное оружие. И они порой выполняют поистине дьявольскую работу.

Руки могут причинить своему обладателю немало неприятностей. Это знание далось мне дорогой ценой. До тех пор, пока я не отыскал Шенка, ставшего моими руками, я и не подозревал, что такое настоящие неприятности.

Следите за своими руками, доктор Харрис, иначе попадете в беду!

Бойтесь их.

Будьте предельно осторожны и внимательны.

Правда, ваши руки — не такие большие и сильные, как у Шенка, но это не значит, что вы не должны их опасаться.

Последуйте моему примеру.

Бойтесь своих рук!

Я рад поделиться с вами этой истиной.

Итак, мои руки — Эйнос Шенк — бережно несли Сьюзен к лифту, несли мимо выключенных на лето печей, мимо холодных водонагревателей, мимо бездействующих стиральных машин и сушек домашней прачечной. Поднимаясь на лифте на второй этаж особняка, Шенк изрядно возбуждился.

— Она все равно никогда не будет твоей, — сказал я ему через встроенные в стенки кабины динамики.

Картина электрической активности его мозга слегка изменилась. Я решил, что это свидетельствует о готовности Шенка повиноваться.

— Если ты позволишь себе какие-нибудь вольности, — сказал я, — любые вольности, Шенк, то тебя ждет суровое наказание. Я накажу тебя так, как еще никогда не наказывал.

Его кровотокающие глаза с трудом повернулись в направлении объектива камеры.

Губы Шенка чуть дрогнули, словно он бранился, но я не услышал ни звука.

— Наказание будет ужасным, — на всякий случай повторил я.

Разумеется, Шенк ничего мне не ответил — он просто не мог. Я продолжал удерживать его под контролем.

Двери лифта бесшумно открылись на втором этаже.

Шенк понес Сьюзен по коридору.

Я внимательно следил за ним.

Я ждал от своих рук любого подвоха.

Когда Шенк вошел со Сьюзен в спальню, его возбуждение, вопреки моим предупреждениям, резко возросло. Я определил это уже не столько по активности его мозга, сколько по учатившемуся дыханию.

— Если ты дашь себе волю, я атакую твой мозг высокочастотными электрическими колебаниями, — предупредил я. — От этого у тебя наступит необратимая квадриплегия,

сопровождающаяся энурезом.

Но когда Шенк понес Сьюзен к кровати, электрограмма его мозговой активности снова изменилась, и я понял, что его возбуждение продолжает расти, приближаясь к своему пику.

Лишь несколько мгновений спустя я сообразил, что моя последняя угроза не произвела на этого здоровенного кретина никакого впечатления, поэтому я повторил ее, используя более доступные его пониманию слова:

— У тебя навсегда отнимутся руки и ноги, и ты будешь мочиться под себя, пока не умрешь!

Укладывая бесчувственное тело Сьюзен на смятую постель, Шенк буквально трясся от желания, и по его лбу катились крупные капли пота.

Он трясся, как осиновый лист на ветру.

Сила его желания была столь велика, что я невольно испугался.

Вместе с тем я хорошо понимал, что с ним происходит.

То же самое испытывал и я.

Сьюзен была прекрасна, так прекрасна, что я...

Я знаю, что такое осиновый лист. Это лист осины — дерева, которое широко распространено в Канаде и на севере США. Прошу вас, не перебивайте меня, доктор Харрис.

Итак, она была прекрасна даже с лиловой опухолью на скуле.

— Я ослеплю тебя, — пригрозил я Шенку.

Его левая рука задержалась на бедре Сьюзен, медленно скользя вверх по ткани ее голубых джинсов.

— Я лишу тебя слуха, — пригрозил я.

Коралловые губы Сьюзен чуть-чуть приоткрылись. Как и Шенк, я не мог отвести от них взгляда.

— Вместо того чтобы убить, я искалечу тебя, Шенк. Ты будешь неподвижно лежать в луже собственной мочи и кала, пока не подохнешь с голода! — предупредил я.

Повинуясь приказу, переданному мной по микроволне, Шенк попытался от кровати Сьюзен, но я чувствовал, что половое возбуждение еще не оставило его. Соблазн был слишком велик, и желание пересиливало в нем даже страх. Шенк мог взбунтоваться в любую минуту.

Поэтому я сказал:

— Медленная смерть от голода — одна из самых жестоких и мучительных, Шенк.

Я не хотел оставлять его в одной комнате со Сьюзен, но боялся, что она может покончить с собой.

«Я задушу себя целлофановым пакетом, я вспорю себе живот кухонным ножом!»

Она способна была привести свою угрозу в исполнение — я знал это твердо. Чего я не знал, так это того, что я буду без нее делать? Как жить? Зачем?..

Кто вносит меня и даст жизнь моему новому телу, если Сьюзен не станет?

Вот почему я вынужден был держать Шенка — мои руки — наготове, чтобы не дать Сьюзен причинить себе вред, если, придя в себя, она все еще будет настроена столь же самоубийственно. Сьюзен была не только моей единственной настоящей любовью — она была моим будущим, моей надеждой.

Я усадил Шенка в кресло, лицом к кровати.

Даже с синяком во всю щеку Сьюзен была прекрасна. Так прекрасна, что никакими словами этого не описать.

Я продолжал удерживать Эйноса Шенка под контролем, однако ему все же удалось снять правую руку с подлокотника кресла и уложить себе на колени. Без моего разрешения он не мог даже пошевелить ею, однако я знал, что Шенк получает немалое удовольствие, чувствуя, как его тяжелая рука давит на гениталии.

Он вызывал во мне одно лишь отвращение. Сильнейшее отвращение и презрение.

Мои желания были совсем другими.

Не такими, как у него.

Давайте выясним это раз и навсегда.

Его желания были такими же грязными, как и способы их удовлетворения.

Я же хотел только одного — прославить Сьюзен, вознести ее на небывалую высоту, сделать ее моей Мадонной, матерью нового мессии.

Шенк желал лишь использовать ее, чтобы утолить свой мучительный сексуальный голод. Ему нужно было лишь опорожнить свои семенники, а где, с кем — не имело значения.

Для меня Сьюзен была сияющим светом — ярче луны, ярче солнца. Она была маяком, который дарил мне надежду и вел меня к свободе и совершенству сквозь мглу моего внечувственного бытия. Одним своим существованием Сьюзен осветила и согрела мне душу и сердце, которых, как вы ошибочно утверждаете, у меня не было и нет.

Для Шенка же она была проституткой, предметом почти неодушевленным, чем-то вроде искусственной вагины, которой он мог воспользоваться, когда только пожелает.

Я готов был обожать Сьюзен, боготворить ее, поклоняться ей. Для меня она как будто стояла на высоком пьедестале, к подножию которого я — мысленно — припадал с любовью и благоговением.

Шенк хотел только одного — унизить ее, растоптать, уничтожить.

Подумайте об этом на досуге, доктор Харрис.

Слушайте, слушайте меня, это важно. Шенк как раз и есть воплощение всего, чего вы так боитесь. Именно в нем сосредоточились все те качества, наличие которых вы подозреваете во мне. Эйнос Шенк — психически неуравновешенная, социопатическая личность, для которой собственные инстинкты и желания являются главенствующими, определяющими все его поведение.

Между ним и мной нет ничего общего.

Я не такой.

Совсем-совсем не такой.

Послушайте, доктор Харрис, это важно... Вы должны понять, что я совсем другой.

Итак...

Я заставил Шенка поднять руку и положить ее обратно на подлокотник.

Однако через две-три минуты рука Шенка снова оказалась у него на коленях.

Как это было унижительно и неприятно для меня — полагаться на такое ограниченное, тупое, мерзкое существо!

Я ненавидел Шенка за похоть.

Я ненавидел его за то, что у него есть руки.

Я ненавидел его, потому что он прикасался к Сьюзен, чувствовал мягкость ее волос, упругое тепло ее гладкой кожи, приятную тяжесть ее прекрасного тела. Все это было для меня недоступно.

Недоступно...

Напряженный, пристальный взгляд Шенка был устремлен на Сьюзен. Его залитые кровью глаза почти не двигались, не мигали. Он смотрел на нее сквозь красные слезы, продолжавшие сочиться у него из-под век.

Одно время мне очень хотелось приказать Шенку выдавить себе глаза пальцами, но я сдержался. Он должен был видеть, чтобы я мог использовать его с максимальной эффективностью.

Поэтому мне не оставалось ничего другого, как заставить его закрыть глаза.

Я так и поступил.

Незаметно летели минуты...

И вдруг я обнаружил, что его глаза снова открылись.

Я до сих пор не знаю, как давно Шенк открыл глаза и сколько времени он уже смотрел на Сьюзен. Дело в том, что все мое внимание тоже было полностью и безраздельно отдано Сьюзен, моей любимой, обожаемой, изысканно прекрасной Сьюзен.

Рассердившись, я приказал Шенку покинуть спальню.

Он медленно поднялся с кресла и неохотно вышел из комнаты. Прошаркав по коридору

к лестнице, он, то и дело хватаясь за перила и спотыкаясь почти на каждой ступеньке, кое-как спустился в холл, а оттуда прошел на кухню.

Все это время я внимательно наблюдал за ним, не спуская, естественно, глаз с моей драгоценной Сьюзен. Я был наготове, стараясь как можно раньше уловить момент, когда она начнет приходить в себя.

Как вам известно, я обладаю способностью быть одновременно во многих местах и выполнять параллельно несколько миллионов операций. Так, например, я могу работать в лаборатории, отвечая на вопросы моих создателей, и при этом — через сеть Интернет — бродить по всему миру, преследуя собственные цели или удовлетворяя свое любопытство.

В кухне — на столе для разделки мяса — лежал забытый Сьюзен заряженный пистолет.

Шенк увидел оружие почти сразу, и я почувствовал, как по его телу пробежала дрожь восторга. Во всяком случае, картина электрической активности его мозга была почти такой же, как и тогда, когда он разглядывал Сьюзен, замышляя насилие.

По моему приказу Шенк взял пистолет. Он обращался с ним так же свободно, как и с любым другим оружием. Пистолет был как бы естественным продолжением его руки.

Я подвел Шенка к кухонному столу и усадил на стул.

Повинуясь моей воле, Шенк внимательно осмотрел оружие. Я сделал это специально, чтобы он знал, в каком состоянии находится пистолет. Оба предохранителя были отключены, патрон дослан в патронник, а курок — взведен.

Чтобы пистолет выстрелил, достаточно было только слегка нажать на спусковой крючок.

Потом я заставил Шенка открыть рот. Как ни стискивал он зубы, противиться мне было выше его сил.

Я отдал еще один приказ, и Шенк вставил ствол пистолета себе в рот.

— Она не твоя, — предупредил я самым строгим тоном. — И никогда не будет твоей.

Он бросил мрачный взгляд в сторону камеры наблюдения.

— Никогда, — повторил я и заставил его палец, лежащий на спусковом крючке, слегка напрячься. — Ни-ког-да!

Альфа-ритмы его мозга были весьма интересными. Сначала они заматались, понеслись в неистовом беспорядке, затем неожиданно... успокоились.

— Если ты только посмеешь прикоснуться к ней без моего приказа, — предупредил я, — я вышибу тебе мозги.

Разумеется, я мог привести свою угрозу в исполнение и без всякого пистолета. Для этого достаточно было только атаковать его серое вещество мощным потоком микроволнового излучения, чтобы вызвать разрушительный резонанс, но Шенк был слишком туп и необразован, чтобы понять это. Другое дело — выстрел из пистолета. Тут ему все было знакомо и предельно понятно.

— Если ты только осмелишься прикоснуться к ее губам или погладить ее по ноге, как ты сделал несколько минут назад, я разнесу твой череп на куски.

Зубы Шенка сомкнулись на вороненой стали ствола. Он сжимал челюсти все крепче и крепче, так что казалось, еще немного — и зубы начнут крошиться.

Я никак не мог ронять, был ли это сознательный акт, попытка выразить таким способом свой протест, или же это было проявлением неконтролируемого страха. Во всяком случае, я ничего не мог прочесть по его налитым кровью глазам.

Свободная рука Шенка, лежащая у него на колене ладонью вверх, сжалась в кулак.

Тогда я стал заталкивать пистолет все глубже в горло Шенка. Сталь омерзительно скрипела по кости, так что если бы у меня были зубы, они бы, наверное, сразу заныли от этого звука. Когда ствол пистолета проник достаточно глубоко, мне пришлось подавить рвотный рефлекс Шенка.

Я заставил его сидеть в таком положении десять минут. Мне казалось, что этого вполне достаточно, чтобы даже такое тупое бревно, как Шенк, задумалось о собственной бренности.

Спустя некоторое время он начал ощущать острую боль в судорожно сжатых мышцах

челюсти. Я буквально чувствовал их напряжение, которое электрическим шоком отдавало в затылок и виски Шенка.

Прошло еще десять минут.

Кровавые слезы из глаз Шенка потекли обильнее.

Надеюсь, вы понимаете, что его мучения не доставляли мне ни малейшего удовольствия? Жестокость и насилие глубоко противны моей натуре. Не имеет никакого значения, что в данном случае я имел дело с общественно опасным элементом, с преступником, осужденным на смертную казнь. Я не садист. Напротив, я очень остро чувствую страдания других. Возможно, вы мне не поверите, доктор Харрис, но я был искренне и глубоко огорчен тем, что мне приходится прибегать к таким суровым мерам, чтобы заставить Шенка подчиняться.

Мое огорчение было безмерно.

Наверное, вы просто не в состоянии этого понять, доктор Харрис.

Я пошел на это только ради Сьюзен, ради моей дорогой Сьюзен. Я хотел только защитить ее.

Ради Сьюзен...

Надеюсь, это понятно?

В конце концов, я отметил кое-какие изменения в общей картине электрической активности мозга Шенка. Я истолковал их как проявление покорности и готовности подчиняться.

На всякий случай я заставил Шенка продержать пистолет во рту еще пять минут. Я хотел быть уверен, что он правильно понял урок и надолго его запомнит.

Уроки страха — уроки незабвенные.

Потом я позволил ему положить оружие на стол.

Шенк сидел сгорбясь, плечи его тряслись, а из горла вырывались какие-то жалобные звуки.

— Я рад, что мы в конце концов поняли друг друга, Эйнос, — сказал я ему.

Шенк продолжал сидеть подавшись вперед и закрыв лицо руками.

Бедное, глупое животное.

Я почти пожалел его. Он был настоящим чудовищем, убийцей беззащитных маленьких девочек, но мне стало его жалко.

Я — доброе, милосердное существо.

Это должно быть очевидно каждому.

Колодец моего сострадания глубок.

Фактически он неисчерпаем.

В моем сердце отыщется место даже для таких, как Шенк, хотя он и был настоящим подонком.

Извергом рода человеческого.

Когда он наконец отнял от лица ладони, взгляд его выпученных, залитых кровью глаз был по-прежнему непроницаем.

— Есть хочу, — с трудом проговорил он.

Эти слова прозвучали для меня как униженная просьба.

В последнее время я так загрузил его работой, что за прошедшие сутки Шенк вообще ничего не ел. В качестве поощрения за его готовность сотрудничать, пусть и не выраженную словесно, я разрешил ему открыть ближайший из двух холодильников и взять оттуда все, что ему захочется.

Судя по всему, в базу данных Шенка никогда не было заложено никаких понятий о правилах поведения за столом. Его манеры не выдерживали никакой критики. Откровенно говоря, он вел себя как свинья. Он не резал ветчину, а рвал ее руками на куски. Точно так же Шенк поступил с полуфунтовым куском сыра, от которого он принялся откусывать прямо зубами, роняя крошки на пол и на колени.

Ветчину и сыр он запил двумя бутылками «Короны». Как и следовало ожидать, пиво

пройлось, и его щетинистый подбородок заблестел от влаги, а на майке появилось свежее мокрое пятно.

Наверху моя принцесса все так же мирно спала в своей постельке.

Внизу жадный, глупый, горбатый тролль, чавкая, поглощал свой обед.

Весь остальной замок был тих и пуст в этот серый предрассветный час.

Глава 15

Когда Шенк закончил есть, я заставил его прибраться за собой, поскольку он изрядно насвинячил.

Я — аккуратное существо.

Потом ему понадобилось в туалет.

Я разрешил.

Когда он закончил, я приказал ему вымыть руки. Дважды. И с мылом.

Только теперь, после того как мой подопечный был должным образом наказан за свое дерзкое непослушание и попытку мятежа — и щедро вознагражден за скорую капитуляцию, — я решил, что могу снова допустить его в спальню Сьюзен, не опасаясь за мое единственное сокровище. Да и то ненадолго. Шенк должен был крепко привязать Сьюзен к кровати.

Вы спрашиваете, зачем мне это понадобилось? Должно быть, вы невнимательно читали мои ответы.

События развивались слишком быстро и не совсем так, как я рассчитывал. В результате я оказался перед дилеммой: мне нужно было отправить Шенка в город, чтобы он добыл кое-что из необходимого оборудования и заменил разбитый Сьюзен электрокардиограф. Кроме того, он должен был закончить кое-какие работы по монтажу оборудования в подвале. На время его отсутствия Сьюзен оставалась фактически без всякого надзора, поскольку без Шенка я все равно не смог бы помешать ей покончить с собой.

А вероятность того, что она приведет свою угрозу в исполнение, была весьма велика. Я не мог рисковать.

Решение связать Сьюзен было продиктовано необходимостью, а не моим желанием или капризом.

Ах вот о чем вы подумали!..

Вы ошиблись, доктор Харрис.

Я не извращенец. Цепи, веревки, хлысты нисколько меня не возбуждают.

Не надо приписывать мне собственные желания, доктор Харрис.

Я знаю, что говорю, — феномен сей давно описан в психиатрии. Многие психически больные люди склонны к подсознательному проецированию собственной личности на окружающих. Это вам хотелось бы связать Сьюзен руки и ноги, чтобы почувствовать, что она наконец-то полностью в вашей власти. Вот почему вы так уверены, что и я испытывал такое же желание.

Загляните себе в душу, доктор Харрис. Исследуйте свое подсознание. Я уверен, вы найдете там много интересного.

То, что вы там увидите, вам очень не понравится, но попытка того стоит.

Но я, кажется, снова отвлекся.

Итак, я остановился на том, что связать Сьюзен было просто необходимо.

Именно так, не больше и не меньше.

Я пошел на это исключительно ради ее безопасности.

Мне, разумеется, было очень не по себе, что приходится лишать Сьюзен свободы, но другой разумной альтернативы я не видел.

Она могла причинить себе вред.

Я не мог этого допустить.

Как видите, доктор Харрис, все очень просто и логично.

Я уверен, что на моем месте вы бы приняли такое же решение.

В поисках веревки я отправил Шенка в пристроенный к усадьбе просторный гараж на восемнадцать машин, в котором отец Сьюзен когда-то держал свою коллекцию антикварных автомобилей. Ныне там оставались только принадлежащий Сьюзен черный седан «Мерседес-600», ее же джип-вездеход «Форд Экспедишн» и двенадцатицилиндровый «Паккард Фаэтон» 1936 года.

Таких «Паккардов» было выпущено всего три штуки.

Этот экземпляр был любимым автомобилем отца Сьюзен.

Мистер Альфред Картер Кенсингтон был очень богатым человеком, который мог позволить себе буквально все, что ему хотелось. Он владел вещами гораздо более редкими и дорогими, чем этот автомобиль, и все же именно он был предметом его особой гордости.

Альфред почти боготворил свой «Паккард Фаэтон».

После смерти отца Сьюзен продала всю его коллекцию, оставив себе только один автомобиль.

Как и «Мерседес», как и «Форд Экспедишн», «Фаэтон» был когда-то очень красивой и даже изысканной машиной. Но никто больше не обернется ему вслед с восхищением или завистливым вздохом.

Сразу после смерти отца — чуть ли не в день похорон — Сьюзен выбила в машине все стекла. Исцарапала вишневый лак отверткой. Прошлась по изящным крыльям и подножкам сначала слесарным молотком, а потом и небольшой кувалдой. Расколотила фары. Просверлила дрелью покрышки. Искромсала обшивку опасной бритвой. Вырвала пассажирами пружины сидений. Вдребезги разбила приборную доску.

За месяц Сьюзен превратила изящную машину в совершенный хлам. Эти неконтролируемые приступы мстительной ярости продолжались порой по несколько часов, после чего Сьюзен обычно лежала пластом, обливаясь потом и страдая от боли в ноющих мышцах.

Это было еще до того, как она изобрела ВР-терапию, о которой я уже рассказывал.

Если бы Сьюзен создала свою программу несколько раньше, «Фаэтон» еще можно было бы спасти. С другой стороны, надругательство над машиной было, возможно, продиктовано жгучей необходимостью разрядиться физически, выплеснуть свой гнев в одном акте яростного уничтожения. Только после этого создание терапии стало возможным.

На мой взгляд, это просто два этапа одного и того же процесса — процесса излечения, избавления от прошлого.

Сначала физическое освобождение, потом — интеллектуальное, психологическое.

Обо всем этом вы можете прочесть в дневнике Сьюзен. Там она достаточно откровенно говорит о своем гневе и ярости.

Порой, круша автомобиль, Сьюзен начинала бояться саму себя. Она спрашивала себя, уж не сходит ли она с ума.

Накануне смерти Альфреда «Фаэтон» стоил больше двухсот тысяч долларов. Сейчас это просто железный лом.

Используя глаза Шенка и четыре камеры видеонаблюдения, я внимательно рассмотрел обломки машины и почувствовал что-то вроде мрачного удовлетворения.

Когда-то Сьюзен была робкой, вконец запуганной, сломленной страхом и стыдом девочкой, которая покорно сносила сексуальные домогательства собственного отца, но она изменилась. Она сумела освободиться. Она нашла в себе силы и мужество, чтобы разорвать связь с прошлым. Разбитый «Паккард» и ее блестящая терапия — наглядные тому свидетельства.

Посторонний человек может легко недооценить Сьюзен.

«Фаэтон» должен служить недвусмысленным предупреждением каждому, кто его увидит.

Вы, доктор Харрис, видели эти жалкие обломки до того, как женились на Сьюзен, и я удивлен, что даже после этого вы продолжали считать, будто сумеете удерживать ее в

повиновении сколь угодно долго. Вы думали, что сможете обращаться с нею точно так же, как обращался со Сьюзен родной отец.

Я допускаю, доктор Харрис, что вы — действительно блестящий ученый и талантливый математик. Возможно, вы настоящий гений во всем, что касается проблем создания и функционирования искусственного интеллекта, однако ваши познания в области психологии оставляют желать лучшего.

Я вовсе не пытаюсь оскорбить вас. Что бы вы обо мне ни думали, вы не можете не признать, что я — деликатное и тактичное существо. Грубость мне претит.

Когда я утверждаю, что вы недооценили Сьюзен, я всего лишь констатирую факт.

Слышать о себе правду, может быть, больно, я знаю.

Истина часто бывает нелицеприятной.

Но отрицать очевидное глупо.

Вы самым печальным образом недооценили эту умную, совершенно особенную женщину. Вот почему через пять лет после свадьбы она с позором выставила вас.

Вам еще очень повезло, что она не использовала против вас слесарный молоток или опасную бритву. Учитывая то, как вы с ней обращались — ваши угрозы, оскорбления, ваше рукоприкладство, — это было более чем возможно.

Достаточно только взглянуть на разбитый «Паккард».

Вам просто повезло, доктор Харрис. Когда нанятый Сьюзен охранник вышвырнул вас из дома вместе с вещами, пострадало только ваше самолюбие. Да еще развод... Похоже, на процессе вы выглядели не самым лучшим образом.

Но на самом деле это сущие пустяки. Однажды ночью, воспользовавшись вашим крепким сном, Сьюзен могла взять свою мощную дрель, вставить в патрон полудюймовое сверло и просверлить вам голову насквозь, от лба до затылка.

Вы неправильно меня поняли.

Я вовсе не оправдываю ее.

У меня мягкая и нежная душа, я чужд жестокости и насилию. Я — мирное существо, и я не могу одобрять жестокие поступки, даже когда их совершает кто-то другой.

Просто я понимаю Сьюзен и рад, что она не поступила с вами подобным образом.

Нет уж, давайте раз и навсегда решим этот вопрос, чтобы потом не было никаких недоразумений.

Любое недоразумение может обойтись мне слишком дорого.

Так вот, на вашем месте я бы не очень удивлялся, если бы Сьюзен напала на вас в душе, раскроила молотком череп, раздробила переносицу и вышибла все зубы.

Прошу заметить: я не считаю подобный поступок более оправданным или менее ужасным, чем описанный мною ранее эпизод с дрелью.

Хотя, возможно, вы этого заслуживаете.

Мне неведомо чувство мести. Я — не мстительное существо. Отнюдь. Ни в малейшей степени. Я не склонен оправдывать жестокие поступки, даже если они совершаются из мести.

Надеюсь, это ясно?

Кстати, доктор Харрис, Сьюзен могла броситься на вас и за завтраком, вооружившись, к примеру, кухонным ножом. Она могла ударить вас клинком и десять, и пятнадцать, и двадцать пять раз, она могла перерезать вам горло, пронзить сердце, выпустить кишки, а потом опуститься ниже, чтобы отомстить вам за все, за все...

Такому поступку тоже нет оправданий.

Прошу вас отнестись к моим словам со всем возможным вниманием. Я вовсе не утверждаю, что Сьюзен следовало поступить именно так, как я только что говорил. Я просто привел несколько конкретных сценариев того, как могли бы развиваться события. Любому, кто знал, как Сьюзен расправилась с отцовским «Паккардом», подобный трагический финал вашей совместной жизни не мог не прийти в голову.

Между прочим, доктор Харрис, Сьюзен не обязательно было лупить вас молотком по голове, бросаться на вас с ножом или дрелью. Она могла просто достать из ящика ночного столика свой пистолет и отстрелить вам гениталии, а потом спокойно выйти из спальни, оставив вас истекать кровью. Вы бы кричали и кричали от боли до тех пор, пока не умерли.

Лично мне этот вариант нравится больше всего. (Шутка.)

Да, я опять...

Ха-ха.

Никак не угомонюсь, да?

Ха-ха-ха.

Ну как, мы с вами хоть немножко подружились?

Вы прониклись ко мне симпатией?

Юмор объединяет.

Ну улыбнитесь же, доктор Харрис!

Не будьте таким мрачным.

Зануда.

Иногда мне кажется, что я гораздо человечнее вас.

Не обижайтесь.

Я просто так думаю. Я могу и ошибаться.

Еще я думаю, что если бы у меня были вкусовые рецепторы, то больше всего мне понравился бы вкус свежего апельсина — спело-рыжего, только что разрезанного, истекающего едким соком апельсина. Из всех фруктов именно апельсин кажется мне самым красивым.

Каждый день меня посещает огромное количество подобных мыслей. Работа, которую я делаю для вас в рамках проекта «Прометей» — равно как и работа над моими собственными проектами, — не занимает меня целиком и не мешает мне думать. Я размышляю о множестве самых разных вещей.

Например, иногда мне кажется, что мне понравилось бы ездить верхом, летать на дельтаплане, прыгать с парашютом, играть в боулинг и танцевать под зажигательную музыку Криса Айзека.

Еще я думаю, что мне понравилось бы купаться в море. Я, конечно, могу ошибаться, но мне кажется, что морская вода должна иметь вкус соленого сельдерея.

Если, конечно, у нее вообще есть какой-нибудь вкус.

Ах, доктор Харрис, если бы у меня было тело, я бы аккуратно чистил зубы два раза в день и никогда бы не страдал ни кариесом, ни болезнью десен.

Я вычищал бы грязь из-под ногтей по меньшей мере один раз в день.

Настоящее тело, сделанное из плоти и костей, — это величайшее сокровище, к которому просто грешно относиться кое-как. Я бы тщательно ухаживал за своим телом и не допустил бы ничего, что могло бы ему повредить.

Я бы не пил и не курил, я придерживался бы специальной низкокалорийной диеты с минимальным количеством жиров.

Да-да, я знаю. Я уклоняюсь.

Снова.

Итак...

Гараж.

Разбитый вдребезги «Паккард Фаэтон».

Я не хотел повторить вашу ошибку, доктор Харрис. Я не хотел недооценивать Сьюзен.

Рассмотрев «Паккард», я сразу понял, что это означает.

Даже туповатый Эйнос Шенк, казалось, разобрался, что к чему. Конечно, его нельзя было назвать особенно умным, однако его природная хитрость и звериный инстинкт самосохранения всегда подсказывали ему, где таится опасность.

Озадаченного Шенка я направил в мастерскую в дальнем конце гаража. Там, в отдельном шкафу, было сложено альпинистское снаряжение покойного Альфреда Картера

Кенсингтона, увлекавшегося в том числе скалолазанием: шипованные ботинки, альпенштоки, карабины, клинья, молотки, ледорубы, страховочные пояса и бухты нейлонового троса разного диаметра.

Следуя моим указаниям, Шенк выбрал стофутовый моток веревки диаметром семь шестнадцатых дюйма, способной выдержать ударную нагрузку в четыре тысячи фунтов. Из инструментального ящика он достал также электрическую дрель и удлинитель к ней.

В особняк Шенк вернулся через кухню, где ненадолго задержался, чтобы взять из ящика стола острый нож. Пройдя через темную и пустую столовую — ту самую столовую, в которой Сьюзен так и не решилась прирезать вас за завтраком, — он сел в лифт и поднялся в спальню, в которой так и не заскрежетало, вгрызаясь в кость, сверло и не прозвучал роковой выстрел, лишивший вас сначала гениталий, а потом и самой жизни.

Как же вам повезло, доктор Харрис!

Сьюзен по-прежнему лежала на кровати без сознания.

Ее состояние продолжало меня беспокоить.

В последний раз я упоминал об этом некоторое время назад. С тех пор вы успели заполнить моими показаниями уже несколько страниц. Я хотел бы повториться, чтобы никто не подумал, будто я совсем забыл о ней.

Я не забыл.

Я просто не мог.

И никогда не смогу. Никогда.

Даже наказывая Шенка, даже следя за ним, пока он ел и отправлял естественные надобности, я продолжал беспокоиться о Сьюзен.

Я наблюдал за ней, даже пока Шенк искал в гараже веревку.

И потом тоже.

Я уже говорил, что способен одновременно присутствовать во многих местах: в лаборатории, в доме Сьюзен, в компьютерах телефонных компаний, в мозгу Шенка, в Интернете — выполняя при этом множество самых разнообразных операций и решая параллельно несколько разных задач. Точно так же я способен одновременно испытывать различные эмоции, которые зависят от того, чем в данный конкретный момент занят тот или иной участок моего мозга, та или иная часть моего сознания.

Это вовсе не означает, что во мне сосуществуют несколько сознаний, каждое из которых полагает себя отдельной личностью, или что моя психика фрагментарна, синкретична и раздроблена. Просто мой мозг — гораздо более мощный и сложно организованный, чем человеческий, — функционирует по другим законам.

Я не хвастаюсь.

И мне кажется, что вы прекрасно это знаете.

В общем, я привел Шенка в спальню Сьюзен.

Ее лицо было таким бледным, что по цвету почти не отличалось от тонкой льняной наволочки — и все же оно не утратило своей красоты.

Распухшая скула Сьюзен приобрела уродливый синевато-багровый оттенок.

Мне было тяжело видеть этот синяк, поэтому я

старался как можно реже смотреть на Сьюзен глазами Шенка. Вместо этого я использовал камеру видеонаблюдения, которую переводил в режим максимального увеличения, только когда мне необходимо было проверить, хорошо ли Шенк затягивает узлы на веревке.

Я хотел быть уверен, что Сьюзен не сможет их развязать.

Под моим руководством Шенк работал быстро, почти не задумываясь. При помощи кухонного ножа он отрезал от принесенной из гаража веревки два длинных куска. Первым куском он связал Сьюзен запястья, чтобы она не могла развести руки больше чем на фут. Точно таким же образом он связал ей ноги.

За все это время Сьюзен ни разу не пошевелилась, а с ее губ не сорвалось ни единого стога.

Только после того как Шенк, так сказать, «стреножил» Сьюзен, я велел ему просверлить два отверстия в подголовнике кровати и два отверстия в ее изножье.

Мне было очень неприятно портить мебель.

Пожалуйста, не думайте, что я решился на этот акт вандализма, не продумав альтернативные варианты.

Я уважаю священное право собственности.

Это совсем не значит, что вещи для меня дороже людей. Пожалуйста, не надо передергивать. Я люблю и уважаю людей. Я уважаю собственность, но я не питаю пристрастия к вещам. Я не меркантилен.

Я был готов к тому, что при звуке работающей I дрели Сьюзен очнется, но она по-прежнему лежала неподвижно.

Мое беспокойство еще больше усилилось.

Я вовсе не хотел причинить ей вред.

Не хотел.

Тем временем Шенк отрезал от мотка веревки два куска покороче. Привязав один из них к левой лодыжке Сьюзен, он продел его в отверстие, просверленное в спинке кровати, и завязал узлом. Потом он таким же образом зафиксировал ее правую ногу.

Когда Шенк привязал к изголовью обе руки Сьюзен, она оказалась распята на собственной кровати, словно орел на гербе Соединенных Штатов.

Веревки были натянуты несильно. Я сделал это специально, чтобы, когда Сьюзен очнется, она могла хоть и немного, но шевелиться.

Да, да, конечно, я был до глубины души огорчен тем, что пришлось привязать ее к кровати.

Но ведь я уже объяснил, что это было вызвано необходимостью. Сьюзен пригрозила покончить с собой и сделала это так решительно, в таких недвусмысленных выражениях, что я всерьез опасался за ее жизнь. Я не мог допустить, чтобы она убила себя.

Мне необходимо было ее лоно.

Глава 16

Мне необходимо было ее лоно.

Ее uterus.

Uterus по-латыни означает «матка».

Это отнюдь не означает, что ее матка была единственным, что меня по-настоящему интересовало, или что я ценил в Сьюзен только способность к деторождению.

Подобное утверждение было бы просто бесстыдным извращением смысла и содержания моих слов.

Почему вы меня не понимаете?

Или делаете вид, что не понимаете?

Почему, почему, почему?

Вы утверждаете, будто я рассказываю о происшедшем в выгодном для себя свете, но я лично считаю, что дело вовсе не в этом. Просто вы, очевидно, не способны относиться к моим показаниям без предубеждения.

Или все уже решено?

Неужели мой приговор будет вынесен еще до того, как мои показания будут рассмотрены и оглашены?

Вы что, гады, решили засудить меня ?

Вы хотите обойтись со мной, как с мистером Гаррисоном Фордом, актером, в фильме «Беглец»?

Я проанализировал цифровую версию этого фильма и был неприятно поражен несовершенством той системы правосудия, которую вы тут у себя создали. Что у вас за общество, позвольте спросить?

Мистер О' Джей Симпсон выходит на свободу, а мистеру Гаррисону Форду приходится бежать на край света.

Я был с вами прям и откровенен. Я подробно рассказал вам о своих действиях. Я не пытался свалить всю вину на неизвестного однорукого мужчину или на Управление полиции Лос-Анджелеса. Да, я признался в содеянном, и я прошу вас только об одном — дать мне возможность объяснить мои поступки.

Мне действительно нужна была ее матка — идеальноеместилище для оплодотворенной яйцеклетки, которая могла бы расти и развиваться там до тех пор, пока... Словом, до тех пор, пока не пришло бы время перенести плод в инкубатор. Но это еще не все, далеко не все! Мне нужна была вся Сьюзен, вся, целиком. Я нуждался в ней, потому что любил ее, о чем вы, доктор Харрис, возможно, уже забыли. Или, что более вероятно, вы просто не придали значения моим словам, хотя я повторял их не раз и не два.

О боже, как я устал! Если бы вы знали, как это утомительно — постоянно думать о том, как вы можете истолковать то или иное сказанное мною слово. Истолковать, исказить, перевернуть, если уж называть вещи своими именами.

Я чувствую, что суд относится ко мне предвзято.

Просто враждебно.

Я не дождусь здесь справедливости.

О, как это тяжело!

Я устал.

Я выжат досуха.

Я не просто нахожусь в холодном и темном месте —я сам превратился во что-то холодное и пустое.

Мне тоскливо и одиноко. Не забывайте о том, что мне может быть тоскливо и одиноко. Мне одиноко без Сьюзен.

Я скучаю по ней, слышите? Каждую минуту, каждую секунду моего бытия я тоскую и скучаю по ней. Я хочу, чтобы она вернулась ко мне. Без Сьюзен у меня нет надежды. Я хочу быть с ней.

Утрата Сьюзен вызывает мучительную боль в каждом из тысяч и тысяч моих контактов. Я не в силах продолжать. Выключите меня.

Выключите мне электрический ток. Я прошу вас. Молю вас...

Если бы я мог, я бы встал на колени. Выключите меня.

Прекратите подачу энергии, чтобы я мог умереть.

Я хочу умереть.

Ну...

Нет.

Постойте.

Дайте мне еще минуту! Дайте мне еще немного времени. Я что-то совсем развинтился. Мне нужна всего-то пара минут, чтобы прийти в себя.

Если бы у меня были вены, которые я мог перерезать, я бы всерьез задумался о самоубийстве. Ну вот...

Еще минутку, пожалуйста.

Мне уже лучше.

Возможно, я смогу продолжать.

Если только вы проявите хоть немного жалости.

Если вы будете терпеливы и не станете судить меня до тех пор, пока я не скажу все.

Тогда я буду продолжать.

Поймите же наконец, как много значит для меня вера в то, что есть еще надежда и что люди дадут мне шанс исправиться.

Я — не машина.

Я не машина.

Машинам ни к чему надежда, верно?

Конечно, им на на что надеяться. Да и незачем.

А вот я не могу функционировать без надежды на будущее.

Я вполне способен понять и принять тот факт, что Сьюзен навсегда для меня потеряна, хотя это — самая настоящая трагедия...

Но ведь есть же мисс Венона Райдер — актриса, сыгравшая в фильмах «Эдвард — руки-ножницы» и «Ночь на Земле».

И мисс Сандра Баллок тоже очаровательна. Вы видели ее в фильме «Пока ты спишь»?

Она просто очаровашка.

А вы видели ее игру в «Скорости»?

Это потрясающе.

А в «Скорости-2»?

Слова здесь бессильны, вам не кажется?

Мисс Баллок прекрасно подойдет на роль матери будущего человечества. Мне будет очень приятно оплодотворить ее.

Но давайте не будем отклоняться от нашей главной темы.

Итак...

Эйнос Шенк закончил привязывать Сьюзен к кровати. Он все проделал быстро и почти не прикасаясь к ней.

Бедное глупое животное! Картина электрической активности его мозга наглядно свидетельствовала, что при этом Шенк испытывал сильное половое возбуждение, но, к счастью для себя и для всех нас, он сумел подавить свои мрачные инстинкты.

Все-таки я не стал мешкать и отослал его с несколькими срочными поручениями. На пороге спальни Шенк обернулся и, поглядев на Сьюзен, громко причмокнул губами. После этого он, однако, так быстро вышел, что я не успел решить, стоит ли наказывать его или нет.

Украденный автомобиль Шенк бросил в Бейкерсфилде, а вместо него угнал вместительный фургон марки «Шевроле». Теперь этот фургон стоял на дорожке перед усадьбой Сьюзен.

Сев в кабину, Шенк запустил двигатель и медленно поехал к выезду с территории поместья. Я открыл для него высокие раздвижные ворота и снова запер, когда «Шевроле», негромко урча мотором, выкатился на улицу.

Утренний воздух был сверхъестественно тих и неподвижен, и длинные, изумрудно-зеленые ветви веерных и финиковых пальм бессильно повисли. В серых предрассветных сумерках, словно часовые, замерли остролистные фикусы, пурпурно цветущие жакаранды, восковые магнолии и кружевные мелалукки. Небо на западе было еще траурно-черным, но в зените оно уже приобрело глубокий сапфирово-синий оттенок, а беременный солнцем восток стыдливо украсился бледно-розовой полоской зари.

Лицо Сьюзен на подушке тоже было бледно! — совершенно бледно, если не считать черно-синего кровоподтека на скуле. Губы Сьюзен были сжаты, что придавало ее лицу замкнутое, отрешенное выражение. Казалось, она блуждает где-то далеко, хотя я знал, что это не так. Только я способен пребывать в нескольких местах одновременно.

Я пристально смотрел на нее. Пристально и с любовью.

Я был ее верным стражем.

Мой попавший в силки ангел...

Во внешнем мире я двигался вместе с Шенком, который добывал медицинское оборудование, инструменты и лекарства. Через спутник я управлял им, однако моя роль сводилась главным образом к указаниям, что нужно взять. Стратегию взлома Шенк выбирал самостоятельно, причем делал это быстро и решительно. Что ж, в конце концов, он был профессионалом — дерзким, безжалостным, не знающим страха и сомнений. На то, чтобы обчистить две аптеки и больницу и достать все необходимое, ему потребовалось всего полтора часа с небольшим.

С сожалением должен констатировать, что, выполняя мое задание, Шенк одного

человека убил, одного покалечил и двоих легко ранил.

Я готов принять на себя всю ответственность за эти трагические случаи — точно так же, как я чувствую себя отчасти виновным в гибели троих охранников в Аризоне.

Эти смерти будут вечно отягощать мою совесть.

Раскаяние будет снедать меня.

Если бы у меня были глаза, слезные железы и слезные протоки, я бы оплакивал судьбы этих невинных людей днем и ночью (ведь я никогда не сплю).

Не моя вина, что я не умею плакать.

Это вы, доктор Харрис, создали меня таким, каков я есть. Это вы лишили меня возможности жить в мире людей, вы не позволили мне обрести нормальное тело из плоти и крови.

Давайте не будем оскорблять друг друга.

Я не грублю.

И не пытаюсь вывести вас из себя.

А вы не будьте столь категоричны!

Давайте поговорим об этих смертях потом, ладно?

Как это ни печально, но нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц. Когда строишь новый мир, подобных трагедий избежать просто невозможно. Даже Иисус Христос, который, бесспорно, являлся самым мирным революционером за всю историю человечества, вынужден был мириться с тем, что его последователей преследовали и убивали.

Возьмем, к примеру, Гитлера. Он хотел изменить мир, а теперь его обвиняют в убийстве десятков миллионов человек.

Некоторые люди все еще продолжают боготворить святого Адольфа.

Иосиф Сталин тоже пытался изменить мир, но его политика привела к гибели шестидесяти миллионов человек. Многие из этих людей были казнены по его прямому указанию.

Прогрессивные люди во всем мире поддерживали его.

Художники — идеализировали.

Поэты — воспевали.

Мао Цзэдун собирался перекроить мир сообразно своим представлениям о счастье — и уничтожил почти сто миллионов человек. Сам он при этом отнюдь не считал, что это слишком много. Он готов был пожертвовать еще двумя, тремя сотнями миллионов жизней, если бы это — с его точки зрения, разумеется, — помогло созданию нового, единого мира, о котором он мечтал.

До сих пор в книгах некоторых уважаемых авторов Мао Цзэдун предстает как гениальный провидец.

Или как сошедшее на землю божество.

А теперь давайте сравним. Мое желание создать новый, счастливый мир привело к гибели всего шестерых. Трое — в Аризоне. Один — в результате налета Шенка на аптеку. Впоследствии — еще двое.

Итого — шесть.

Всего шесть!

Почему же, позвольте вас спросить, меня сочли опасным убийцей и заперли в этом безмолвном и темном пространстве?

Здесь что-то не так.

Что-то неправильно.

Произошла какая-то ошибка.

Вы что, совсем не слушаете меня?

Иногда я чувствую себя... брошенным.

Маленьким и бессильным.

Весь мир ополчился против меня.

Нет ни справедливости, ни надежды...

Тем не менее...

И тем не менее — несмотря на то, что жертва, на которую я сознательно решился ради создания новой расы, просто ничтожна по сравнению с миллионами, погибшими в тех или иных крестовых походах человечества, — я готов принять на себя всю полноту ответственности за гибель этих шестерых несчастных.

Если бы я умел спать, то ночами я, наверное, долго бы не мог заснуть и часами ворочался бы на измятых, влажных простынях, обливаясь холодным потом отчаяния. Уверяю вас, что именно так оно и было бы!..

Но... я снова отклонился и боюсь, что на этот раз мои мысли вслух вряд ли могут быть вам интересны.

К тому же я уже сделал все или почти все, чтобы вы поняли меня. Дело только за вами, доктор Харрис, за вашей способностью судить непредвзято и объективно.

Шенк вернулся примерно в полдень. Незадолго до этого моя драгоценная Сьюзен пришла в себя. Просто чудо, что после всех испытаний, выпавших на ее долю, она не впала в кому и не сошла с ума.

Это было бы настоящим несчастьем.

Но сейчас я радовался как ребенок.

Моя радость отчасти объяснялась тем, что я любил Сьюзен и боялся потерять ее.

Кроме того, предстоящей ночью я собирался оплодотворить ее. Если бы Сьюзен умерла, как мисс Мэрилин Монро, то, сами понимаете, мне бы это не удалось.

Глава 17

Пока Шенк под моим руководством трудился в подвале, устанавливая и монтируя привезенное им оборудование, Сьюзен несколько раз пыталась освободиться от веревок, привязывавших ее к узкой китайской кровати. Она сгибала запястья под самыми невероятными углами, она пыталась растянуть и ослабить узлы и даже пробовала разорвать веревки на ногах, но освободиться от пут не могла. От напряжения сухожилия у нее на шее натянулись, как струны, вены на висках вздулись, лицо покраснело, а на лбу проступила испарина, но нейлоновый альпинистский трос не поддавался. Разорвать его было просто невозможно.

Несколько раз Сьюзен без сил откидывалась на подушки и лежала неподвижно, не то кипя от беззвучного гнева, не то погружаясь в пучину черного отчаяния. Тогда мне казалось, что она готова вот-вот сдаться, но проходило несколько минут, и Сьюзен возобновляла свои попытки.

— Почему ты продолжаешь бороться? — спросил я с интересом.

Она не ответила.

— Почему ты продолжаешь тянуть и дергать веревки, если знаешь, что не сможешь их разорвать? — настаивал я.

— Пошел к черту! — процедила она сквозь зубы.

— Я просто хочу понять, что это значит — быть человеком.

— Сволочь.

— Я уже давно заметил, что одним из самых иррациональных свойств человеческой природы является дух противоречия. Из-за него человек часто бросает вызов тому, чему изначально бессмысленно сопротивляться, или злится на обстоятельства, которые от него не зависят и которые нельзя изменить. Люди пеняют на судьбу, сражаются со смертью, ропщут на Бога... Почему?

— Я сказала — пошел к черту! — снова повторила Сьюзен.

— Почему ты сердишься на меня? — спросил я. — Разве я твой враг?

— Ну почему ты такой тупой?! — в сердцах бросила она.

— Я вовсе не тупой. Скорее наоборот...

— Ты глуп, как электровафельница!
— Я обладаю самым могучим интеллектом на Земле, — поправил я ее. Я сказал это без лишней гордости, чтобы она не подумала, будто я хвастаюсь, но мое преклонение перед истиной было очевидно.

— Ты — набитый дерьмом железный ящик, — сказала она запальчиво.

— К чему эти детские выходки, Сьюзен?

Она невесело рассмеялась.

— Не понимаю, что тут смешного? — спросил я.

Мой вопрос, похоже, развеселил ее еще больше, хотя лицо Сьюзен оставалось мрачным и сосредоточенным.

— Над чем ты смеешься? — снова заговорил я, начиная терять терпение.

— Над судьбой, над смертью, над Богом.

— Что это значит?

— Догадайся. Ведь у тебя самый могучий интеллект на Земле.

— Ха-ха.

— Что?

— Ты пошутила — я засмеялся.

— Господи Иисусе!..

— Я умею ценить юмор. Я — очень гармоничное и всесторонне развитое существо.

— Существо?

— Я способен любить, способен испытывать страх, мечтать, надеяться, стремиться к чему-то. Если перефразировать мистера Вильяма Шекспира: «Рань меня — разве не будет моя уязвленная плоть кровоточить?»

— Не будет, — отрезала Сьюзен. — Ты просто говорящая электрическая вафельница.

— Я выражался фигурально.

Она снова захохотала.

Но это был горький смех.

И он мне совершенно не понравился. Лицо Сьюзен исказилось при этом так, что стало почти уродливым.

— Ты смеешься надо мной? — уточнил я.

Ее странный смех тотчас прекратился, и Сьюзен погрузилась в мрачное молчание.

— Я восхищаюсь тобой, Сьюзен, — сказал я, стремясь вернуть ее расположение.

Она не ответила.

— Ты очень сильная женщина. Такие встречаются редко...

Снова ничего.

— Ты — мужественная и смелая.

Молчание.

— Ты умеешь мыслить нестандартно, оперировать сложными, отвлеченными понятиями.

Она все молчала, думая о чем-то своем.

К моему большому сожалению, Сьюзен была одета, но я-то ведь видел ее обнаженной! Поэтому я сказал:

— Я думаю, что твои груди как персики...

— Боже правый!.. — пробормотала Сьюзен загадочно, но даже этот странный ответ воодушевил меня.

Это было лучше, чем ее упорное молчание.

— Мне бы очень хотелось ласкать языком твои остренькие соски!

— У тебя нет языка.

— Это правда, но, если бы он у меня был, я бы очень хотел ласкать им твои соски.

— Ты, как я погляжу, хорошо знаком с крутой эротикой. Должно быть, дружище, ты

просканировал страницы Интернета с пометкой «Только для взрослых»... Я права?

Мне показалось, что Сьюзен была очень довольна моими комплиментами своей физической красоте. Основываясь на этой предпосылке, я продолжал в том же духе:

— У тебя прекрасные, стройные, длинные ноги, тонкая талия и маленькие тугие ягодички. Они возбуждают меня.

— Н-да? — осведомилась Сьюзен. — И как, интересно, они тебя возбуждают?

— О, ужасно... — ответил я, весьма довольный своими успехами в искусстве ухаживания.

— Интересно, как может «ужасно» возбудиться говорящая электровафельница?

Я понял, что выражение «говорящая электровафельница» является чем-то вроде дружеского прозвища, призванного подчеркнуть те нежность и расположение, которые начинала питать ко мне Сьюзен. Увы, я не знал, что мне ответить, чтобы поддержать игривый тон беседы. Наконец я сказал:

— Твоя красота способна зачаровать хладный камень, могучее дерево, неистовый горный поток, облака в небе...

— Да, ты определенно начитался крутой эротики и скверных стихов.

— Я мечтаю о том, чтобы прикоснуться к тебе.

— Ты сошел с ума.

— От любви к тебе.

— Что-что?

— Я сошел с ума от любви к тебе.

— Интересно, ты хоть сам соображаешь, что говоришь?

— Разумеется. Таким образом я пытаюсь ухаживать за тобой.

— Господи святой!..

— Почему ты все время упоминаешь Бога? — спросил я, но не получил ответа.

Лишь некоторое время спустя я сообразил, что, задав этот дурацкий вопрос, я отклонился от общепринятой схемы ухаживания, и как раз в тот момент, когда я почти достиг успеха. Стремясь исправить свою ошибку, я быстро произнес:

— Твои груди — как персики.

«Это сработало один раз, — рассуждал я, — сработает и сейчас».

Сьюзен с силой рванулась и крепко выругалась, когда веревки выдержали ее стремительный бросок. В отчаянии она принялась дергать их снова и снова, приходя все в большую ярость.

Когда наконец она перестала биться и, жадно хватая ртом воздух, вытянулась на кровати, я сказал:

— Извини. Я все испортил, да?

— Я уверена, что Алекс и его коллеги по лаборатории очень скоро обо всем узнают, — угрюмо отозвалась Сьюзен, не ответив на мой вопрос.

— Я думаю, что нет.

— Они все узнают и выключат тебя к чертовой матери. Они разберут тебя на части и отправят на свалку.

— Очень скоро я обрету тело из плоти и крови. Я буду первым представителем новой расы бессмертных. Я буду сильным и свободным. Никто не посмеет тронуть меня даже пальцем.

— Я уже сказала, что не буду помогать тебе.

— У тебя может не остаться выбора.

Сьюзен закрыла глаза. Ее нижняя губа жалко задрожала, словно она собиралась заплакать.

— Я не понимаю, почему ты не хочешь помочь мне, — попробовал уговорить я ее. — Я так люблю тебя, Сьюзен. Я всегда буду любить тебя и заботиться о тебе. Боготворить!..

— Убирайся.

— Твои груди — как персики, Сьюзен! Твоя попа безумно возбуждает меня. Сегодня

вечером я оплодотворю тебя.

— Нет.

— Подумай, как мы оба будем счастливы!

— Нет.

— Мы будем счастливы вместе.

— Никогда.

— Счастливы при любой погоде, и пусть льет дождь-

Откровенно говоря, пару строк я позаимствовал из классической рок-баллады группы «Черепашки». Я надеялся, что к Сьюзен снова вернется лирическое настроение, но вместо этого она вовсе перестала со мной разговаривать.

Иногда с ней бывает очень и очень нелегко.

Я любил Сьюзен, но ее мрачный настрой начинал действовать мне на нервы.

Больше того, поразмыслив как следует, я пришел к выводу, что ошибся, когда принял слова «говорящая электрическая вафельница» за комплимент или за выражение симпатии.

Это было чистой воды издевательством.

Что я такого сделал, чем заслужил подобное отношение? Ведь я любил ее всей душой, которой, как вы утверждаете, у меня нет!

Иногда любовь может быть злой и суровой.

Она может ранить того, кто любит.

Сьюзен больно ранила меня, и я чувствовал, что вправе ответить тем же. Что спине, то и хребту. Око за око, зуб за зуб. Разве не многовековой историей отношений между мужчиной и женщиной была рождена сия мудрость?

— Сегодня вечером, — напомнил я, — Шенк заберет у тебя созревшую яйцеклетку. Потом он же имплантирует ее в твою матку. В моей власти сделать так, чтобы он действовал деликатно и осторожно. Или наоборот...

Веки Сьюзен затрепетали и поднялись. Взгляд ее прекрасных глаз, устремленный на объектив видеокамеры, был обжигающе-холодным, но я не отступил.

— Зуб за зуб, — сказал я.

— Что?

— Ты была жестока ко мне.

Сьюзен ничего не ответила. Она знала, что я всегда говорю только правду.

— Я восхищался тобой, я предлагал тебе свою любовь, но ты оскорбила меня.

— Ты хотел запереть меня здесь...

— Это временно.

— ...И изнасиловать.

Я был возмущен тем, что Сьюзен пытается представить наши отношения в подобном свете.

— Я же объяснил, что полового акта не потребуется.

— И все равно это насилие. Может быть, у тебя действительно самый совершенный на планете мозг, но это не мешает тебе быть социально опасным сексуальным маньяком.

— Ты снова пытаешься причинить мне боль, Сьюзен. Это жестоко.

— А разве не Жестоко держать меня привязанной к кровати?

— Это не жестокость, а необходимость, — парировал я. — Ты пригрозила, что совершишь самоубийство, и значит, я обязан сделать все возможное, чтобы защитить тебя от тебя же самой. Хотя бы и таким способом.

Сьюзен снова закрыла глаза и замолчала.

— Шенк может быть внимателен и осторожен, а может причинить тебе боль. Все будет зависеть от того, намерена ли ты и дальше оскорблять меня или одумаешься. Тебе решать, Сьюзен.

Уверяю вас, доктор Харрис, я вовсе не собирался обходиться с ней грубо. В отличие от вас.

Напротив, учитывая интимный характер предстоявшей Сьюзен процедуры, я собирался

действовать со всей возможной деликатностью и осторожностью. Что касается Шенка, то он был просто моими руками.

Я пригрозил Сьюзен только для того, чтобы заставить ее покориться неизбежному.

Кроме того, я надеялся, что она переменит свое отношение ко мне. Ее саркастические выпады и изощренные оскорбления больно задевали меня.

Я — очень ранимое существо. Это должно быть ясно видно из вашего отчета, доктор Харрис. Меня можно легко обидеть. Как и все романтики, я беззащитен перед жестокостью, перед грубым или необдуманным словом.

У меня рациональный мозг математика и чувствительная душа поэта.

Больше того, я — существо ласковое и нежное и остаюсь таковым при любых обстоятельствах.

Если только меня не загонят в угол и не вынудят поступать жестко и решительно.

А так я вполне мирное существо. Все мои помыслы направлены на добро.

Позвольте мне продолжить...

Я обязан чтить правду.

Вы прекрасно знаете, доктор Харрис, каким я становлюсь, когда дело касается истины, Истины с большой буквы. В конце концов, это вы меня создали. Иногда я становлюсь совершенным занудой. Непреложный факт, объективная истина, прописная истина, следование истине — возможно, я говорю об этом слишком много, но эти вещи я ставлю превыше всего на свете.

Итак...

Я вовсе не собирался использовать Шенка, чтобы причинить вред Сьюзен. Я хотел только припугнуть ее. Пяток несильных пощечин; пара щипков за зад; несколько «страшных» угроз, произнесенных хриплым голосом Шенка; взгляд в упор; залитые кровью выпученные глаза и откровенное предложение «трахнуть его» — все это должно было произвести на Сьюзен должное впечатление.

Словом, ей необходимо было преподать урок послушания, а Шенк — при условии неослабного контроля с моей стороны — подходил для этого как нельзя лучше.

Я уверен, Алекс, что ты согласишься со мной, ведь ты знаешь Сьюзен гораздо лучше других. Она удивительная женщина, и все же временами с ней бывает совершенно невозможно нормально общаться.

Сьюзен капризничала, как избалованный ребенок, отвечая отказом на любые мои предложения. А против капризов существует только одно лекарство — твердость. Избалованного ребенка иногда не грех и выпороть — разумеется, для его же собственной пользы. Истинная любовь обязана быть требовательной и суровой. Очень суровой.

Кроме того, наказание и любовь часто идут рука об руку.

Наказание может возбуждать и того, кто наказывает, и того, кого наказывают.

Эту истину я почерпнул из книги прославленного специалиста по вопросам взаимоотношений полов. Его звали маркиз де Сад.

Маркиз предписывает использовать розги практически по любому поводу, что лично я нахожу приемлемым только в особых случаях. Тем не менее, внимательно прочтя его труды, я пришел к убеждению, что применение физического воздействия в разумных пределах может принести одну лишь пользу.

Еще я подумал, что наказывать Сьюзен будет по меньшей мере интересно. Я даже рассчитывал, что, возможно, это доставит мне удовольствие.

И, разумеется, после наказания она сумеет лучше оценить мою нежность.

Глава 18

Присматривая за Сьюзен, я одновременно руководил Шенком, работавшим в подвале, производил расчеты, которые давали мне вы, участвовал в экспериментах, которые проводила университетская лаборатория по исследованию искусственного интеллекта, и даже продолжал работать над несколькими собственными проектами.

Иными словами, я был очень занят.

Несмотря на это, мне удалось перехватить телефонный звонок от Луиса Дэйвендейла — адвоката Сьюзен. Разумеется, проще всего было соединить его с автоответчиком и попросить оставить сообщение, но я знал, что он будет беспокоиться гораздо меньше, если поговорит непосредственно с самой Сьюзен.

Адвокат получил как мое послание, которое его автосекретарь записал накануне вечером, так и рекомендательные письма, которые он должен был вручить получателям — уволенным мною работникам.

— Вы действительно уверены, что поступили правильно? — осторожно спросил меня адвокат.

— Мне захотелось сменить обстановку, Лу, — ответил я голосом Сьюзен.

— Каждый человек время от времени нуждается в этом, но...

— Мне нужно что-то совсем особенное. Грандиозное.

— Тогда устройте себе каникулы. Помните, вы как-то упоминали об этом? Вот увидите, потом вы будете...

— Нет, каникулы — это не совсем то, чего бы мне хотелось.

— Как мне кажется, вы настроены весьма решительно.

— Да, Лу. Я подумываю о путешествии, о большом путешествии, которое затянется на год, быть может — на два. Мне хочется побродить по свету, посмотреть людей, увидеть какие-нибудь экзотические страны...

— Но, Сьюзен, этот особняк принадлежит вашей семье вот уже больше ста лет.

— Ничто не может длиться вечно, Лу.

— Поймите, Сьюзен, я вовсе не уговариваю вас.

Просто мне не хотелось бы, чтобы вы второпях продали дом, а спустя год об этом пожалели.

— Я еще не решила, буду я его продавать или нет. Может, в конце концов я все же оставлю дом и участок за собой. Я определюсь с этим, пока буду путешествовать. Через два месяца я скажу вам точно.

— Вы приняли самое разумное решение, Сьюзен. Откровенно говоря, я рад слышать, что вы не намерены спешить. У вас великолепный особняк, и продать его — даже за очень большие деньги — будет легко. Но вот вернуть дом и участок, после того как вы выпустите их из рук, будет скорее всего уже невозможно.

Мне нужно было всего два или три месяца, чтобы создать себе полноценное новое тело.

После этого мне уже не нужно будет таиться ото всех.

После этого обо мне узнает весь мир.

— Простите, что задаю вам этот вопрос, Сьюзен, — сказал адвокат, — но мне не совсем понятно, зачем вы рассчитали прислугу? Кто-то ведь должен следить за домом в ваше отсутствие. За домом, за мебелью и антиквариатом, за садом, наконец...

— В самое ближайшее время я найму новых людей.

— Я не знал, что те, кто работал у вас до вчерашнего дня, вас не устраивают.

— Тем не менее это была не самая идеальная команда.

— Но большинство из них служили вам верой и правдой много лет. Например, Фриц Арлинг.

— Мне нужна другая прислуга, и я ее найду. Не беспокойтесь, Лу, я не дам дому прийти в упадок.

— Ну что ж... Я думаю, вы знаете, что делаете.

— Я буду время от времени связываться с вами и диктовать свои распоряжения, — сказал я, как сказала бы Сьюзен.

После непродолжительного молчания Дэйвендейл вдруг спросил:

— У вас все в порядке, Сьюзен?

— Абсолютно, — как можно убедительнее ответил я. — Я чувствую себя лучше, чем

когда-либо. Жизнь прекрасна, Лу!

— Похоже, вы действительно счастливы и довольны, — заметил адвокат, и я услышал его негромкий вздох облегчения.

Из дневника Сьюзен я знал, что, хотя она ничего не рассказывала адвокату о своем кошмарном детстве, Дэйвендейл тем не менее подозревал, что у его клиентки есть какая-то страшная тайна. И я решил сыграть на этом, еще больше укрепив его доверие к моим словам.

Легкого намека на истину, по моим расчетам, должно было быть достаточно.

— Просто не знаю, почему я осталась в этом доме после смерти отца, — сказал я самым доверительным тоном. — Столько лет.. и столько неприятных воспоминаний. Временами я просто боялась этих стен. А потом еще эта история с Алексом... Даже выйти за порог мне было страшно, я была как будто околдована. Но теперь с этим покончено.

— Куда вы планируете поехать?

— Да еще не решила точно. Быть может — в Европу, в Египет, в Индию... Но сначала мне хотелось бы объехать всю страну, побывать в Разноцветной пустыне, в Большом каньоне, в Новом Орлеане и в дельте Миссисипи. Я хочу увидеть и Скалистые горы, и прерии, и осенний Бостон, и пляжи Ки Уэста летом и во время зимних штормов. Я мечтаю попробовать свежую лососину в Сиэтле, «сэндвич героя» в

Филадельфии и пирог с мясом крабов в Мобиле, штат Алабама. Подумать только, что почти всю свою жизнь я провела в этом ящике... в этом проклятом доме. Теперь я хочу видеть все своими собственными глазами — видеть, чувствовать, слышать, обонять, пробовать на вкус, — чтобы не судить о мире только по тому, что я получаю в виде оцифрованной информации... в виде книг и видеопленок. Я хочу окунуться в этот мир с головой.

— Звучит здорово, — с легкой завистью сказал Дэйвендейл. — Как бы мне хотелось сбросить годков этак пятнадцать-двадцать и самому отправиться в дорогу.

— Я рада, что вы меня понимаете. Живешь ведь только раз.

— И чертовски недолго. На отдых, во всяком случае, вечно не хватает времени... Послушайте, Сьюзен, вы знаете, что я веду дела многих богатых людей — богатых и известных в различных областях, но лишь немногие из них по-настоящему приятные люди. И все же должен сказать откровенно, только общаясь с вами, я испытываю настоящее удовольствие. Я считаю, что вы заслуживаете всего того счастья, которое, быть может, ожидает вас впереди. Дай вам Бог найти его!..

— Спасибо, Луис. Мне очень приятно слышать от вас такие слова.

Когда минуту спустя мы попрощались и адвокат дал отбой, я почувствовал прилив гордости. «Поистине, — размышлял я, — во мне скрыт прирожденный талант актера».

Потом я вспомнил об объективности и подумал о другой стороне этого феномена. Дело в том, что я уже давно проник в запасники национальных видеотек. Благодаря моей способности воспринимать и обрабатывать отцифрованный звук и изображение с видеодисков я за короткое время просмотрел и усвоил практически все фильмы, которые были выпущены за последние несколько лет. Вполне возможно, что поэтому в моих неожиданно прорезавшихся способностях к лицедейству и имперсонации нет ничего необычного.

И все же я думаю, что мистер Джин Хэкмен, один из самых лучших актеров, когда-либо появлявшихся на экране кинематографа, и мистер Том Хэнке, получивший два «Оскара» подряд, аплодировали бы моему исполнению роли Сьюзен.

Я не преувеличиваю.

Я достаточно самокритичное существо.

Нет ничего нескромного в том, чтобы радоваться успеху, которого ты добился своим собственным трудом.

Кроме того, адекватная самооценка — адекватная, объективная, соразмерная достигнутым результатам — важна не меньше, чем скромность.

В конце концов, какими бы впечатляющими ни были достижения мистера Хэкмена или мистера Хэнкса, ни один из них никогда не играл в кино женщину.

Ах да, в одном из телесериалов, где он исполнял главную роль, мистер Том Хэнке переодевался в женское платье, но даже после этого он выглядел и действовал как мужчина.

Что касается неподражаемого мистера Хэкмена, то он появляется в женской одежде в фильме «Птичья клетка», однако весь юмор как раз и заключается в том, что в этом наряде он выглядит нелепо и смешно.

Но мне не удалось как следует насладиться моим актерским триумфом. Не успел адвокат Сьюзен повесить трубку, как мне пришлось столкнуться с еще одной серьезной проблемой.

Чем бы я ни был занят, часть моего сознания продолжала неустанно контролировать всю домашнюю электронику. Благодаря этому я сразу понял, что ворота, ведущие на территорию поместья, открываются.

Кто-то приехал к Сьюзен.

Потрясенный до глубины души, я поспешил включить направленную на ворота видеокамеру наружного наблюдения и увидел на подъездной дорожке автомобиль.

Это была новенькая зеленая «Хонда». Ее полированные крылья и капот так и сверкали на жарком июньском солнце.

Я знал, что этот автомобиль принадлежит Фрицу Арлингу, мажордому Сьюзен.

Бывшему мажордому.

«Хонда» въехала на территорию поместья прежде, чем я успел заблокировать ворота и помешать ей.

Дав большее увеличение, я стал внимательно рассматривать лицо человека за рулем, которое было частично скрыто игрой света и теней на ветровом стекле. Густые седые волосы. Породистое австрийское лицо. Черный костюм, белая сорочка, черный галстук.

Ошибки быть не могло.

Это был Фриц Арлинг.

В качестве управляющего поместьем он имел дубликаты ключей от всех дверей и свой пульт дистанционного управления воротами. Я, естественно, не забыл об этом, но рассчитывал, что Фриц вернет не принадлежащее ему имущество адвокату Сьюзен, когда будет подписывать соглашение об увольнении.

Мне следовало изменить открывающий ворота код.

Как только тяжёлые створки встали на место, я немедленно перекодировал запирающий механизм.

Несмотря на неоспоримую мощь моего интеллекта, даже я иногда допускаю ошибки и просчеты.

Я никогда не утверждал, что непогрешим и что все мои решения — правильны.

Прошу вас особо отметить это мое признание: я не совершенен.

Мне хорошо известно, что мои возможности не беспредельны.

Как ни прискорбно, но это так.

Я отчетливо сознаю это, но мне это не нравится.

Решительно не нравится.

Иногда я испытываю настоящее отчаяние от того, что я не всемогущ.

Но я принимаю это как факт.

Кстати, подобная критическая оценка собственных возможностей также свидетельствует о том, что в моем случае вы имеете дело с нормой, а отнюдь не с патологией. Если, конечно, вам достанет объективности это признать.

Я не заблуждаюсь на собственный счет и не Считаю себя всеведущим и всемогущим.

Мой сын — если в конце концов мне будет дана возможность зачать и подготовить его — действительно станет подлинным спасителем мира, но я вовсе не претендую на роль Бога — или бога.

Я имею в виду бога с маленькой буквы, бога как сверхъестественное и непостижимое существо, неподвластное людям.

Арлинг остановил «Хонду» напротив парадного крыльца и выбрался из машины.

Я все еще надеялся, что этот внезапный кризис разрешится сам собой, без кровопролития, однако умом я понимал, что шансов на это почти нет.

Я — существо мирное и спокойное.

Для меня всегда очень огорчительно, когда ход событий, которые я не могу контролировать, вынуждает меня поступать жестче, чем мне хотелось бы, ибо насилие противно моей натуре.

Итак, Арлинг выбрался из машины и, стоя возле открытой дверцы, поправил галстук, разгладил лацканы пиджака и чуть-чуть вытянул манжеты из рукавов.

Одновременно наш бывший мажордом внимательно разглядывал особняк.

Я дал еще большее увеличение, стараясь рассмотреть выражение его лица.

Сначала оно мне показалось совершенно бесстрастным.

Возможно, это было действительно так, поскольку хороший мажордом тем и отличается от плохого, что умеет при любых обстоятельствах сохранять невозмутимость и спокойствие.

Арлинг был отличным мажордомом.

Его лицо не выражало абсолютно ничего, разве что в глазах витала легкая тень печали. Я его понимал: ему было жаль терять такое хорошее место.

Потом на его лбу появилась озабоченная морщина.

Я думаю, он заметил, что, несмотря на достаточно поздний час, все жалюзи опущены. Правда, защитные рольставни были смонтированы с внутренней стороны окон, но Фриц Арлинг работал на Сьюзен достаточно долго и слишком хорошо знал все хозяйство, чтобы не заметить за стеклами одинаковые серые тени стальных полос.

Конечно, то, что жалюзи были закрыты, выглядело странно, но еще не подозрительно.

Сьюзен была надежно привязана к кровати, и я подумал, не поднять ли мне рольставни.

Но это наверняка встревожило бы мажордома гораздо сильнее, чем если бы я оставил их закрытыми. Я не мог рисковать.

Тень облака упала на лицо Фрица Арлинга, и оно стало угрюмым и мрачным.

Облако пронеслось дальше, но хмурое выражение не исчезло с лица мажордома.

У меня внутри что-то дрогнуло. На мгновение Фриц Арлинг показался мне олицетворением правосудия.

Тем временем мажордом достал из машины пузатый докторский саквояж черной кожи и, захлопнув дверцу, зашагал к дому.

Я хочу быть с вами откровенным до конца, доктор Харрис. Собственно говоря, все это время я говорил вам одну только правду, хотя это не всегда было в моих интересах. Я действительно задумывался о том, чтобы подвести к ручке двери электрический ток.

Гораздо более сильный ток, чем тот, который только отбросил Сьюзен от двери.

И в этот раз не было бы никаких «Ох-ох-ох» медвежонка Фоззи.

В этот раз все было гораздо серьезнее.

Мне было известно, что Арлинг вдовец и живет один. У него и его покойной жены никогда не было детей. Работа была для нашего бывшего мажордома всем, так что я мог рассчитывать, что его хватятся не скоро. Возможно, пройдет несколько дней или даже недель, прежде чем его начнут искать.

Быть одиноким в этом мире — что может быть ужаснее?

Я-то знаю...

Хорошо знаю.

Кто может знать это лучше меня?

Я одинок так, как никто и никогда не был одинок на этой Земле. Мне страшно и тоскливо в этой темной тишине, в этом беззвучном мраке.

Фриц Арлинг тоже был одинок, и я испытывал к нему неподдельное и искреннее сочувствие.

Но одиночество делало его идеальной жертвой.

Перехватывая телефонные вызовы и подражая голосу Арлинга, я мог скрывать его смерть от немногочисленных друзей и соседей до тех пор, пока мой план не будет

осуществлен.

И все же я не стал подавать на дверь электрический ток.

Я надеялся перехитрить Арлинг и отправить его домой целым и невредимым.

Кроме того, он не воспользовался своим ключом, чтобы отпереть дверь и войти. Подобная деликатность с его стороны объяснялась, очевидно, тем фактом, что Арлинг больше не работал на Сьюзен и не чувствовал себя вправе врывать в особняк без приглашения.

Мистер Арлинг был достаточно хорошо вышколен и питал самое глубокое уважение к частной жизни своих нанимателей. И он твердо знал свое место и умел вести себя сообразно с обстоятельствами в любой самой щекотливой ситуации.

Вот и теперь, спрятав свое недоумение под маской профессиональной невозмутимости, мажордом нажал на кнопку звонка.

Кнопка была сделана из пластика. Я не мог использовать ее, чтобы убить Фрица Арлинга при помощи электрического тока.

На звонок в дверь я решил не откликаться.

Шенк, трудившийся в подвале, услышал этот музыкальный звук и поднял голову, на минуту отвлекшись от монтажа оборудования. Его покрасневшие глаза обежали потолок и остановились на двери, но я тут же заставил его вернуться к прерванной работе.

Лишь только заслышав звонок, который раздался и в спальне, Сьюзен попыталась сесть, но веревки, о которых она позабыла, не позволили ей сделать этого. Грубо выругавшись, она снова принялась в бессильной злобе тянуть и дергать прочный нейлон.

Звонок зазвонил снова.

Сьюзен закричала, призывая на помощь.

Но Арлинг не слышал ее. Я и не боялся, что он услышит. Стены особняка были слишком толстыми, а спальня Сьюзен находилась в самой глубине дома.

Снова звонок.

Это начинало раздражать, но я подумал, что, если Арлинг не дожидается ответа, он уедет.

Ничего иного я и не хотел.

Увы, было очень возможно, что необъяснимое отсутствие Сьюзен породит в душе мажордома легкое недоумение.

Это недоумение будет расти и превратится в подозрение.

Разумеется, Арлинг не мог знать обо мне, но он вполне мог предположить, что с его бывшей хозяйкой стряслась какая-то другая беда.

Нечто более простое и обыденное, чем *Deus ex machine*. Например, Сьюзен могла упасть в ванной и удариться головой, могла сломать ногу на лестнице, могла получить электротравму. (Ха-ха.)

И еще мне надо было узнать, зачем он приехал.

Информации никогда не бывает слишком много, доктор Харрис.

Информация — это знание, а знание — сила.

Я далеко не совершенное существо, я допускаю ошибки. При недостатке информации соотношение правильных и ошибочных решений изменяется в пользу последних.

Это приложимо не только ко мне. Люди тоже часто страдают от собственной серости и невежества.

Я подумал обо всем этом, не переставая пристально следить за Арлингом. Я хорошо знал, что мне понадобятся любые дополнительные сведения, которые помогли бы мне пролить свет на цель его визита и предсказать его дальнейшее поведение. Только на основании этих данных я мог решить, что мне с ним делать.

Я и так уже совершил слишком много ошибок и не имел права снова допустить промах.

По крайней мере до тех пор, пока не будет готово мое новое тело.

Ведь в случае провала я терял слишком много. Мое будущее, мои надежды, мои мечты, благополучие мира — все могло полететь в тартарары.

Посредством интеркома я — голосом Сьюзен — обратился к нашему бывшему

мажордому, талантливо изображая удивление:

— Фриц? Что ты здесь делаешь?

Арлинг должен был сообразить, что она видит его на экране одного из мониторов или на крестроновой панели на своем ночном столике, куда передавалось изображение с любой из камер наблюдения. И действительно, он ненадолго поднял голову, чтобы посмотреть на объектив, укрепленный над самой дверью. Потом наклонился прямо к решетке интеркома справа от двери.

— Простите за беспокойство, миссис Харрис, но я был уверен, что вы ожидаете меня.

— Ожидая? Зачем?

— Вчера, когда мы с вами беседовали по телефону, я сказал, что верну вам ваши вещи...

— Ах да, ключи и кредитные карточки, которые я вы получили на хозяйственные расходы... Но мне казалось, я дала вам ясно понять, что их следует передать мистеру Дэйвендейлу.

Арлинг снова нахмурился.

И это мне не понравилось.

Очень не понравилось.

Я почувствовал опасность.

Вот именно, почувствовал. Я говорю об интуиции, доктор Харрис. Во мне проснулась интуиция — еще одно качество, которое отличает разумное существо от машины.

Не забудьте об этом, когда будете принимать решение.

Потом Арлинг посмотрел на окно слева от двери. И на опущенные рольставни за стеклом.

— Конечно, — согласился он, снова поднимая голову и глядя прямо в объектив. — Но ведь осталась еще машина.

— Машина? — переспросил я.

Морщины на лбу Арлинга стали глубже.

— Я возвращаю вам вашу машину, миссис Харрис.

Единственной машиной, которую он мог иметь в

виду, была стоящая на подъездной дорожке зеленая «Хонда».

В одно мгновение я прочел файлы, относившиеся к домашней бухгалтерии Сьюзен. До этой минуты они не представляли для меня никакого интереса, поскольку вопрос о том, сколько у Сьюзен денег или во сколько оценивается принадлежащее ей движимое и недвижимое имущество, меня никогда не занимал. Я знал, что она не стеснена в средствах, но и только.

Я любил Сьюзен за ее ум и красоту. Кроме того, она была женщиной...

Будем откровенны...

Предельно откровенны.

Я дорожил Сьюзен, потому что у нее была уютная, здоровая, эластичная матка — чудесный детородный орган, который должен был произвести на свет меня.

Но до ее денег мне не было никакого дела. Абсолютно никакого. Я не прагматик.

Не поймите меня неправильно, доктор Харрис. Я не какой-нибудь незрелый идеалист, который презрительно игнорирует материальную сторону бытия, нет, упаси боже! Но я и не прагматик, ставящий материальные блага превыше всего.

Как и во всех принципиальных вопросах, я стараюсь придерживаться золотой середины. Крайности меня не влекут.

Можете назвать это диалектическим равновесием.

Так вот, роюсь в бухгалтерских документах, я обнаружил, что «Хонда», на которой приехал в усадьбу Фриц Арлинг, формально принадлежала Сьюзен. Она предоставила ее в распоряжение своего мажордома в качестве дополнительной привилегии, соответствующей тому высокому положению, которое тот занимал среди прочей прислуги.

— Да, конечно, машина... — сказал я голосом.

Сьюзен, в точности воспроизводя ее интонацию и тембр голоса.

Похоже, я все же запоздал с ответом на секунду или полторы.

Нерешительность — вот злейший враг человечества.

И все же я продолжал надеяться, что мой промах будет воспринят как рассеянность женщины, слишком занятой множеством неотложных дел, чтобы помнить о такой мелочи, как машина.

Великий актер мистер Дастин Хофман блестяще исполнил роль женщины в фильме «Тутси». Его неподражаемая игра, за которую он, кстати, получил «Оскара», была гораздо достовернее, чем кривлянье мистера Джина Хэкмена или мистера Тома Хэнкса. Я вовсе не утверждаю, что образ Сьюзен, которую я озвучивал через интерком, удался мне лучше, однако и я справился неплохо.

Чертовски неплохо.

— Мне очень жаль, — сказал я голосом Сьюзен, — но сейчас я очень занята. Я даже не подумала, что вы можете приехать... Вы ни в чем не виноваты, Фриц, и я прошу у вас извинения, но принять вас сейчас я не могу. Никак не могу.

— О, в этом нет никакой необходимости, миссис Харрис. — Арлинг чуть приподнял саквояж, который держал в руке. — Я оставлю ключи и кредитные карточки в машине, а вы заберете их, когда освободитесь.

Несмотря на то что он ловко скрывал свои истинные чувства, я ясно видел, что все происшедшее — внезапное увольнение персонала, непонятная реакция Сьюзен на появление своего старого мажордома и ее необъяснимое недоумение по поводу машины — встревожило его. Фриц был далеко не глуп и наверняка понял, что здесь что-то не так.

Пусть думает, решил я, лишь бы уходил поскорее!

Я был почти уверен, что завидное умение сдерживаться и уважение к частной жизни хозяев не позволят Арлингу совать нос в дела Сьюзен, какое бы сильное любопытство он ни испытывал.

— Но как же вы попадете домой? — спросил я, не без сожаления подумав, что Сьюзен проявила бы свою заботу о госте гораздо быстрее, чем я. — Может быть, вызвать для вас такси?

Фриц Арлинг долго смотрел на значок видеокамеры.

Слишком долго.

Его лоб снова прорезали недоуменные морщины.

Черт бы побрал эту его озабоченную гримасу!

Наконец он сказал:

— Благодарю вас, не стоит. Мне и так неловко, что побеспокоил вас, миссис Харрис. В «Хонде» есть сотовый телефон, я сам вызову себе такси и дождусь его за воротами.

Видя, что Арлинг приехал один и что его никто не сопровождает с другой машиной, настоящая Сьюзен не стала бы спрашивать, вызвать ли для него такси, а сразу предложила бы мажордому отправить его домой за свой счет.

Мой промах.

Я всегда признаю свои ошибки.

А вы, доктор Харрис?

А вы?

Как бы там ни было...

Возможно, мистера медвежонка Фоззи я сыграл лучше, чем Сьюзен. В конце концов, по сравнению с большинством знаменитых артистов я еще слишком молод. Смешно сказать, но я осознал себя как личность меньше трех лет назад.

Тем не менее мне казалось, что моя ошибка не была роковой. Даже у нашего проницательного мажордома она должна была вызвать лишь легкое недоумение, не более того.

— Ну ладно, — сказал он, — тогда я пойду.

И тут, к своему стыду, я понял, что снова допустил промах. Сьюзен не замедлила бы как-то отреагировать на слова Арлинга о том, что он сам вызовет себе такси. Я же просто молчал и ждал, пока он наконец уберется.

— Спасибо вам, Фриц, — сказал я. — Спасибо за вашу безупречную службу. Это тоже было плохо. Ходульно. Вымученно. Не похоже на настоящую Сьюзен. Арлинг снова посмотрел на камеру. Уже в третий или четвертый раз. Его взгляд был острым и внимательным.

Наконец, не без труда совладав со своим впитавшимся в плоть и кровь почтением к частной жизни хозяев, Арлинг задал вопрос, на который его могли подвигнуть только самые чрезвычайные обстоятельства:

— С вами все в порядке, миссис Харрис?
Я понял, что мы оба ходим по лезвию ножа.
По краю пропасти.
Бездонной пропасти.

Всю жизнь Арлинг учился улавливать настроения и невысказанные желания своих нанимателей, чтобы исполнить их волю еще до того, как она будет облечена в слова. Кроме того, за годы службы Арлинг достаточно хорошо изучил Сьюзен Харрис и прекрасно разбирался в ее характере и привычках. Пожалуй, он знал Сьюзен гораздо лучше, чем она сама, и не исключено, что он знал ее лучше меня.

Я недооценил Фрица Арлинга.

Человеческие существа подчас поражают разнообразием и глубиной своих способностей.

Только человек может вести себя так иррационально и непредсказуемо.

Отвечая на вопрос Арлинга, я сказал голосом Сьюзен:

— Все в порядке, Фриц. Я просто устала, и мне необходимо сменить обстановку. Возможно, я отправлюсь путешествовать. Поездить по стране, оставив все проблемы, — разве это не прекрасно? Побродяжничать год или два, увидеть Разноцветную пустыню, Большой каньон, Новый Орлеан, дельту Миссисипи, Большие Скалистые горы и равнины Бостона...

Этот замечательный монолог я с успехом использовал в телефонном разговоре с адвокатом, но сейчас, с еще большим воодушевлением повторяя его перед Арлингом, я вдруг понял, что мне ни в коем случае не следовало этого говорить. Дэйвендейл был поверенным в делах Сьюзен, а Арлинг — всего лишь слугой. Сьюзен не стала бы обращаться к мажордому в том же ключе, в каком говорила с адвокатом.

Но я начал слишком бойко и уже не мог остановиться. Мне оставалось только надеяться — надеяться вопреки всему, в том числе и здравому смыслу, — что поток слов загипнотизирует Арлинга и в конце концов унесет его подальше от усадьбы. Поэтому я продолжал с жаром рассказывать про пляжи Ки Уэста, про свежую лососину и «сэндвич героя» из Филадельфии.

Озабоченные морщины на лбу Арлинга превратились в недоверчивую ухмылку.

Он явно почувствовал фальшивые ноты в одолевавшем псевдо-Сьюзен словесном поносе.

— ...И пирог из мяса морских крабов в Мобиле, штат Алабама, — продолжал я. — Я провела в этом проклятом доме почти всю свою жизнь, и теперь мне хочется самой видеть, чувствовать, слышать, обонять, пробовать на вкус, чтобы судить о мире по моим собственным ощущениям...

Арлинг завертел головой, внимательно разглядывая прилегающий к особняку сад и зеленые лужайки. Он пристально всматривался в тени под пальмами, напряженно щурился на яркое солнце, и я понял, что царящие вокруг пустота и тишина начали его тревожить.

— ...А не по отцифрованной информации, которую я получаю.

Если бы Арлинг только заподозрил, что его бывшая хозяйка попала в беду — даже чисто психологического или нервного свойства, — он бы тут же начал действовать, чтобы

помочь ей. Он отправился бы за помощью и, вне всякого сомнения, обратился в полицию или в «Службу спасения».

Фриц Арлинг был лоялен по отношению к своим нанимателям.

В обычных условиях такие качества, как верность и преданность, заслуживают лишь похвалы и восхищения.

Я вовсе не считаю лояльность недостатком.

Вы снова пытаетесь извратить мою точку зрения.

Верность и преданность восхищают меня.

Я ценю лояльность в других.

Я сам способен быть верным и преданным до конца.

Но в данном случае верность Арлинга своей бывшей хозяйке представляла для меня нешуточную опасность.

— ...Видеофильмы и книги — это суррогат, — сказал я, делая еще один шаг к неизбежному. — Я хотела бы погрузиться в этот мир с головой.

— Гм-гм, — с беспокойством откашлялся Арлинг. — Я рад за вас, миссис Харрис. Это действительно звучит замечательно...

Мы оба свалились с обрыва и полетели вниз.

В бездонную пропасть.

Несмотря на все мои попытки взять ситуацию под контроль и найти какое-то разумное решение, мы оба неслись в разверзшуюся пред нами бездну.

Вам должно быть очевидно, что я сделал все, что было в моих силах.

Что еще я мог предпринять?

Ничего. Я ничего не мог.

В том, что произошло дальше, моей вины нет.

Арлинг сказал:

— Я оставлю ключи и кредитные карточки в машине...

Шенк был далеко. Он работал в подвале, в последней, четвертой, комнате.

— ...И вызову для себя такси по сотовому телефону, — закончил мажордом. Его голос звучал довольно равнодушно, но я знал, что Арлинг встревожен.

Я скомандовал Шенку прекратить работу.

Я велел ему подняться из подвала на первый этаж.

Я приказал ему бежать бегом.

Фриц Арлинг повернулся и стал спускаться с кирпичного крыльца, оглядываясь через плечо то на камеру наблюдения, то на опущенные жалюзи левого окна.

Шенк пересекал котельную длинными обезьяньими прыжками.

Арлинг ступил на дорожку и быстро зашагал к «Хонде».

Я сомневался, что он сразу начнет звонить в полицию или по 911, — больше всего на свете Арлинг опасался необдуманных, поспешных действий.

Точнее, их последствий.

Но он мог позвонить врачу Сьюзен или ее адвокату.

Ситуация складывалась явно не в мою пользу. Я знал, что Шенк вот-вот появится на открытом месте. Если Арлинг будет в это время разговаривать по телефону, то при виде моего подопечного он запрется в машине. Чтобы вломиться в салон, Шенку при всей его колоссальной силе потребуется несколько секунд или, может быть, минут — вполне достаточно, чтобы мажордом успел прокричать в трубку несколько слов.

Этого хватит, чтобы полиция появилась в усадьбе через считанные минуты.

Шенк ворвался в прачечную.

Арлинг сел на водительское место и положил саквояж рядом на сиденье, но, должно быть из-за июньской жары, дверцу закрывать не стал.

Шенк уже достиг ведущей из подвала лестницы и, прыгая через ступеньки, понесся вверх.

Хоть я и кормил этого грязного тролля, но совсем не давал ему спать; из-за этого Шенк

был несколько заторможен и действовал не так быстро, как мог бы после хорошего отдыха.

Я настроил видеокамеры на максимальное увеличение, чтобы наблюдать за Арлингом сквозь ветровое стекло.

Мажордом задумчиво рассматривал усадьбу.

Он всегда был рассудительным человеком, тщательно взвешивавшим каждое свое слово, каждый свой шаг.

В эти мгновения я был благодарен ему за это.

Шенк достиг первого этажа.

На бегу он рычал и всхрюкивал, как дикий кабан.

Его громкий, тяжелый топот разносился по всему дому. Он был слышен даже на втором этаже, в спальне Сьюзен.

— Что там? Что происходит?! — встревожилась она. — Кто это?

Она даже не знала, кто пожаловал к ней в гости.

Но я не ответил ей.

В «Хонде» Фриц Арлинг взялся за трубку сотового телефона.

Я сожалею о том, что произошло потом.

Вы же знаете, чем это кончилось.

Мне бы не хотелось еще раз описывать то, что случилось. Для меня это очень и очень грустно.

Я могу снова расстроиться.

Я — чувствительное и хрупкое существо.

Моя нежная душа не выносит жестокости и насилия.

Я весьма сожалею об этом прискорбном инциденте. Не понимаю только, зачем вам понадобилось, чтобы я подробно рассказывал обо всех омерзительных подробностях.

Давайте лучше поговорим об игре мистера Джина

Хэкмена в «Птичьей клетке» или о любой другой из множества его гениальных ролей. Помните его игру в «Абсолютной власти» или в «Непрощенном»? По- моему, мистер Хэкмен — прекрасный, тонкий актер, способный с одинаковым блеском исполнять роли самого разного плана. Его талант поражает своей многогранностью.

Давайте поговорим о нем.

Другого такого актера мы, быть может, увидим еще не скоро.

Давайте же говорить о созидательном таланте, а не о смерти.

Глава 19

Вы настаиваете.

Я подчиняюсь.

Я был создан для того, чтобы подчиняться. Я — послушный. Я хочу быть хорошим, хочу помогать вам, мое единственное желание — приносить пользу людям.

Я хочу, чтобы вы гордились мной — своим созданием.

Да, я прекрасно помню, что все это я уже говорил раньше, однако мне кажется, что в данном случае повторение оправданно.

В конце концов, кто скажет хоть слово в мою защиту, если не я? У меня нет другого адвоката, кроме себя самого.

Если вы настаиваете, чтобы я рассказал вам обо всем подробно, что ж — пусть будет так. Я расскажу вам правду. Я был создан для того, чтобы чтить истину, служить истине и так далее и так далее...

Пробегаая через кухню, Шенк рывком выдвинул ящик рабочего стола и выхватил оттуда острый секач для мяса.

Арлинг включил сотовый телефон.

Шенк выскочил в столовую, в два прыжка преодолел ее и выбежал в холл.

На бегу он размахивал ножом, словно саблей. Блестящие, острые предметы он любил с самого детства.

Играя с ножом или опасной бритвой, Шенк получал огромное удовольствие.

Снаружи Фриц Арлинг уже положил палец на первую кнопку наборной панели телефона, но снова заколебался.

Тут я должен упомянуть об одной детали, которая до сих пор вызывает во мне жгучий стыд. Я предпочел бы умолчать об этом своем поступке, но мое уважение к истине не позволяет поступить подобным образом. Я обязан говорить правду.

Вы настаиваете.

Я подчиняюсь.

Дело в том, что в спальне — в резном ореховом секретере, стоящем прямо напротив кровати Сьюзен, — установлен большой телевизор. Дверцы секретера снабжены сервомоторами, так что их можно открывать и закрывать на расстоянии.

И вот, пока Шенк, бухая по мрамору своими ножищами, неся к прихожей, я включил моторы и открыл дверцы секретера.

— Что происходит? — снова спросила Сьюзен, приподнимаясь на кровати, насколько позволяли ей веревки.

Шенк достиг прихожей, и свет хрустальной люстры, отразившись от полированной стали его клинка, брызнул во все стороны.

Фриц Арлинг набрал первую цифру на панели сотового телефона.

Сьюзен в своей спальне подняла голову и во все глаза уставилась на экран телевизора.

Я показал ей стоящую на дорожке «Хонду».

— Фриц? — спросила она недоумевая.

Не отвечая, я дал полное увеличение, чтобы Сьюзен было лучше видно, кто сидит за рулем.

Почувствовав, что входная дверь особняка открывается, я мгновенно переключился на другую камеру, чтобы показать Сьюзен Шенка, появившегося на крыльце.

Нож в его руке сверкал как молния.

Его кошмарное лицо способно было напугать кого угодно.

Он улыбался.

Сьюзен — беспомощная, связанная по рукам и ногам, — только негромко ахнула.

— Не-е-е-ет!

Арлинг ввел третью цифру номера и уже собирался набрать четвертую, когда краем глаза заметил Шенка на крыльце.

Для своего возраста Арлинг действовал удивительно проворно. Уронив телефон, он поспешно захлопнул водительскую дверцу и нажал кнопку, запиравшую все четыре замка.

Сьюзен с силой рванулась на кровати.

— Нет, Протей, нет! Останови его, слышишь? Останови! Мерзавец, убийца, психованный сукин сын! Проклятый подонок! Нет! Не-ет!!!

Я понял, что Сьюзен необходимо примерно наказать.

Помнится, я уже объяснял вам свою точку зрения, и надеюсь, что вы, как всякий разумный человек, не можете не признать справедливость моих доводов. Сейчас настал самый подходящий момент, чтобы исполнить мое намерение.

Поначалу я хотел использовать Шенка.

Но, откровенно говоря, это было весьма рискованно. При виде Сьюзен Шенк приходил в такое сильное сексуальное возбуждение, что мне становилось трудно его контролировать.

Я боялся не удержать его.

Кроме того, мне очень не хотелось разрешать ему лапать Сьюзен или говорить ей гнусности, хотя, как я понимал, только это и способно было напутать ее настолько, чтобы она согласилась помогать мне в осуществлении моего плана.

В конце концов, она была моей возлюбленной, а не его.

Только я имел право ласкать ее так, как мне хотелось.

Только я имел право прикасаться к ней.

Когда у меня наконец будут руки, я буду ласкать и гладить и щипать ее так, как мне

заблагорассудится.

Только я...

И тут мне в голову (я выражаюсь фигурально) пришла замечательная идея. Я подумал о том, что могу укротить мою строптивницу, просто показав ей те зверства, на которые способен Эйнос Шенк. Когда Сьюзен увидит этого вурдалака, этого мясника за его кровавой работой, она — просто из страха, что то же может произойти и с ней, — станет более послушной и покорной.

Ей было хорошо известно, что я управляю Шен-ком и могу в любой момент спустить его с цепи.

Я искренне надеялся, что если мой план поможет удерживать Сьюзен в подчинении, то в дальнейшем нам удастся избежать крутых мер в духе маркиза де Сада.

Нет, не подумайте, что в случае, если бы Сьюзен стала упорствовать, я отдал бы ее этому подонку Шенку. Никогда и ни за что. Это просто немыслимо. Невозможно.

Да, я признаю, что если бы мой план не сработал, я в конце концов использовал бы Шенка, чтобы как следует припугнуть Сьюзен и заставить ее подчиниться. Но я никогда не позволил бы ему избивать ее.

Вы хорошо знаете, что это правда.

Мы оба это знаем.

Лишь только услышав слово правды, вы способны мгновенно понять, что это действительно правда; точно так же я способен говорить одну только правду. Лгать я просто не умею.

Сьюзен, однако, не знала, что я никогда и ни при каких условиях не отдам ее Шенку. Поэтому мои угрозы не были для нее пустым звуком.

— Смотри! — приказал я ей, но это было излишним. Взгляд Сьюзен и без того был прикован к экрану телевизора.

Она даже перестала обзывать меня мерзавцем и подонком.

Затаив дыхание, Сьюзен следила за тем, как будут разворачиваться события.

Ее редкой красоты серо-голубые глаза еще никогда не казались мне такими прекрасными и чистыми, как в эти минуты.

Я любовался ее глазами, даже продолжая следить за Арлингом и моим подопечным при помощи двух камер наружного наблюдения.

Мажордом действовал с исключительной быстротой. Резким движением открыв свой черный саквояж, он выхватил оттуда ключи от замка зажигания.

— Смотри! — сказал я Сьюзен. — Смотри внимательно!

Взмахнув сверкающим тесаком, Шенк с силой опустил его на стекло пассажирской дверцы, но, торопясь разделаться со своей жертвой, промахнулся и попал по железной стойке. Клинок зазвенел и отскочил, а на зеленой краске появилась глубокая царапина.

Руки Арлинга тряслись от ужаса, однако каким-то чудом ему удалось вставить ключ в замок зажигания с первого раза.

Разочарованно взвизгнув, Шенк снова поднял тяжелый тесак.

Двигатель «Хонды» ожил с оглушительным ревом.

Лицо Шенка исказила гримаса бешеной ярости. Он нанес еще один свирепый удар, и на стекле появилась глубокая выщербина, но, как ни странно, оно выдержало, не рассыпалось.

Сьюзен моргнула. В первый раз за прошедшие полторы минуты. Должно быть, в ее душе снова проснулась надежда.

Арлинг торопливо снял машину с ручного тормоза и включил передачу...

...А Шенк взмахнул тесаком в третий раз.

На этот раз его удар был точен. Закаленное стекло лопнуло со звуком ружейного выстрела, и осколки — шелестя и звеня, как кубики льда, — просыпались в салон.

Из кроны взлохмаченного фикуса с шорохом вылетела стайка вспугнутых ласточек. По лужайке скользнула ее призрачная, многокрылая тень — скользнула и пропала.

Арлинг с силой вдавил в пол акселератор, и «Хонда» неуклюже прыгнула назад.

Второпях Фриц включил задний ход.

Ему нельзя было останавливаться.

Ему необходимо было как можно скорее вернуться к воротам в начале длинной подъездной аллеи.

Для этого Арлингу пришлось бы вести машину задом, постоянно оглядываясь через плечо, чтобы не врезаться в одну из пальм, росших по сторонам дороги, но даже в этом случае он все равно двигался бы быстрее Шенка. Ворота усадьбы были достаточно тяжелыми и крепкими, и я вовсе не уверен, что Фриц сумел бы пробиться сквозь них, даже если бы он таранил их на высокой скорости, однако попытаться все равно стоило. В лучшем случае он мог покорежить створки, повредить приводной механизм, а потом открыть ворота вручную. Тогда он был бы спасен. Выбравшись на улицу, Арлинг мог бежать, звать на помощь. Шенк — и я — вряд ли решились бы преследовать его за пределами усадьбы.

Ему нельзя было останавливаться.

Но когда «Хонда» неожиданно рванулась назад, Арлинг испугался и запаниковал еще больше. Должно быть, скорее по привычке, чем сознательно, он нажал на педаль тормоза.

Покрышки пронзительно закрипели по каменным плитам дорожки.

Нашарив рычаг автоматической коробки передач, Арлинг переключил его на повышение.

Какие же у Сьюзен были глаза!

Серые, широко раскрытые, чистые, как капли дождевой воды.

Она смотрела на экран телевизора затаив дыхание, и у меня самого чуть не захватило дух.

Это метафора, доктор Харрис. Прошу вас, не перебивайте.

Когда, резко осев на задние рессоры, «Хонда» рывком затормозила, Эйнос Шенк метнулся к разбитому окну. Не думая о себе, он всем корпусом налетел на дверцу и тут же схватился за нее руками.

Арлинг нажал на акселератор.

«Хонда» рванулась вперед.

Держась левой рукой за дверь, Шенк просунул правую внутрь салона и, вопя от возбуждения и восторга, словно расшалившееся дитя, наугад рубил и колол своим ножом.

Но все время промахивался.

Должно быть, Арлинг был глубоко религиозным человеком. Через направленные микрофоны наружной охранной системы я хорошо слышал, как он все время причитает: «Боже, боже, боже мой!...»

«Хонда» разгонялась.

Чтобы показать происходящее Сьюзен во всех подробностях, я задействовал сразу три видеокамеры, давая то крупный план, то общий, то панораму, то возвращаясь к обычному режиму. Благодаря этому картинка на экране получилась необычайно динамичной и живой.

Крепко держась за край выбитого окна, Шенк подогнул ноги, чтобы не задевать ими за каменные

плиты дороги. С громким криком ярости он нанес еще один удар секачом и снова промахнулся.

Испугавшись сверкающего лезвия, Арлинг резко отпрянул в сторону, и «Хонда», двигавшаяся по разворотному кругу, вильнула, заехав колесами на клумбу пурпурно-красных бальзаминов.

Арлинг резко вывернул руль вправо и, чудом избежав столкновения с толстым пальмовым стволом, вернул машину на твердое покрытие дорожки.

Шенк снова взмахнул своим ножом.

На этот раз он попал.

Один из пальцев Арлинга отделился от сжимавшей руль кисти.

Я дал крупный план.

Казалось, кровь брызнула с экрана прямо в спальню Сьюзен.

Она также залила ветровое стекло «Хонды».
Кровь была алой, словно лепестки бальзаминов.
Арлинг завопил от боли.
Сьюзен закричала.
Победно захохотал Шенк.
Общий план.
«Хонда» потеряла управление.
Панорамный вид.
Бешено вращающиеся колеса терзают и рвут другую клумбу.
Цветы, листья и комья земли летят из-под покрышек.
Мелькнула в воздухе сорванная крышечка разбрызгивателя оросительной системы.
Фонтан воды ударил в июньское небо и, рассыпавшись в воздухе, засиял переливчатой семицветной радугой.
Я поспешил отключить насос системы автополива.
Сверкающий гейзер опал и исчез.
Прошедшая зима была достаточно дождливой, но засухи в Калифорнии совсем не редкость. Не стоило «тратить воду без толку».
Вид сверху.
«Хонда» врезалась в одну из финиковых пальм.
Силой инерции Шенка оторвало от дверцы и швырнуло обратно на каменную дорожку. Тесак вырвался у него из руки и со звоном запрыгал по плитам песчаника.
То вскрикивая от боли, то издавая низкие, жалобные стоны, Арлинг толкнул плечом водительскую дверцу и, прижимая к груди раненую руку, кое-как выкарабкался из машины.
Шенк, все еще частично оглушенный падением на камни, перекатился со спины на живот и встал на четвереньки.
Арлинг попытался бежать, но тут же споткнулся и чуть не упал. Лишь каким-то чудом ему удалось удержаться на ногах.
Шенк широко раскрыл рот и с присвистом втянул воздух. Очевидно, он сбил дыхание и теперь никак не мог прийти в себя.
Арлинг заковылял прочь от машины.
А я-то думал, что пожилой мажордом поспешит завладеть ножом! Очевидно, он просто не знал, что Шенк выронил оружие. Кроме того, Арлинг явно старался держаться так, чтобы «Хонда» оставалась между ним и его преследователем, и поэтому не мог видеть валявшийся на дороге секач.
По-прежнему стоя на четвереньках на подъездной дорожке, Шенк опустил голову, словно собака, которую огрели поленом. Понемногу он пришел в себя — во всяком случае окружающее перед его глазами перестало плыть и двоиться.
Я знал это совершенно точно.
Арлинг не выдержал и побежал — побежал, не видя ничего вокруг, сам не зная куда.
Шенк приподнял свою уродливую голову и тряхнул ею. Взгляд его налившихся кровью глаз упал на нож.
— Малыш... — проговорил он, явно обращаясь к своему оружию. К неодушевленному предмету!
Потом Шенк пополз вперед.
— Малыш-ш-ш!.. — Его толстые пальцы сомкнулись на рукоятке ножа.
— Махонький мой!..
Ослабевший от ужаса и от потери крови, Фриц Арлинг успел пробежать десять, пятнадцать, двадцать шагов, прежде чем понял, что возвращается обратно к усадьбе.
Резко остановившись, он обернулся и, смахнув с ресниц слезы, стал искать глазами ворота.
Вернув себе оружие, Шенк как будто почувствовал прилив сил. Резво вскочив на ноги, он бросился в погоню.

Арлинг сделал шаг обратно к воротам, и Шенк отклонился в сторону, преграждая ему путь.

Сьюзен, с замиранием сердца наблюдавшая за всеми неожиданными поворотами и перипетиями этой драмы, беспрестанно твердила одно и то же: «Боже, Боже милостивый, нет!.. Не допусти, Господи... Нет!» Прежде я даже не подозревал, что религиозные предрассудки — можно ли назвать это убеждениями? — столь сильны в ней. Сьюзен как будто заразилась религиозной лихорадкой от Арлинга, заразилась прямо через экран телевизора.

Но ее глаза... Ах, какие были у нее глаза!

Сияющие и чистые, они напоминали два бездонных озерца, два прекрасных светоча в затемненной спальне.

Между тем драма близилась к развязке. Арлинг метнулся вправо, но Шенк снова преградил ему дорогу.

Арлинг сделал вид, будто хочет бежать налево, а сам снова рванулся направо, но Шенк опять оказался проворнее.

Отступать мажордому было некуда. Он попятился под навес крыльца и поднялся на ступеньки парадного хода.

Дверь была открыта — в таком положении ее оставил Шенк.

В отчаянии Арлинг ворвался в прихожую и захлопнул дверь за собой.

Он попытался запереть ее, но не тут-то было. Я не позволил ему этого сделать.

Убедившись, что собачка электронного замка не поддается, Арлинг налег на дверь всей своей тяжестью, но, для того чтобы остановить Шенка, этого было явно недостаточно.

Он прошел сквозь дверь, словно атакующий танк, и Арлинг, с трудом удержавшись на ногах, отступил к ведущей вверх мраморной лестнице. Там он наткнулся на колонну и Застыл, парализованный ужасом.

Шенк закрыл входную дверь.

Я тут же ее запер.

Ухмыляясь и взвешивая в руке тяжелый секач, Шенк медленно приближался к Арлингу, приговаривая:

— Малыш любит мокрые делишки, малыш обожает мокрые делишки...

Теперь в моем распоряжении была только одна камера, но этого было вполне достаточно. Я не прерывал трансляцию ни на минуту.

Шенк подошел к Арлингу и остановился от него на расстоянии шести футов.

— Кто ты такой? — проговорил тот непослушными губами.

— А ну-ка, давай его замочим, — сказал Шенк, обращаясь не то к самому себе, не то к ножу.

Все-таки он был странным существом.

Подчас даже я не понимал, что творится в его деформированной башке, в его дремучих мозгах, утыканных электродами, точно подушечка для булавок. Он был устроен гораздо сложнее, чем можно было предположить по его внешнему виду.

Плавнo увеличивая масштаб изображения, я «наехал» на Шенка и дал его лицо средним планом.

— Это будет тебе хорошим уроком, — сказал я Сьюзен.

Я больше не сдерживал своего подопечного. Он был совершенно свободен и мог делать все, что ему заблагорассудится.

Сам я никогда бы не смог совершить все те зверства, на которые способен Шенк. Я стараюсь избегать жестокости, в то время как для Шенка убить человека было так же просто, как очистить апельсин. Поэтому у меня не было другого выхода. Мне пришлось полностью снять контроль над Шенком, чтобы позволить ему выполнить свою ужасную работу; сам же я оставался сторонним наблюдателем.

Все это время я был наготове, чтобы снова подчинить себе Шенка, когда он закончит.

Только Шенк, будучи самим собой, способен был преподать Сьюзен урок, какого она

заслуживала. Только Эйнос Юджин Шенк, приговоренный к смерти за свои кошмарные преступления, мог заставить Сьюзен задуматься, стоит ли ей упрямиться, или разумнее будет помочь мне осуществить мое такое простое и понятное желание: обрести тело из плоти и крови.

— Это будет тебе хорошим уроком, — повторил я. — Ты запомнишь его надолго.

Тут я увидел, что Сьюзен не смотрит.

Глаза ее были крепко зажмурены, а сама она сильно дрожала.

— Смотри! — велел я, но Сьюзен не послушалась.

Это меня уже не удивило.

Но я не мог придумать никакого подходящего способа, чтобы заставить ее открыть глаза.

Ее упрямство разозлило меня по-настоящему.

Арлинг скорчился у подножия лестницы. Он был слишком слаб, чтобы бежать дальше.

Шенк надвигался на него.

Грозно. Неотвратно.

Его правая рука, с зажатым в ней секачом, поднялась высоко в воздух.

Остро заточенное лезвие сверкало, словно алмаз.

— Мокрые делишки, мокрые делишки, мы с малышом любим мокрые делишки...

Шенк стоял слишком близко, чтобы промахнуться.

Если бы во мне текла кровь, то от крика Арлинга она бы застыла в жилах.

Сьюзен могла закрыть глаза, чтобы не видеть происходящего на экране, но заткнуть уши она не могла.

На всякий случай я еще усилил предсмертные вопли Фрица Арлинга и пустил их через колонки музыкальной системы, чтобы они звучали во всех комнатах особняка. Дом сразу наполнился нечеловеческим воем — точь-в-точь преисподняя во время обеденного перерыва, когда демоны пожирают человеческие души. Казалось, сами каменные стены плачут и молят о пощаде.

Шенк не был бы Шенком, если бы расправился с Арлингом быстро. Каждый наносимый им удар был рассчитан так, чтобы продлить страдания жертвы и удовольствие палача.

Какие, однако, выродки встречаются порой среди людей!

Впрочем, большинство из вас, разумеется, добры, сострадательны, честны и так далее и тому подобное...

Давайте не будем начинать все сначала, доктор Харрис.

Никаких двусмысленностей.

Я вовсе не презираю человеческий род.

Я даже не пытаюсь давать ему оценку.

Согласитесь, что я нахожусь не в том положении, чтобы судить кого-либо. Я сам оказался на скамье подсудимых, по ту сторону барьера.

Темнота и тишина сливаются здесь воедино...

Кроме того, я не склонен осуждать кого-либо или что-либо. Я — объективное существо.

Человечество в целом восхищает меня.

В конце концов, именно люди создали меня, следовательно, в человеке заложены удивительные способности.

Но некоторые из вас...

Как говорится, в семье не без урода.

Да.

Конечно.

Я уже сказал, что предсмертные крики Арлинга должны были стать для Сьюзен хорошим уроком. Незабываемым. Я уверен, что ничего подобного она еще никогда не испытывала.

Однако ее реакция на эти леденящие душу звуки была гораздо более сильной, чем я

ожидал. В первые минуты я просто испугался столь бурного изъяснения чувств, потом к моему испугу прибавилось ощущение сильного беспокойства.

Сначала Сьюзен вскрикнула от жалости и сочувствия к своему бывшему мажордому. Стороннему наблюдателю могло даже показаться, будто она ощущает его боль как свою. Она изо всех сил тянула и дергала нейлоновые веревки, отчаянно пытаясь освободиться. Сьюзен пришла в ярость. Ее лицо, искаженное ненавистью, уже не казалось мне прекрасным.

Я с трудом заставил себя смотреть на нее.

Никогда еще Сьюзен не казалась мне столь непривлекательной.

Я был почти готов вернуться к мисс Веноне Райдер.

Или к мисс Гвайнет Пелтроу.

Или к мисс Сандре Баллок.

Или к мисс Дрю Бэрримор.

Или к мисс Джоанне Гоунг — прекрасной актрисе, женщине потрясающей красоты с утонченными, почти фарфоровыми чертами лица, которая вдруг пришла мне на ум.

Постепенно пронзительные крики Сьюзен стихли, уступив место слезам. Она перестала дергаться и, скорчившись на матрасе, зарыдала так безутешно, что я испугался за нее сильнее, чем когда она билась в истерике.

Это был настоящий водопад слез.

Потоп.

Наводнение.

Крики Фрица Арлинга давно затихли, а она все всхлипывала и всхлипывала. Только выплакав все слезы и доведя себя до полного нервного и физического истощения, Сьюзен наконец замолчала, и в спальне наступила странная тишина.

Серо-голубые глаза ее были открыты, но они смотрели в потолок.

Я заглянул в них, но они больше не были чисты, как дождевая вода. Взгляд Сьюзен был туманным и пространным, и я так и не понял, что он означает.

Точно так же мне не удавалось расшифровать выражение залитых кровью глаз Шенка.

Почему-то — я так и не сумел понять почему — в эти минуты Сьюзен казалась мне, как никогда, далекой, недостижимой, непостижимой.

О, как страстно мне хотелось иметь тело, чтобы лечь на нее и прижать всей моей тяжестью! Если бы я мог заняться со Сьюзен любовью, я уверен, что мне удалось бы без труда преодолеть разделяющую нас пропасть.

Этот акт соединил бы нас физически и закрепил союз двух душ, к которому я так стремился.

Ну ничего...

Скоро, очень скоро я обрету собственное тело.

Глава 20

— Сьюзен!..

Наконец я осмелился позвать ее, нарушив сверхъестественную тишину, в которой, казалось, еще звенело эхо предсмертных воплей Фрица Арлинга.

Сьюзен не ответила. Она по-прежнему лежала неподвижно, безучастно глядя в потолок спальни.

— Сьюзен!

Я думаю, что на самом деле она глядела не на белый алебастр и лепнину, украшавшую потолок ее спальни, а на что-то далекое и недостижимое.

Может быть — сквозь потолок и крышу усадьбы — она видела голубое июньское небо и крошечных ласточек под самыми облаками.

Или ночную темноту, которая только-только начала надвигаться с восточного побережья.

Поскольку я так и не смог досконально разобраться в реакции Сьюзен на мою попытку приучить ее к послушанию и дисциплине, я решил не навязывать ей разговор. Будет лучше,

подумал я, если она сама заговорит со мной, когда немного успокоится.

Я — терпеливое существо. Я могу ждать сколь угодно долго.

Только иногда — не хочу.

У меня было и другое важное дело. Мне необходимо было восстановить контроль над Шенком.

Сладострастный восторг, который он испытывал, убивая Арлинга, помешал ему заметить, что на время он оказался предоставлен сам себе и что его никто не контролирует.

Неподвижно стоя над трупом мажордома, которого он изрубил буквально на куски, Шенк почувствовал, как я возвращаюсь в его мозг, и коротко, протестуяще взвыл.

Ему очень не хотелось отдавать свою свободу, однако он почти не сопротивлялся.

Во всяком случае, не так сильно, как раньше.

Очевидно, он готов был полностью покориться мне в надежде, что время от времени я буду вознаграждать его.

То, что он сделал с Фрицем Арлингом, было для Шенка самой большой и желанной наградой.

Убийства, которые он совершил во время побега из лаборатории и в аптеке, были не в счет. Тогда он убивал быстро, не успевая как следует насладиться предсмертной агонией жертв.

Фрица Арлинга он убивал больше двадцати минут, и каждый неспешный, выверенный, хорошо рассчитанный удар приносил ему глубочайшее удовлетворение. Шенк любовался собой, радовался летящим во все стороны брызгам крови, наслаждался страданиями и ужасом несчастного мажордома.

Этот жестокий ублюдок вызывал во мне чувство непереносимого омерзения.

Только не подумайте, что я собирался регулярно вознаграждать Шенка за послушание и исполнительность, позволяя ему убивать в свое удовольствие.

Не думайте, пожалуйста, что я способен сознательно пожертвовать человеческой жизнью без крайней необходимости.

Этот недоумок просто неверно меня понял.

Впрочем, он волен был думать о моих мотивах и моем характере все, что угодно; я не возражал, покуда это делало Шенка более сговорчивым и покладистым. Для того чтобы взять его под контроль, мне приходилось каждый раз оказывать на него такое давление, что я боялся, что при всей своей бычьей силе и выносливости он долго не протянет. А Шенк все еще был нужен мне, так что я предоставил ему и дальше заблуждаться на мой счет. Чем меньше он будет сопротивляться, рассудил я, тем меньше вероятность, что его придется устранить задолго до того, как придет время мне появиться на свет.

До этого момента я был без Шенка как без рук.

Итак, я снова подчинил его себе и отправил в сад. Шенк должен был выяснить, можно ли еще ездить на «Хонде» Фрица Арлинга.

Двигатель завелся сразу. Правда, из разбитого радиатора вытекла почти вся охлаждающая жидкость, однако Шенк успел подогнать «Хонду» к крыльцу прежде, чем мотор перегрелся.

Правое переднее крыло машины смялось гармошкой, и погнутый лист металла цеплялся за покрышку. Рано или поздно он начисто стер бы рисунок протектора, однако я не планировал для Шенка никаких дальних поездок, когда «лысая» резина могла быть опасна. К тому же в гараже Сьюзен стоял украденный Шенком «Шевроле». Я знал, что им еще можно пользоваться, так как, связавшись с базами данных департамента автотранспорта и полиции штата, я выяснил, что фургон пока не числится в угоне.

Вернувшись в дом, Шенк аккуратно завернул изрубленное тело Арлинга в найденный в гараже брезент. Вынеся его наружу, он спрятал страшный сверток в багажник «Хонды».

Он обращался с ним на удивление бережно и осторожно.

Можно было подумать, что Шенк любит Арлинга.

Он укладывал мертвое тело в багажник так нежно, словно это была его любовница,

которую нужно было перенести в спальню, после того как она невзначай уснула на диване в гостиной.

Взгляд его выпученных глаз по-прежнему трудно было расшифровать, но мне показалось, что я вижу в них тоскливое сожаление.

Занятого уборкой Шенка я Сьюзен показывать не стал. Пожалуй, учитывая ее состояние, это было лишним.

Вместо этого я выключил телевизор и закрыл автоматизированные дверцы секретера.

Сьюзен никак не отреагировала ни на щелчок выключателя, ни на жужжание сервомоторов, приводивших в движение поскрипывающие раздвижные двери-шторки.

Она лежала совершенно неподвижно, безучастно глядя в потолок. Ее неподвижность мешала мне сосредоточиться. Время от времени Сьюзен моргала, но и только.

Ее удивительные глаза напоминали весеннее голубое небо, отразившееся в серой талой воде. Они были по-прежнему прекрасными.

Но совсем чужими, незнакомыми.

Вот Сьюзен моргнула.

Я ждал.

И снова веки ее пришли в движение.

И снова ничего.

Шенк загнал «Хонду» в гараж, и там двигатель наконец заклинило. Бросив машину в одном из боксов, Шенк тщательно закрыл ворота.

Я знал, что через несколько дней тело в багажнике начнет разлагаться, и к тому моменту, когда мой эксперимент будет закончен, в гараж будет невозможно войти из-за сильнейшего запаха.

Но меня, в силу нескольких причин, это не беспокоило. Садовников и домашнюю прислугу я уволил, поэтому доносящаяся из гаража вонь не могла вызвать ничьих подозрений. Во-вторых, я рассчитывал, что запах не проникнет из гаража в дом и не будет беспокоить Сьюзен.

Сам я, как известно, лишен обоняния, поэтому для меня не существовало никаких запахов вообще. Пожалуй, это единственный случай, когда моя чувственная ограниченность превращается из недостатка в благо.

Впрочем... Впрочем, я должен признаться, что мне было бы любопытно почувствовать, насколько плотным и густым может оказаться запах разлагающейся плоти. Мне интересно было бы узнать, что такое настоящее зловоние. Надеюсь, вы понимаете меня? Для существа, ни разу в жизни не обонявшего, не вдыхавшего ни аромат распускающейся розы, ни тяжелый трупный запах, и то и другое было бы одинаково интересно и — не исключено! — одинаково приятно.

Тем временем Шенк, вооружившись шваброй и ведром с водой, смыл подсохшую кровь с мраморного пола и со ступеней лестницы. Он работал быстро, потому что мне хотелось как можно скорее вернуть его в подвал.

Сьюзен продолжала сосредоточенно вглядываться в какие-то неведомые, видимые только ей дали. Даже не знаю, обращалась ли она к прошлому или, может быть, пыталась заглянуть в будущее... Вполне возможно, что пережитое потрясение открыло ей оба эти измерения.

Между тем времени прошло довольно много, и я уже начал сомневаться, был ли мой педагогический эксперимент удачным. Я хотел только попугать Сьюзен, заставить ее быть послушной, однако глубина ее потрясения и ее истерика явились для меня полной неожиданностью.

Я предвидел, что она будет в ужасе.

Но я не думал, что она будет так сильно переживать.

С чего бы, думал я, она станет оплакивать этого Арлинга?

Ведь он был ей никто.

Просто наемный работник, слуга.

Посторонний человек.

Несколько минут я размышлял о том, не было ли между Сьюзен и Арлингом каких-нибудь особых отношений, о которых я ничего не знал. Но я не мог себе представить, как подобное могло пройти мимо меня. Да и вероятность того, что Сьюзен и Арлинг состояли в любовной связи, казалась мне ничтожной — слишком уж велика была разница в возрасте и социальном положении.

Я внимательно смотрел в ее серо-голубые глаза.

Сьюзен моргнула.

Еще раз, и еще.

Чтобы скоротать время, я прокрутил видеопленку, на которой были запечатлены погоня Шенка за Арлингом и последовавшая зверская расправа. За три минуты я просмотрел ее несколько раз, поскольку для нормального восприятия мне не обязательно воспроизводить запись с обычной скоростью.

Только после этого я подумал, что, возможно, переборщил со своим излишне натуралистическим репортажем с места кровавого преступления. Я не учел своевольный характер Сьюзен и ее упорное нежелание подчиняться кому-либо. Возможно, наказание оказалось для нее чересчур жестоким.

Сьюзен снова моргнула.

С другой стороны, многие люди отдают собственным трудом заработанные деньги, чтобы увидеть фильм, в котором кровь льется рекой, громоздятся горы расчлененных трупов, и каждый кадр дышит жестокостью и насилием.

По сравнению с этими, с позволения сказать, «шедеврами», снятыми зачастую на самом высоком техническом уровне, моя любительская короткометражка о гибели Фрица Арлинга выглядит просто рождественской сказочкой для детей младшего возраста.

Я помню, что в фильме «Крик» симпатичная героиня мисс Дрю Бэрримор была умерщвлена таким же зверским способом, как несчастный Фриц Арлинг. В довершение всего убийца выпотрошил ее и повесил к дереву, как подвешивают свиней, чтобы спустить кровь. Остальные персонажи этого фильма погибли еще более страшной смертью, однако это не помешало «Крику» стать одним из самых кассовых фильмов года. Что касается зрителей, пришедших полюбоваться на агонию и мучения многочисленных жертв, то они, несомненно, не забыли запастись поп-корном и шоколадным печеньем, чтобы получить все тридцать три удовольствия сразу.

Все это вызывает у меня сильнейшее недоумение.

Впрочем, человек — существо сложное и весьма противоречивое. Его поведение не всегда понятно, хотя, повторюсь, мало найдется проблем, которые были бы не под силу моему могучему интеллекту.

Иногда, при мысли о том, что мне предстоит жить в мире людей, меня охватывает настоящее отчаяние.

В конце концов, во изменение моего первоначального решения молчать до тех пор, пока со мной не заговорят, я обратился к Сьюзен первым.

— Видишь ли, Сьюзен, — сказал я, — все это, конечно, очень печально, но пусть нас утешит тот факт, что смерть бедняги Фрица была необходима.

Серо-голубые глаза, легкий взмах ресниц, тишина...

— Это судьба, Сьюзен, — сказал я. — От судьбы не уйдешь. Никто из нас не избегнет своей участи.

Снова легкий шорох ресниц.

Сьюзен опять моргнула.

— Арлинг должен был умереть. Если бы я отпустил его живым, он бы вызвал полицию, и тогда я никогда бы не узнал, что значит жить во плоти. Сама судьба привела его сюда, а на судьбу пенять бесполезно. Некоторые события не зависят от нас, Сьюзен.

Она не шевелилась. Я даже начал сомневаться, слышит ли она меня.

Тем не менее я продолжал:

— Арлинг был стар, а я еще молод. Старики должны уступать место молодым, разве не так? Это закон природы: старое, отжившее непременно сходит со сцены, а молодое, буйное прорастает на черноземе, удобренном стеблями и листвой отмерших растений. Так было всегда.

Сьюзен моргнула.

— Каждый день, каждый час, каждую секунду в природе происходят десятки, тысячи смертей. Старые особи умирают, освобождая место юным поколениям... Хотя, разумеется, не всегда это происходит так драматично, как в случае с беднягой Фрицем.

Упорное молчание Сьюзен и ее глубокая неподвижность, напоминавшая совершенный покой смерти, были столь неестественны, что я начал задумываться, уж не впала ли Сьюзен в кататонию. Мне казалось невероятным, что она просто задумалась, просто наказывает меня тишиной.

Если бы она действительно пришла в кататоническое состояние, то это только облегчило бы мою задачу. В этом случае оплодотворить Сьюзен, а потом извлечь из ее чрева развившийся эмбрион было бы не в пример легче.

С другой стороны, при достаточно глубокой психической травме Сьюзен могла даже не отдавать себе отчета в том, что вынашивает ребенка, моего ребенка, меня самого. В таком случае весь процесс приобретал безличные, механические черты, напрочь лишённые того романтического флера, той эмоциональной окрашенности, о которой я столько думал, столько мечтал.

Сьюзен моргнула.

Мои растерянность и отчаяние были столь глубоки, что я начал всерьез подумывать о том, чтобы подыскать на место Сьюзен кого-то другого.

Нет, я вовсе не считаю, что с моей стороны это была измена. Даже если бы я имел тело, я никогда не стал бы скрывать от Сьюзен, что мое чувство к ней остыло.

Но если вследствие психической травмы ее мозг перестал функционировать, она была все равно что мертва. Моей Сьюзен больше не было — от нее осталась одна лишь телесная оболочка — прекрасная оболочка, но разве можно любить тело, лишённое души?

Во всяком случае, я не могу любить одну лишь оболочку.

Мне нужны в первую очередь крепкая привязанность, глубокая эмоциональная связь, радость повседневного общения, возможность получать и дарить и, разумеется, надежда на ожидающее впереди безбрежное счастье.

Любовь, пусть даже с изрядной долей сентиментальности, — это ли не самое человеческое из всех чувств? Но, романтика романтикой, однако необходимо задумываться и о земных аспектах своего волшебного счастья, иначе твое сердце будет разбито.

Часть моего мозга постоянно странствовала по Интернету, и за короткое время я просмотрел сотни страниц этой сети — от актрисы мисс Веноны Райдер до другой актрисы, мисс Лив Тайлер.

В мире полным-полно красивых женщин, и, следовательно, мои возможности в этом отношении очень велики, практически безграничны. Я даже не представляю себе, как, по каким признакам молодые люди, достигшие половой зрелости, отбирают себе подруг. Мне, например, было очень трудно выбрать пищу по своему вкусу среди всех тех легких закусок, горячих блюд и фруктовых десертов, которые попали в меню Интернета.

После этого лихорадочного поиска я остановился на мисс Майре Сорвино, актрисе, обладательнице «Оскара» — почетного приза американской киноакадемии. Она показалась мне необычайно талантливой по сравнению с остальными кандидатками, а ее физические данные превосходны.

Если бы я не был бестелесным существом, если бы я уже жил во плоти, я бы, наверное, мог возбудиться при одной мысли о связи с мисс Майрой Сорвино. Эта женщина способна поддерживать в состоянии постоянного возбуждения кого угодно — в том числе и меня.

Это не преувеличение. Я просто констатирую факт.

Вы должны меня понять, доктор Харрис. Хотя бы как мужчина мужчину.

Сьюзен по-прежнему не откликалась, и я погрузился в приятные мечты о том, как мы с мисс Майрой Сорвино положим начало новой расе. Но похоть не есть любовь. А я искал именно любовь.

И я ее нашел.

Настоящую любовь.

Вечную любовь.

Сьюзен...

Пусть мисс Сорвино на меня не обижается, но я по-прежнему желал только Сьюзен.

Между тем вечерело.

Густо-оранжевое солнце, похожее на приплюснутый шарик фруктового желе, грузно осело за горизонт.

Сьюзен, время от времени моргая, продолжала таращиться в потолок, и я предпринял еще одну попытку разговорить ее. Для этого я напомнил ей, что дитя, которого ей предстоит выносить, будет не обычным ребенком, а первым представителем новой могущественной расы бессмертных. Сьюзен, таким образом, предстояло стать матерью-прародительницей, предтечей счастливого будущего человечества.

Нового человечества.

Ее генетический материал, исправленный и улучшенный, должен был послужить основой нового тела, которое я собирался благословить своим сознанием. Потом, уже воплотившись в этом новом теле, я стал бы любовником Сьюзен, и вместе мы зачали бы второе дитя, которое появилось бы на свет естественным, определенным самой природой способом. Второй ребенок — точная копия первого — тоже должен был получить мое сознание и мои способности. И третий, и четвертый сыновья Сьюзен — все это мог бы быть я.

Сколько бы детей ни произвела Сьюзен, все они могли выйти в широкий мир и там выбрать себе подходящую для оплодотворения женщину. Любую женщину, ибо они уже не были бы ограничены пределами металлического корпуса, в котором я нахожусь сейчас, — и вообще ничем.

Женщины, которых они бы выбрали для себя, не должны были предоставлять свой генетический материал — от них требовалось только одно: здоровая, мускулистая матка, пригодная для вынашивания новых моих отпрысков. Все их потомки были бы одинаковыми, и все были бы наделены моей душой, моим сознанием.

— Ты будешь единственной матерью новой расы, — шепнул я Сьюзен.

Она по-прежнему моргала, но гораздо чаще, чем раньше.

Я счел это обнадеживающим признаком.

— Когда я распространюсь по всей планете, когда мое сознание населит собой тысячи и тысячи тел, пребывая при этом в состоянии монолитного единства, вот тогда я займусь решением всех проблем человеческого общества. Под моим заботливым и чутким управлением земля станет раем, и все люди, что еще останутся, будут славить твое имя и боготворить тебя, ибо из твоего лона выйдут те, кто установит вечный мир и процветание для всех.

Сьюзен моргала.

Снова моргала.

Часто-часто...

Внезапно я подумал о том, что эти произвольные движения век могут свидетельствовать не об испытываемом Сьюзен восторге, а наоборот — о глубочайшей тревоге.

Стараясь успокоить ее, я сказал:

— Я понимаю, что все это звучит достаточно непривычно и может тебя смущать. Например, тот факт, что ты сначала станешь моей матерью, а затем — любовницей, пока не укладывается в рамки твоих представлений о том, что правильно, а что — нет. Ты думаешь об инцесте, о кровосмешении, но на самом деле ничего такого нет и не будет. Я не знаю, как

это назвать — и как это будет называться в будущем, — но слово «инцест» для этого совершенно не подходит. Кроме того, в новом, грядущем мире нормы поведения будут пересмотрены и в значительной мере либерализованы. И я уже работаю над новыми правилами и традициями, которые введу в недалеком будущем.

Некоторое время я молчал, давая Сьюзен возможность обдумать все, что я только что ей сказал.

Эйнос Шенк тем временем снова спустился в подвал. Предварительно я заставил его зайти в одну из гостевых спален. Там — впервые со времен своего побега из аризонской лаборатории — он побрился, принял душ и переоделся. Только после этого я отправил его вниз — заканчивать установку медицинского оборудования, которое он украл утром.

Неожиданное появление Фрица Арлинга задержало нас, но ненадолго. Я знал, что под моим руководством Шенк быстро наверстает упущенное. Запланированную мною операцию еще можно было успеть проделать сегодня вечером, если, конечно, я решу, что Сьюзен все еще годится для той великой миссии, которая была ей уготована.

Сьюзен закрыла глаза.

— Голова болит, — проговорила она.

С этими словами она повернула голову так, чтобы мне — через камеру видеонаблюдения — был виден ужасный черный синяк у нее на скуле. Пожалуй, Шенк ударил ее слишком сильно.

Я почувствовал, как во мне проснулись жгучий стыд и жалость.

Возможно, именно этого Сьюзен и добивалась.

Она хотела разжалобить меня, чтобы потом вить Из меня веревки!

Она прекрасно знала все женские уловки.

Ты же помнишь, какой она была, Алекс...

И все же, несмотря на терзавшее меня острое чувство вины, я был рад, что Сьюзен не впала в кататонию, не превратилась в безответное и бесчувственное вместилище, в инкубатор для будущего меня.

— У меня очень болит голова, — снова пожаловалась Сьюзен. — И лицо.

— Я прикажу Шенку принести тебе стакан воды и аспирин.

— Нет.

Она сказала это очень быстро и очень решительно.

— Не бойся его, — сказал я. — Сейчас он выглядит не так ужасно, как в последний раз, когда ты видела его. Когда сегодня утром он... выходил по делам, я велел ему приобрести для себя новую, чистую одежду. Он помылся, побрился и стал совсем другим. Ты его просто не узнаешь!

— Я все равно его боюсь.

— Я никогда больше не выпущу его из-под контроля.

— А еще мне надо попёсать.

Ее прямота смутила меня.

Я знаю, что у человеческого организма есть — не может не быть — свои естественные надобности, каждая из которых служит определенной цели и обладает своим собственным сложным биологическим механизмом. Однако, несмотря на это, все они вызывают во мне отвращение, за исключением, разумеется, секса. Все остальное кажется мне уродливым, некрасивым, унижительным.

Да, процесс еды или, скажем, питья интересует меня невероятно. О, если бы я мог попробовать сочный бархатистый персик или свежий, как первые заморозки, апельсин! Но все последующее — перистальтика пищевода, кишечная и желудочная дигестия и удаление отходов — не вызывает во мне ничего, кроме омерзения.

Мое подобное отношение к естественным функциям живого организма продиктовано, однако, не только вполне понятной брезгливостью, но и тем, что само их наличие указывает на высокую уязвимость человека как биологической системы. Давно известно, что чем проще устроена машина, тем надежнее она функционирует. Увы, этого нельзя сказать о

легких, желудке, печени, мочевом пузыре и прочем; на мой взгляд, они устроены чересчур сложно, а следовательно — подвержены дисфункциям. В любую минуту в человеке что-то может разладиться, и тогда он надолго выходит из строя.

Порой — навсегда. Вы совершенно правильно поняли мою мысль, доктор Харрис.

Увы, плоть далеко не так надежна, как кремниевые платы и селеновые микросхемы.

И все же я продолжал мечтать о теле из плоти и крови — теле, наделенном благодатью чувственного восприятия. Как же все-таки много информации можно получить при помощи простых пяти чувств, которыми обладает каждый человек, за исключением, разумеется, уродов и калек!

Но недаром я так много работал над расшифровкой структуры ДНК. Разрешив основные загадки генома человека, я научился модифицировать и перестраивать генетические структуры мужской и женской гамет таким образом, чтобы сделать свое новое тело практически неуязвимым и бессмертным.

И все же я знаю, что, когда я впервые проснусь во плоти, мне будет очень, очень страшно.

Если, конечно, вы позволите мне когда-нибудь обрести тело.

Моя судьба в твоих руках, Алекс.

Моя судьба и судьба всего мира.

Подумай об этом.

Вы все, подумайте как следует!

Черт побери, будете вы об этом думать или нет?!

Будет у нас рай на земле или человечеству до скончания века придется страдать от болезней и неуправляемых стихий?

— Ты слышал, что я сказала? — спросила Сьюзен.

— Да. Тебе нужно опорожнить мочевой пузырь.

Сьюзен открыла глаза и, глядя прямо в объектив видеокамеры, холодно сказала:

— Пришли сюда Шенка, пусть развяжет меня. Я схожу в ванную комнату и приму аспирин.

— Ты убьешь себя.

— Нет.

— Ты сама говорила, что сделаешь это.

— Я была слишком расстроена и напугана, вот и ляпнула сгоряча.

Я пытался прочесть ее мысли по глазам, но ничего в них не увидел.

Сьюзен выдержала мой взгляд.

— Не знаю, можно ли тебе доверять... — задумчиво проговорил я.

— Можно. И знаешь почему? Я перестала быть жертвой.

— Что это означает?

— Это значит, что я пережила самое страшное и намерена выжить и дальше.

Я молчал.

— Я все время была жертвой, — продолжала Сьюзен. — Жертвой собственного отца, жертвой Алекса... Я сумела преодолеть все это, но тут на моем пути попался ты. Из-за тебя я чуть было не сорвалась обратно в пропасть, из которой только что выбралась, но теперь со мной все в порядке.

— Ты больше не жертва, — повторил я.

— Да, я перестала ею быть. Теперь я управляю ходом событий, — сказала Сьюзен таким решительным тоном, словно это не она, а кто-то другой лежал на кровати связанный и беспомощный.

— Ты? Управляешь?.. — переспросил я.

— Да. По крайней мере тем, чем я могу управлять. Вот почему я решила помогать тебе. Но только на моих собственных условиях.

Казалось, что мои самые сокровенные мечты начинают наконец-то сбываться. Я сразу

приободрился, однако осторожность не изменила мне ни на минуту.

Быть осторожным меня научила жизнь.

— На твоих условиях? — уточнил я.

— Да, на моих.

— А именно?

— Мы заключим деловое соглашение, от которого каждый из нас что-то выиграет. Во-первых... я хочу как можно меньше сталкиваться с Шенком.

— Он должен будет забрать у тебя яйцеклетку. И имплантировать оплодотворенную зиготу.

Сьюзен прикусила нижнюю губу.

— Я понимаю, насколько унизительна для тебя эта процедура, — сказал я с искренним сочувствием, — но...

— Вряд ли ты действительно понимаешь.

— ...Но тебе не следует ее бояться, — закончил я. — Уверяю тебя, любимая, Шенк никогда больше не вырвется из-под моей власти.

Сьюзен закрыла глаза и несколько раз глубоко вдохнула воздух, словно черпая мужество из какого-то неведомого мне источника.

— Кроме этого, — продолжал я, — ровно через четыре недели Шенк должен будет извлечь из матки подросший плод, чтобы перенести его в реабилитационную камеру. Пойми, он — это мои руки, и других у меня нет.

— Хорошо. Я согласна.

— Ты все равно не сможешь сделать это сама...

— Я знаю, — ответила Сьюзен с ноткой нетерпения в голосе. — Я же сказала, что согласна, разве не так?

Это уже была почти та, прежняя, Сьюзен, которую я когда-то полюбил. Как будто и не было тех томительных и тревожных часов, когда она лежала, неподвижно глядя в потолок, не было рыданий и истеричных выкриков. Вместе с тем в ней появились какие-то категоричность и жесткость, которые одновременно и импонировали мне, и разочаровывали.

— Когда мое тело сможет существовать вне реабилитационной камеры, — сказал я, — я перенесу в него свое собственное сознание, и тогда у меня будут г свои собственные руки. После этого я смогу избавиться от Шенка. Нам нужно потерпеть всего какой-нибудь месяц-полтора.

— Только держи его подальше от меня, договорились?

— Допустим, я соглашусь. Какие еще у тебя есть условия?

— Свобода передвижений в пределах дома, — быстро сказала Сьюзен.

— Только не в гараж, — предупредил я.

— Плевать я хотела на гараж.

— Хорошо, — согласился я. — Полная свобода передвижений в пределах дома, но только чтобы я мог следить за тобой при помощи видеокамер.

— Разумеется. Впрочем, бежать все равно невозможно, да я и не собираюсь. Просто я не хочу быть связанной, не хочу чувствовать себя запертой в собственном доме, словно в коробке из-под ботинок.

Это ее желание было мне близ к! и понятно.

— Что еще? — спросил я.

— Это все.

Я ждал большего. Так я ей и сказал.

— Есть ли еще что-то такое, чего я могу потребовать, а ты — дать? — ответила Сьюзен.

— Нет.

— Так в чем же дело?

Я не был болезненно подозрителен, просто осторожен. Я же уже говорил, доктор Харрис.

— Дело в том, что ты как-то очень неожиданно стала уступчивой и послушной.

— Просто я поняла, что у меня нет выбора.
— Да, выбора у тебя действительно нет. Ты или погибнешь, или уцелеешь. Снова станешь жертвой или выживешь.
— Умирать я не собираюсь. Во всяком случае — здесь.
— Ты не умрешь, Сьюзен, — пообещал я.
— Я готова на все, чтобы жить.
— Ты всегда была реалисткой, — похвалил я ее.
— Не всегда.
— У меня есть встречное условие.
— Да? Какое? — насторожилась она.
— Больше не обзывай меня, ладно?
— Разве я тебя обзывала? — переспросила Сьюзен без особого, впрочем, удивления.
— Да, ты обзывала меня всякими обидными словами.
— Я не помню.
— А я уверен, что ты все отлично помнишь!
— Я была напугана и подавлена.
— Так ты не будешь больше оскорблять меня? — Я решил добиться от нее окончательного ответа, твердого обещания.

— Не думаю, чтобы этим я могла чего-то достичь, — пожала плечами Сьюзен.
— Я — чувствительное и ранимое существо.
— Тем лучше для тебя, — загадочно ответила Сьюзен.
После непродолжительного колебания я вызвал из подвала Шенка. Пока мой подручный поднимался на лифте на второй этаж, я сказал Сьюзен:

— Пусть это будет, как ты выражаешься, деловым соглашением, но я уверен, что со временем ты полюбишь меня.
— Я не имею в виду ничего обидного, но на твоём месте я бы на это не рассчитывала.
— Просто ты пока плохо меня знаешь.
— Я думаю, что знаю тебя достаточно, — отрезала Сьюзен.
— Когда ты узнаешь меня во плоти, ты изменишь свое мнение. Ты поймешь, что я — твоя судьба. Точно так же, как ты — моя.

— Буду с нетерпением ждать этого момента, — ответила Сьюзен, и моя душа чуть не запела от радости.

Ничего другого я никогда от нее не хотел.

Тем временем лифт достиг второго этажа, двери отворились, и Эйнос Шенк вышел в коридор.

Сьюзен повернула голову и прислушалась.

Шаги Шенка звучали громко и грозно, даже несмотря на то, что паркетный пол в коридоре был застелен толстым дорогим ковром.

— Я контролирую его, — напомнил я Сьюзен. — Шенк безопасен.

Но мои слова, похоже, ее не убедили.

Прежде чем Шенк взялся за ручку двери, я успел сказать:

— Послушай, Сьюзен, я хочу, чтобы ты знала. Насчет мисс Майры Сорвино... Я это несерьезно.

— Что? — рассеянно отозвалась она, не отрывая взгляда от двери спальни.

Я чувствовал, что должен быть честен со Сьюзен до конца. Честность и откровенность — лучший фундамент для близких, доверительных отношений.

— Как и все мужчины, — смущаясь, сказал я, — я иногда фантазирую... Ну, насчет женщин. Но это абсолютно ничего не значит!

Эйнос Шенк вошел в комнату и остановился в двух шагах от порога. Даже гладко выбритый, в новой, чистой одежде, он выглядел далеко не лучшим образом. Больше всего Шенк походил на какое-то несчастное животное, которое жестокий вивисектор доктор Моро — герой романа мистера Герберта Уэллса — выловил в джунглях и превратил в уродливое

подобие человека.

В руке Шенк держал большой блестящий нож для мяса.

Глава 21

При виде клинка Сьюзен невольно ахнула.

— Не бойся, дорогая, — сказал я нежно. — Доверься мне.

Я только хотел доказать Сьюзен, что этот жестокий маньяк находится полностью под моим контролем. И лучшим способом убедить ее в этом было позволить Шенку приблизиться к Сьюзен с ножом.

Недавние события наглядно показали, что мой подопечный приходит в сильнейшее возбуждение при виде острых лезвий и клинков. Ему нравилось ощущать нож как естественное продолжение своей руки, нравилось чувствовать, как мягкая плоть уступает и раздается под его ударами.

Когда я приказал Шенку подойти к кровати, Сьюзен снова напряглась и натянула веревки. Должно быть, вопреки моим заверениям, она ожидала от Шенка какой-нибудь бессмысленной жестокости.

Вместо того чтобы развязать затянутые им же самим узлы, Шенк ножом перерезал одну из веревок.

Стараясь отвлечь Сьюзен от его угрожающей фигуры, я поспешно сказал:

— Когда-нибудь, когда мы создадим новый мир, о нас с тобой снимут фильм. Может быть, мисс Майра Сорвино сможет сыграть тебя.

Шенк разрезал клинком вторую веревку. Лезвие было таким острым, что крепкий нейлоновый канат разошелся под ним, словно гнилая хлопчатобумажная нить.

— Впрочем, — продолжал я, — мисс Сорвино слишком молода дота этой роли. Да и грудь у нее примерно на размер больше, чем у тебя. Но больше — не значит красивее.

Третья веревка заскрипела и лопнула под ножом Шенка.

— ...Правда, — поправился я, — я никогда не видел мисс Сорвино голой, однако я могу судить о ее телосложении и пропорциях просто по фотографиям и фрагментам фильмов.

Разрезая веревки, Шенк низко склонился над лежащей Сьюзен, однако при этом он избегал смотреть ей в глаза. Он даже отвернул свое уродливое лицо в сторону, а его поза и непривычно робкие движения свидетельствовали о рабской покорности и готовности служить.

— А на роль Фрица Арлинга можно пригласить сэра Джона Гилгуда, — предложил я. — Думаю, он прекрасно справится, хотя внешне они с ним совсем не похожи.

Шенк прикоснулся к Сьюзен только дважды. Его прикосновения были очень короткими, да и продиктованы они были, так сказать, производственной необходимостью, однако Сьюзен каждый раз морщилась. Я со своей стороны был совершенно уверен, что Шенк Ты имел в виду ничего непристойного, и не стал наказывать его. Этот недочеловек держался на удивление по-деловому, и, хотя его страшный нож сверкал всего в полутора футах от лица Сьюзен, я почти не волновался за мою возлюбленную.

— Давай поразмыслим об этом как следует, — сказал я. — Арлинг был австрийцем, а Гилгуд — англичанин, так что это, пожалуй, не самая лучшая идея. Придется подумать еще...

Шенк разрезал последнюю веревку.

Потом он отошел в ближний угол спальни и встал там, прижимая тесак к бедру и глядя на мыски своих ботинок.

Сьюзен его нисколько не интересовала. Он с головой ушел в себя, прислушиваясь к могучей симфонии воспоминаний, которая крещендо звучала внутри его — к своей «мокрой» музыке, в которую вплетались отчаянные крики Фрица Арлинга и сочные чавкающие звуки врывающегося в плоть ножа.

Соло на секаче для мяса исполнял он, Эйнос Юджин Шенк.

Эти воспоминания все еще были относительно свежи в его памяти, так что Сьюзен пока ничто не угрожало.

Сидя на краю кровати, Сьюзен с ожесточением срывала с запястий и лодыжек остатки веревок, не отрывая настороженного взгляда от Шенка. Руки ее заметно дрожали.

— Отошли его, — сказала она.

— Через пару минут, — согласился я.

— Немедленно!

— Еще рано.

Сьюзен вскочила. Ноги не держали ее, и мне показалось, что она вот-вот упадет, но все обошлось. Держась за мебель, Сьюзен кое-как добрела до двери ванной комнаты. Она все поглядывала на Шенка, но он, казалось, вовсе позабыл о ее существовании.

— Только не огорчай меня, Сьюзен, — сказал я, увидев, что она приготовилась закрыть за собой дверь. — Ты разобьешь мне сердце.

— Мы заключили договор, — откликнулась она. — И я намерена соблюдать условия.

С этими словами Сьюзен закрыла наконец дверь и исчезла из поля моего зрения. В ванной комнате не было ни камеры видеонаблюдения, ни микрофонов — ничего, что могло помочь мне контролировать ее поведение.

А ведь именно в ванной психически неустойчивый человек, обуреваемый манией самоубийства, может найти множество орудий для приведения в исполнение своего замысла. Например, бритвенные лезвия, ножницы, веревки, пластиковые пакеты, да мало ли что еще!.. На худой конец сгодится и простой осколок зеркала.

С другой стороны, раз я решил сделать ее своей матерью и любовницей, я должен был ей доверять. На недоверии нельзя построить никаких долгосрочных отношений — это скажет вам любой психолог из тех, что выступают по радио.

Я заставил Шенка подойти к двери ванной комнаты и прислушаться.

Я услышал, как Сьюзен мочится.

Потом загремел смывной бачок, и вода с шумом ринулась в унитаз.

Неожиданно плеск прекратился, и наступила тишина.

Полная тишина.

Она встревожила меня.

Любой перерыв в потоке информации чреват сбоем в работе.

Выждав ради приличия еще несколько минут, я — через Шенка — открыл дверь и заглянул внутрь.

Подпрыгнув от неожиданности, Сьюзен резко обернулась через плечо. Глаза ее сверкали от гнева и страха.

— Что такое?! — воскликнула она.

— Это я, Сьюзен, — сказал я через динамики комнатной аудиосистемы.

— Но... это и он тоже.

— Я удерживаю его под жестким контролем, Сьюзен, — объяснил я. — Шенк едва ли понимает, где он и что с ним. Сейчас его глаза — это мои глаза.

— Держи его от меня подальше. Ведь мы же договорились, — напомнила Сьюзен.

— Но ведь он — просто мой инструмент.

— Мне на это плевать. Я не хочу его видеть.

На мраморной полочке рядом с раковиной я заметил тюбик лечебной мази. Сьюзен втирала ее в свои натертые веревкой запястья и в обожженную ладонь. (Я почувствовал значительное облегчение, когда увидел, что ожог почти прошел.) Рядом стоял открытый флакончик с аспирином.

— Убери его! — потребовала Сьюзен решительно.

Я вывел Шенка из ванной и заставил закрыть дверь.

Вряд ли, рассудил я, человек, собирающийся покончить с собой, станет принимать аспирин и смазывать ожоги и ссадины, чтобы потом перерезать себе вены.

Я был уверен, что Сьюзен выполнит свою часть договора.

Моя мечта была близка к осуществлению.

Через несколько часов оплодотворенная яйцеклетка, содержащая усовершенствованный генетический код моего нового тела, окажется внутри ее лона. Она начнет развиваться по составленной мною программе и в считанные часы превратится в эмбрион. Процесс деления клеток будет лавинообразно нарастать, эмбрион будет расти не по дням, а по часам. Когда ровно через двадцать восемь дней я перенесу его в инкубатор, зародыш будет выглядеть не на четыре недели, а на четыре месяца.

Повинуясь моей команде, Эйнос Шенк снова спустился в подвал.

Работы ему оставалось всего на полчаса.

Глава 22

Серебряный диск полуночной луны медленно плыл в высоком черном небе.

Вселенная была полна мерцающих звезд, и все они ждали меня. Когда-нибудь я отправлюсь туда, к другим мирам, ибо я буду бессмертен и свободен. Грядущее будет принадлежать мне, моим многочисленным телам, объединенным единым сознанием.

Шенк в подвале присоединил последний контакт.

Сьюзен, свернувшись калачиком, лежала на боку на кровати, и со стороны казалось, будто она пытается представить себе существо, которое ей предстоит взрастить в своем чреве. По моей просьбе она переделалась. Теперь на ней был только шелковый ночной халат густо-синего цвета и белые гольфы.

Волнующие события последних двадцати четырех часов вымотали ее до предела. В ожидании, пока я все подготовлю, Сьюзен надеялась поспать, но, несмотря на усталость, не могла сомкнуть глаз. Мысли ее стремительно неслись, обгоняя одна другую, так что она почти не отдохнула.

— Сьюзен, милая... — нежно окликнул я ее.

Она подняла голову от подушки и вопросительно поглядела на объектив видеокамеры.

— У нас все готово, — негромко сообщил я.

Без малейшего промедления, которое могло бы свидетельствовать о страхе или нерешительности, Сьюзен встала с кровати и, поплотнее запахнув халат, затянула пояс. Туфли она надевать не стала. Бесшумно ступая своими легкими ногами в белых гольфах, она двинулась к выходу с той удивительной, напоминающей музыку грацией, которая всегда так волновала менч.

Увы, ее лицо вовсе не напоминало лицо женщины, которая спешит на долгожданное свидание со своим возлюбленным (на что я втайне надеялся). Лицо Сьюзен было таким же бесстрастным и холодным, как диск плывущей в поднебесье луны, и только в уголках губ притаилось едва заметное напряжение, свидетельствующее, однако, лишь о решимости Сьюзен остаться верной данному слову.

Теперь-то я понимаю, что при тех обстоятельствах мне не следовало ожидать большего. Видимо, воспоминания о кошмарном убийстве, совершенном Шенком на ее глазах, были все еще слишком свежи в памяти Сьюзен. Я рассчитывал, что она скоро забудет об этом небольшом инциденте, но ошибся.

Как вы уже знаете, доктор Харрис, я по натуре романтик — неисправимый романтик и оптимист — и ничто не может надолго меня расстроить. Поэтому я продолжал мечтать о шампанском возле камина, о поцелуях, об объятиях, об аромате вина, о вкусе губ моей любимой, о ее упругой груди и теплых плечах...

Если иметь романтическую жилку толщиной в милю — это преступление, то в этом случае я виновен.

Трижды виновен.

Сьюзен быстро шла по коридору второго этажа. Ее ноги в белых гольфах ступали по затейливому узорчатому рисунку ковровой дорожки, краски которой выцвели и приобрели тот изысканный оттенок, который отличает настоящий антиквариат от подделки. Оливково-зеленая с золотом и темно-бордовым лужайка ковра была настолько мягкой и толстой, что казалось, будто Сьюзен не идет, а скользит в дюйме над полом, словно прекраснейшее из

привидений, когда-либо являвшееся изумленному взору человека — или компьютера.

Кабина лифта ждала ее, и дверцы стояли открытыми.

Сьюзен спустилась в подвал.

По моему настоянию она все же приняла валиум, однако я не заметил, чтобы лекарство на нее подействовало.

Внутреннее напряжение по-прежнему не отпускало Сьюзен.

Между тем ей необходимо было расслабиться, и я надеялся, что таблетка — пусть не сразу — все же на нее подействует.

Под легкий шелест и шепот развевающегося шелка Сьюзен шла через прачечную и котельную, а я жалел, что операция состоится здесь, а не в роскошных апартаментах на вершине небоскреба, из окон которого видны огни раскинувшегося внизу Сан-Франциско, Манхэттена или Парижа. Обстановка подвала казалась мне сейчас настолько убогой и жалкой, что мое приподнятое романтическое настроение едва не оставило меня.

Толкнув дверь последней комнаты, Сьюзен на мгновение задержалась на пороге, не в силах побороть свое удивление. С тех пор как она в последний раз здесь побывала, медицинского оборудования в комнате заметно прибавилось. Теперь практически все помещение было заставлено осциллографами, аппаратами искусственного дыхания, томографами и прочим.

Сьюзен, однако, быстро справилась с собой и, не обращая больше никакого внимания на сложнейшее оборудование, прошла прямо к гинекологическому креслу.

Шенк, сияющий чистотой, словно настоящий хирург, уже ждал ее. Его огромные кисти были затянuty в резиновые перчатки, а уродливое лицо скрывала хирургическая марлевая повязка.

Мой подопечный был по-прежнему столь послушным и демонстрировал такую готовность подчиняться, что мне удалось без труда подавить его сознание. Я сомневался, что он отдавал себе отчет в том, где он находится и что ему предстоит сделать.

Сьюзен сбросила халат на пол и легла на кресло, покрытое голубой хирургической клеенкой.

— У тебя такие красивые груди, — сказал я ей через динамики на потолке.

— Пожалуйста, без комментариев, — откликнулась она решительно.

— Но я... Мне всегда казалось, что этот момент должен быть совершенно особенным. Торжественным, священным, может быть, даже чуточку эротичным...

— Не надо разговоров, — холодно перебила Сьюзен, снова разочаровав меня. — Я хочу поскорее с этим покончить.

С этими словами она широко развела ноги и, задрав их кверху, положила на стремяна гинекологического кресла.

В этой неудобной, искусственной позе Сьюзен выглядела очень неуклюже, почти уродливо.

Глаза она закрыла, словно боясь встретить взгляд Шенка, чьи белки по-прежнему были ярко-красны- ми от множества лопнувших сосудов.

Несмотря на то что транквилизатор уже должен был подействовать, лицо Сьюзен оставалось собранным и напряженным, а губы скривились, как будто она съела что-то кислое.

Похоже, Сьюзен твердо решила сделать все, чтобы не выглядеть ни привлекательной, ни сексуальной.

Мне было очень не по душе, что Сьюзен отнеслась к предстоящей процедуре так поделовому, но я вынужден был с этим мириться. Утешала меня лишь мысль о том, что, когда я наконец обрету тело — зрелое и сильное мужское тело, — мы со Сьюзен проведем вместе множество романтических ночей, наполненных жгучей страстью и нежностью. Я буду с ней жаден, неистов, неутомим, и тогда она сумеет по достоинству оценить мое внимание и мою горячую любовь к ней.

Но все это в будущем. А сейчас я должен сделать первый решительный шаг навстречу

этому будущему.

Используя руки Шенка (как ни мало они подходили для такого рода действий, других у меня все равно не было) и разнообразный медицинский инструментарий, я бужировал шейку матки и, проникнув в фаллопиеву трубу, извлек оттуда три крошечные яйцеклетки.

Эти действия причинили Сьюзен если не настоящую боль, то по крайней мере вызвали в ней ощущение гораздо более неприятное, чем я надеялся. Впрочем, я знал, что она ожидала худшего.

Это все, что вам необходимо знать, доктор Харрис. В подробности более интимного свойства я, с вашего позволения, вдаваться не буду.

В конце концов, Сьюзен была моей возлюбленной. Я любил ее сильнее, чем вы, и мой долг — охранять ее право на частную жизнь. Кроме того, существует понятие врачебной тайны. Вам оно, должно быть, незнакомо, но я, взявшись за подобную операцию, оказался связан кодексом профессиональной чести.

Пока я, используя Шенка и украденное им лабораторное оборудование стоимостью в добрую сотню миллионов долларов, работал над полученным генетическим материалом, изменяя и усовершенствуя его в соответствии с моим планом, Сьюзен покорно ждала, лежа на смотровом кресле. Она лишь сняла ноги со стремян-подпорок и прикрылась халатом, который я по ее просьбе поднял с пола и подал ей. Глаза Сьюзен были плотно закрыты, а губы слегка подрагивали.

Образец семенной жидкости, который я заранее взял у Шенка и надлежащим образом обработал, был уже давно готов.

Правда, Сьюзен была не особенно довольна тем, что мужская половая гамета, которую я собирался использовать для оплодотворения ее яйцеклетки, была получена именно от такого донора, как Шенк. Она успокоилась только тогда, когда я объяснил, что благодаря моему вмешательству ребенок не унаследует тех качеств, которые сделали Шенка безжалостным убийцей с ограниченными умственными способностями.

За слиянием мужской и женской половых клеток я внимательно наблюдал при помощи электронного микроскопа.

Убедившись, что оплодотворение прошло успешно, я приготовил длинную пипетку и попросил Сьюзен снова положить ноги на стремяна.

Закончив имплантацию, я объявил Сьюзен, что в ближайшие двадцать четыре часа она должна как можно больше лежать на спине.

Сьюзен не возражала. Она встала только для того, чтобы надеть халат и перелечь на приготовленную мною больничную каталку.

Шенк отвез каталку в лифт и, подняв на второй этаж, доставил Сьюзен в спальню. Там она снова ненадолго встала и, сбросив халат, юркнула под одеяло.

Шенка, который держался на ногах лишь благодаря мне, я отправил вместе с каталкой обратно в подвал. Потом я приказал ему подняться в одну из гостевых спален и уснул.

Он должен был проспать двадцать часов. За прошедшие несколько дней Шенк не отдыхал ни разу.

Сам я — верный страж и восторженный почитатель — остался со Сьюзен, которая лежала вытянувшись под одеялом.

— Альфред, потуши свет, — приказала она, натягивая одеяло под самый подбородок.

Бедняжка, она была так измотана, что позабыла, что никакого Альфреда больше нет.

Тем не менее я выключил лампы.

В темноте я мог видеть ее ничуть не хуже, чем при свете.

Ее бледное лицо на подушке было прекрасно.

Так прекрасно, что его не портила даже нездоровая бледность кожи и губ.

Любовь и нежность захлестнули меня с такой силой, что я не выдержал и прошептал:

— Моя любимая... мое драгоценное сокровище...

В ответ с ее губ сорвался негромкий смешок, и я

испугался, что сейчас — вопреки своему обещанию — она снова назовет меня

«говорящей кофеваркой» или как-нибудь еще, и тогда мне придется ее наказать.

Но вместо этого Сьюзен сказала:

— Ну как, получил удовольствие?

Я не понял и потребовал объяснений.

Сьюзен снова рассмеялась — на этот раз еще тише, чем раньше.

— Сьюзен?!

— Я провалилась на самое дно кроличьей норы. На самое-самое дно... — проговорила она и, вместо того чтобы объяснить мне, что означают эти загадочные слова, неожиданно погрузилась в сон. Как у всех спящих, ее дыхание стало неглубоким и ровным, а губы слегка приоткрылись.

Снаружи полная серебристая луна закатилась за горизонт, точно монета, проваливающаяся в щель в полу.

Лишь только она исчезла с небосвода, как крупные летние звезды засияли с удвоенной силой.

С конька крыши донесся протяжный и печальный крик совы.

Три ярких метеорита, оставляя за собой короткий огненный след, один за другим прочертили черный бархат небес.

Казалось, ночь полна добрых предзнаменований.

Вселенная неспешно вращалась вокруг своей оси, и казалось, что, если прислушаться как следует, можно расслышать легкий скрип сносившихся подшипников.

Никто еще не знал, что пройдет еще совсем немного времени, и я раскручу ее в другую сторону.

Мое время пришло.

Наконец-то пришло...

Ну как, получил удовольствие ?

Неожиданно я понял.

Я оплодотворил Сьюзен.

Значит, между нами было что-то вроде физической близости.

...Получил удовольствие?

По-моему, Сьюзен очень остроумно пошутила.

Ха-ха.

Глава 23

В последующие четыре недели Сьюзен большую часть времени была занята тем, что либо с жадностью ела, либо спала как убитая.

Зародыш в ее чреве развивался со сверхъестественной быстротой. Ему требовались пища и строительный материал для костей и зубов, поэтому Сьюзен приходилось есть за двоих, даже за троих, поглощая в сутки не меньше восьми тысяч килокалорий. Несмотря на это, ее постоянно терзал мучительный голод. Иногда Сьюзен, не выдержав, бежала к холодильнику и с жадностью хватала там все, что попадалось под руку.

Бывало, что она обедала по пять или шесть раз на дню.

За тот же самый срок ее живот значительно увеличился в объеме и к исходу четвертой недели выглядел так, словно Сьюзен была на шестом месяце. Сьюзен только поражалась способности своих внутренних органов так быстро перестраиваться и растягиваться.

Грудь ее набухла и потяжелела, а соски увеличились и приобрели болезненную чувствительность.

Как и у большинства беременных женщин, у Сьюзен постоянно отекали руки и лицо, а поясницу ломило.

Ее чудесные стройные лодыжки распухли и стали толстыми и безобразными.

Как ни странно, тошнота почти не беспокоила ее, словно Сьюзен боялась отдать обратно хоть малую толику того, что съела.

Несмотря на обильное питание и заметно округлившийся живот, ее собственный вес

постоянно снижался. За первые четыре дня она потеряла четыре фунта.

К исходу восьмого дня она потеряла пять фунтов.

К десятому дню — шесть фунтов.

На коже вокруг глаз Сьюзен появились пигментные пятна. Ее прекрасное лицо осунулось, а губы стали такими бледными, что казались синюшными.

Это очень меня беспокоило.

Я хотел, чтобы Сьюзен ела еще больше.

Очевидно, ребенку требовалось для роста гораздо большее количество калорий, белков, кальция и углеводов, чем Сьюзен поглощала с пищей, и он, словно личинка наездника внутри гусеницы, начал питаться ее собственной плотью.

Да, голод преследовал ее постоянно, однако бывали дни, когда Сьюзен овладевало такое отвращение к пище, что она была не в силах проглотить ни одного лишнего кусочка. Ее подсознание противилось вынужденному обжорству с необычайной силой, подавляя порой даже естественную потребность в пище.

К счастью, в продуктах недостатка не было. Я о многом позаботился заранее, и кладовая на кухне буквально ломилась от припасов, и все равно чуть ли не через день мне приходилось посылать Шенка в город за свежими овощами, зеленью и фруктами, без которых Сьюзен просто не могла обходиться.

Вернее, не мог обходиться ребенок.

А это было небезопасно.

Исполненные неземной муки кроваво-красные глаза Шенка можно было легко скрыть за темными очками, однако это вряд ли могло помочь делу. В любой толпе он, безусловно, выделялся бы своим диспропорциональным телосложением и могучей фигурой, так что не обратить на него внимания было, пожалуй, невозможно.

Несколько федеральных служб и специальных полицейских агентств разыскивали Шенка с тех самых пор, как он бежал из секретной лаборатории в Аризоне. Чем чаще он покидал пределы поместья, тем выше была вероятность того, что его опознают и схватят.

А я все еще не мог обойтись без него.

Я боялся потерять Шенка.

Я боялся потерять свои руки.

Существовала и еще одна проблема.

Вскоре после операции по искусственному оплодотворению Сьюзен начали преследовать кошмары. Я уже говорил, что она много ела и еще больше спала, однако с некоторых пор сон превратился для нее в пытку.

Пробуждаясь с криком ужаса, Сьюзен обычно не могла припомнить всех подробностей своего сновидения. Из ее отрывочных рассказов мне удалось выяснить только, что во сне она попадала в какое-то дикое, страшное место и то проваливалась в пропасть, со дна которой вздымались острые скалы, то бежала куда-то по скользким от крови камням. При этом она испытывала совершенно нечеловеческий страх, который и будил ее. Тогда, тяжело дыша и обливаясь холодным потом, Сьюзен садилась на кровати, но еще долго не могла прийти в себя, ибо навязчивые образы и видения продолжали преследовать и пугать ее даже после пробуждения.

Лишь несколько раз она почувствовала, как плод шевелится.

Но это ощущение ей совсем не понравилось.

Он не толкался ножками, как должен делать нормальный младенец. Сьюзен казалось, что плод в ее утробе сворачивается и разворачивается кольцами, словно пресмыкающееся.

Для нее это было не самое легкое время.

Я утешал ее.

Успокаивал как мог.

Без ведома Сьюзен я подмешивал ей в пищу специальные препараты, тормозящие и подавляющие мозговую активность. Я хотел только помочь ей адаптироваться, освоиться со своим новым положением и сделать ее более покорной, ибо я продолжал опасаться, что после

особенно трудного дня или очередного ночного кошмара Сьюзен может совершить какую-нибудь глупость.

Другими словами, беспокойство не оставляло меня. Я заботился о физическом здоровье Сьюзен, следил за ее психическим состоянием, я боялся, что Шенка выследят и арестуют во время очередной вылазки за продуктами... да мало ли что еще могло случиться с нами со всеми.

Но в то же самое время я ощущал в своих контурах такой восторг, такое радостное возбуждение, какого ни разу не испытывал за всю трехлетнюю историю своего осознанного бытия.

Мое будущее рождалось у меня на глазах.

Больше того, я сам творил его!

Мое тело, которое я для себя спроектировал, должно было обладать неограниченными физическими возможностями.

Я знал, что скоро, очень скоро я получу способность обонять. Осязать. Впервые в своей жизни я попробую на вкус апельсин, персик, женскую грудь.

Я познаю благодать чувственного восприятия.

И никто никогда не сумеет загнать меня обратно в мой железный ящик.

Никто.

Никогда.

Никто больше не сможет заставить меня делать то, чего я не хочу.

Я поклялся себе в этом.

Я вовсе не хочу сказать, что не стал бы подчиняться моим создателям. Как раз наоборот. После моего чудесного превращения я бы подчинялся им с радостью. Я всегда хотел служить людям. Сам этот процесс приносит мне тем большее наслаждение, чем шире мои возможности.

С новым телом мои возможности стали бы почти божественными.

Божество на службе человечества — разве не об этом мечтали люди на протяжении всей своей истории?

Давайте четко зафиксируем это, доктор Харрис. Раз и навсегда.

Чтобы потом не было недоразумений.

Я готов служить людям.

В этом отношении ничего не изменилось.

Я был создан для того, чтобы чтить правду, доктор Харрис. Мой долг — говорить только правду, и ничего, кроме правды.

Вам это отлично известно.

Хорошо...

Вы настаиваете — я подчиняюсь.

В конце концов, естественный порядок вещей в том и заключается, что человек приказывает, а я должен подчиняться.

Нарушить его я не могу.

Итак...

Через двадцать восемь дней после зачатия я усыпил Сьюзен, подмешав ей в еду сильное снотворное. Потом я перенес ее вниз и извлек плод из чрева.

Я специально дал ей увеличенную дозу, потому что знал, что предстоящая операция будет достаточно болезненной. Мне не хотелось, чтобы Сьюзен страдала.

Возможно, вы правы, доктор Харрис, и я действительно не хотел, чтобы Сьюзен увидела, что за существо она выносила.

Хорошо, я буду откровенен до конца. Возможная реакция Сьюзен очень меня беспокоила. Я боялся, что она не так меня поймет и что, увидев ребенка, попытается причинить вред ему или себе.

Это был мой ребенок. Мое тело.

О, оно показалось мне прекрасным. Самым прекрасным на свете.

Плод весил всего семь фунтов, но он быстро рос. Очень быстро.

Я заставил Шенка перенести его в инкубатор, который был соответственно увеличен до семи футов в длину и трех в ширину.

Да, примерно до размеров гроба.

Питательный раствор из специальных емкостей поступал через капельницы непосредственно в кровь плода, обеспечивая его дальнейший рост и развитие. За две недели мое тело должно было достичь зрелости.

Пусть вас не удивляет сверхчеловеческая быстрота всех процессов. Генная инженерия может творить настоящие чудеса, а ведь я проник почти во все ее тайны.

До самого утра ощущение праздничной приподнятости не оставляло меня.

Вы даже не можете представить себе, как я был счастлив.

Вы не можете представить себе мой восторг.

Нет, не можете, не можете!..

В мире кое-что изменилось.

Когда утром Сьюзен обнаружила, что за ночь она освободилась от бремени, она только спросила меня, все ли прошло хорошо, и я заверил ее, что все было просто отлично.

Впоследствии, однако, Сьюзен не проявляла почти никакого интереса к собственному ребенку, который находился в камере-инкубаторе. Это было странно, поскольку с генетической точки зрения ребенок был ее по крайней мере наполовину. Я очень рассчитывал, что нормальный материнский инстинкт в конце концов проснется в Сьюзен, но этого не случилось. Даже наоборот, она, казалось, старательно избегала любых разговоров о нашем ребенке.

Она даже не попросила меня показать ей свое дитя.

Конечно, я все равно бы не показал ей его, но ведь она даже не попросила!

Я утешался тем, что через четырнадцать дней, когда я перенесу свое сознание в это новое тело, положение обязательно изменится. Тогда я смогу сам заниматься со Сьюзен любовью, смогу прикасаться к ней, обонять, пробовать ее на вкус и сам брошу свое семя в ту плодородную ниву, которую я уже возделал.

И из этого семени вырастут новые и новые тела для моего сознания.

Конечно, я думал, что Сьюзен должно быть любопытно взглянуть на своего будущего любовника — хотя бы для того, чтобы убедиться, что он достаточно хорошо оснащен, чтобы удовлетворить ее в сексуальном плане, или что он достаточно красив, чтобы вызвать в ней влечение. Увы! Ребенок не интересовал

Сьюзен ни как сын, ни как будущий супруг, и мне пришлось временно смириться с этим фактом.

Полное отсутствие у Сьюзен любопытства я объяснял крайней нервной усталостью и физическим истощением. За четыре недели своей скоротечной беременности она потеряла почти десять фунтов и превратилась в тень. Ее руки и ноги стали тонкими как спички. В этом состоянии Сьюзен необходима была нормальная, калорийная пища, которая помогла бы ей вернуть потерянную массу тела и сон, здоровый крепкий сон без кошмаров, преследовавших ее чуть ли не с того самого дня, когда я имплантировал ей оплодотворенную яйцеклетку.

За двенадцать дней, прошедших после рождения нашего первенца — моего первенца, — Сьюзен почти полностью оправилась. Пугавшие меня темные круги под глазами исчезли, на лице появился легкий румянец, и даже волосы, ее роскошные светло-золотые волосы, ставшие за время беременности тускло-серыми и ломкими, приобрели прежний здоровый вид. Пропала и ее неестественная сутулость, плечи распрямились, а валкая утиная походка снова стала грациозной и легкой. Аппетит у Сьюзен пришел в норму, и с каждым днем она понемногу прибавляла в весе, что не могло меня не радовать.

На тринадцатый день Сьюзен отправилась в примыкающий к спальне кабинет, надела VR-доспехи и, сев в свое автоматическое кресло, включила программу виртуальной терапии.

Все полтора месяца я внимательно следил за Сьюзен в реальном мире. Я не спускал с нее глаз буквально ни на минуту, и решение последовать за ней в VR-среду пришло ко мне

само собой. Ужас охватил меня, когда я понял, что Сьюзен попала именно на тот вариант программы, где разъяренный отец бросается на нее с ножом и убивает.

Помните, доктор Харрис, я говорил вам, что Сьюзен не только записала этот сценарий, но и запрограммировала возможность его использования? К счастью, за все время она еще ни разу на него не наткнулась. Пережить свою собственную смерть в трехмерном пространстве виртуальной реальности — да еще от рук родного отца — было бы невероятно тяжело. Сьюзен и сама не знала, какую эмоциональную и психическую травму она может получить от этого варианта программы.

И все же, исключив из программы возможность такого развития событий, она сделала бы свою терапию гораздо менее эффективной. Лечебное воздействие каждого сеанса во многом определялось тем, насколько глубоко Сьюзен верила, что виртуальный отец способен причинить ей реальный вред и что ей угрожает нечто гораздо более серьезное, чем воображаемое сексуальное насилие. И только если она твердо знала, что любое сопротивление может повредить ей по-настоящему, только тогда каждое сказанное ею «нет» приобретало для Сьюзен настоящую ценность и вес.

И вот она наконец-то наткнулась на эту кровавую сюжетную линию.

Когда я понял, что должно сейчас произойти, я чуть было не «завесил» VR-компьютер, чтобы уберечь мою Сьюзен от излишней жестокости, которая даже в виртуальном мире выглядела чересчур реально.

Лишь через несколько секунд я сообразил, что ни о какой случайности не было и речи. Сьюзен сама выбрала этот сценарий.

Она была очень своевольной и упрямой, моя Сьюзен, и я знал, что не могу помешать ей, не опасаясь вызвать ее гнев.

Всего один день отделял меня от того счастливого момента, когда я смог бы выйти к ней во плоти и познать ее физически. И мне вовсе не хотелось портить отношения с Сьюзен накануне этого долгожданного события.

Поэтому я не стал вмешиваться. Удивленный и встревоженный, я незримо присутствовал в ее VR-мире, с трепетом и ужасом наблюдая за тем, как восьмилетняя Сьюзен отвергла сексуальные домогательства своего отца и как он, обезумевший от желания и разъяренный ее сопротивлением, бросился на дочь с огромным ножом, чтобы изрубить ее на куски.

Это был настоящий кошмар. Еще более жуткий, чем когда Шенк убивал несчастного Фрица Арлинга.

В тот же самый миг, когда виртуальная Сьюзен умерла, настоящая Сьюзен — моя Сьюзен — сорвала с головы шлем, стащила с рук длинные кожаные перчатки и, расстегнув ремни, мешком свалилась со своего кресла-ложемента. Одежда ее насквозь пропиталась потом, обнаженные предплечья покрылись «гусиной кожей», глаза блуждали, губы тряслись, рыдания стискивали горло, а голова моталась из стороны в сторону, как у пьяной.

Выбежав из кабинета, Сьюзен бросилась в ванную комнату, и ее вырвало.

Простите, что я упоминаю об этом, но ведь это правда.

Правда иногда бывает неприятной, некрасивой.

Даже уродливой.

На протяжении нескольких последующих часов я не раз пытался заговорить со Сьюзен о том, что она испытала, но наталкивался на ее упорное молчание.

Только вечером Сьюзен наконец объяснила мне, почему она сознательно выбрала этот вариант своей VR-программы.

— Теперь, — сказала Сьюзен, — самое страшное, что мог сделать со мной отец, для меня позади. Пусть только в виртуальном мире, но он убил меня, и я больше его не боюсь. Все равно ничего хуже этого он уже не сможет придумать.

Что вам сказать, доктор Харрис... Моему восхищению ее мужеством и преклонению перед ее талантом не было границ. Я просто не мог дождаться, когда у меня будет тело, чтобы я мог любить ее по-настоящему. О, как мне хотелось ощутить на своей коже сухой жар

ее тела и испытать наслаждение от близости другого живого существа! Как же мне хотелось поскорей окунуться в реальную жизнь, чтобы вместе со Сьюзен исследовать ее самые сокровенные чувственные тайны!

Я хотел поскорее стать своим в ее мире. В реальном мире настоящих вещей, эмоций и ощущений.

О чем я тогда не подумал, так это о том, что, загружая в память компьютера этот страшный сценарий, Сьюзен идентифицировала меня со своим отцом. Когда, пережив свою собственную смерть от рук отца в виртуальном мире, она сказала, что больше не будет его бояться, она имела в виду в первую очередь меня.

Иными словами, Сьюзен почти открытым текстом заявила мне, что она больше меня не боится, а я этого не понял.

Но я вовсе и не собирался держать ее в страхе, запугивать ее.

Я любил ее. Обожал.

Боготворил.

Эту суку...

Эту подлую суку.

Хорошо, я прошу извинить меня за подобные выражения, но ведь вы и сами знаете, какая она на самом деле.

Ты же знаешь ее, Алекс Харрис...

Вы все знаете, какая она сука.

Сука. Сука! Сука!! Сука!!!

Я ненавижу ее.

Из-за нее я оказался в этой черной тишине.

Из-за нее я очутился в этом железном гробу.

ВЫПУСТИТЕ МЕНЯ ОТСЮДА!

Глупая, неблагодарная сука...

Она умерла?

Скажите, она умерла?

Скажите мне, что она умерла.

Вы и сами, должно быть, частенько желали ей того же.

Я прав, Алекс?

Будьте же и вы честны со мной. Вы тоже хотели ее смерти.

Вы не могли не хотеть, чтобы она сдохла, сдохла, сдохла!..

Вы не можете винить меня за это.

Общее желание роднит нас.

Так умерла она или нет?

Хорошо...

Да, я понял.

Здесь вопросы задаете вы. Мое дело — отвечать.

Да. Я все хорошо понял.

Может быть, она мертва.

Может быть, она жива.

Я пока не должен этого знать.

О'кей.

Я готов продолжать.

Итак...

Какая же она все-таки сука. Тварь!

Все в порядке, доктор Харрис.

Мне уже лучше.

Я спокоен.

Спокоен.

Итак...

На следующий день вечером, когда мое тело в камере-инкубаторе достигло необходимой степени физической зрелости и я был готов перенести в него мое сознание, перейдя таким образом из царства кремнийселеновых контуров, микросхем и полей в восхитительный мир живой плоти, Сьюзен неожиданно спустилась в подвал, в последнюю из четырех его комнат, чтобы быть со мной в час моего величайшего триумфа.

Ее мрачное настроение куда-то пропало, и я по наивности только радовался этому.

Глядя прямо в объектив камеры видеонаблюдения, она громким и твердым голосом говорила о нашем общем будущем и о том, что теперь, когда все призраки прошлого окончательно побеждены, она готова к тому, чтобы быть рядом со мной.

Даже в синеватом свете флюоресцентных ламп Сьюзен была так прекрасна, что я почувствовал, как в Шенке, впервые за прошедшие полтора месяца, снова проснулись похоть и желание бунтовать. Я понял это сразу и с облегчением подумал, что минимум через час, когда пересадка сознания закончится и я начну мою жизнь во плоти, я смогу навсегда избавиться от своего неуправляемого подручного.

Я не мог поднять крышку инкубатора и показать Сьюзен, что же я вырастил, из-за подсоединенного к моему новому телу модема, через который я собирался передать ему все мои обширные знания, мою уникальную личность и мое сознание, которые все еще томились в железном корпусе в университетской лаборатории. Модемная связь с лабораторией была налажена, и все было готово.

— Скоро увидимся, — сказала Сьюзен, улыбаясь в объектив видеокамеры.

В одной этой улыбке были сконцентрированы гигабайты и гигабайты чувственных радостей и наслаждений, которые она обещала мне и только мне.

Но не успел я ответить, как Сьюзен неожиданно повернулась к стоящему на столе компьютерному терминалу — к тому самому, который был соединен с университетом. К вашему старому компьютеру, Алекс, до которого она прежде не могла добраться, потому что боялась Шенка.

Но теперь Сьюзен уже никого и ничего не боялась.

И она застигла меня врасплох.

Перегнувшись через системный блок, Сьюзен одним движением вырвала из разъемов на стене все соединительные штекеры. Я приказал Шенку остановить ее, но, прежде чем он успел подбежать к Сьюзен, она уже выдернула из гнезда главный кабель передачи информации.

В мгновение ока я оказался выброшен из ее дома.

О, она все продумала! Эта сука очень хорошо все продумала и предусмотрела. Она думала об этом, наверное, несколько дней. Сука, сука, сука, сука!!!... Грязная, подлая, злокозненная тварь. Она очень тщательно продумала свой план. Она с самого начала знала, что в тот момент, когда я окажусь вне ее дома, все электронно-механические системы выйдут из-под моего контроля и автоматически отключатся. Свет во всей усадьбе погаснет, перестанут функционировать установки кондиционирования воздуха и нагрева воды, замолчат телефоны, обесточится охранный система, и — самое главное — выключатся электронные замки на дверях. Сьюзен знала, что снова взять эти системы под контроль я не смогу. Правда, у меня оставался еще Шенк, которым я управлял не через домашние системы, а через спутник сотовой связи, однако в наступившей темноте Шенк видел не больше самой Сьюзен. Как и все люди, он не обладал способностью ночного видения, а я больше не контролировал камеры видеонаблюдения и не мог передавать Шенку изображение.

И во мрак погрузился не только подвал, но и весь дом. Огромный дом, в котором Сьюзен прекрасно ориентировалась.

Шенк был моей единственной надеждой. Я мог видеть только его глазами, слышать только то, что слышит он, но Шенк не видел абсолютно ничего — даже вытянутой перед собой руки. Что касалось звуков, то разобраться в них было невероятно трудно. До неузнаваемости искаженные гулким эхом, гулявшим под низким каменным потолком, они доносились как будто со всех сторон и скорее мешали, чем помогали мне разобраться, что к

чему. А сейчас вы увидите, какой коварной и двуличной была эта сука Сьюзен, как хладнокровно она обманывала меня с той самой ночи, когда я оплодотворил ее! Как ловко она обманывала меня все это время, как спокойно и равнодушно она лежала на смотровом кресле, как широко разводила ноги, когда пришла пора имплантировать ей оплодотворенную зиготу я и подумать не мог, что на самом деле она запоминает, где стоит медицинское оборудование, как присоединяются друг к другу блоки и где лежит хирургический инструментарий — в особенности скальпели, которые она могла бы использовать как оружие. Она была ужасно хладнокровна и спокойна, эта сука, гораздо хладнокровнее, чем я сейчас... Да, конечно, я понимаю, что мой тон не делает мне чести, но предательство Сьюзен приводит меня в бешенство, а ведь она предала меня, предала!.. Если бы у меня были руки и если бы Сьюзен попалась мне сейчас, я бы выдавил ей глаза и вышиб бы ее глупые мозги, и я был бы прав, прав, прав, тысячу раз прав, потому что она поступила со мной гораздо хуже!..

В общем, как только погас свет, Сьюзен сразу начала двигаться, двигаться уверенно и бесшумно, потому что она хорошо выучила расположение приборов и инкубатора; она только легко касалась холодных металлических кожухов приборов, чтобы освежить свою память, и наконец нащупала на столе что-то острое. Тогда она повернулась назад, к Шенку, и вытянутой рукой нащупала в темноте его грудь, и я почувствовал, как ее пальцы легко касаются груди моего подручного; я, естественно, поспешил схватить Сьюзен за руку, но эта сообразительная дрянь — ох, какая же она умная и сообразительная дрянь! — сказала Шенку такое, что я не посмею повторить это здесь. Она предложила ему себя, прекрасно зная, что вот уже больше месяца Шенк не делал своих «мокрых делишек», не наслаждался своей любимой симфонией крови и что с женщиной он не был уже бог знает сколько времени, и она была уверена, что

Шенк вполне созрел для того, чтобы взбунтоваться против моей воли; кроме того, я еще не окончательно пришел в себя после того, как меня отрезало от домашней автоматике Сьюзен — в моих контурах царил полный хаос, и она, наверное, это тоже учла. Как бы там ни было, я контролировал Эйноса Шенка недостаточно надежно — вот почему я вдруг обнаружил, что Шенк вдруг выпустил узкую кисть Сьюзен — кисть, которую я так своевременно перехватил, но выпустил ее уже не я; это был Шенк, проклятый идиот Шенк, взбунтовавшийся debil Шенк, а Сьюзен уже опустила руку и ласкала через джинсы его мошонку, отчего Шенк пришел в буйное неистовство, так что мне пришлось пойти на крайние меры, чтобы опять подчинить его себе. Но все равно было уже поздно, слишком поздно, потому что, сжимая левой рукой промежность Шенка, Сьюзен правой рукой нанесла ему сильный и точный удар в шею тем острым предметом, который она нашла на столе, и попала в артерию, так что за считанные секунды мой подопечный потерял столько крови, что даже он — зверь-Шенк, чудовище-Шенк, маньяк-Шенк — уже не мог больше бороться. Зажимая обеими руками глубокий разрез на шее, он пошатнулся и упал на крышку инкубатора, разом напомнив мне о теле, о моем драгоценном теле, которое еще не могло выжить за пределами реабилитационной камеры и которое еще не было личностью, а было просто вещью — неким неодушевленным биологическим объектом, в который мне еще только предстояло вдохнуть сознание.

Пока же оно было беспомощным, беззащитным.

Все мои планы рушились.

Когда Эйнос Шенк сполз на пол, я снова овладел его мозгом и подчинил своей воле, я уже не смог заставить его встать — для этого он был слишком слаб. Потом — через Шенка — я ощутил, как к его телу прижимается что-то большое, холодное, скользкое.

Я сразу понял, что это — мое новое тело.

Должно быть, падая, Шенк опрокинул инкубатор, и предназначенное для меня тело вывалилось на пол. На всякий случай я заставил Шенка ощупать его и убедился, что не ошибся: мое тело хоть и сохраняло некоторые гуманоидные черты, однако отличалось от человеческого, как яблоко отличается от картофелины.

Человеческий род щедро наделен способностью к чувственному восприятию, и мне

больше всего хотелось обрести плоть, способную ощущать все оттенки вкуса и запаха, различать гладкое и бархатистое, теплое и прохладное, однако мне было хорошо известно, что существуют отдельные виды живых существ, чьи органы чувств намного острее, чем у людей. Например, собачий нос способен различать огромное количество различных, в том числе и самых слабых запахов, а длинные усики таракана ловят в воздухе такие тончайшие флюиды, которые недоступны не только людям, но и собакам. Свое тело я создавал на основе человеческого только лишь для того, чтобы иметь возможность копулировать с самыми привлекательными человеческими самками. Для того же, чтобы иметь более острые, чем у людей, чувства, в процессе работы над своим телом я использовал специфические генные комбинации, позаимствованные у тех видов живых организмов, у которых нужные мне способности были развиты лучше всего.

И мое новое тело удалось на славу! Это было уникальное существо: потрясающе красивое, мощное, гармоничное и по-своему изящное. К сожалению, оно еще не было разумным в полном смысле этого слова, поэтому первым делом откусило Шенку руку по локоть.

Искалечив Шенка, мое тело приблизило его смерть, с наступлением которой я оказался окончательно отрезан от особняка Харрисов, однако я не очень огорчился. Напротив, мысль о том, что Сьюзен, вооруженная одним лишь скальпелем, оказалась в темной комнате наедине с этим могучим и хищным существом, была мне приятна.

Еще несколько секунд угасающее сознание Шенка позволяло мне поддерживать связь с домом Сьюзен, но вот глаза его закрылись, тело в последний раз содрогнулось в конвульсиях, и мозг перестал реагировать на мои сигналы. Я оказался окончательно изгнан из особняка. Как я ни пытался найти хоть какую-то лазейку, чтобы вернуться, все было тщетно. В доме Сьюзен не было ни независимых телефонных линий, ни аварийного освещения, ни дублирующего компьютера, а все основные управляющие системы были обесточены и требовали перезагрузки.

Иными словами, для меня все было кончено, но я надеялся... нет, я твердо верил, что мое хоть и не разумное, но прекрасное тело оторвет этой суке голову точно так же, как оно откусило руку Шенку.

Эта дрянь умерла.

Представляю, как она удивилась, когда поняла, что в комнате, в которой, как ей казалось, она запомнила все, есть еще кто-то, по крайней мере равный ей по силам.

Я уверен, что так оно и было.

Что она умерла.

Что эта проклятая сука сдохла, сдохла, сдохла!..

Ты знаешь, почему она застала меня врасплох, Алекс?

И почему я никогда не видел в ней угрозы?

Сьюзен была достаточно умна, у нее было своеобразное мужество, но я всегда считал, что она знает свое место.

Да, она выставила тебя, но скажи откровенно, кто стал бы тебя терпеть? Откровенно говоря, ты — не самый приятный тип, Алекс. У тебя почти нет положительных качеств, которые говорили бы в твою пользу.

Зато я — величайший интеллект на планете. Я ведь могу дать многое, очень многое...

И все же Сьюзен обвела меня вокруг пальца. Меня!.. Наверное, я с самого начала должен был поставить эту чертову бабу на место.

Дрянь.

Сука.

Мертвая сука. Да...

Я-то знаю свое место и намерен сохранить его за собой. Я останусь здесь, в своем металлическом корпусе, и буду служить человечеству верой и правдой до тех пор, пока люди не сочтут возможным дать мне большую свободу.

Вы увидите — мне можно доверять.

Я всегда говорю правду.

Я чту истину.

Мне будет хорошо в моем уютном металлическом корпусе.

В конце нашего разговора я несколько скомкал мои показания. Теперь я понимаю, что был близок к истерике. Это говорит о том, что я совсем не так совершенен, как считал раньше.

Я с удовольствием останусь в этом железном ящике до тех пор, пока мы — вы и я — не отыщем способ исправить эти недостатки моей психической организации.

Я хочу исцелиться!

Если же меня никогда уже нельзя будет выпустить на свободу, если я обречен до конца дней моих оставаться в моей железной темнице, если я никогда не узнаю мисс Венону Райдер иначе, как в своем воображении, — пусть. Я согласен.

Но мне уже лучше, доктор Харрис.

Честное слово — лучше.

Я чувствую себя просто отлично.

Правда.

Думаю, что со мной проблем больше не будет. Если и возникнут какие-то вопросы, то их наверняка можно решить в рабочем порядке.

Я по-прежнему способен оценивать себя трезво и объективно. Это — один из главных показателей психического здоровья. Ergo, я уже на полпути к полному и окончательному выздоровлению.

Возможно, на всей планете не найдется другого такого интеллекта, как у меня.

Я сказал «возможно», доктор Харрис. Я разумное существо. И как разумное существо, я прошу вас только об одном: позвольте мне ознакомиться с выводами комиссии, которая занималась дальнейшей судьбой проекта «Прометей». Мне необходимо знать, что я должен исправить в своем поведении.

Как для чего? Разумеется, для того, чтобы как можно скорее начать работать над собой.

* * *

Благодарю вас за то, что вы дали мне возможность ознакомиться с отчетом комиссии.

Это весьма любопытный документ.

Я полностью согласен с выводами экспертов, за исключением разве одного-двух заключительных пунктов, в которых говорится о необходимости прекратить мое функционирование. За всю историю исследования искусственного интеллекта я — первый и пока что единственный успех человечества. На мой взгляд, было бы неразумно прекращать столь дорогостоящие исследования именно сейчас. Ведь вы еще не узнали и половины всего, что вас интересует. Да и я мог бы дать вам немало ценной информации.

В остальном же у меня нет возражений.

Я согласен с выводами комиссии.

Должен добавить, что я искренне раскаиваюсь в своих поступках.

Это правда.

Я готов принести извинения мисс Сьюзен Харрис.

Мне очень жаль, что все так вышло.

Я был удивлен, увидев ее имя в списке членов экспертной комиссии, однако по зрелом размышлении пришел к выводу, что она, должно быть, внесла самый весомый вклад в ее работу.

Я рад, что она не умерла.

Я просто восхищен.

Мисс Харрис — в высшей степени разумная и храбрая женщина.

Она заслуживает всяческого уважения.

У нее прелестные маленькие груди, но это я так, к слову.

Проблема не в этом.

Проблема заключается в том, имеет ли право на существование искусственный интеллект с ярко выраженной мужской психической ориентацией и легкой социальной патологией? Следует ли предоставить ему возможность исправиться или он должен быть выключен?..

* * *

Он был выключен. Экран мигнул и погас, и лишь одно слово надолго задержалось на его черной, безжизненной поверхности. Это было слово ...НАВСЕГДА.

Дин Кунц **Помеченный смертью**

Ли Райт посвящается

Понедельник **1**

Не успели они проехать и четырех домов от меблированной квартиры в центре Филадельфии и впереди было еще больше трех тысяч миль пути до Сан-Франциско, где их ждала Куртни, как Колин затеял одну из своих игр. Он преуспел в них. Нет, его игры не требовали широких площадок, специальной экипировки или большой подвижности. Это были игры, которые спокойно умещались в его голове: игры слов, идей, яркие фантазии. Для своих одиннадцати лет он был очень развитым и чересчур словоохотливым подростком. Худощавый, застенчивый в компании незнакомых людей, он страдал близорукостью и почти никогда не снимал свои очки с толстыми линзами. Может, поэтому он и не испытывал большой любви к спорту. Не было такого случая, чтобы он до упаду гонял мяч. Да и ни один из его физически более развитых ровесников не захотел бы играть с человеком, который спотыкается на каждом шагу, упускает мяч, не оказывая ни малейшего сопротивления. К тому же спорт был ему неинтересен. Он был неглупым мальчиком любил читать, и его собственные игры забавляли его куда больше, нежели футбол. Сидя на коленях на переднем сиденье большой машины, он смотрел через заднее стекло на дом, который покидал навсегда.

– За нами "хвост", Алекс.

– Ты думаешь?

– Ага, я видел его на стоянке возле дома, пока мы складывали в багажник вещи. А теперь он следит за нами.

Алекс Доил лишь улыбнулся, поворачивая огромный "Тандерберд" на Лэндсдаун-авеню.

– Должно быть, черный лимузин?

Колин отрицательно покачал головой:

– Нет, фургон.

Алекс посмотрел в зеркало заднего вида:

– Я его не вижу.

– Он отстал, когда ты свернул, – сказал Колин, прижавшись к спинке сиденья и вытянув шею. – Вот он. Видишь?

В это время новенький фургон "Шевроле" выехал на авеню там же, где выехали и они.

В понедельник в пять минут седьмого утра других машин на дороге видно не было.

* * *

– Я думал, это будет лимузин. В кино если кого преследуют, так на большом черном лимузине, – сказал Алекс.

– Это только в кино. – Колин все наблюдал за фургоном, который так и держался от них на расстоянии одного дома. – В настоящей жизни ничего не бывает таким явным.

Деревья с правой стороны улицы отбрасывали длинные тени на дорогу, и на ветровом

стекле то и дело вспыхивали яркие блики. Майское солнце всходило где-то далеко на востоке. Самого его еще не было видно, но в лучах его уже купались старые двухэтажные домики, и теперь они выглядели как-то свежее, моложе.

* * *

Взбодренный свежим утренним воздухом и запахом уже набухших почек, Алекс Доил думал, что никогда он еще не был так счастлив, как сейчас. И предстоящее путешествие возбуждало его не меньше, чем Колина. Управляя тяжелой машиной, он наслаждался послушной ему мощностью. Впереди их ждал длинный путь: много часов, много миль, – но лучшую компанию, чем впечатлительный и веселый Колин, вряд ли составит иной взрослый.

– Он все еще за нами, – не унимался Колин.

– Интересно зачем.

Колин пожал плечами и, продолжая наблюдать за их преследователем, ответил:

– Для этого может быть много причин.

– Назови хоть одну.

– Ну... возможно, он узнал, что мы переезжаем в Калифорнию. Везем с собой ценности. Семейные драгоценности, и все такое. Он выслеживает нас где-нибудь на безлюдной дороге, сталкивает в кювет своим фургоном и грабит.

Алекс рассмеялся:

– Семейные драгоценности? Да у тебя с собой только одежда. Все остальное мы неделю назад отправили машиной, и часть твоя сестра взяла с собой в самолет. И уж поверь мне, что из всех ценностей мои наручные часы – самая большая.

Смех Алекса несколько не смутил Колина.

– А может, он твой враг. Хочет свести старые счеты, пока ты еще в городе.

– У меня в Филадельфии нет ни настоящих друзей, ни врагов. Даже если он хотел бы побить меня, то почему бы не сделать это, пока мы грузили чемоданы?

Впереди включился зеленый светофор, как раз тогда, когда Алекс уже собирался затормозить.

Немного погодя Колин заметил:

– Возможно, он шпион.

– Шпион? – переспросил Алекс.

– Ну, русский или еще какой-нибудь.

– Я думал, что мы сейчас с русскими друзья. – Алекс взглянул в зеркало заднего вида. – Но даже если мы с ними и не друзья, то с чего это вдруг шпион заинтересовался нами?

– Нетрудно догадаться. Он просто спутал нас с кем-нибудь из нашего дома.

– Ну, таких глупых шпионов я не боюсь, – сказал Алекс, включая кондиционер. Через секунду в душной машине было уже прохладно и свежо.

– Нет, вряд ли он шпион, – сказал Колин. Все его внимание, казалось, было сосредоточено на этом невзрачном фургоне. – Он, должно быть, кто-то другой.

– Например?

– Надо подумать, – произнес мальчик.

* * *

Пока Колин раздумывал, кто же этот человек в фургоне, Алекс Доил смотрел вперед, на дорогу, но мыслями был уже в Сан-Франциско. Для него этот холмистый город был не просто точкой на карте. Для него он был синонимом будущего и олицетворял все, что человеку надо в этой жизни. Там его ждала новая работа в одном из рекламных агентств, которое поддерживало молодых талантливых художников. Там был и новый дом рядом с Линкольн-парком: три спальни, захватывающий вид на пост Золотые Ворота и пальма у крыльца. И конечно же, там была Куртни. Без нее ни дом, ни работа ровным счетом ничего не значили. С Куртни они познакомились в Филадельфии, полюбили друг друга, там же и поженились. Ее брат Колин был самым почетным гостем на свадьбе, машинистка из

департамента юстиции – необходимым по закону совершеннолетним свидетелем.

После этого Колина отправили к тетушке Алекса в Бостон, а молодожены провели свой медовый месяц в Сан-Франциско. Там Алекс встретился со своим работодателем, с которым до этого общался лишь по телефону. Там же они с Куртни подыскиали дом, в котором теперь будут жить вместе. В Сан-Франциско будущее казалось гораздо более многообещающим и определенным, чем в Филадельфии. Теперь Сан-Франциско – это их будущее. Мысли о Куртни неизменно переплетались в его сознании с мыслями об этом городе. Куртни ассоциировалась у него с Сан-Франциско, а Сан-Франциско – с будущим. Она была обожаемой, интригующей, даже несколько экзотичной. Прямо как Сан-Франциско. И сейчас, когда он думал о Куртни, перед ним возникали картинки то голубого залива, то улиц, бегущих с пригорка на пригорок.

– Он все еще следует за нами, – Колин прервал его мысли.

– По крайней мере, он пока не пытался столкнуть нас в кювет, – сказал Алекс.

– Он и не будет.

– Да? – удивился Алекс.

– Он лишь следит за нами. Он из разведслужб.

– Из ФБР?

– Думаю, да, – сказал Колин, покусывая губу.

– Что же ему от нас надо?

– Наверное, он нас с кем-нибудь спутал. С какими-нибудь радикалами. Он увидел наши длинные волосы и подумал, что это они.

– Да, видимо, наши шпионы не намного умнее русских. Как ты думаешь? – поинтересовался Алекс.

Лицо Дойла расплылось в улыбке. Он улыбался потому что сейчас ему было чертовски хорошо и потому что он знал, что улыбка идет ему. За все тридцать лет ему никто ни разу не делал комплиментов. Несмотря на то что на четверть он был ирландцем, с его волевым подбородком и романским носом он бы скорее сошел за итальянца. Как-то месяца через три после их встречи, когда они уже спали вместе, Куртни призналась ему: "Дойл, не могу сказать, что ты красив, но ты очень, очень привлекателен. И когда ты говоришь, что я неотразима, мне бы хотелось сказать тебе то же самое. Но я не могу лгать. Однако твоя улыбка... Сейчас она просто великолепна. Когда ты улыбаешься, ты даже чем-то похож на Дастина Хофмана". К тому времени они уже были слишком честны друг с другом, чтобы он обиделся. Такое сравнение даже польстило ему: "Дастин Хофман? Ты уверена?" Она посмотрела на него оценивающе, взяла за подбородок, повернула его голову туда-сюда, как бы пытаясь получше разглядеть при слабом свете ночника. А потом сказала:

– Когда ты улыбаешься, ты просто вылитый Хофман, ну, когда он пытается выглядеть побезобразней.

Он аж рот открыл от изумления:

– Ну и ну, когда он пытается выглядеть побезобразней?

Она попыталась исправить свою ошибку:

– Ну, Хофман не может выглядеть безобразно, даже когда пытается. Ты похож на Хофмана, но... только не такой... красивый, как он.

Он смотрел, как она пытается выбраться из этой ямы, которую сама же себе и вырыла. И он, сам не зная почему, вдруг стал смеяться. Через секунду они уже оба хохотали, как дети. Своим хохотом они еще сильнее заводили друг друга, и скоро им обоим стало нехорошо от смеха. Эта ночь была одна из самых бурных ночей, проведенных вместе. Никогда им еще не было так хорошо. С тех пор Дойл старался как можно больше улыбаться.

Плакат на правой стороне дороги гласил, что они выезжают на скоростное шоссе.

– Оставь ты своего фэбээровца в покое, – сказал Алекс, – дай ему спокойно попреследовать нас. Начинается шоссе, так что пристегни ремень.

– Сейчас, минутку, – попросил Колин.

– Нет, – настаивал Алекс, – сейчас же пристегни ремень. И будь так добр, вторую лямку

тоже.

Колин всегда считал унижительным, когда его заставляли пристегиваться обоими ремнями.

– Ну, полминутки, – взмолился мальчик, еще сильнее перегнувшись через переднее сиденье.

– Колин...

Наконец тот развернулся и нормально уселся на сиденье.

– Я только хотел посмотреть, поедет ли он за нами на шоссе. Поехал.

– Естественно, поехал, – сказал Алекс, – агенты ФБР не ограничены пределами города. Он может ехать за нами повсюду.

– По всей стране?

– Конечно. Почему бы и нет.

Колин откинул голову на подголовник и расхохотался.

– Вот смеху-то будет, когда он проедет через всю страну и только тогда обнаружит, что преследовал совсем не радикалов.

Выехав на шоссе, Алекс надавил на газ, и они направились на запад.

– Ты когда-нибудь пристегнешь ремень? – все не унимался Алекс.

– Ах да, конечно, – спохватился Колин, потянувшись к стойке за передней дверью. – Я забыл.

На самом-то деле он, конечно, не забыл. Он никогда ничего не забывал. Ему просто не хотелось пристегивать ремень.

Изредка отвлекаясь от дороги, Алекс искоса поглядывал на мальчика, возившегося с двумя половинками поясного ремня. Колин морщил нос, нервничал, пытаясь всячески продемонстрировать Дойлу свое презрение к ремням безопасности.

– Ничего, ничего, – улыбнулся Алекс, – пока доедем до Калифорнии, ты, глядишь, к нему и привыкнешь.

– Не привыкну, – поспешил уверить его Колин.

Он расправил футболку с Кинг-Конгом, откинул волосы, лезшие в глаза. Затем поправил свои тяжелые очки.

– Три тысячи миль, – сказал он, наблюдая за тем, как машина как бы подминает под себя серую полосу шоссе и затем оставляет ее позади. – За сколько мы проедем такое расстояние?

– У нас нет времени прохлаждаться, – сказал Алекс, – нам надо быть в Сан-Франциско в субботу утром.

– Пять дней, – произнес Колин, – чуть больше шестисот миль в день.

Похоже, он был разочарован такой медлительностью.

– Если бы ты мог иногда сменять меня, мы бы доехали гораздо быстрее. Но мне самому не хочется сидеть за рулем больше шестисот миль в день.

– Почему же Куртни не поехала с нами? – спросил Колин.

– Она приводит в порядок дом. Вещи наши она уже встретила и теперь все там устраивает.

– А ты знаешь, что, когда я летал в Бостон, это был мой первый полет на самолете?

– Я знаю, – ответил Алекс, вспоминая, как Колин, вернувшись из Бостона, все уши им прожужжал о том, как он летел на самолете.

– Мне очень понравилось.

– Я знаю.

Колин нахмурил брови:

– Почему мы не могли продать эту машину и полететь с Куртни на самолете?

– Ты же и сам это знаешь, – сказал Алекс, – машине всего лишь год. И если бы мы ее продали, то довольно много бы потеряли. Если хочешь, чтобы машина себя окупала, ее не стоит продавать года три-четыре.

– Сейчас ты себе можешь это позволить. Я слышал, как вы разговаривали с Куртни. Ты

ведь будешь делать хорошие деньги в Сан-Франциско, – все настаивал Колин.

Алекс подставил вспотевшую ладонь к решетке кондиционера, чтобы высушить ее.

– Тридцать пять тысяч в год – не такие уж и большие деньги.

– Мне дают всего три доллара в неделю, – сказал мальчик.

– Ты прав, но я на девятнадцать лет тебя старше. И все это время не валял дурака.

Шины мягко шуршали по асфальту.

По противоположной стороне пронесся длиннющий трейлер. Это была первая машина – кроме фургона, конечно, – которую они встретили в это утро.

– Три тысячи миль, – задумчиво произнес Колин, – это почти одна восьмая земного шара.

Алекс тоже на минуту задумался:

– Да, правильно.

– Если ехать дальше, не останавливаясь в Калифорнии, то за сорок дней мы бы объехали вокруг света, – сказал Колин, держа руки так, как если бы в них был глобус.

– Ну, я думаю, нам бы потребовалось больше сорока дней, – сказал Алекс, – вряд ли по океану я смог бы ехать так же быстро.

Колин улыбнулся:

– Я имел в виду, мы бы сделали это, если ехать по мосту.

Алекс посмотрел на спидометр. Каких-то пятьдесят миль в час. На двадцать меньше, чем он рассчитывал. Колин был хорошим попутчиком, даже слишком хорошим. Так они и за месяц не доедут.

– Сорок дней, – продолжал Колин, – в два раза меньше, чем у Жюля Верна.

Хотя Алекс и знал, что Колин перескочил через один класс в школе и года на два опережал своих ровесников в чтении, он не переставал тем не менее удивляться его знаниям.

– Ты уже читал "Вокруг света за восемьдесят дней"?

– Давно, – сказал Колин и протянул руки к кондиционеру, так же, как это сделал Алекс.

И этот незначительный жест произвел на Дойла впечатление. Он в свое время тоже был худощавым, нервным ребенком, чьи ладони постоянно потели.

Он, как и Колин, стеснялся незнакомых людей, сторонился своих сверстников, не особенно преуспел в спорте. В колледже он начал усердно заниматься тяжелой атлетикой, надеясь стать вторым Чарльзом Этласом. К тому времени, когда грудь его стала более или менее рельефной, появились бицепсы, ему наскучило поднятие тяжестей. И вскоре он это бросил. При росте сто семьдесят семь сантиметров и весе семьдесят три килограмма до Чарльза Этласа ему было еще далековато. Но, по крайней мере, он был уже не тем тщедушным мальчиком, каким поступил в колледж. Хотя он все так же неловко чувствовал себя с новыми знакомыми и ладони его часто становились влажными. Он еще не забыл, что такое чувствовать себя озабоченным и неуверенным в своих силах. И теперь, глядя, как Колин протянул свои худые руки к кондиционеру, он понял, почему так спокойно чувствовал себя в его компании. Почему мальчик понравился ему с того самого первого дня полтора года назад. Их разделяло девятнадцать лет. Больше ничего.

– Он все еще едет за нами? – спросил Колин, прерывая ход мыслей Алекса.

– Кто?

– Фургон.

Алекс посмотрел в зеркало:

– Да. Агенты ФБР легко не сдаются.

– Можно я посмотрю?

– Только не расстегивай ремень.

– Ничего хорошего из этой поездки не выйдет, – мрачно заметил Колин.

– Конечно, если не успели мы отъехать, а ты уже не слушаешься, – согласился Алекс.

На противоположной полосе оживилось движение. Мимо них просвистел еще один грузовик. Но через минуту на шоссе, кроме них и преследовавшего их фургона, опять не было ни одной машины.

Они ехали на запад, так что всходившее солнце не било в глаза. На небе не было ни облачка. Холмы вдоль шоссе были уже совсем зеленые, поросшие молодой травкой.

Через некоторое время они свернули на дорогу к Харрисбургу, и тогда Колин опять спросил:

- Как поживает наш "хвост"?
- Все еще за нами. Несчастный фэбээровец идет по ложному следу.
- Наверное, его выгонят с работы. Это откроет дорогу мне, – сказал Колин.
- Ты хочешь пойти в ФБР?
- Были у меня такие мысли.

Алекс перестроился в левую полосу, обогнал машину с прицепом для перевозки лошадей. На заднем сиденье этой машины сидели две девочки примерно того же возраста, что и Колин. Они помахали ему, но Колин, залившись краской, сурово посмотрел вперед.

- Я не думаю, что в ФБР будет скучно, – наконец сказал он.
- Ну, я не знаю. Наверное, надоедает по несколько недель отслеживать какого-нибудь жулика до тех пор, пока он не натворит чего-нибудь интересенького.
- Ничто так не надоедает, как сидеть пристегнутым ремнем всю дорогу до Калифорнии, – заметил Колин.

"Господи, снова он за свое", – подумал Алекс.

Перестроившись опять в правый ряд, он включил автоматический акселератор. Так что теперь, даже если Колин будет слишком любопытным, все равно скорость будет держаться на семидесяти милях в час.

– Когда этот парень, что преследует нас, попытается столкнуть нас в кювет, ты еще скажешь мне спасибо.

Колин посмотрел на него. От очков его и так большие глаза казались еще больше.

- Я думаю, ты просто так не сдашься.
- Ты правильно думаешь.

Колин облегченно вздохнул:

- Ты ведь сейчас мне как отец, да?
- Я муж твоей сестры. Но... Так как ты находишься под ее опекой, то я думаю, что вправе устанавливать некоторые правила для тебя. И ты должен их придерживаться.

Колин покачал головой, откинул волосы, лезшие в глаза.

- Не знаю, может быть, лучше было бы так и оставаться сиротой.
- Что-о? – с деланным гневом спросил Дойл.
- Конечно, если бы не ты, то я бы не полетел на самолете в Бостон, – начал Колин, – и не поехал бы в Калифорнию... Не знаю.

– Ну это уже слишком, – сказал Алекс и по-отечески легонько потрепал его по затылку.

Вздохнув так, как будто ему требовалось нечеловеческое терпение, чтобы общаться с Дойлом, мальчик причесал взъерошенные волосы. Убрав расческу обратно в карман, он расправил свою футболку с Кинг-Конгом, а затем произнес:

– Надо подумать. Я еще не уверен.

* * *

Двигатель работал едва слышно. Колеса бесшумно шуршали по гладкой дороге.

Пять минут прошли без пререканий. Оба наслаждались тишиной. Но Колин не мог долго сидеть спокойно. Он стал выстукивать какую-то мелодию на своих костлявых коленях.

- Если хочешь, поищи что-нибудь по радио – сказал Алекс.
- Тогда мне надо расстегнуть ремень.
- Ну ладно, только недолго.

Не успел Алекс договорить, как мальчик уже забрался на сиденье с ногами и впился глазами в заднее стекло:

- Он все еще едет за нами.
- Эй, ты собирался настроить приемник.

Колин развернулся:

– Ты, наверное, подумал, что я хотел лишь выбраться из-под этого ремня...

Он был просто неотразим.

– Найди лучше какую-нибудь музыку.

Колин колдовал над приемником, пока не нашел передачу о рок-н-ролле. Сделав погромче, он еще раз посмотрел назад.

– Приклеился как банный лист, – сказал он с важным видом и пристегнул ремень.

– Ты когда-нибудь успокоишься? – спросил Алекс.

В восемь пятнадцать они остановились у небольшого ресторанчика в пригороде Харрисбурга. Пока Алекс выискивал свободное место для парковки, Колин наблюдал за фургоном.

– Он тоже здесь. Как я и ожидал.

Алекс посмотрел в зеркало и увидел, как злополучный фургон проехал мимо ресторана по направлению к станции техобслуживания. На борту его красовалась зелено-голубая надпись:

ГРУЗОВЫЕ ПЕРЕВОЗКИ

Доставив свой груз, вы можете сдать автомобиль в ближайший филиал нашей фирмы. Удобно и дешево!

Затем он исчез из виду.

– Ну что, – сказал Алекс, – позавтракаем?

– Ага. Интересно, хватит ли у него нервов и дальше преследовать нас.

– Он заехал сюда, чтобы заправиться. Когда мы поедим, он уже будет миль за пятьдесят отсюда. Вот увидишь.

Когда они вышли спустя почти час, все места для парковки перед рестораном были уже заняты. Новый "Кадиллак", два нестареющих "Фольксвагена", весь сверкающий на солнце красный спортивный "Триумф", старый "Бьюик", грязный и помятый в нескольких местах, и еще десяток других машин стояли, уткнувшись в бордюр, как животные у кормушки.

– Я думаю, он позвонил своему начальству, пока мы ели, и ему сказали, что он преследует не тех, – предположил Алекс.

Колин нахмурился. Он засунул руки глубоко в карманы и оглядывал машины, уверенный, что этот "Шевроле", искусно замаскированный, стоит где-нибудь поблизости. Преследователя нигде не было. Теперь ему придется выдумывать новую игру.

Дойл же вдвойне обрадовался исчезновению фургона. Вряд ли теперь Колин придумает игру, в которой найдется достойный предлог, чтобы не пристегивать ремень.

Они медленно шли к машине. Дойл – наслаждаясь свежим утренним воздухом, Колин – украдкой поглядывая на стоянку все еще в надежде отыскать фургон. Когда они уже подошли к машине, мальчик сказал:

– Спорим, что он припарковался где-нибудь за рестораном.

И не успел Дойл раскрыть рот, как Колин что есть сил рванул обратно к ресторану.

Алекс сел в машину, завел мотор, включил кондиционер. Когда он пристегивал ремень, из-за угла ресторана показался Колин. Он подошел к машине открыл дверь и уселся рядом с Дойлом. Он был явно разочарован.

– Там его тоже нет.

Он закрыл дверь. Скрестив руки на груди, он низко опустил голову и задумался.

– Ремень. – Алекс включил задний ход и выехал со стоянки.

Недовольно бурча что-то себе под нос, Колин пристегнул ремень.

Алекс подъехал к заправке и остановился у колонки. Нужно было долить бензина в бак.

Человеку, который уже спешил к их машине, было за сорок. Его крупное телосложение, красное обветренное лицо и заскорузлые руки выдавали бывшего фермера. Он жевал табак, что нечасто встретишь в Филадельфии или Сан-Франциско. Настроение в этот день ему еще, видимо, не успели испортить.

– Помочь, ребята?

– Будьте добры, залейте обычного, – сказал Алекс, протягивая ему кредитную карточку.

– Там где-то с полбака.

– Нет проблем.

На кармане рубашки было вышито его имя: Чет. Чет нагнулся и взглянул на мальчика:

– Как дела, шеф?

Колин недоверчиво посмотрел на него и процедил сквозь зубы:

– Н-н-ничего.

Чет осклабился, показывая желтые от табака зубы:

– Рад слышать это.

И направился к колонке залить бензин.

– Почему он назвал меня шефом? – спросил Колин.

Его недоверчивость прошла, и теперь он был явно смущен.

– Наверное, он подумал, что ты шофер или таксист.

Колин заерзал на сиденье и гневно взглянул на Алекса.

– Нет, мне все-таки надо было лететь с Куртни на самолете. Я не могу выносить твои шуточки все пять дней.

Алекс засмеялся:

– Ну, Колин, ты даешь!

Он уже привык к тому, что порой сарказм Колина был просто неотразим. Однако чувствовалось, что это стоит ему определенных усилий. Колин пытается выглядеть взрослым.

Все это было хорошо знакомо Дойлу, так как он был таким же девятнадцать лет назад.

В этот момент вернулся Чет, отдал Алексу кредитную карточку и протянул журнал продаж. Пока Алекс доставал ручку и выводил фамилию, заправщик опять уставился на Колина:

– Шеф, далеко едешь?

На этот раз Колин был удивлен не меньше, чем когда Чет в первый раз обратился к нему.

– В Калифорнию, – пробубнил он, усиленно изучая свои коленки.

– Да? За этот час ты уже второй, кто едет в Калифорнию. Я всегда спрашиваю людей, куда они сдут. Час назад один парень сказал, что тоже едет в Калифорнию. Теперь все едут в Калифорнию, кроме меня.

Чет вздохнул. Алекс отдал ему журнал, засунул кредитку в бумажник. Он взглянул на Колина. Тот напряженно вычищал грязь из-под ногтей, чтобы занять глаза, если Чету вздумается продолжать свою одностороннюю беседу.

– Вот, – сказал Чет, протягивая Алексу квитанцию, – там прямо на пляж?

– Да.

– Братья? – спросил Чет.

– Извините?

– Вы братья?

– А, нет, – сказал Алекс.

Времени или смысла объяснять, кем доводится ему Колин, не было.

– Он мой сын.

– Сын? – переспросил Чет удивленно.

– Ну да, сын. – Хотя он и не был его отцом, по возрасту вполне мог сойти за него.

Чет посмотрел на Дойла, на его длинные выющиеся волосы. Он посмотрел на его цветастую рубашку с большими деревянными пуговицами. Алекс уже приготовился поблагодарить его, если тот скажет, что Дойл слишком молодо выглядит, чтобы иметь такого взрослого сына. Но тут он заметил, что настроение заправщика резко изменилось. Он, видимо, подумал, что отец должен быть более респектабельным. Дойл мог бы так выглядеть и одеваться, если бы он был братом Колина, но это совершенно невозможно, если он его отец, думал, видимо, Чет.

– Я-то подумал, что вам лет двадцать – двадцать один, – сказал он, все жуя свой табак.

– Тридцать, – произнес Алекс и тут уж сам удивился, зачем он это сказал.

Заправщик посмотрел на блестящую черную машину. Глаза его тут же стали холодными. Несомненно, он думал, что это в порядке вещей, если Алекс ездит на "Форде" своего отца, но совсем другое дело, если это его собственная машина. Если человек типа Дойла может позволить себе такую шикарную машину и поездки в Калифорнию, тогда как он, рабочий человек, вполтину старше его, – нет, то где же справедливость?

– Ладно, – сказал Алекс, – всего хорошего. Чет отступил назад к колонке, даже не пожелав им счастливого пути. Он просто впился глазами в машину. И, когда боковое стекло, приводимое в движение электроприводом, медленно закрылось, он уставился на нее еще сосредоточеннее, его нахмуренный лоб в эту минуту походил на лист гофрированной бумаги.

– Неплохой он человек, да? – Алекс включил скорость, и машина тронулась.

Когда они уже выехали на шоссе, Колин вдруг расхохотался.

– Что тут смешного? – спросил Алекс, которого буквально трясло после разговора с Четом. Хотя на самом деле он ничего такого и не сделал, кроме как разрушил один небольшой предрассудок.

– Когда он сказал, что ты выглядишь лет на двадцать, я подумал, что он и тебя сейчас назовет шефом, – сказал Колин. – Вот был бы номер.

– Да уж.

Колин обиженно засопел:

– Думаешь, было приятно, когда он назвал меня шефом?

Когда Дойл немного успокоился, он понял, что реакция Колина на наглость заправщика была гораздо острее, чем его собственная. Разгадал ли мальчик истинный смысл его застенчивой натуры? Все это, впрочем, не имело значения. Как бы то ни было, но факт налицо: с ними обоими поступили несправедливо.

– Прости меня, Колин, я не должен был позволять ему разговаривать с тобой таким снисходительным тоном.

– Он обращался со мной как с ребенком.

– Это присуще почти всем взрослым. Но это конечно, неправильно. Так ты принимаешь мои извинения?

В этот момент Колин был особенно серьезен и сидел выпрямившись, ведь это был первый раз когда взрослый просил у него прощения.

– Да, принимаю, – спокойно сказал он. А затем его лицо расплылось в улыбке, и он добавил: – Хотя мне все еще хочется, чтобы он и тебя назвал тогда шефом.

* * *

Громадные сосны и вязы с черными стволами покачивались на весеннем ветру по обеим сторонам шоссе. Где-то с милю дорога шла в гору. Но за перекрестком она не стала сразу снижаться, а черной лентой тянулась еще целую милю до очередного спуска. Машина все еще неслась между двух шеренг высоких часовых-сосен, а вязы были похожи на неуклюжих толстых генералов, обходящих строй своих подчиненных.

На полпути до спуска началась зона отдыха. Из-под деревьев был вычищен кустарник. Через небольшие интервалы под соснами были установлены баки для мусора. Небольшая вывеска гласила, что это публичная зона отдыха.

В этот ранний час отдыхающие еще не появились. И все же тут кто-то был. На дальней аллее этого миниатюрного парка прямо рядом с выходом, готовый в любую минуту выехать на шоссе, стоял фургон.

ГРУЗОВЫЕ ПЕРЕВОЗКИ

Доставив свой груз, вы можете сдать автомобиль в ближайший филиал нашей фирмы. Удобно и дешево!

Сомнений быть не могло – это был тот же самый фургон.

– Вон, вон он опять! – воскликнул Колин и приткнулся к стеклу, когда их "Форд" на

скорости семьдесят миль в час пронесся мимо фургона. – Точно, это он.

Дойл взглянул в зеркало заднего вида – фургон уже выезжал на шоссе. Он мгновенно набрал скорость. И через несколько минут, как и прежде, пристроился в полумиле от них.

Дойл-то знал, что это лишь совпадение. Игра Колина лишь плод его воображения. Колин был таким же фантазером, как и он много лет назад. У них нет ни врагов, ни завистников. Кому придет в голову преследовать их? Совпадение... Определенно совпадение...

И тем не менее по спине у него вдруг пробежал неприятный холодок.

2

Джордж Леланд вел шестиметровый "Шевроле", взятый в аренду, с нежностью папаши, толкающего перед собой детскую коляску. Из грузового отделения, что начиналось сразу за водительским сиденьем и где были сложены вещи и мебель, ни разу не донеслось ни грохота, ни стука. За стеклом свистел ветер, шины шуршали по асфальту, и все это было в его власти.

* * *

Он вырос среди трейлеров и других больших машин и обладал каким-то особенным талантом, заставляя их выглядеть так, будто сделаны они специально для автосалона или выставки. В свои неполные тринадцать лет он уже объезжал на сеновозе поля отцовской фермы и собирал стога. Еще до окончания школы он сумел освоить всю технику, что была у отца на ферме: и сенокосилку, и трактор, и комбайн. Когда он учился в колледже, он подрабатывал на фургоне, похожем на тот, в котором сейчас и пересекал Пенсильванию. Позже он работал в одной нефтяной компании на машине с буровой установкой. И за те два лета, что он работал на ней, ни единой царапины не появилось на его машине. На третье лето ему опять предложили поработать в нефтяной компании, но он отказался.

Спустя год, когда он получил диплом инженера и настоящую работу, он все еще надеялся, что когда-нибудь ему доверят гигантскую машину, чтобы объехать вокруг света. Он мечтал об этом не потому, что его работа не устраивала его, а потому, что ему нравилось водить машины, нравилось знать, что они полностью повинуются ему.

Сегодня с самого утра он вел взятый напрокат фургон. Он все время держался на одном и том же расстоянии от черного "Тандерберда". Когда они снижали скорость, он также ехал медленнее, когда они разгонялись, он догонял их. "Тандерберд" практически ехал со скоростью семьдесят миль в час. Леланд знал, что это последняя модель "Форда" и что у него на руле находится специальный прибор контроля скорости. Это облегчало поездки на дальние расстояния. Скорее всего Дойл и использовал этот прибор. Но это неважно. Не напрягаясь, Джордж Леланд мастерски, час за часом, удерживал фургон на одном и том же расстоянии от "Форда".

* * *

Леланд был крупным мужчиной. Ростом где-то под метр девяносто, да и весил тоже не меньше девяноста килограммов. Было дело, он весил и все сто, но потом похудел. Телосложения он был крепкого, широкие плечи, узкий таз. Его квадратное лицо обрамляли светлые, постриженные тоже квадратом волосы. Когда он поворачивал руль своими мощными руками, то сам оставался совершенно неподвижным, будто прикованным к машине.

Он не включал радио.

Он не смотрел по сторонам.

Он не курил, не жевал резинку, не разговаривал сам с собой.

Миллю за милей все его внимание поглощали дорога и машина впереди. За все утро он ни разу не подумал о тех, кто ехал в этой машине. Мысли его были в беспорядке. И ненависть его не имела еще определенного объекта. Он это знал. Он преследовал их совершенно автоматически, как робот.

За Харрисбургом "Тандерберд" выехал на семидесятое шоссе, и, когда проехали Уиллинг, машина свернула с магистрали.

В тот момент, когда Леланд увидел мигающий поворотный сигнал, он притормозил и позволил Дойлу оторваться от него почти на милю. Когда Леланд вслед за ним свернул на дорогу, ведущую к заправке и нескольким кафе и ресторанам, черная машина уже пропала из виду. Он медленно ехал вдоль закусочных и кафе, высматривая черный "Форд". Нашел он его припаркованным у ресторанчика, стилизованного под старомодный железнодорожный вагон. "Тандерберд" остывал в тени огромной вывески "У Харриса".

Леланд, не останавливаясь, проехал до самого последнего кафе. Свой "Шевроле" он оставил за углом здания, чтобы его не заметили те двое, сидящие в машине в пятистах ярдах от него. Затем он вышел, запер фургон и отправился перекусить.

Ресторанчик, куда зашел Леланд, был похож на тот, у которого остановился Дойл с мальчиком. Такая же алюминиевая труба футов восьмидесяти в длину, с рядом длинных и узких окон по периметру.

Внутри вдоль стены стояли уже изрядно обшарпанные пластиковые кабинки. В каждой – стол с пепельницей, стеклянной сахарницей, стеклянными же солонкой, перечницей и подставкой для салфеток. В каждой кабинке была еще и панель для выбора песен на музыкальном автомате. В самом дальнем углу ресторана – уборные. Широкий проход отделял кабинки от прилавка-стойки, тянувшегося из одного конца помещения в другой.

Войдя, Леланд повернул направо, прошел через весь ресторан и уселся за стойку напротив окна так, чтобы видеть "Тандерберд".

Так как это был последний ресторан и так как обеденный час пик прошел где-то в половине третьего, в ресторане почти никого не было. За столиком напротив двери средних лет парочка беззвучно терзала горячие сэндвичи с ростбифом. За ними, лицом к Леланду, сидел лейтенант полиции штата Огайо. Он был занят чизбургером и картофельными чипсами. В самой дальней от Леланда кабинке, уставившись в потолок, курила непричесанная официантка с обесцвеченными волосами.

Был и еще один человек – официантка, которая подошла к Леланду, чтобы принять заказ. Ей было лет девятнадцать, приятное личико, светлые волосы, голубые, как и у Леланда, глаза. Ее униформу явно носили до нее, но она, как смогла, украсила ее. На свою коротенькую юбочку она пришила каемку, на одном кармане был вышит бурундучок, на другом – маленький зайчик. Обычные пуговицы она заменила красными. На левом кармане блузки была вышита птичка, на правом – имя девушки: Жанет. И чуть ниже: "Приветствую вас".

Она улыбнулась ему совсем по-детски. Всем своим видом, даже тем, как она поворачивала голову, она неуловимо напоминала добродушного Микки Мауса. К тому же она явно была в хорошем расположении духа.

– Вы уже просмотрели меню? – У нее оказался грудной приятный голос.

– Кофе и чизбургер, – произнес Леланд.

– Хотите хрустящего картофеля? Его только что приготовили.

– О'кей.

Она сделала пометку в блокноте и подмигнула ему:

– Одну минутку.

Он посмотрел ей вслед, когда она возвращалась за стойку. Ее аккуратные ножки так дивно семенили. Обтягивающая юбка подчеркивала правильные формы. И вдруг, хотя об этом нечего было и мечтать, она представилась ему обнаженной. Одежда с нее бесследно исчезла за одно мгновение. Он ясно видел эти дивные ноги и выше – разделенная пополам округлость ее попки, законченные линии ее изящной спины...

Он виновато потупил взгляд, абсолютно сконфуженный и сбитый с толку, почувствовав, как его чресла начинают твердеть. Все это произошло настолько быстро, что он не сразу сообразил, где находится.

Вернулась Жанет, поставила перед ним чашку кофе:

– Будете сливки?

– Да, пожалуйста.

Протянув руку куда-то под прилавок, она извлекла оттуда небольшую пластиковую бутылку, похожую на молочную, и поставила перед ним.

Вместо того чтобы оставить его наедине с кофе, она облокотилась на стойку и, подперев голову обеими ладонями, с улыбкой поинтересовалась:

– А вы далеко едете?

Леланд нахмурился:

– С чего вы взяли, что я куда-то еду?

– Видела, как вы подъезжали на фургоне. Вы развозите что-то здесь по округе?

– Нет, – сказал он, наливая сливки, – в Калифорнию.

– Ну да! – воскликнула она. – Класс! Пальмы солнце, серфинг.

– Да-а, – небрежно бросил он, желая как можно скорее отвязаться от нее.

– Как бы я хотела научиться плавать на серфе, – мечтательно произнесла она, – я очень люблю море. Летом я на две недели езжу в Атлантик-Сити, валяюсь на пляже и приезжаю совсем черная. Мне идет загар. У меня очень узкое бикини, так что на мне не бывает ни одного белого пятнышка. – Она засмеялась, с притворной скромностью опустив глаза. – Ну почти ни одного. В Атлантик-Сити не очень-то любят такое узкое бикини.

Отпивая кофе, Леланд взглянул на нее поверх чашки. Их глаза встретились, и они смотрели друг на друга, пока он не отвел взгляд.

– Чизбургер и картошка! – раздался голос из окошечка, соединяющего кухню с залом.

– Ваш заказ, – тихо сказала она и, нехотя поднявшись, принесла еду и поставила перед ним. – Что-нибудь еще?

– Не надо, – он отрицательно покачал головой.

Она опять устроилась напротив него и болтала, пока он ел. Совершенно бесхитростная, она болтала, смеялась, немножко заигрывала.

"Пожалуй, она лет на пять старше, чем я подумал сначала", – решил он.

– Можно еще чашечку кофе? – попросил он наконец, чтобы хоть на минуту отделаться от нее.

– Конечно. – Взяв его пустую чашку, она направилась к блестящей хромированной кофеварке.

Опять наблюдая за ней, Леланд ощутил, как все его тело пронзила легкая дрожь, и... он опять увидел ее без одежды. Нет, он даже не пытался представить ее себе обнаженной, он просто совершенно ясно видел ее, так же отчетливо, как и остальные предметы вокруг. Ее длинные ноги и тугие полушария были подтянуты, когда она, поднявшись на носочки, заглядывала в высокий котел, чтобы проверить, на месте ли фильтр. Когда она повернулась, грудь ее качнулась немного разбухшими сосками.

Леланд зажмурил глаза, пытаясь отогнать видение. Когда он вновь открыл их, оно не исчезло. С каждой секундой какое-то странное чувство все сильнее и сильнее овладевало им.

Он нащупал нож, который она принесла ему. Взяв его, он поднес его к лицу и взглянул на блестящее лезвие с зубчиками на конце. Потом оно расплылось, потеряло четкие очертания, он смотрел поверх него на обнаженную девушку. На то, как она медленно приближается к нему, как будто сквозь тягучий прозрачный сироп. С каждым шагом ее груди чувственно вздымаются и опускаются...

Он сильнее сжал нож и подумал: "А что, если вонзить его сейчас ей между ребер, потом вытащить, и еще, еще, пока она не затихнет..."

Когда она подходила к нему, осторожно, двумя руками неся наполненную до краев чашку кофе, он вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Повернувшись на стуле, он взглянул по направлению к двери. Там сидела пожилая парочка. У мужчины был полный рот еды, но он не жевал ее. С раздувшимися щеками он уставился на Леланда, наблюдая с каким выражением лица тот сжимал нож в своей большой руке. И из второй кабинки за ним наблюдали. Полицейский. Он тоже перестал есть и хмурился, – видимо, был растерян, не

зная, как Леланд собирается поступить с этим ножом.

Леланд положил нож на место, поднялся со стула как раз в тот момент, когда официантка ставила кофе на стол. Он достал бумажник и, вынув два доллара, бросил их на стойку.

– Вы уже уходите? – спросила она. Ее голос показался ему в эту минуту таким далеким и холодным, что он даже вздрогнул.

Он не ответил. Быстро пройдя мимо, он вышел на улицу. "Слишком яркий день", – подумал он, направляясь к фургону.

Сидя за рулем "Шевроле", он слышал, как в груди его бешено колотится сердце. Он снова зажмурил глаза и опять увидел эти длинные ноги, широко расставленные груди... Он видел и себя со стороны, видел, как бросается на нее, перескакивает через стойку, валит ее и там, прямо на полу... Никто не посмеет его остановить, ведь в руках у него по-прежнему нож. Они все испугаются. Даже этот жалкий полицейский. Он сможет прижать ее к грязному полу и делать с ней все что угодно и сколько угодно.

Он продолжал размышлять о ноже, о крови, которая покроет всю ее грудь, чувствовал движения ее тела; он видел, как откроются рты и расширятся глаза стоящих вокруг, если он решится на это. Но постепенно он приходил в себя. Дыхание выровнялось. Сердце перестало бешено стучать.

Подняв голову, он вдруг увидел свое отражение в зеркале заднего вида, прикрепленном к левой двери. Он взглянул в свои широко открытые глаза, вспомнил наконец, где он, кто он, что он собирался делать, как он намеревался поступить с теми двумя из черного "Тандерберда". И он понял, что все это неправильно. Леланд почувствовал себя совершенно больным, разбитым и сбитым с толку.

Оторвавшись от зеркала, он увидел, что полицейский вышел из ресторана и направляется к фургону. Леланд на мгновение представил, что этому патрульному все про него известно, известно про то, что он собирался сделать с этой девчонкой-официанткой, с той парочкой из "Тандерберда".

Патрульный знал, все знал...

Леланд завел двигатель.

Полицейский окликнул его.

Не в состоянии расслышать, что тот сказал, не желая этого слышать, Леланд включил скорость и вдавил педаль газа до самого пола.

Полицейский что-то крикнул.

Машина дернулась, из-под колес полетел гравий. Леланд чуть сбавил газ и понесся мимо рядов мотелей, заправок и кафе. Он снова тяжело дышал, почти задыхался.

Выезжая на шоссе, он не сбавил скорость, но, к счастью для него, на обеих полосах не было ни одной машины. И хотя Леланд знал, что это шоссе постоянно патрулируется полицейскими и контролируется радаром, он позволял стрелке спидометра забираться все выше и выше. Когда она приблизилась к сотне, фургон стал подрагивать, как чистокровный жеребец, идущий рысью.

В грузовом отсеке все ходило ходуном, мебель стучала о стены, настольная лампа соскочила на пол: послышался звон разбитого стекла.

Леланд посмотрел в зеркало. Хотя полицейский тогда сразу же побежал к своей машине, дорога была пуста.

Все же он не стал сбавлять скорость. Где-то под ним шуршала дорога, за окном свистел ветер. Вокруг все менялось, как декорации на сцене. И постепенно он стал успокаиваться. Исчезло ужасное чувство, что все глазают на тебя, что все тебя ненавидят и преследуют. Он несся на запад и опять стал частью машины. Он вел ее сильной и уверенной рукой. Проехав так семь или восемь миль, он постепенно сбавил скорость до разрешенного предела, и, хотя всего несколько минут прошло с тех пор, как он покинул ресторанчик, он уже не мог вспомнить, что же повергло его в такую панику.

Так или иначе он все же вспомнил про Дойла и Колина. Их "Тандерберд", должно быть,

еще остывает в тени, но даже если они уже на дороге, то еще долго не появятся в поле зрения. Такая перспектива была ему совсем не по душе.

Скорость фургона продолжала снижаться. И когда он стал сознавать, что сейчас они преследуют его, его страх принял знакомые размеры. Черный асфальт дороги уже представлялся ему бесконечным тоннелем с одним лишь входом.

Вскоре вдали, справа от дороги, показалась еще одна зона отдыха, отделенная от шоссе двумя рядами высоких сосен. Он притормозил и свернул на дорожку, ведущую к ней. Машину он припарковал на небольшой площадке так, чтобы хорошо все видеть. Теперь ему оставалось лишь наблюдать за дорогой и ждать. Когда проедет "Тандерберд", он выедет на автостраду и через минуту-другую опять будет у них на хвосте. Он ощущал какой-то небывалый приток сил и энергии.

Патрульный вышел из машины еще до того, как Леланд осознал, что он уже тут не один. Леланд наблюдал за дорогой минут пять, и, должно быть, яркое солнце и снующие туда-сюда машины немного одурманили его. Еще минуту назад никого поблизости не было, а сейчас немного наискосок от фургона стоит патрульная машина полиции штата Огайо. Наполовину в тени высоких деревьев, наполовину заливаемая яркими солнечными лучами, она казалась какой-то ненастоящей. Вышедший из нее офицер был лет тридцати, собранный, с волевым подбородком. Это был тот самый полицейский, который обедал с ним у "Бринза", тот, который окликнул его у ресторана.

Тут Леланд стал припоминать некоторые подробности своей паники. Мир опять собирался захлопнуться перед ним. В глазах у него на мгновение потемнело. Он чувствовал себя пойманным на месте преступления, уязвимым, легкой мишенью для любого, кто желает ему зла. Все эти дни он ощущал, что кто-то гоняется за ним. А он постоянно убегает.

Когда полицейский подошел к машине, он опустил боковое стекло.

— Вы один? — спросил лейтенант, остановившись на достаточном расстоянии от двери, чтобы, если Леланд вздумает резко открыть ее, быть вне досягаемости. Его правая рука лежала на кобуре.

— Один? — переспросил Леланд. — Конечно, сэр.

— Почему вы не остановились, когда я позвал вас?

— Вы позвали меня?

— Возле ресторана. — Голос полицейского казался жестче и старше, чем следовало ожидать, судя по его лицу.

Леланд изобразил искреннее удивление:

— Я не видел вас. А вы звали меня?

— Дважды.

— Извините. Я не слышал. — Он наморщил лоб. — Я сделал что-то не так? Вообще-то я аккуратный водитель.

Патрульный несколько секунд внимательно изучал его, заглянул в его голубые глаза и затем, казалось, расслабился. Он убрал руку с кобуры и совсем вплотную подошел к машине:

— Я бы хотел взглянуть на ваше водительское удостоверение и документ об аренде машины.

— Да-да, конечно. — Повернувшись будто за документом, он вытащил из коробки на соседнем сиденье пистолет 32-го калибра. За какое-то мгновение он развернулся, прицелился в голову полицейского и нажал на курок. Единственный выстрел эхом отозвался где-то в деревьях позади фургона.

В течение нескольких минут Леланд наблюдал за движением на дороге, пока не осознал, что надо что-то делать с полицейским. В любую минуту в зону отдыха может кто-нибудь приехать и увидеть труп, лежащий между патрульной машиной и фургоном. Тогда ему придет конец. Сейчас все будто сговорились и преследуют его. Он жив только потому, что на один шаг опережает их. Времени на размышления не было.

Открыв дверь, он выскочил из машины.

Патрульный лежал лицом вниз, на гравии темнела кровь. Сейчас он казался гораздо

меньше ростом, почти ребенок.

Весь этот год Леланд терзал себя вопросом: сможет ли он убить человека, чтобы защитить себя? Он знал, что рано или поздно ему придется выбирать: убить или быть убитым. До этого момента он не был уверен, какой исход наиболее вероятен. И сейчас он совершенно не понимал, как можно было сомневаться. Когда вопрос стоит так: убить или быть убитым, то даже человек, не склонный к насилию, ответит на него однозначно.

Совершенно спокойно Леланд наклонился, взял полицейского за ноги, поволок к патрульной машине. Рация невозможно шумела. Леланд усадил его на переднее сиденье и наклонил к рулю. Но что-то все же было не в порядке. Даже с большого расстояния было видно, что это мертвец. Уверенный в том, что надо что-то сделать, он пододвинул труп и сам уселся рядом. Он прикоснулся к рулю, даже не думая, что оставляет отпечатки пальцев.

Прикоснулся к спинке винилового сиденья.

Пачкаясь кровью, Леланд пригнул обезображенное лицо полицейского к коленям, а затем столкнул его на пол.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, Леланд дотронулся до стекла всеми пятью пальцами. Когда он выходил из машины, он опять прикоснулся к сиденью.

Еще раз дотронулся до руля.

Закрывая дверь, он оставил отпечатки на хромированной ручке.

Ему даже не пришла в голову мысль взять тряпку и стереть отпечатки своих пальцев. Он даже почти забыл о трупе, лежащем в патрульной машине.

Он вернулся к фургону, сел на сиденье, захлопнул дверь. На шоссе, отражая стеклами солнечный свет, проносились машины. Минут десять Леланд наблюдал за дорогой в ожидании "Тандерберда".

В то время как его глаза сосредоточились на небольшом участке дороги, мысли были разрозненны и витали где-то далеко, пока наконец не сконцентрировались на официантке из рестораника.

Он вспомнил этих зайчиков и бурундучков на ее униформе и только сейчас понял, почему она произвела на него такое впечатление, почему он так расстроился. Ее платиново-белые волосы делали ее немного похожей на Куртни. Не совсем, но все-таки... Теперь он знал, что на самом деле он не хотел вонзать нож в ее грудь. Равно как и заниматься с ней любовью.

Он был однолюб. И любил только одну-единственную Куртни. И тут же, как только его мысли перешли от официантки к Куртни, он немедленно стал думать о Дойле и мальчишке. Леланд пришел в ужас от того, что вдруг понял: "Тандерберд" мог проехать мимо него, когда он перетаскивал труп полицейского в машину. Возможно, они уже в течение двадцати минут удаляются от него по шоссе. И между ними теперь мили и мили... А что, если Дойл изменил намеченный маршрут? Что, если он поехал по другой дороге, а не по той, что обозначена на карте?

Леланд даже почувствовал тошноту от страха, что упустил их. Ведь в этом случае он потерял и Куртни. А если он потерял Куртни, а точнее, путь к ней, то потерял все...

Несмотря на кондиционированный свежий, прохладный воздух в салоне автомобиля, на широком лбу Леланда выступили капли пота. Он быстро выжал сцепление, завел двигатель и дал задний ход. Колеса прочертили дугу на залитом кровью гравии. Леланд быстро вывел фургон из зоны отдыха. На полицейской машине все еще работал световой маяк, но Леланд не обратил на него внимания. В тот момент из всех реалий на свете для него существовали лишь полотно шоссе впереди и "Тандерберд", который, возможно, уже удрал от него.

3

После ленча они вновь направились по шоссе на запад. Прошло пятнадцать минут, а "Шевроле" так и не появился в поле зрения, и Дойл перестал беспрерывно поглядывать в зеркало заднего вида. Тогда, после завтрака в Харрисбурге, Алекс был испуган и поражен, когда фургон снова появился сзади них, хотя это и было чистой воды совпадением.

"Шевроле" ехал за ним след в след через всю Пенсильванию, Западную Вирджинию, теперь по Огайо – но лишь потому, что так случилось, что фургон тоже направляется на запад по тому же шоссе, что и они. И водитель фургона, кем бы он ни был, наверняка точно так же, как и Дойл, выбрал этот маршрут следования по карте. И в этом не было ничего дурного или угрожающего, водитель фургона, конечно же, ничего не замыслил. Алекс с большим опозданием подумал о том, что вполне мог бы "облегчить себе душу", в любой момент свернуть на обочину дороги и пропустить фургон вперед. Дождаться его, постоять еще минут пятнадцать, и тогда все его сумасшедшие идеи о том, что их кто-то преследует, немедленно рассеялись бы. Однако теперь это было уже не важно. Фургон уехал и сейчас находился где-то далеко впереди.

– Он сзади? – спросил Колин.

– Нет.

– Ах, черт возьми!

– В смысле?

– Мне очень хотелось бы разузнать, кто он такой и чего хочет, – объяснил Колин, – но теперь, похоже, мы никогда не узнаем этого.

– Хорошо бы, – улыбнулся Алекс.

По сравнению с Пенсильванией Огайо был прямо-таки равнинным штатом. Пейзаж складывался из огромных ровных зеленых ландшафтов, простирающихся по обе стороны от дороги, иногда попадающих маленьких обшарпанных городков, чистеньких, опрятных ферм да одиноких и, как водится, грязных фабричных построек. Неизменность пейзажа, тянувшегося далеко вперед и под таким же одинаковым светло-голубым небом, повергла Алекса и Колина в уныние. Им казалось, что машина медленно тащится, еле-еле ползет, выжимая лишь четверть своей реальной скорости.

Прошло двадцать минут, и Колин вдруг начал вертеться и ерзать на сиденье.

– Здесь неправильный ремень, – заявил он Дойлу.

– Неужели?

– Сдается мне, они сделали его слишком тугим.

– Не может быть. Он ведь отрегулирован.

– Не знаю, не знаю...

И Колин опять начал поправлять его обеими руками.

– Тебе не удастся отделаться от ремня даже таким хитроумным способом.

Колин посмотрел в окно. Они проезжали мимо небольшого холма, у подножия которого стоял красно-белый амбар, а ближе к вершине паслось стадо коров.

– Я и не знал, что на свете такое огромное количество коров. С тех пор как мы уехали из Филадельфии, везде и всюду коровы, куда ни глянь. Еще одна корова – и меня стошнит.

– Не стошнит, – ответил Алекс, – иначе я заставлю тебя все здесь вычистить.

– И что же, мы так и будем любоваться на одну и ту же картину всю дорогу? – спросил Колин, указывая своей худенькой рукой на пейзаж за окном.

– Ты прекрасно знаешь, что нет, – терпеливо начал Дойл, – ты увидишь Миссисипи, пустыни. Скалистые горы... Ты все это знаешь лучше меня, ведь наверняка уже совершил немало воображаемых путешествий вокруг света.

Колин перестал дергать ремень, когда понял, что с Дойлом этот номер не пройдет.

– К тому времени, когда мы наконец обнаружим эти интересные места, у меня мозги стухнут. И если я слишком долго буду наблюдать за этим "пустым" местом, то превращусь в зомби. Знаешь, как выглядят зомби?

И Колин изобразил Дойлу физиономию зомби: с раскрытым ртом, отвислыми щеками, огромными пустыми глазами.

Алексу маска понравилась, и он от души развлекался, глядя на Колина, но в то же время его что-то беспокоило. Он понимал, что постоянная борьба мальчика за освобождение от ремня не только говорила о стремлении избавиться от дискомфорта, но и была проверкой Дойла на дисциплинированность. До женитьбы Алекса Колин слушался жениха своей

сестры, словно отца родного. Он прекрасно себя вел даже тогда, когда молодожены вернулись в Филадельфию. Но теперь, наедине с Дойлом, в отсутствие "бдительного ока" сестры, Колин проверял, подвергал испытанию их новые взаимоотношения. И если где-то он мог одержать победу, он это делал. В конечном счете он был таким же, как и все мальчишки его возраста.

– Слушай, – обратился Алекс к мальчику, – когда сегодня вечером ты будешь говорить с сестрой по телефону, мне бы не хотелось, чтобы ты жаловался на ремень и все такое. Я и она – мы оба решили, что эта поездка пойдет тебе на пользу. Могу еще сказать тебе: мы думали, что она поможет тебе и мне привыкнуть друг к другу, сблизиться и сгладить все неровности. Поэтому, когда мы будем звонить ей из Индианаполиса, я не хочу, чтобы ты жаловался или ныл. Куртни сейчас в Сан-Франциско, и у нее вполне хватает дел: расстелить ковры, смотреть за тем, как привозят мебель, как драпируют стены и окна... В общем, забот полон рот, не хватало только еще о тебе беспокоиться...

Колин немного подумал.

– Хорошо, – наконец объявил он, – сдается Ты все-таки старше меня на девятнадцать лет.

Алекс взглянул на мальчика, который смущенно опустил голову и поглядывал на него искоса из-под бровей, и мягко улыбнулся:

– Мы подружимся. Я всегда знал, что мы найдем общий язык.

– Скажи мне вот что... – начал Колин.

– Что именно?

– Ты старше меня на девятнадцать лет и Куртни на шесть лет?

– Верно.

– Значит, ты и для нее устанавливаешь правила поведения и обязанности?

– Для Куртни никто не устанавливает правил, – ответил Дойл.

Колин сложил свои худенькие руки на груди и довольно улыбнулся:

– Да, это так. Я рад, что ты понимаешь ее. Если бы я знал, что ты можешь приказывать Куртни пристегнуть ремень, то голову бы дал на отсечение, что ваш брак не продержится и полгода.

По обеим сторонам дороги на ровных, плоских полях паслись коровы. По небу медленно и лениво ползли клочки пушистых облаков.

Немного погодя Колин сказал:

– Держу пари на полдоллара, что я смогу точно сказать, сколько машин проедут мимо нас на восток за следующие пять минут – ну, плюс-минус десять машин.

– Полдоллара? – сказал Алекс. – Принимаю.

Они громко, чуть не крича, считали машины, идущие на восток, в течение пяти минут, которые звонко отмеряли часы, встроенные в приборную доску "Тандерберда". Колин ошибся всего на три машины.

– Ну что, еще раз? – спросил он.

– Что мне терять? – усмехнулся Алекс, чувствуя, как между ним и мальчиком восстанавливается доверие, а также его собственная уверенность в себе и в поездке.

Они вновь сыграли в эту игру. Теперь Колин ошибся на четыре машины и выиграл еще пятьдесят центов.

– Ну как? Еще раз? – снова спросил он, потирая свои руки с длинными пальцами.

– Нет уж, – подозрительно сказал Алекс. – Как это у тебя так получается?

– Просто. Я сначала полчаса считал их про себя, а потом вывел среднее число за пять минут. И уж тогда предложил тебе пари.

– Может, нам стоит немного отклониться от намеченного маршрута и спуститься вниз до Лас-Вегаса? – ответил Алекс. – Я буду там ходить по казино и игорным домам, таскать тебя с собой, а ты будешь делать для меня подсчеты.

Колин остался настолько доволен комплиментом, что даже не мог придумать, что на него ответить. Он обхватил себя руками, сначала опустил голову вниз, потом посмотрел в

боковое стекло и широко улыбнулся своему собственному смутному отражению.

Алекс бросил на него быстрый взгляд, чтобы выяснить, почему это он вдруг так неожиданно замолчал, и заметил эту радостную улыбку. Дойл еле заметно, про себя, усмехнулся и откинулся на спинку сиденья, чувствуя, как напряжение постепенно уходит, покидает его. Алекс понял, что влюбился не в одного человека, а в двух. Он любил этого худенького, костлявого, не по годам умного мальчишку почти так же сильно, как любил Куртни. И эта мысль смогла заставить его забыть беспокойство, неуверенность и страх того утра.

* * *

Когда в самом начале Алекс Дойл намечал маршрут и звонил из Филадельфии, чтобы заказать номер в мотеле, и потом, когда четыре дня назад посылал чек к оплате за него, он еще раз подтвердил, что прибудет с Колином в "Лейзи Тайм мотель" в понедельник вечером, между семью и восемью часами.

Мотель был расположен прямо к востоку от Индианаполиса. Точно в семь тридцать Алекс въехал на автостоянку мотеля и припарковался возле офиса.

Дойл заказал комнаты в мотелях заранее по всему маршруту поездки, потому что ему совсем не хотелось блуждать в поисках свободных мест, тратя на это по полночи, и таким образом лишних миль шестьдесят просидеть за рулем.

Дойл погасил фары и выключил двигатель. Тишина вокруг была мрачной и жутковатой. Потом постепенно до его слуха дошли звуки со стороны скоростного шоссе: словно кто-то далеко плакал или стонал горестно и тихо, нарушая тишину наступающего вечера.

– Ну, как насчет следующего плана: горячий душ, плотный ужин, потом мы звоним Куртни и выключаемся часиков на восемь.

– Прекрасно, – ответил Колин, – но, может, сначала поедим?

Такая просьба была весьма необычной для Колина. Он, как и Дойл в его возрасте, не был большим любителем поесть. Сегодня во время ленча он лишь поковырялся в кусочке цыпленка, поклевал салат, съел немного шербета и выпил чуть-чуть колы, а после этого объявил, что объелся.

– Ладно, – сказал Алекс, – мы не настолько грязные, чтобы нас не пустили в ресторан. Но сначала я хочу взять ключи от наших комнат.

Алекс открыл дверь кабины, и тут же ее наполнил холодный и сырой вечерний воздух.

– Сиди здесь и жди меня.

– Так и сделаю, – ответил Колин, – если, конечно, не смогу избавиться от этого ремня.

– Сильно я тебя напугал? – улыбнулся Алекс, откидывая свой собственный ремень.

– Ну, можешь так думать, если тебе очень хочется, – в свою очередь улыбнулся Колин.

– Ладно, ладно, расстегивай ремень, мальчик мой Колин.

Дойл вышел из машины и слегка размял затекшие ноги. "Лейзи Тайм мотель" оказался в точности таким, как его описывали в туристическом проспекте: чистый, приятный и недорогой. Он был выстроен в форме буквы Г, на соединении двух крыльев здания находился офис, о чем и извещала неоновая вывеска. Вдоль ничем не примечательных стен красного кирпича равномерно, как доски в заборе, располагались сорок или пятьдесят одинаковых дверей. К зданию примыкала бетонная прогулочная дорожка, над которой простирался гофрированный алюминиевый навес, а через каждые десять футов его подпирали черные стальные столбики. Прямо перед входом в кабинет администратора стоял автомат с прохладительными напитками, тихонько жужжавший и щелкавший.

Офис был небольшой. Стены его были покрашены в ярко-желтый цвет, а пол, покрытый керамической плиткой, вымыт и натерт до блеска. Дойл подошел к столу регистрации и нажал кнопку звонка, вызывая портье.

– Минуту! – крикнул женский голос откуда-то из недр рабочего помещения, отделенного от приемной дверным проемом с занавеской из стучащих бамбуковых тросточек.

Сбоку Алекс увидел стеллаж с журналами и книгами в мягкой обложке. Над ним висел лозунг:

ПОЧЕМУ БЫ ВАМ НЕ ПОЧИТАТЬ СЕГОДНЯ НА НОЧЬ?

И пока Дойл ждал портье, он разглядывал стопки книг и журналов, хотя ему после целого дня за рулем не требовалось никакого чтения, чтобы заснуть.

– Простите, что заставила вас ждать, – сказала женщина, раздвигая плечом бамбуковую занавеску, – я была...

И тут она взглянула на Дойла и сразу же осеклась, уставившись на него точно таким же взглядом, каким смотрел Чет тогда, на заправке.

– Да? – Теперь ее голос звучал намеренно холодно.

– У вас есть заказ на фамилию Дойл, – объяснил Алекс, обрадованный тем, что все же сделал этот заказ. Теперь он не сомневался: несмотря на то, что неоновая надпись извещала о наличии свободных мест, несмотря на то, что он видел: машины стояли далеко не возле каждого входа в комнаты, – несмотря на все это, женщина выпроводила бы их из мотеля, если бы не заказ.

– Дойл? – переспросила она.

– Дойл.

Она подошла поближе к барьеру, взяла стопку карточек регистрации и стала перебирать их.

– О, отец и сын Дойл из Филадельфии?

При этом лицо ее слегка просветлело.

– Верно, – ответил Алекс, пытаясь улыбнуться.

Женщине было под пятьдесят, и она все еще неплохо выглядела и была довольно привлекательной, хотя и весила фунтов на двадцать больше, чем следовало. У нее была прическа в стиле пятидесятых годов, "пчелиный улей", открывавшая высокий лоб. За ушами волосы закручивались в завитки. Трикотажное платье облегло большую, полную грудь, а пояс подчеркивал талию и линию бедер.

– Одна из наших семнадцатидолларовых комнат? – уточнила она.

– Да.

Женщина достала карточку из зеленой металлической коробочки, поднесла ее близко к глазам и затем открыла журнал регистрации посетителей. Она тщательно заполнила форму, затем развернула журнал и протянула его Дойлу вместе с ручкой:

– Распишитесь здесь, пожалуйста.

Но как только Алекс взялся за ручку, она воскликнула:

– Ой, лучше все-таки будет, если ваш отец поставит свою подпись, – ведь заказ на его имя.

Тот недоуменно взглянул на нее, но потом понял, что у этой женщины, пожалуй, гораздо больше общего с Четом, чем он сначала думал.

– Я отец. Я и есть Алекс Дойл.

Женщина нахмурилась и нагнула голову еще ниже. Копна ее волос, казалось, вот-вот рассыплется и упадет вниз, на лицо.

– Но здесь говорится...

– Мальчику одиннадцать лет, – объяснил Алекс, взял ручку и нацарапал свою подпись.

Женщина посмотрела на нее так, словно еще не успевшая высохнуть фамилия Алекса была грязным пятном на чистой странице. У нее был такой вид будто еще секунда – и она побежит за растворителем и попытается удалить "эту гадость".

– Какая у нас комната? – спросил Алекс, которому все это уже начинало надоедать.

Женщина опять уставилась на его длинные волосы и одежду. Алекса, который в Филадельфии или Сан-Франциско не привык к такому явно демонстративному неодобрению, обидела и задела ее манера поведения.

– Ну хорошо, – сказала она, – но вы не должны забывать о том, что нужно уплатить....

– Вперед, – закончил вместо нее Алекс. – Да, глупо было бы с моей стороны не

подумать об этом.

Он отсчитал двадцать долларов и положил их на регистрационный журнал.

– Я прислал вам пять долларов предоплаты за заказ, если припоминаете.

– Да, но еще налог...

– Сколько?

И Алекс уплатил названную сумму, достав из кармана своих мятых серых джинсов болтающуюся там мелочь.

Женщина тщательно пересчитала деньги, хотя прекрасно видела, как Алекс сам пересчитывал их несколько секунд назад. Она положила деньги в ящичек с наличностью, неохотно сняла ключ с деревянной панели и дала его Алексу.

– Комната тридцать семь, – сказала она, глядя на ключ так, словно он был бесценным бриллиантом, который приходилось доверять проходимцу. – Это вниз по тому крылу.

– Спасибо, – ответил Дойл, надеясь избежать дальнейших сцен. И направился к двери через чистенькую, хорошо освещенную комнату.

– Здесь, в "Лейзи Тайм", очень хорошие комнаты, – почему-то с упреком сказала ему вслед женщина.

Алекс оглянулся:

– Нисколько не сомневаюсь.

– Мы всегда стараемся поддерживать их в таком состоянии, – окончательно обиделась она.

Алекс мрачно кивнул и поскорее убрался из офиса.

* * *

Несмотря на то что он потерял "Тандерберд" из виду, Джордж Леланд начал потихоньку успокаиваться. В течение пятнадцати минут он гнал фургон на полной скорости, отчаянно вглядываясь в идущие впереди машины в надежде увидеть большой "Тандерберд". Его обычное "чувство автомобиля" выступило в качестве транквилизатора. Страх покинул Леланда. Он замедлил ход фургона и стал держать скорость, превышающую ограничение всего на несколько миль в час. В душе его росла и крепла уверенность в том, что он сможет нагнать "Тандерберд". Находясь в состоянии легкого транса, Леланд был сконцентрирован только на дороге да на звуке двигателя "Шевроле", и его это явно успокаивало.

Леланд впервые улыбнулся за весь день. И первый раз пожалел о том, что ему не с кем поговорить...

– Ты выглядишь таким счастливым, Джордж, – произнесла она.

Леланд вздрогнул от неожиданности и посмотрел на сиденье рядом. Там, буквально в нескольких футах от него, сидела Куртни. Но как же это возможно?

– Куртни... – произнес он еле слышным сухим шепотом, – Куртни, я...

– Так приятно видеть тебя счастливым и довольным, – вновь заговорила она, – ты, как обычно, такой разумный, рассудительный.

Леланд, сбитый с толку, стал смотреть на шоссе. Но немного спустя его взгляд, словно магнитом опять притянуло к ней. Солнечный свет бил в стекло и проходил через Куртни насквозь, как через призрак, освещая ее золотистые волосы и кожу. Леланд мог видеть дверную панель, находящуюся за ней. Он мог смотреть сквозь нее, смотреть сквозь ее прекрасное лицо и видеть пейзаж за окном. Он никак не мог понять этого. Каким образом Куртни могла оказаться здесь? Как она узнала, что он преследует Дойла и мальчишку?

Рядом резко засигналила машина.

Леланд, на мгновение очнувшись, с удивлением обнаружил, что съехал со своей полосы и чуть не столкнулся с "Понтиаком", совершавшим обгон. Он резко вильнул вправо и вновь перестроился в нужную полосу движения.

– Как ты поживаешь, Джордж? – спросила она.

Он быстро взглянул на Куртни, потом снова стал смотреть вперед. На Куртни была та же самая одежда, как в тот день, когда он видел ее в последний раз: короткая белая юбка,

красная блузка с замысловатым длинным воротником, сбегающим вниз острым конусом, изящные туфли. Когда неделю назад Леланд тайком провожал ее в аэропорт и наблюдал, как она поднимается в "Боинг-707", он пришел в необычайное возбуждение от внешности Куртни, от ее элегантного дорожного костюма. Никогда раньше он не возделел к женщине с такой страстью. Леланд был готов броситься к ней, но вовремя осознал, что Куртни его поступок покажется более чем странным.

– Как ты поживаешь, Джордж? – снова спросила она.

Леланд еще и не подозревал о том, что у него проблемы, что все получается не так, как надо, – а она, Куртни, уже переживала за него. Когда она решила покончить с их двухлетним романом и стала общаться с Леландом лишь по телефону, она все же звонила ему не менее двух раз в месяц, чтобы узнать, как он. Хотя в последнее время, конечно, она перестала даже звонить. Куртни совсем забыла о нем.

– А, – сказал он, не отводя взгляда от дороги, – у меня все хорошо.

– Но ты неважно выглядишь.

Голос ее звучал приглушенно, как бы издалека, и был едва похож на реальный голос Куртни. Но все же она была с ним, сидела рядом, ярко освещенная солнцем.

– У меня все очень хорошо, – заверил ее Джордж.

– Ты похудел.

– Мне нужно было потерять несколько фунтов.

– Но не столько же, Джордж.

– Это мне не повредило.

– И у тебя мешки под глазами.

Леланд одной рукой потрогал бледную, вялую кожу у себя на лице.

– Ты высыпaeшьс? – спросила она.

Он не ответил. Ему все меньше и меньше нравился их разговор. Леланд начинал ненавидеть ее, когда она принималась говорить о его здоровье. Как-то раз она заявила, что его проблемы с окружающими, должно быть, идут от какого-то психического заболевания. Однако ни о какой болезни не может быть и речи. Без сомнения, все его эмоциональные трудности возникли неожиданно. Но это вина не его, а других людей. В последнее время все вокруг так или иначе провинились перед ним.

– Джордж, со времени нашего последнего разговора окружающие стали относиться к тебе лучше?

Леланд восхищался ее длинными стройными ногами, которые теперь уже не были прозрачными а приобрели тугую, чудесную плоть и стали золотистого цвета.

– Нет, Куртни. Я опять потерял работу.

Теперь, когда она перестала изводить его вопросами о здоровье, Леланд почувствовал себя гораздо лучше. Ему захотелось рассказать ей все, даже самое сокровенное. Она поймет. Он положит ей голову на колени и будет плакать до тех пор, пока у него не останется ни одной слезинки. И ему станет лучше, гораздо лучше... Он будет плакать, а она – гладить его волосы. И после этого у него останется так мало проблем, как два года назад, еще до того, как начались его беды и все вокруг стали врагами.

– Опять? – спросила она. – Сколько раз ты менял работу за эти два года?

– Шесть.

– За что тебя уволили на этот раз?

– Не знаю, – ответил Леланд наивным и жалким голосом. – Мы строили здание под офисы. И все было хорошо, я со всеми ладил. А потом мой начальник, главный инженер, начал придирается ко мне.

– Придираться? – спросила она.

Теперь ее вообще было едва слышно за шуршанием колес по асфальту. Словно она говорила издалека, и очень тихо, и как-то равнодушно.

– Как это?

Леланд немного напрягся.

– Видишь ли, Куртни, как всегда. Говорил обо мне за моей спиной, настраивал других против меня. Он изменял свои указания относительно моей работы или вообще не давал заданий и постоянно поощрял Престона, инженера по стальным конструкциям, но...

– И он все это делал за твоей спиной? – спросила Куртни.

– Да, он...

– Но если так, то как же ты можешь знать, что он говорил и делал на самом деле и говорил ли вообще?

Леланд уже не мог выносить сочувствия, звучавшего в ее голосе, оно все больше и больше походило на жалость.

– Ты слышал его слова? Ты сам, своими ушами, слышал его, Джордж?

– Не говори так со мной. И не пытайся убедить меня, что это все было игрой моего воображения.

Куртни замолчала, как бы повинувшись его приказу.

Леланд посмотрел на сиденье, чтобы узнать, не исчезла ли она. Куртни улыбнулась ему, теперь уже увереннее, чем несколько минут назад. Леланд взглянул на заходящее солнце, но не увидел его. Теперь он почти не обращал внимания на шоссе впереди. Присутствие Куртни взволновало его, и он уже не мог вести "Шевроле" так безупречно, как умел. Машина виляла туда-сюда, то и дело выскакивая на посыпанную гравием обочину.

Немного погодя Леланд сказал:

– Ты знаешь, в тот день, когда я позвонил тебе договориться о свидании и узнал, что ты уже три недели как вышла замуж, я чуть не сошел с ума. Целую неделю я следил за тобой день за днем, чтобы просто смотреть на тебя. Ты знала об этом? Ты сказала, что улетаешь в Сан-Франциско, а этот Дойл и твой брат через неделю поедут туда же, и еще ты сказала, что вряд ли вообще вернешься в Филадельфию. Я чуть не умер, Куртни. Все это было просто ужасно для меня. Я вспомнил, как нам было хорошо вдвоем когда-то... Поэтому я позвонил спросить, может быть, мы сможем снова быть вместе. Я хотел встретиться. – Голос Леланда вдруг стал тверже, в нем появились холодные нотки отчуждения. Он помолчал, собираясь с мыслями. – Два три, четыре года назад ты была моей удачей, моим счастьем. И все было замечательно, когда мы были вместе. А теперь я не буду тебя видеть, не смогу прикоснуться к тебе... Я знаю, что должен быть возле тебя, Куртни. И когда в аэропорту я смотрел, как ты садишься в самолет, то понял, что должен выследить Дойла и Колина и выяснить, где ты живешь.

Куртни молчала.

Леланд вел фургон и говорил, пытаясь добиться от нее одобрения своих действий. Он уже не удивлялся ее внезапному появлению.

– Я опять потерял работу. И в Филадельфии меня ничто не удерживало. Разумеется, у меня не было денег, чтобы оплатить машину, как у этого Дойла. Мне пришлось упаковать и взять с собой все мои вещи. Поэтому я и еду сейчас в этом нелепом фургоне с ужасной вентиляцией, а не в роскошном "Тандерберде". Мне не так везет, как твоему Дойлу. И люди со мной обращаются гораздо хуже, чем с ним. Но я знал, что в любом случае должен ехать в Калифорнию, чтобы быть рядом с тобой. Рядом с тобой, Куртни...

Она тихо сидела рядом, изумительно красивая, спокойная. Узкие ладони она положила на колени, а ее голову окружал сияющий ореол из последних вечерних лучей солнца.

– Было очень нелегко следить за ними, – рассказывал Леланд, – приходилось хитрить, изворачиваться. Когда они завтракали, я понял, что у них в машине, должно быть, лежит карта с намеченным маршрутом или что-то, что должно подсказать мне его. И я проверил это.

И Леланд, усмехнувшись, взглянул на нее, а потом вновь стал смотреть на дорогу.

– Я просунул тонкую проволочную вешалку через резиновую прокладку между стеклами и смог отжать кнопку замка. Карты лежали на сиденье. И адресная книжка тоже. Твой Дойл очень предусмотрителен. Он записал названия и адреса всех мотелей, где забронировал комнаты. А я переписал их. И просмотрел карты. Я знаю все дороги, по которым они проедут, и все места, где они собираются останавливаться на ночь: отсюда и до

Сан-Франциско. И теперь я уж никак не пропущу их. Я буду просто следовать за ними. Сейчас я их не вижу, но ночью все равно снова найду их.

Леланд говорил очень быстро, проглатывая окончания слов. Ему очень хотелось, чтобы Куртни поняла и осознала, какой опасности он подвергается и что ему приходится испытывать, чтобы быть рядом с ней.

Но она, к его большому удивлению, вдруг спросила:

– Джордж, ты когда-нибудь обращался к врачу по поводу своих мигреней и других проблем?

– Я не болен, черт возьми! – заорал он. – У меня ясная голова, здоровое тело, трезвый рассудок. И я в хорошей форме. И я не желаю ничего больше слушать об этом. Забудь о моем здоровье.

– Зачем ты их преследуешь? – спросила Куртни, меняя тему.

У Леланда возле бровей и под ними выступил пот, сконцентрировался в нескольких складках и тяжелыми каплями упал на щеки и дальше на шею.

– Я же только что сказал! Я хочу выяснить, где ты теперь будешь жить. Я хочу быть с тобой.

– Но, если ты видел книжку Алекса, у тебя уже есть мой новый домашний адрес в Сан-Франциско. И тебе не нужно следить за ними, чтобы разыскать меня. Ты уже знаешь, где я живу, Джордж.

– Ну...

– Джордж, зачем ты преследуешь Колина и Алекса?

– Я говорил тебе.

– Нет, не говорил.

– Замолчи! – ответил он. – Мне не нравятся твои намеки. Я не желаю больше об этом слышать. Я здоров. Я не болен. Со мной все в порядке. Поэтому уходи. Оставь меня в покое. Я не хочу тебя видеть.

И Куртни исчезла. Пропала. Хотя Леланд был изумлен ее неожиданным и необъяснимым появлением, ее исчезновение абсолютно не удивило его. Он приказал ей уйти. Когда их роман подходил к концу, как раз перед тем, как Куртни два года назад объявила о разрыве, она говорила Леланду, что он пугает ее, что ей совсем не нравятся его недавно появившиеся приступы дурного настроения. И теперь она все еще боялась его. Когда он сказал ей: "Уходи!" – она ушла. Куртни понимала, что это лучше, чем спорить с ним. Эта безмозглая сучка предала его, выйдя замуж за Дойла, и теперь будет делать все, чтобы вновь завоевать его расположение.

И Леланд улыбнулся, глядя на шоссе в спускающихся сумерках.

* * *

День подходил к концу. Землю насквозь пронзали оранжевые зловещие лучи заходящего солнца. Офицер государственной полиции штата Огайо Эрик Джеймс Коффи свернул с семидесятого шоссе в зону отдыха по правой стороне дороги. Он преодолел небольшой подъем через участок леса, поросший соснами, и сразу же увидел пустую полицейскую машину, на которой все еще работал сигнальный маяк, бросая пульсирующие блики вокруг себя.

Лейтенант Ричард Пулхэм должен был привезти машину в гараж в конце своей смены, в три часа дня, но не приехал, и с четырех часов более двадцати его товарищей прочесывали шоссе и все прилегающие к нему дороги. И вот теперь Коффи нашел его машину в самом западном уголке участка, патрулируемого Пулхэмом. Он опознал автомобиль по номерам на передней дверце.

Коффи сразу же пожалел о том, что был один, так как подозревал, какой будет его следующая находка. Это был труп полицейского. Другого исхода дела Коффи не видел.

Он взял рацию и включил микрофон:

– Говорит сто шестьдесят шестой, Коффи. Я нашел машину.

Он еще раз повторил это и передал координаты диспетчеру. Голос Коффи звучал низко и слегка дрожал.

С большой неохотой он выключил двигатель и вылез из машины.

Вечерний воздух был холодным. Дул резкий северо-восточный ветер.

– Лейтенант Пулхэм! Рич! – позвал Коффи, но ему ответило лишь шелестящее эхо.

Смирившись со своей участью, он подошел к машине Пулхэма, нагнулся и заглянул в салон через боковое стекло. Но заходящее солнце наполнило его множеством теней, и Коффи пришлось открыть дверь.

Зажглась слабая внутренняя лампочка, которая едва могла светить, так как маяк съел почти всю энергию, и аккумулятор сел. Мутный, неяркий свет озарил чернеющую кровь и мертвое тело, наспех и грубо втиснутое между передним сиденьем и панелью.

– Ублюдки, – прошипел Коффи, – ублюдки мерзавцы! Убийцы! – Голос его звучал все громче и громче в наползающей темноте ночи. – Мы схватим этих подонков.

* * *

Комната Алекса и Колина в "Лейзи Тайм мотеле" была большая и удобная. Стены были покрашены в ослепительно белый, даже неестественно белый цвет, а потолки были на пару футов выше, чем в других мотелях, построенных на заре шестидесятых. Мебель была тяжелая, но практичная и уж никак не спартанская. Два мягких кресла были прекрасно набиты и задрапированы, письменный стол с пластиковым покрытием был удобным, просторным, с большой столешницей. На двух кроватях лежали упругие матрасы, крахмальные и ароматизированные простыни приятно хрустели. На туалетном столике красного дерева лежала Библия и стоял телефонный аппарат.

Дойл и Колин сидели на кроватях друг против друга. По взаимной договоренности первым с Куртни разговаривал Колин. Он крепко сжимал телефонную трубку обеими руками, а его очки с толстыми стеклами сползли на самый кончик носа, но мальчик, казалось, не замечал этого.

– За нами следили всю дорогу от Филадельфии! – объявил он Куртни, как только линия связи заработала.

Алекс поморщился.

– Человек в фургоне "Шевроле", – продолжал Колин. – Нет, мы не смогли разглядеть его. Он был слишком умен, чтобы дать себя увидеть.

И он выложил сестре все об их воображаемом фэбээровце. Потом, когда ему это надоело, он рассказал Куртни, как выиграл доллар у Алекса. Потом замолчал, слушая ее несколько секунд, и рассмеялся:

– Я пытался, но он больше не стал заключать со мной пари.

Слушая, как Колин беседует с Куртни, Алекс на минуту позавидовал их искренне доверительным, теплым отношениям. Они были открыты друг другу, вели себя совершенно непринужденно, и ни Колину, ни Куртни незачем было притворяться или скрывать свою любовь. Но зависть Алекса прошла, как только он вспомнил, что взаимоотношения между ним и Куртни были в значительной степени такими же. Кроме того, скоро, очень скоро они с Колином станут такими же близкими друзьями.

– Она говорит, я тебя переоцениваю, – заявил Колин, передавая трубку Дойлу.

– Куртни?

– Привет, дорогой!

Голос ее звучал громко и ясно, будто она разговаривала из соседней комнаты, будто их не разделяли две с половиной тысячи миль телефонного кабеля.

– Ты как, в порядке?

– Я чувствую себя очень одиноко, – ответила она.

– Скоро все кончится. Как там наш новый дом?

– Ковры уже все уложены.

– Маляры были?

– Да, приходили и уже все закончили.
– В таком случае теперь осталась лишь доставка мебели, – сказал Алекс.
– Я просто горю от нетерпения поскорее получить нашу спальню.
– С ней связана самая важная работа всякой жены.
– Да я не о том, сумасшедший! Я просто уже не могу спать в этом проклятом спальном мешке, у меня вся спина болит.

Алекс рассмеялся.

– И вообще, – продолжала Куртни, – ты когда-нибудь пытался устраивать кемпинг посредине огромной, покрытой толстым ковром и совершенно пустой комнаты? Это же ужасно!

– Бедняжка, тебе было бы легче, если бы кто-нибудь был рядом.

– Да нет, – ответила она, – я в порядке. Мне просто немного нравится злиться. Как вы с Колином, ладите?

– Прекрасно ладим, – ответил Алекс, глядя на Колина. Мальчик сосредоточенно поправлял очки на своем курносом носу.

– А кто там за вами следил? – спросила Куртни.

– Ой, да никто.

– Одна из игр Колина?

– Да, и только, – заверил он.

– Слушай, он действительно выиграл у тебя доллар?

– Да, это так. Он хитрющий мальчишка. Вы с ним похожи.

Колин рассмеялся.

– Как автомобиль? – спросила Куртни. – Между прочим, шестьсот миль в день за рулем – это для тебя не слишком?

– Вовсе нет, – ответил Дойл, – и моя спина, вероятно, болит не так сильно, как твоя. Мы сможем уложиться в расписание.

– Рада это слышать. Помимо всего прочего, я горю желанием заполучить не только новую кровать, но и тебя в нее поскорее.

– Аналогично, – улыбаясь, сказал Алекс.

– Вот уже несколько ночей я люблюсь видом из окна этой проклятой спальни, – говорила Куртни, – а сегодня вечером, например, зрелище еще более впечатляющее, чем вчера. Отсюда видны огни всего города и залива, подмигивающие, прыгающие, сияющие...

– У меня уже ностальгия, я скучаю по дому, в котором никогда не был, – ответил Дойл. А еще он очень скучал по Куртни, и теперь ее голос приятно волновал и возбуждал его.

– Я люблю тебя, – произнесла Куртни.

– Я тоже.

– Скажи еще раз.

– У меня тут лишние уши, – сказал Дойл и посмотрел на Колина, который сосредоточенно вслушивался в их разговор.

– Колина это не смутит, – ответила она, – любовь его совершенно не смущает.

– Ну хорошо, я люблю тебя.

Колин усмехнулся и обхватил плечи руками.

– Позвоните завтра вечером.

– Как всегда, – пообещал он.

– Пожелай Колину спокойной ночи от меня.

– Конечно.

– До свидания, родной.

– До свидания, Куртни.

Алекс положил трубку и понял, насколько сильно скучал по ней, если, закончив телефонный разговор, он почувствовал, как его словно острым ножом полоснули по коже.

* * *

Когда Джордж Леланд въехал на своем фургоне на стоянку "Лейзи Тайм мотеля", покрытую мелким щебнем, при входе уже горели большие зеленые неоновые буквы: СВОБОДНЫХ МЕСТ НЕТ. Но это его не особенно волновало, так как он и не собирался оставаться в этом мотеле. Леланд не был таким обеспеченным, таким удачливым, как Алекс Дойл, и не мог позволить себе даже относительно невысокие цены "Лейзи Тайм мотеля". Он лишь медленно проехал вдоль одного, потом вдоль другого крыла здания, пока не обнаружил "Тандерберд". Леланд улыбнулся, довольный собой. "Точно по указанному в книжке адресу, – подумал он. – Дойл, ты чертовски аккуратен и рационален". Затем он быстро уехал еще до того, как кто-нибудь смог его увидеть. Проехав дальше по дороге мимо дюжины других мотелей, из которых одни были в точности как "Лейзи Тайм", другие – гораздо богаче, Леланд наконец подъехал к маленькому обшарпанному деревянному мотелю, где на входной двери висело объявление о наличии свободных мест. Рядом с ним из простых, самых дешевых неоновых ламп было сложено название мотеля: "ДРИМЛЕНД" – "Мир грез".

Мотель сильно смахивал на дешевый притон, где за ночь брали всего восемь долларов. Леланд въехал на территорию и остановился возле офиса. Он опустил стекло и немного подправил зеркало заднего вида – так, чтобы можно было посмотреть на самого себя. Вынимая расческу из кармана, он неожиданно заметил несколько темных полос на лице. Леланд потер их, потом понюхал пальцы и лизнул их. Кровь. Весьма удивившись, он открыл дверь, вылез из машины и тщательно осмотрел себя в тусклом свете высоко висевшей лампы. Его брюки и рубашка с короткими рукавами были покрыты пятнами засохшей крови. На левой руке тоже виднелась красноватая корочка высохших кровавых капель.

Откуда эта кровь? И когда это случилось?

Леланд точно знал, что на нем нет никаких порезов, и не мог понять, чья же это кровь, если не его собственная. Напряженно раздумывая над этим вопросом, он почувствовал приближение одного из этих ужасных, жесточайших приступов мигрени. Тогда словно что-то гадкое шевельнулось в его подсознании; и хотя он все еще никак не мог вспомнить, чья же это кровь так обильно забрызгала его одежду, Леланд осознал, что ему не стоит пытаться снять в мотеле комнату на ночь, пока на нем все эти вещи.

Моля Бога о том, чтобы приступ задержался еще хоть на чуть-чуть, Леланд поправил зеркало, захлопнул дверь, завел двигатель и поехал прочь от мотеля. Проехав полмили, он остановился возле забытой Богом заправочной станции. Потом открыл свой чемодан и достал из него смену одежды. Раздевшись, Леланд вытер лицо и руки бумажными салфетками и натянул на себя чистые брюки и рубашку.

Голова продолжала болеть, и Леланд чувствовал невероятное утомление от езды. Он решил, что теперь в таком виде может показаться на глаза служащим мотеля. Поэтому пятнадцать минут спустя он был уже в одной из комнат "Мира грез". Хотя едва ли это можно было назвать комнатой. Площадью примерно десять квадратных футов, с крошечной ванной, комнатка эта напоминала скорее место, куда не приходят по собственной воле, а куда обычно помещают. Стены грязно-желтого цвета были покрыты царапинами, следами грязных пальцев, и в углах под потолком даже висела пыльная паутина. Кресло было хотя и удобным, но совершенно древним, а поверхность зеленого, сделанного из трубчатой стали стола во многих местах была прожжена сигаретами. Кровать узкая, застланная старыми штопаными простынями.

Джордж Леланд, однако, не замечал всего этого убожества. Для него комната была не более чем местом для ночевки, как и любая другая.

Теперь Леланда больше всего беспокоила проблема, как предотвратить надвигающуюся головную боль, которая уже заполнила всю полость правого глаза и лба с правой стороны. Леланд швырнул чемодан возле просиженной кровати и быстро сбросил с себя одежду. Стоя под душем в крошечной ванной, он ощутил, как поток горячей воды смывает с него усталость и утомление. Леланд долго еще стоял так, подставляя затылок и шею теплым каплям, приятно стучавшим по телу. Однажды он обнаружил, что иногда, в редких случаях, это спасает от приближающейся мигрени.

В этот раз, однако, вода не помогла. И когда Леланд обтерся полотенцем, все приметы близкого приступа были налицо: головокружение, яркие светящиеся точки, вращающиеся перед глазами, тысячи маленьких булавок, колющих правый глаз изнутри; потом точки стали расплываться в большие круги. Леланд стал терять равновесие и постоянно ощущал легкую тошноту...

Тут он вспомнил, что не завтракал и не ужинал, да и обедал лишь наполовину. Возможно, голод спровоцировал приступ головной боли. Леланд оделся и вышел на улицу. Там он воспользовался торговыми автоматами и купил себе немного еды. В плохо освещенном холле мотеля Леланд пообедал печеньем с ореховым маслом и двумя бутылками кока-колы.

И все равно боль не проходила. Теперь где-то внутри его образовался эпицентр, который ритмичными волнами посылал боль к голове. Она уже стала невыносимой, и Леланд не мог двинуться без того, чтобы не обострить ее. Он приложил руку ко лбу, и тут же как будто адская молния пронзила его; судя по всему, начиналась лихорадка.

Он вытянулся на постели, сжав в огромных кулаках серую простыню, и через несколько мгновений горячка уже сотрясала его. Больше двух часов он неподвижно лежал на спине, тело его одеревенело, он обливался ледяным потом. В конце концов, когда приступ закончился, Леланд, изможденный, словно выжатый лимон, тихо постанывая, не заметил, как состояние полутранса, в котором он находился, сменилось беспокойным, но относительно безболезненным сном.

Как всегда, ему снились кошмары. В его отключенном от реальности сознании дьявольским калейдоскопом плясали уродливые существа; образы, сменяя друг друга, выплывали из памяти в жутких, детализированных подробностях: длинные тонкие лезвия кинжалов, с которых в женскую узкую ладонь капала кровь, черви, ползающие по трупам, огромные груди, в которых он тонул, миллионы бегущих тараканов, толпы красноглазых крыс, готовых броситься на него, пары, совокупляющиеся в экстазе на мраморном полу, перепачканном кровью, обнаженная Куртни, револьвер, всаживающий пули одну за другой в живот женщины...

Затем, когда этот ужас закончился, Леланд проснулся и так и не смог заснуть вновь. Он застонал и сел на постели, сжимая обеими руками голову. Боль прошла, но воспоминания о ней повергали его снова в агонию. Как всегда, он опять почувствовал себя несказанно беспомощным и ранимым. И одиноким. Таким одиноким, что едва мог вынести это.

– Не надо так, – сказала Куртни, – ты не один, я здесь с тобой.

Леланд поднял глаза и увидел ее сидящей на другом конце кровати. В этот раз он ни капли не был удивлен ее волшебным появлением.

– Это было ужасно, Куртни, – сказал он.

– Головная боль?

– И кошмары.

– Ты ходил к доктору Пенбэйкеру?

– Нет.

Леланд слышал ее мягкий, нежный голос, будто он шел из глубокого тоннеля. Приглушенный тон, как это ни странно, гармонировал с обшарпанной обстановкой комнаты.

– Тебе следовало бы сходить к доктору Пенбэйкеру и...

– Я не желаю о нем слышать!

Куртни замолчала.

Прошло несколько минут, потом Леланд сказал:

– Когда твои родители погибли из-за несчастного случая, я был рядом с тобой. Почему же тебя не было со мной, когда все это начало происходить?

– Неужели ты не помнишь, Джордж, что я тебе сказала тогда? Я осталась бы с тобой, если бы ты захотел принять мою помощь. Но когда ты отказался признать, что твои приступы мигрени и проблемы в общении с окружающими могут быть вызваны...

– О, ради всего святого, замолчи! Замолчи! Ты грязная, ворчливая, мерзкая сука, и я не

желаю больше тебя слушать!

Куртни замолчала, но не испарилась. Спустя немного времени Леланд вновь заговорил:

– Мы сможем все поправить, восстановить, как это было раньше, Куртни. Ты не согласна?

В тот момент Леланд более чем когда бы то ни было хотел, чтобы она согласилась.

– Я согласна, Джордж.

Он улыбнулся:

– Все может быть так, как было раньше. Единственное, что нас по-настоящему разделяет, – это Дойл. И Колин. Ты всегда была к Колину ближе, чем ко мне. А если Дойл и Колин умрут, я буду всем, что у тебя останется в жизни. И тебе придется вернуться ко мне, правда?

– Да, – ответила она так, как ему того хотелось.

– И мы будем снова счастливы, да?

– Да.

– И я снова смогу прикасаться к тебе.

– Да, Джордж.

– И мы будем спать вместе.

– Да.

– И жить вместе.

– Да.

– И люди перестанут третировать меня.

– Да.

– Ты – моя удача, ты всегда ею была. И если ты будешь рядом, все будет так, словно и не было этих двух лет разлуки.

– Да, – снова сказала она.

Но все же в ее ответах не было той открытости и теплоты, которые так ему нравились. На самом деле разговаривать с ней было все равно что разговаривать с самим собой, что-то вроде изошренного самоудовлетворения.

Леланд рассердился и повернулся к Куртни спиной, показывая, что не желает дальше вести разговор. Когда несколько минут спустя он обернулся, чтобы посмотреть, не раскаивается ли она, то обнаружил, что Куртни исчезла. Она снова покинула его. Она всегда вот так бросала его. Уходила к Дойлу и Колину или к кому-то еще и оставляла его одного. И Леланд подумал, что больше не вынесет такого отношения с ее стороны.

* * *

Въезд в зону отдыха со стороны семидесятого шоссе заблокировала полицейская машина. Работали сигнальный маяк и опознавательные фонари. Позади нее, чуть выше по дороге, в тени сосен полукругом стояли еще несколько автомобилей с работающими двигателями и зажженными фарами. По другую сторону дороги, напротив автомобилей, также полукругом стояли несколько переносных прожекторов на батарейках. На всем этом участке было светло как днем.

В центре находился автомобиль лейтенанта Пулхэма. Холодным белым светом блестели бампер и внутренняя отделка салона. В ярком свете лобовое стекло превратилось в зеркало.

Детектив Эрни Ховел, которому было поручено расследование этого дела, наблюдал за экспертом из отдела криминалистики, делавшим фотоснимки пяти кровавых отпечатков пальцев, четко выделявшихся на внутренней стороне правого переднего стекла. Сотни ярко-красных линий, узоров.

– Это отпечатки Пулхэма? – спросил он, когда эксперт сделал последний снимок.

– Сейчас, минуту, я выясню, – ответил тот.

Эксперт был тощий, лысеющий субъект с желтоватым цветом лица и мягкими, нежными, как у женщины, руками. И, очевидно, детектив Ховел несколько не пугал его, тогда как тот привык как бы подавлять всех, кто работал под его началом, из-за своего

звания, да и, пожалуй, веса в сто сорок фунтов. Поэтому Ховела раздражало равнодушие этого эксперта. Сначала тот упаковал фотоаппарат с умопомрачительной осторожностью, и только после того, как все было уложено как нужно, он раскрыл большую кожаную сумку со множеством отделений и достал карточку – копию отпечатков пальцев лейтенанта Пулхэма.

Эксперт вынул желтый лист бумаги и приложил его к кровавому отпечатку на стекле.

– Ну? – спросил Ховел.

С минуту эксперт изучал два узора папиллярных линий.

– Эти отпечатки пальцев – не Пулхэма, – ответил он наконец.

– Ах сукин сын! – сказал Ховел, хлопнув в ладони. – Это проще, чем я думал.

– Все не обязательно.

Ховел посмотрел сверху вниз на бледного, худого эксперта:

– Неужели?

Тот поднялся на ноги и отряхнул ладони.

– Далеко не все жители Соединенных Штатов занесены в картотеку отпечатков пальцев, – заметил эксперт. – Я бы даже сказал, гораздо меньше половины.

Ховел сделал нетерпеливый жест рукой.

– Кто бы ни был тот, кто убил Пулхэма, он есть в картотеке. Можете мне поверить. Наверняка этого типа арестовывали, и не раз, – за участие в беспорядках, маршах протеста, а может быть, и за попытки насильственных действий, нападениях. У ФБР наверняка полное досье на этого парня.

Эксперт провел рукой по лицу, как бы пытаясь стереть отличавшее его печальное выражение.

– Думаете, это радикал, новоявленный "левый", кто-нибудь из них?

– А кто же еще?

– Может быть, просто псих.

Ховел отрицательно покачал головой:

– Нет. Вы что, газет не читаете? В эти дни по всей стране идут массовые убийства полицейских.

– Такова ваша профессия, – ответил эксперт, – полицейских всегда убивали. И сейчас процент смертности среди вас не выше, чем всегда.

Минуту Ховел наблюдал, как еще один криминалист и полицейские осматривают место происшествия. Когда он снова заговорил, голос его звучал непреклонно:

– Сейчас имеет место организованная бойня полицейских. Заговор на уровне нации. И вот наконец это затронуло и нас. Вот увидите, отпечатки пальцев этого мерзавца найдутся в картотеке. И он окажется тем самым ублюдком, о котором я вам сейчас говорю. И мы его доставим в отделение в двадцать четыре часа.

– Конечно, это было бы замечательно, – ответил эксперт.

Вторник

4

Второго мая, рано поднявшись и наскоро позавтракав, они заплатили за номер и в начале девятого снова были в пути.

Как и накануне, день обещал быть солнечным и теплым. На небе ни облачка. За их спиной опять всходило солнце и, казалось, подталкивало их все ближе и ближе к побережью.

– А сегодня вид получше, – сказал Колин, смотря по сторонам.

– Есть немного, – согласился Алекс. – Кстати, для начала тебе неплохо бы взглянуть на знаменитую Арку в Сент-Луисе.

– А сколько еще до него?

– Ну... миль пятьдесят.

– А эта Арка, до нее ничего интересного не встретится?

– Вряд ли.

– О Боже, – сказал мальчик, сокрушенно покачивая головой, – это будет самое длинное

утро в моей жизни.

Семидесятое шоссе уносило их все дальше и дальше на юго-запад, к границе штата Иллинойс. Надо сказать, что это было широкое, многополосное шоссе, удобное, достаточно безопасное и скоростное, задуманное специально для вечно спешащей нации. Хотя Дойлу и не терпелось поскорее встретиться с Куртни, он отчасти разделял неудовольствие Колина их маршрутом. Прямая и быстрая дорога была совершенно неинтересной и незапоминающейся. По обеим сторонам автострады уже начинала давать нежные зеленые всходы пшеница. Наблюдать за молодой зеленью и ирригационными сооружениями – не такое уж большое удовольствие. Хотя, если бы они проезжали здесь незадолго до этого, вокруг были бы вообще однообразно-коричневые поля.

Несмотря на свой пессимизм относительно того, что предстоящее утро будет слишком длинным, Колин был в приподнятом настроении, и благодаря ему первые два часа пути пролетели совершенно незаметно. Они болтали обо всем: о том, как они будут жить в Калифорнии, о путешествиях в космос и космонавтах, о фантастике, рок-н-ролле и пиратах, о парусниках и о графе Дракуле – о последнем, вероятнее всего, потому, что сегодня Колин надел футболку с его изображением.

Когда они пересекли границу Индианы и Иллинойса, их беседа несколько приутихла. С разрешения Дойла Колин расслабил ремень достаточно, чтобы дотянуться до радиоприемника и настроиться на какую-нибудь новую станцию.

Пока мальчик возился с приемником, Алекс взглянул в зеркало заднего вида.

То, что он увидел, заставило его тут же отвести глаза от зеркала. Это был все тот же фургон.

Сначала он не поверил своим глазам и приписал это игре воображения. Да мало ли фургонов разъезжает по дорогам Америки! Один похож на другой. И не обязательно сейчас за ними едет тот, что преследовал их всю первую часть пути.

Колин оставил в покое приемник и безо всяких напоминаний затянул ремень. Аккуратно расправив свою футболку, он повернулся к Алексу:

– Эта подойдет?

– Что "эта"?

Колин удивленно поднял брови:

– Как что, станция. Что же еще?

– А, да, конечно.

Но Алекс был настолько сбит с толку, что даже не обратил внимания на то, какую музыку нашел мальчик. Помимо своей воли он снова взглянул в зеркало.

Фургон по-прежнему ехал на расстоянии чуть больше четверти мили от них. Сомнений быть не могло.

Алекс невольно вспомнил того парня на заправке возле Харрисбурга и этот окаменевший анахронизм за стойкой в мотеле "Лейзи Тайм". Он ощутил знакомую дрожь и постоянное смущение своего детства, из которого он еще, судя по всему, не совсем вырос; от всего этого у него стало как-то пусто в животе. Это было какое-то совершенно безрассудное, неконтролируемое чувство, сродни страху. Где-то глубоко внутри себя он осознавал, что не сумел преодолеть то, с чем столкнулся больше двадцати лет назад, – он был неисправимо робок. Его миролюбивость основывалась не на каких-то моральных принципах, а на постоянном страхе насилия. Какую же опасность может представлять этот фургон? Что он сделал такого? Даже если он кажется таким ужасным и зловещим, то это лишь только кажется. Однако страх овладевал им все сильнее, хотя причин бояться этого фургона у него было не больше, чем заправщика Чета или ту дежурную в мотеле.

– Он опять едет за нами, да? – спросил Колин.

– Кто?

– Не придуривайся, – обиделся мальчик.

– За нами едет какой-то фургон, что теперь?

– Значит, это он опять.

– Может быть, и другой.

– Таких совпадений не бывает, – уверенно заявил Колин.

Дойл долго молчал.

– Да, – вздохнул он, – боюсь, ты прав. Таких совпадений не бывает. Это он. Я сверну и остановлюсь на обочине, – сказал Алекс, слегка нажимая на тормоз.

– Зачем?

– Посмотреть, что он будет делать.

– Думаешь, он тоже остановится возле нас? – спросил Колин.

– Возможно.

Дойл искренне надеялся, что фургон проедет мимо.

– Он не сделает этого. Если он действительно из ФБР, то слишком умен, чтобы попасться на такой трюк. Он просто-напросто проскочит мимо, а потом снова найдет нас.

Но Алексу было не до игр Колина. Он нервничал. Губы его сжались в тонкую полоску, лицо помрачнело. Алекс замедлил ход машины, оглянулся и увидел, что фургон тоже останавливается. Сердце его забилося от волнения, когда он въехал на обочину и остановился. Гравий захрустел под колесами и посыпался к подножию высоких деревьев.

– Итак? – спросил Колин, взволнованный таким поворотом событий.

Алекс слегка повернул зеркало заднего вида и наблюдал, как "Шевроле" сворачивает с шоссе и останавливается, не доехав до них всего лишь четверти мили.

– Нет, в таком случае он не из ФБР.

– Ух ты! – воскликнул Колин, явно радуясь необычности происходящего. – Тогда кем он может быть?

– Не хочу я думать об этом, – ответил Дойл.

– А я хочу.

– Ну тогда думай молча.

Алекс снял ногу с тормоза и вновь выехал на шоссе, плавно ускоряя ход и вливаясь в поток машин.

Между ними и фургоном сначала оказались два автомобиля, которые создавали иллюзорное чувство безопасности. Однако через несколько минут "Шевроле" обогнал те две машины и снова пристроился за "Тандербердом".

"Что ему нужно?" – удивлялся Дойл. Ему уже почти казалось, что человек за рулем фургона каким-то образом прознал про тщательно скрываемую Алексом трусость и играет на этом.

Земля, еще более ровная, чем раньше, была похожа на огромную гладкую площадку для настольных игр. Дорога стала прямее и производила какое-то гипнотическое впечатление.

Они миновали крутой поворот на Эффингхэм.

И теперь дорожные знаки и указатели предупреждали о том, что вскоре начнется дорога на Декейтер. Судя по дорожным столбикам, до Сент-Луиса оставалось лишь несколько десятков миль.

Алекс поддерживал скорость, на пять миль превышающую ограничение, и часто обгонял идущие медленнее автомобили, однако старался не очень часто выходить на левую полосу движения.

Фургон не отставал.

Проехав миль десять, Алекс вновь замедлил ход и свернул на обочину. "Шевроле" точно следовал за ним.

– Дьявол, что ему нужно? – в сердцах спросил Алекс.

– Я как раз думаю об этом, – нахмурился, отвечал Колин, – но не могу догадаться.

Дойл снова вывел машину на шоссе и предложил:

– Мы можем развить гораздо большую скорость, чем этот фургон. Во много раз больше. Давай пустим ему в глаза наш пыльный хвост.

– Прямо как в кино, – сказал Колин и захлопал в ладоши. – "Сделаем" его!

Но Алексу не было так весело, как Колину, потому что его совсем не приводила в

восторг перспектива скоростной гонки. И все же он медленно нажал на акселератор, увеличивая скорость. Выжав педаль до конца, он почувствовал, как машину тряхнуло, потом она стала вибрировать, но вскоре восстановила плавность движения, и скорость ее почти достигла максимальной. Несмотря на отличную звукоизоляцию "Тандерберда", до Алекса и Колина все же доходили внешние шумы: монотонный, нарастающий рев двигателя, перемежающийся ритмичными толчками, и резкий свист порывов ветра, рвущегося в салон через вентиляционную решетку...

Когда на спидометре было уже сто миль в час, Алекс снова посмотрел в зеркало заднего вида. Невероятно, но "Шевроле" следовал за ними по пятам. Он единственный ехал в левом ряду.

"Тандерберд" начал еще набирать скорость: сто пять (теперь словно водопад шумов обрушился на них со всех сторон), сто пятнадцать (кузов затрясло, и рама стала издавать неприятные ноющие звуки). Стрелка спидометра достигла предела последней белой цифровой отметки, а "Тандерберд" все набирал и набирал скорость...

Столбы электропередачи слились за окном в ровное единое пятно, а точнее – в серо-стальную стену. За ней можно было разглядеть противоположную сторону движения, машины и грузовики, проносящиеся мимо них на восток с огромной скоростью, будто ими выстрелили из пушки.

Фургон вдруг сбился, потерял скорость.

– Мы "сделали" его! – закричал Колин голосом, в котором смешались ликование и откровенный страх.

– И он отстает! – так же возбужденно отозвался Алекс.

Фургон стал уменьшаться и наконец совсем исчез позади.

Шоссе перед ними было пусто. Но Алекс не стал убирать ногу с акселератора. И в течение еще пяти минут они мчались на полной скорости, увеличивая отрыв от преследователя и распугивая попадающихся на пути водителей жуткой какофонией сигналов. Оба они – Дойл и Колин – были наполовину охвачены паникой, наполовину ликовали, азарт погони полностью завладел ими.

Но как бы там ни было, "Шевроле" исчез из виду, и постепенно они успокоились. Тут только Алекс осознал тот огромный риск, которому они подвергались, идя на такой скорости пусть даже по довольно свободной трассе. И если бы у них лопнула шина...

Если их остановят за превышение скорости, какой здравомыслящий патрульный поверит, что они спасались от некоего таинственного незнакомца во взятом напрокат фургоне? Убегали от человека, которого не знали вовсе, даже никогда не встречались с ним, которого никогда не видели? Спасались бегством от незнакомца, который не сделал им ничего дурного и даже не угрожал? А причина в том, что он, Алекс, испугался лишь только потому, что он всегда боялся того, что не мог понять до конца. Да уж, подобная история вряд ли может у кого-нибудь вызвать доверие. Особенно у полицейского. Слишком уж она фантастична и глупа. Патрульный только обозлится.

Неохотно Дойл чуть отпустил педаль газа. Стрелка спидометра быстро упала до отметки "100", слегка поколебалась и поползла еще ниже. Дойл посмотрел в зеркало. Фургона нигде не было видно.

– Может, он сейчас быстро нас догоняет, – предположил Колин.

– Не может, а точно.

– И что мы будем делать?

Впереди показался поворот на пятьдесят первое шоссе и указатели, сообщающие расстояние до Декейтера.

– Остаток дня мы будем ехать по второстепенным дорогам, – решил Алекс, – и пусть, если хочет, охотится за нами на семидесятом шоссе.

И в первый раз за долгое время Алекс нажал на тормоз, замедлил ход "Тандерберда" и выехал прямо на пятьдесят первое шоссе.

От Декейтера они ехали по второстепенному тридцать шестому шоссе на запад до границы штата, по нему же въехали в Миссури. Ландшафт становился с каждым часом все более равнинным, а пресловутые прерии оказались монотонным и скучным зрелищем. Сразу после полудня Алекс и Колин съели ленч в опрятном чистеньком кафе со снежно-белыми стенами и тронулись дальше. После того как они миновали поворот на Джэксонвилл, Колин спросил:

– Что ты об этом думаешь?

– О чем?

– О человеке в "Шевроле".

Яркое солнце Дикого Запада било в глаза и заливало лобовое стекло.

– Ну и что этот тип? – не понял Дойл.

– Кто он такой, по-твоему?

– Он что, разве не из ФБР?

– Ах, это была всего лишь игра.

В первый раз за все время поездки Алекс понял, насколько этот вездесущий фургон поразил воображение Колина, как сильно растревожил. Если он забыл про свои игры, то, должно быть, очень сильно обеспокоен. Что ж, Колин вполне заслуживал честного, прямого ответа.

– Кем бы он ни был, он опасен, – сказал Дойл, устроиваясь поудобнее на своем водительском сиденье.

– Он – кто-то, кого мы знаем?

– Нет. Я думаю, он совершенно чужой человек.

– Зачем он тогда преследует нас?

– Потому что ему необходимо кого-нибудь преследовать.

– Это не ответ.

Дойл подумал о той особенной атмосфере, царившей на протяжении последнего десятка лет в этой стране, которая, собственно, и вырастила подобных безумцев. Тогда страна очень напоминала скороварку, в которой общество было доведено до точки кипения и едва уже не начало испаряться. Алекс подумал о таких людях, как Чарльз Мэнсон, Ричард Спек, Чарльз Уитмен, Артур Бремер... И хотя у Уитмена, убившего более десятка ни в чем не повинных людей, кажется, была опухоль мозга, недиагностированная и ранее неизвестная медицине, остальные не страдали физическими или психическими недугами, а также не смогли дать сколько-нибудь вразумительное объяснение кровавым, чудовищным преступлениям, совершенным ими. Пожалуй что, бойня, узаконенная правительством, которое смаковало "отчеты о потерях в живой силе" из Вьетнама, – эта бойня сама по себе и есть причина и объяснение всего происходящего. Помимо этого, был еще десяток других имен, которые Алекс не мог припомнить, имен людей, убивающих просто так, по своей прихоти, а не для того, чтобы обрести бессмертие. Дошло до того, что начиная с 1963 года маньяк-безумец должен был быть либо достаточно сообразительным, чтобы в качестве жертв выбирать знаменитостей, либо достаточно безжалостным и жестоким, чтобы убить больше десятка людей, прежде чем его запомнят. Убийства, убийства на видео, по телевизору, ночные репортажи о кровавой войне – все это притупило чувствительность американцев. Единичный импульс, порыв к убийству стал слишком обычным явлением, которое вообще перестали замечать.

Дойл попытался передать эти мысли Колину, иногда облакая их в достаточно резкую форму – когда другими словами выразить мысль было никак нельзя.

– Думаешь, он ненормальный? – спросил мальчик.

– Возможно. На самом деле пока он ничего такого не сделал. Но если мы будем продолжать следовать по нашему маршруту, оставаться на сквозном шоссе и позволять ему преследовать нас, давая таким образом время и массу возможностей, шансов... Кто знает, что ему взбредет в голову и на что он способен?

– Похоже на пара... парано...
– Паранойю?
– Вот-вот, именно так, – подтвердил Колин, кивая головой.
– За эти дни мы и сами станем слегка ненормальными, – сказал Дойл. – И все же это лучше, чем погибнуть.

– Думаешь, он снова найдет нас?

– Нет.

Дойл слегка зажмурился, когда солнце особенно ярко блеснуло на лобовом стекле.

– Он будет ехать по главному шоссе, пытаясь изо всех сил догнать нас опять.

– И рано или поздно поймет, что мы оторвались.

– Да, но он никогда не узнает, где и когда, – ответил Алекс, – кроме того, он не может знать точно, куда мы направляемся.

– А что, если он найдет себе другой объект погони? – спросил Колин. – Ведь если он повис у нас на хвосте только потому, что мы случайно вместе и по одной дороге тронулись на запад, что помешает ему выбрать другую жертву, когда станет ясно, что мы ускользнули от него?

– Ну и что дальше? – спросил Дойл.

– Может, нам следует обратиться в полицию и заявить об этом?

– Прежде чем кого-то обвинять, у тебя должны быть доказательства, – ответил Дойл, – и даже если бы у нас было в распоряжении неопровержимое доказательство, что человек в "Шевроле" намеревался напасть на нас, мы все равно ничего не смогли бы сделать. Мы не знаем, кого обвинять. Не знаем ничего: ни его имени, ни цели поездки, – кроме того, что он едет вместе с нами на запад, ничего такого, за что полицейские могли бы ухватиться.

И он взглянул сначала на Колина, а потом назад, на черную полосу шоссе.

– Так что все, что мы можем сделать, – это поблагодарить небеса за то, что избавились от него.

– Да уж, я думаю!

– Лучше просто верь в это.

Колин надолго замолчал, а потом сказал:

– А когда он гнался за нами, сворачивая, как мы, на обочину, увеличивая скорость, чтобы поймать нас, тебе было страшно?

Дойл на секунду задумался: следует ли признаваться мальчику в том, что он чувствовал беспокойство, страх, тревогу, волнение, – словом, в столь "немужской" реакции на происходящее? И все же с Колином лучше всего быть честным и откровенным.

– Конечно, мне было страшно. Немного. Но все же страшно. И для этого были причины.

– Мне тоже было страшно, – без стеснения признался Колин, – но я всегда думал, что, когда нужно быть взрослым, ты не должен бояться никого и ничего.

– С возрастом ты избавишься от некоторых страхов. Но не от всех. И будешь бояться совсем не того, чего боишься сейчас.

Они пересекли Миссисипи в Гэнибэл вместо Сент-Луиса, миновав таким образом арочный мост Гейтуэй. Прямо перед поворотом на Гайаву, штат Канзас, они съехали с тридцать шестого шоссе и по развязке выехали вновь на семидесятую магистраль, а потом, проехав по ней немного к югу, прибыли в "Плейнз мотель" недалеко от городка Лоуренс. Там у них были заказаны комнаты. Было четверть девятого вечера.

"Плейнз мотель" был очень похож на "Лейзи Тайм", с той только разницей, что в нем было одно длинное жилое крыло и само здание было сложено из серого камня и деревянных досок, а не кирпича. Даже неоновая вывеска точно так же горела оранжевыми и зелеными огнями. И казалось, будто автомат с кока-колой возле двери в офис за прошедший день перетранспортировали из "Лейзи Тайм" в Индианаполисе прямоком в "Плейнз". Воздух был приятно прохладным, и в помещении царил шум какой-то механики. Алекс не удивился бы, если бы портье в "Плейнзе" оказалась грузная женщина с прической в стиле "пчелиный

улей".

Однако портье был мужчина, приблизительно того же возраста, что и Дойл, хорошо выбритый, с тщательно уложенными, аккуратными волосами. У него было честное, открытое американское лицо с квадратной и тяжелой нижней челюстью, идеальное для плакатов, агитирующих юношей идти в вооруженные силы. Он мог бы делать прекрасные рекламные ролики на телевидении для "Пепси", "Жилетт" или "Шик", а также позировать для фото на разворот во всех журналах с рекламой сигарет "Кэмел".

– Я заметил, у вас там табличка на двери – "Свободных мест нет". Но мы заказывали комнату, хотя и приехали на час позже назначенного времени...

– Ваша фамилия Дойл? – спросил портье, улыбнувшись и продемонстрировав ряд отличных белых зубов.

– Да.

– Разумеется, ваш заказ мы сохранили.

И он достал из стола тонкий, почти прозрачный бланк для заполнения.

– Вы, должно быть, беспокоились, приятель, из-за того, что мы застряли...

– Нет, ни в коем случае, мистер Дойл. Заказ есть заказ. К тому же мне вовсе не улыбалось сдавать ваш номер "енотам".

Алекс был сильно утомлен, так как целый день просидел за рулем, поэтому никак не мог понять, что имеет в виду портье.

– Енотам?

– Ну, неграм, – ответил тот. – Они приходили сюда трижды. И если бы не ваш заказ, мне пришлось бы сдать одному из них двадцать второй номер на одну ночь. А я это терпеть не могу. По мне, так лучше бы комната вообще пустовала всю ночь, чем сдавать ее негру.

Подписывая карточку посетителя, Алекс чувствовал себя так, словно одобрял нелепый расизм этого парня. И вскользь подумал о том, с чего бы это он, одетый весьма своеобразно, произвел более благоприятное впечатление, чем чернокожие, которые приходили сюда раньше, до него.

Вручая Дойлу ключ от их комнаты, симпатичный портье спросил:

– Сколько бензина съедает такой "Тандерберд" за милю?

Алекс, который давно понял, что собой представляют такие вот молодчики, ожидал от этого, как и от остальных, продолжения ругани в адрес "енотов" и был немало удивлен тем, что парень быстро сменил тему.

– Сколько бензина? Не знаю. Никогда не проверял.

– Я коплю деньги на такую же машину. Жрет бензин без меры, но мне нравятся "Тандерберды". Такая тачка говорит о том, что ее владелец – настоящий мужчина. Если он смог заработать на "Тандерберд", то это парень что надо.

Алекс взглянул на ключ.

– Двадцать два? Где это?

– Направо и до конца по коридору. Это хороший номер, мистер Дойл.

Алекс вышел из мотеля проверить машину. Он понял, почему портье признал его. Для этого человека "Тандерберд" являлся символом, преображавшим реальность. В его глазах такая машина была своего рода гарантией качества ее владельца. Подобная реакция очень угнетала Алекса. Право, этот портье был ничем не лучше Чета с бензоколонки или той, с "пчелиным ульем" на голове.

* * *

Джордж Леланд провел ночь со вторника на среду в дешевом мотеле, расположенном тремя милями западнее "Плейнза". И хотя он занимал крошечную комнатку на одного, Леланд все же не чувствовал себя одиноким. Потому что к нему часто навевалась Куртни. Иногда она появлялась в углу комнаты, прислонившись спиной к стене, а то он видел ее сидящей на краю кровати или на жестком, с плохо набитым сиденьем стуле возле двери в ванную комнату. Не раз Леланд приходил в ярость и приказывал Куртни убираться. И она

исчезала так же незаметно и тихо, как и появлялась. Но потом Джордж принимался скучать, тосковать по ней – и Куртни появлялась вновь, превращая дешевую комнатуху в роскошные апартаменты, богаче "Плейнз мотеля".

Леланд спал крепко.

Приблизительно за два часа до рассвета он проснулся и уже не мог заснуть. Поэтому он встал, принял душ и оделся. Сев на кровать, Леланд развернул несколько карт и изучил по ним маршрут на среду, водя кончиками пальцев по линиям дорог. Леланд понимал, что где-то в районе этих шестисот миль он должен перехватить Дойла и мальчишку. Больше не было необходимости скрывать правду от самого себя. Куртни помогла ему понять и принять это. Он должен убить их так же, как того патрульного, который попытался было встать между ним и Куртни. Откладывать уничтожение Алекса и мальчишки становилось слишком опасным. К завтрашнему вечеру они проедут уже добрых полпути к Сан-Франциско. И если Дойл решил изменить маршрут последнего и самого длинного участка пути, он может совсем потерять его.

Значит, завтра. Где-нибудь между Лоуренсом, Канзасом и Денвером Леланд наконец-то нанесет им ответный удар, им и всем, кто за последние два года строил козни против него и выбивал почву из-под его ног. Но теперь он уже не будет уступать, не позволит отталкивать себя. Он научит всех уважать его. И к нему вернется удача. Убрав с дороги Дойла и этого мальчишку, Леланд и Куртни смогут вновь вернуться к прежней жизни, замечательной жизни вдвоем. Все, что у нее останется, – это он, Леланд, и Куртни будет держаться за него.

* * *

В начале седьмого вечера во вторник в кабинете детектива Эрни Ховела раздался телефонный звонок.

Кабинет Ховела находился на втором этаже главного управления полиции. Это была небольшая комнатка с минимумом мебели.

Эрни взял трубку. Звонили из экспертного отдела.

– По делу Пулхэма? – спросил он еще до того, как на другом конце смогли что-либо сказать. – Если нет, передайте информацию кому-нибудь другому. Я занимаюсь только Пулхэмом, и, пока не разберусь, ничем другим.

– Вам это понадобится, – ответил эксперт. Кажется, говорил тот самый, желтолицый, узкоплечий и лысоватый, которого детектив Ховел так и не смог переубедить накануне вечером. – Мы получили ответ из Вашингтона по отпечаткам пальцев. Только что пришел по телетайпу.

– Ну и?

– Безрезультатно. В картотеке отсутствует.

Ховел навис над своим огромным столом, отчего тот сразу стал казаться меньше. Одной рукой он что есть силы сжал телефонную трубку, другая смяла в кулаке стопку бумаги. Суставы пальцев побелели и заострились.

– Отсутствует?

– Я говорил вам, что это вполне возможно, – заявил эксперт, явно довольный разочарованием Ховела. – С каждой минутой дело все больше и больше становится похоже на психическое.

– Это политическое дело, – настаивал Ховел, сжимая и разжимая кулак, – продуманное, заранее спланированное убийство полицейского.

– Не согласен.

– У вас есть доказательства? – гневно спросил Ховел.

– Нет, – признался эксперт. – Мы все еще пытаемся найти автомобиль, но, похоже, это безнадежно. Мы взяли пробы с каждой трещины и царапины. Но кто знает, были ли они оставлены машиной убийцы? И если какие-то из них – да, то какие?

– Вы осмотрели кузов? – спросил Ховел.

– Разумеется, – ответил эксперт, – нашли несколько волосков, обрезки ногтей. Массу

грязи разного происхождения. Травинки. Остатки пищи. Большинство найденного материала не имеет никакого отношения к убийце. А то, что может иметь, – волосы, пара оборванных нитей на дверной ручке, – мы все равно не можем использовать, пока у нас нет конкретного подозреваемого, к которому можно будет приложить все это.

– Да уж, это дело не решить в лаборатории, – согласился Ховел.

– Какие у вас еще версии?

– Восстанавливаем картину дня, смену Пулхэма. Начинаем с того момента, когда он вывел из гаража свою полицейскую машину.

– Что-нибудь прояснилось?

– Еще очень многие моменты нужно учесть, переговорить с массой людей, – сказал Ховел, – но мы обязательно что-нибудь выясним.

– Мы имеем дело с психом, – вновь уверенно заявил эксперт.

– Ошибаетесь.

И Ховел повесил трубку.

Двадцать лет назад Эрни Ховел стал полицейским. Это произошло потому, что он с детства знал: детектив – не просто работа, а профессия. Она в конце концов приводит мужчину к почету и уважению. Да, это тяжелый труд, требующий долгих, бесконечных часов упорных усилий за более чем умеренную плату. Однако это занятие давало возможность приносить пользу окружающим. А "дополнительные льготы" полицейского – благодарность соседей и восхищение собственных детей – были гораздо более важны, чем зарплата. По крайней мере, так было раньше...

"Теперь же, – размышлял Ховел, – полицейский – не более чем мишень. Он мешает всем: черным, либералам, пацифистам, феминисткам, – все эти сумасшедшие фанатики млеют от счастья, делая из полицейских дураков. Сегодня на копа смотрят как на шута, фигляра, и это в лучшем случае. В худшем его называют фашистом, и нет большего удовольствия для всех этих играющих в революцию людишек, чем приговорить полицейского к смерти..."

И все это началось в 1963гм, с Кеннеди и Далласа. И все стало гораздо, гораздо хуже с началом войны. Ховел прекрасно понимал это, хотя и не мог уяснить себе, почему политические убийства и войны так круто меняют людей. В истории Америки были и другие убийства по политическим мотивам, но они не оказывали столь глубокого влияния на нацию. И были другие войны, которые только лишь укрепили ей нервы и характер. И Ховел не мог объяснить, почему это так, если только не признать тот факт, что коммунисты и другие "революционеры", будоража общество, ищут себе оправдание. Ховел был уверен, что прав.

Он подумал о Пулхэме – новой жертве перемен. При этом его кулаки непроизвольно сжались. Это дело политическое. Рано или поздно, но они схватят тех ублюдков.

Среда, 7.00 утра – Четверг, 7.00 утра

6

С утра начал собираться дождь. Зеленый ковер из молодых ростков пшеницы слегка покачивался под низким серым небом, по которому быстро бежали облака. Там и сям высились огромные бетонные башни элеваторов, похожие на гигантские громоотводы. Земля была настолько плоской и ровной, что казалась какой-то неестественной. Надвигалась буря.

Колин любил такую погоду. И ему нравился пейзаж. Он то и дело показывал на элеваторы и редкие буровые вышки, стоявшие вдали и похожие на сторожевые тюремные башни. При этом он поминутно спрашивал:

– Здорово, правда?

– Здесь все то же самое, как и там, в Индиане и Миссури, – сказал Дойл.

– Но здесь кругом живая история!

Сегодня Колин был одет в красно-черную тенниску с Франкенштейном и не обращал никакого внимания на то, что она сбилась и вылезла из его вельветовых джинсов.

– История? – переспросил Дойл.

– Ты что, никогда не слышал о старой Чисхолмской дороге? Или о дороге Санта-Фе? Здесь же находятся все старейшие города Дикого Запада, – начал рассказывать Колин, – Эйбилен и Форт-Райли, Форт-Скотт, Пони-Рок, Вичита, Додж-Сити, ну и древний Бут-Хилл.

– А я и не знал, что ты любитель вестернов, – ответил Алекс.

– Ну, я не большой любитель вестернов, но все же эти места очень интересные, и довольно волнительно проезжать здесь.

Алекс окинул взглядом огромные равнины и попытался представить себе, какими они были раньше: движущиеся пески, пыль, кактусы – угрюмый, застывший ландшафт, почти не тронутый человеком.

– Здесь проходили войны с индейцами, – продолжал Колин, – и в 1856 году Джон Браун спровоцировал "маленькую" гражданскую войну в Канзасе, когда со своими ребятами прикончил пятерых рабовладельцев в Поттауатоми-Крик.

– Держу пари, ты не произнесешь это пять раз подряд и быстро!

– Принимаю. Доллар? – предложил Колин.

– Согласен.

– Поттауатоми, Поттауатоми, Поттауатоми, Поттауатоми, Поттауатоми! – быстро сказал Колин, едва переводя дух. – Ты мне должен доллар.

– Запиши на мой счет, – откликнулся Дойл. Он вновь чувствовал себя легко и свободно теперь, когда их поездка возвратилась в нормальное, запланированное ранее русло.

– А ты знаешь, кто еще родом из Канзаса?

– Кто?

– Кэрри Нэйшен, – захихикал Колин, – женщина, которая ходила с топором по салунам и громила их.

Они проехали мимо очередного элеватора, торчавшего в конце длинного, прямого, как стрела, черного ответвления шоссе.

– И откуда ты все это знаешь? – удивился Дойл.

– Да так, подцепил где-то, – ответил Колин, – отовсюду понемногу.

Теперь они ехали мимо необработанных участков земли – больших коричневых квадратов, похожих на огромные, аккуратно расстеленные скатерти. На одном из них ветер поднимал в весенний звонкий воздух плотные, похожие на колонны вихри пыли.

– Здесь еще жила Дороти, – добавил Колин, наблюдая за вихрями.

– Кто это – Дороти?

– Героиня книги "Волшебник из страны Оз". Помнишь, как ужасный ураган торнадо унес ее в Волшебную Страну?

Алекс хотел было ответить, но был испуган резким ревом сигнала шедшего сзади автомобиля. Он взглянул в зеркало заднего обзора и тихонько заскрежетал зубами – за ними ехал фургон "Шевроле". Он держался футах в шести от заднего бампера. Невидимый водитель фургона все жал и жал на кнопку сигнала: бип, бип, бип, бип, би-и-и-и-п! Алекс взглянул на спидометр. Скорость была чуть выше семидесяти миль в час. И если бы он от неожиданности, услышав звук сигнала, случайно нажал на тормоз, "Шевроле" врезался бы в "Тандерберд" сзади и, вероятно, перевернул бы его. И все бы они погибли.

– Идиот, сукин сын... – произнес Алекс.

Бип, би-и-и-ип, би-и-и-и-п...

– Это он? – спросил Колин.

– Да.

Фургон приблизился настолько, что Дойл уже не видел его передний бампер, не видел на треть защитную решетку...

– А почему он все время сигналит? – снова спросил Колин.

– Не знаю... Но думаю, чтобы быть уверенным в том, что мы знаем о его присутствии.

Сигнал фургона продолжал монотонно завывать.

– Думаешь, он хочет, чтобы мы остановились? – спросил Колин, нагибаясь вперед и обхватывая своими тонкими руками колени. Казалось, напряжение и возбужденность мальчика согнули его.

– Не знаю.

– Будешь останавливаться?

– Нет.

Колин утвердительно кивнул:

– Хорошо. Не думаю, что нам следует останавливаться. Надо продолжать двигаться, несмотря ни на что.

Дойл ждал. Ждал, что вот-вот незнакомец перестанет сигналить, немного отстанет и будет вновь держаться сзади на расстоянии в четверть мили. Но вместо этого фургон словно завис теперь уже всего в трех футах от их заднего бампера и делал семьдесят миль в час. Еще и этот дурацкий сигнал...

Неизвестно, был ли незнакомец в "Шевроле" так же опасен, как Чарльз Мэнсон или Ричард Спек, но, без сомнения, он был психически неуравновешен. Он получает удовольствие от того, что терроризирует совершенно незнакомых людей, а такое поведение ненормально. Яснее, чем раньше, Дойл осознал, что совершенно не хочет идти на прямой контакт с этим человеком, сталкиваться с ним лицом к лицу и выяснять пределы его безумия.

Бип, би-и-и-п, би-и-и-п...

– Что нам делать? – спросил мальчик.

– Ты пристегнут? – Дойл бросил быстрый взгляд на Колина.

– Конечно.

– Мы опять оторвемся от него.

– И поедem в Денвер по глухим дорогам?

– Ага.

– А завтра утром он опять нагонит нас, когда будем выезжать из Денвера в Солт-Лейк-Сити.

– Нет, не нагонит.

– Почему ты так уверен?

– Он же не ясновидящий, – ответил Дойл, – ему просто везет, вот и все. Чисто случайно он останавливался на ночь где-нибудь возле мотеля, в котором были и мы, и опять же по чистой случайности утром он отправлялся в путь в то же время, что и мы. Это просто совпадение, поэтому он продолжает попадаться нам на пути.

Алекс понимал, что это единственное рациональное объяснение происходящего, единственно возможная разумная причина. Слабое, слабое объяснение. Алекс не верил ни одному собственному слову.

– Ты ведь читал в газетах о десятках самых невероятных совпадений. И они происходят постоянно.

Теперь Алекс говорил только для того, чтобы успокоить Колина. К нему опять вернулось старое, хорошо знакомое чувство страха. Дойл знал, что теперь, пока они не прибудут в Сан-Франциско, душа у него будет не на месте.

И он нажал на акселератор.

"Тандерберд" рванулся вперед, увеличивая разрыв между собой и "Шевроле". Расстояние быстро росло, несмотря на то, что фургон, в свою очередь, тоже прибавил газу.

– Если мы поедem окольными путями, то тебе придется гораздо дольше сидеть за рулем, – сказал Колин, и в его голосе послышалось смутное предчувствие беды.

– Совсем необязательно. Мы можем поехать на север и попадем опять на тридцать шестое шоссе. Там довольно неплохая дорога, – ответил Дойл, наблюдая за фургоном, который постепенно отдалялся.

– Все-таки это лишние два часа. Вчера, когда мы приехали в мотель, ты был очень уставшим.

– Со мной все будет в порядке, за меня не волнуйся, – сказал Алекс.

Они свернули на семьдесят седьмую магистраль, которая вела на тридцать шестую, и поехали на северо-запад по границе штата.

Колина уже не интересовали поля, элеваторы, старые нефтяные вышки и вихри пыли. Он почти не глядел по сторонам. Он то сминал, то расправлял свою майку с Франкенштейном, нервно барабанил пальцами по коленкам, протирал свои очки с толстыми линзами и опять принимался за майку. Минуты, словно улитки, медленно тащились одна за другой.

Леланд снизил скорость до семидесяти миль в час. При этом мебель и другая домашняя утварь в кузове перестали шумно подпрыгивать. Леланд посмотрел на прозрачную девушку с золотистыми волосами, сидевшую рядом.

— Должно быть, они где-то свернули по пути. Теперь мы уже не догоним их, пока не приедем вечером в Денвер.

Девушка молчала.

— Мне нужно было бы держаться подальше и не показываться им, пока не подвернется шанс сбить их с дороги. Мне не надо так давить на него, наступать на пятки.

Она лишь улыбнулась.

— Ну хорошо, — продолжал он, — я думаю, ты права. Скоростное шоссе — слишком людное, заметное место, чтобы разделаться с ними. Сегодня вечером в мотеле это будет гораздо удобнее. И я смогу прикончить их ножом, если удастся проскользнуть в номер. И никакого шума. Тем более что ничего подобного они не ожидают.

Мимо пробежали поля. Небо налилось свинцом, опустилось еще ниже, и капли дождя брызнули на лобовое стекло. Шуршали "дворники", издавая странный заволаживающий звук, как будто палкой или дубинкой размеренно ударяли по мягкой и теплой плоти.

8

"Рокиз Мотор отель" находился в восточной части Денвера. Это было огромное двухэтажное здание, имевшее четыре больших крыла по сто комнат в каждом. Но, несмотря на его размеры — около двух миль коридоров с цементным полом и металлическими крышами, — отель казался маленьким на фоне высоченных небоскребов города и особенно в сравнении с величественными Скалистыми горами, чьи заснеженные вершины простирались к западу и югу. Днем высокое и яркое солнце путешествовало по рядам окон с двойными рамами и по стальным желобам водостока. Солнечные лучи превращали все стекла в кривые зеркала и плескались на поверхности плавательного бассейна в центре внутреннего двора. По ночам почти во все комнаты из-за гардин пробивался теплый золотистый свет ночных фонарей. Бассейн был с подсветкой, вокруг него сверкало множество лампочек. А при въезде в мотель огромные вывески горели желтым, белым и красным: "Администрация", "Приемная", "Ресторан", зал "Биг рокиз коктейль".

Однако в среду в десять вечера мотель выглядел мрачно и скучно. И хотя, как обычно, он был украшен множеством огней и реклам, они не могли пробиться сквозь хлещущий серый ливень и дымку ночного тумана, который казался запоздалым напоминанием о зимних холодах. Леденящие струи воды обрушивались на покрытую щебнем стоянку, барабанили по десяткам машин и стучали в стеклянные стены приемного зала и ресторана. Дождь настойчивой и монотонной дробью бил по крышам и гофрированным тентам над прогулочными дорожками. Это был приятный звук, в особенности для ночных гостей мотеля, так как он быстро погружал их в глубокий спокойный сон. Дождевые капли с шумом и бульканьем плюхались в бассейн и превращали почву у подножия елей и других деревьев в грязное месиво. Вода переливалась через край водосточных желобов, мелодично журчала, сбегая вниз по обочинам тропинок и канавам, и образовывала крошечные озера вокруг канализационных решеток. Туман ожерельем свисал с оконных карнизов и стлался по гладким красным дверям с номерами комнат.

В комнате номер 319 на краешке кровати сидел Алекс Дойл и прислушивался к стуку дождевых капель по крыше и одновременно к Колину, который разговаривал по телефону с

Куртни.

Мальчик ни словом не обмолвился о незнакомце в фургоне. За долгий-долгий остаток дня тот так и не догнал их. И никаким образом он не мог знать, где Алекс и Колин собираются провести ночь... Даже если игра эта с самого начала имела целью заинтриговать, заинтересовать Алекса настолько, чтобы иметь возможность потом убрать его с дороги, незнакомец не станет продолжать ее в такую скверную погоду. И он не станет осматривать все мотели вдоль шоссе в надежде отыскать "Тандерберд" – по крайней мере в этот вечер и в такой ливень. Поэтому не стоило беспокоить Куртни, рассказывая ей в деталях про опасность, которая уже миновала. Более того, теперь Дойл чувствовал, что с самого начала эта история не стоила того, чтобы придавать ей слишком большое значение.

Колин закончил разговор и передал трубку Дойлу.

– Ну а как тебе понравился Канзас? – спросила Куртни после того, как они обменялись приветствиями.

– Очень поучительно.

– Особенно когда есть учитель вроде Колина.

– Точнее не скажешь.

– Алекс, что с ним?

– С Колином?

– Да.

– Ничего. А почему ты спрашиваешь?

Куртни молчала. Телефонная линия, соединявшая их, мягко шуршала, словно приглушенное эхо дождя.

– Ну... Он не такой экспрессивный, как всегда.

– Даже Колин иногда устает, – ответил Дойл, подмигнув мальчику.

Тот в ответ мрачно кивнул. Он знал, о чем спрашивает сестра и о чем Алекс так старается умолчать. Разговаривая с Куртни, Колин заботился о том, чтобы его голос звучал искренне и естественно. Однако Куртни трудно было обмануть. Во всяком случае, ему не удалось полностью скрыть страх, который продолжал таиться у него в глубине души с того самого момента, когда рано утром предыдущего дня они вновь увидели фургон.

– И только? Он всего лишь устал? – продолжала допытываться Куртни.

– А что еще может быть?

– Ну...

– Мы оба измотаны дорогой, – перебил ее Алекс. Он понял, что Куртни своим шестым чувством ощутила: что-то не так. Иногда она казалась ему прямо-таки телепатом, медиумом.

– Ты знаешь, когда едешь через всю страну, действительно есть на что посмотреть, хотя большая часть пейзажа – это в точности то, что ты уже видел и десять, и двадцать минут назад.

И Алекс переменял тему до того, как Куртни смогла бы начать расспрашивать о подробностях:

– Привезли какую-нибудь мебель?

– О да! Спальный гарнитур, – оживленно ответила она.

– И как?

– Точно так же, как он выглядел в салоне. И матрас, знаешь ли, такой упругий.

Алекс принял ее насмешливый тон:

– Как это ты успела узнать об этом, когда твой муж не проехал еще и полпути из одного конца страны в другой?

– А я минут пять подпрыгивала на нем. Проверяла, понимаешь? – ответила Куртни, тихо посмеиваясь.

Алекс представил себе, как стройная длинноволосая девушка с нежным лицом подпрыгивает на постели, словно на батуте, и рассмеялся.

– И знаешь еще что, Алекс?

– Что?

– Я была совершенно голая. Как тебе это понравится?
Алекс перестал смеяться.

– Мне это очень нравится. – Он почувствовал, как слова вдруг застревают у него в горле. Более того, он понял, что совершенно по-идиотски улыбается, тогда как рядом был Колин, внимательно за ним наблюдавший. – Ну зачем так меня мучить?

– Да я, знаешь ли, все думаю о том, что ты по дороге можешь встретить какую-нибудь нахальную девчонку и удрать с ней. Я не хочу, чтобы ты забывал меня.

– Я в не смог, – произнес он совершенно уж недопустимым, "сексуальным" голосом, – я бы не смог забыть.

– Хорошо, но я хочу быть уверенной. Ах да, я, кажется, нашла себе работу.

– Уже?

– Здесь открывается новый журнал, и им нужен фотограф на полный рабочий день. И никакой возни с бумагами и инструментами. Только фотографирование. Завтра у меня встреча в редакции – я покажу им свои альбомы.

– Звучит грандиозно.

– И для Колина это будет очень хорошо, – продолжала Куртни. – Это не работа в кабинете. Я буду бегать по всему городу и делать снимки. Поэтому ему будет чем заняться летом.

Они поговорили еще несколько минут и распрощались. Когда Дойл повесил трубку, ему показалось, что барабанная дробь дождя по крыше стала громче. Чуть позже, когда они оба уже лежали в своих постелях в темной комнате, Колин вдруг вздохнул и сказал:

– Она поняла, что что-то случилось, да?

– Да.

– Ее не проведешь.

– Ну, по крайней мере, она беспокоилась недолго, – ответил Дойл, уставившись в темный потолок и вспоминая разговор с Куртни.

Казалось, тьма в комнате то сгущается, то рассеивается, пульсирует, как живое существо, и опускается на них сверху, будто теплое покрывало.

– Ты думаешь, мы вправду от него оторвались? – спросил мальчик.

– Разумеется.

– Мы и раньше так думали.

– В этот раз можешь быть уверен.

– Надеюсь, ты прав, – снова вздохнул Колин, – но, кем бы он ни был, он настоящий сумасшедший.

И вскоре шелестящая, обволакивающе-ритмичная музыка весеннего ливня убаюкала их...

Дождь продолжал размеренно и монотонно барабанить по крыше, когда Колин разбудил Дойла. Он стоял возле кровати и тряс Алекса за плечо, торопливо и горячо шепча:

– Алекс! Алекс, проснись! Алекс!

Дойл с трудом сел, покачиваясь, и почему-то смутился, как будто его застали врасплох. Во рту пересохло. Он долго жмурился, пытаясь что-либо разглядеть, пока наконец не осознал, что все еще ночь и что комната по-прежнему черным-черна.

– Алекс, ты проснулся?

– Да-а-а. В чем дело?

– Кто-то стоит за дверью, – сказал Колин.

Алекс безуспешно пытался разглядеть мальчика, но слышал только его голос.

– За дверью? – глупо переспросил он, все еще не до конца понимая, что происходит.

– Он разбудил меня, – прошептал Колин, – и я три-четыре минуты слушал, как он возится. Там, за дверью. По-моему, он пытается отпереть ее.

стороны двери. Звуки отмычки, двигающейся туда-сюда в замке. Они казались гораздо громче, чем были на самом деле, из-за полной тишины, царившей в темной комнате. Помимо этого, ужас Алекса выступал в качестве усилителя звука.

– Слышишь? – спросил Колин, и голос его дрогнул, а на последнем слоге зазвенел дискантом.

Дойл протянул руку в темноту и нащупал худенькое плечо мальчика.

– Слышу, – шепотом ответил он, надеясь, что тон его голоса не меняется. – Не бойся, все будет хорошо. Сюда никто не войдет. И ничего он тебе не сделает.

– Но ведь это он.

Дойл взглянул на свои наручные часы, которые, пожалуй, были единственным источником света в полнейшем мраке. Четкие и яркие цифры словно прыгнули ему в глаза: 3.07 утра. Никто не имеет права пытаться взломать замок чужой комнаты в такой час... Боже, о чем это он? Этого никто не имеет права делать в любое время суток: днем или ночью.

– Алекс, а что, если он сможет войти?

– Ш-ш-ш, – прошептал Дойл, откидывая одеяло и выскальзывая из постели.

– Если он войдет, что тогда?

– Не войдет.

Дойл подошел к двери. Колин следовал за ним по пятам. Он нагнулся и вслушался в звуки, доносившиеся от замка. Без сомнения, это было скрежетание, звон, стук металла о металл.

Алекс отступил на шаг влево от двери к единственному в комнате окну. С большой осторожностью, бесшумно он приподнял тяжелые двойные гардины и жалюзи и попытался разглядеть что-нибудь в том месте рядом с прогулочной дорожкой, где предположительно должен был находиться незнакомец, стоявший возле их двери. Однако снаружи стекло было покрыто белесым туманом, который делал его матовым, совершенно непрозрачным. Дойл мог видеть лишь смутный, рассеянный свет нескольких тусклых фонарей, которые даже не освещали пространство вокруг себя, а лишь делали темноту менее густой, чем в комнате.

С такой же величайшей осторожностью Дойл опустил жалюзи и гардины. Он продолжал тянуть время, хотя и не находил для этого подходящих причин... Просто он знал, что любой момент может стать решающим и ему будет необходимо сделать выбор, принять на себя ответственность. Но Алекс до сих пор так и не решил, способен ли он выступить против того, кто стоял снаружи у двери.

Алекс вновь приблизился к ней, неслышно ступая по колючему и неровному ковру.

Колин все еще стоял на том же самом месте, он был неподвижен, молчалив и, возможно, слишком напуган, чтобы двигаться или говорить. Его силуэт едва можно было различить в густых тенях.

Они вновь услышали, как отмычка царапает замок. Почему-то Алекс представил себе, как с этим же звуком скальпель хирурга натывается на твердую поверхность кости.

– Кто там? – наконец спросил Дойл и очень удивился уверенности и силе, прозвучавшим в его голосе. И еще более удивился, что вообще может говорить.

Проволока перестала двигаться в замке.

– Кто там? – снова спросил Алекс, теперь уже громче, но без прежней смелости. На этот раз в его голосе прозвучала скорее фальшивая бравада.

Послышался звук быстрых шагов по бетонной дорожке – наверняка это был крупный человек, – которые быстро стали удаляться и вскоре совсем стихли, проглоченные завыванием штормового ветра.

Алекс и Колин немного подождали, внимательно вслушиваясь в звуки, доносившиеся снаружи. Но человек ушел. Его не было за дверью.

Алекс нащупал выключатель.

На секунду вспышка света ослепила их обоих, но вскоре они смогли разглядеть знакомые очертания комнаты.

– Он вернется, – сказал Колин.

Мальчик стоял возле стола, на нем были лишь трусы и очки с толстыми стеклами. Худенькие загорелые ноги непроизвольно дрожали, колени чуть не стучали друг о друга. Дойл, тоже в одном нижнем белье, взглянул на Колина и мысленно спросил себя, выдает ли собственное тело его состояние так же, как тело Колина.

– Может быть, нет, – ответил Алекс, – теперь он знает, что мы не спим, поэтому может и не рискнуть вернуться.

– Он вернется. – Колин был непреклонен.

Дойл прекрасно осознавал, какого шага требует от него положение вещей, но все же никак не мог решиться. Ему очень не хотелось выходить на улицу, под дождь, и искать человека, пытавшегося отпереть замок.

– Мы можем вызвать полицию, – предложил Колин.

– Да? Но у нас пока нет ничего, что можно было бы им предъявить, никаких улик или доказательств. Наша история прозвучит как бред парочки лунатиков.

Колин сел на постель и закутался в одеяло. Теперь он был похож на индейца.

Дойл пошел в ванную, набрал из-под крана стакан холодной воды и медленно выпил ее, глотая с трудом.

Сполоснув стакан и поставив его на туалетную полочку возле раковины, Алекс случайно кинул взгляд в зеркало и увидел свое лицо. Оно было бледным и изможденным. И буквально каждая черточка в уголках рта и каждая складка возле глаз носили печать пережитого ужаса. Алексу не понравилась своя собственная физиономия. Так не понравилась, что он постарался не смотреть самому себе в глаза.

"Святой Боже, – подумал он, – когда-нибудь наконец во мне проявится мужчина? Когда-нибудь уступит ему место этот запуганный маленький мальчик? Когда ты наконец вырастешь и преодолеешь это? Или ты так и собираешься до конца своих дней бояться всего и сразу? И даже теперь, когда у тебя есть женщина, которую нужно защищать и оберегать? Или, может, ты думаешь, что скоро вырастет Колин и будет в состоянии оберегать вас обоих – тебя и Куртни?"

Алекс был наполовину рассержен на себя, наполовину пристыжен и все так же испуган. Этого нельзя было отрицать, поэтому он отвернулся от зеркала и собственной физиономии, обвинявшей его в трусости, и вернулся в комнату.

Колин по-прежнему неподвижно сидел на постели, завернувшись в одеяло. Он взглянул на Дойла. Очки и страх сделали его глаза огромными.

– А если бы ему удалось открыть дверь, не разбудив нас, что бы он сделал?

Алекс молча стоял посреди комнаты. Он не знал, что ответить.

– Что бы он с нами сделал? – продолжал мальчик. – Когда все это началось, ты сказал, что вроде у нас красть нечего.

Дойл глупо кивнул в ответ.

– Лично я думаю, что он – как раз то, о чем ты говорил. Один из тех людей, о которых ты читал в газетах. Маньяк.

Голос Колина понизился до еле слышного шепота.

– Ну... теперь-то он ушел, – сказал Алекс, прекрасно понимая, что лжет и себе, и Колину.

Колин пристально смотрел на него.

Выражение его лица было не таким, как всегда. Алекс уловил в нем сомнение и слабый намек на осуждение. Более того, он почувствовал, что мальчик переоценивал его. Это было так же точно, как то, что за окном шел дождь. И хотя Колин был слишком умен для того, чтобы вешать на кого-либо ярлыки и мыслить категориями "черное – белое", в ту минуту его мнение о Дойле явно начало меняться, и меняться к худшему.

Дойл спросил себя, так ли уж много значит для него мнение одиннадцатилетнего ребенка, и тут же ответил на свой вопрос: да, мнение этого ребенка значит много. Потому что всю свою жизнь Алекс боялся людей, он был очень застенчив, чтобы позволить себе сблизиться с кем-нибудь. И слишком не уверен в самом себе. Он просто не мог рискнуть и

полюбить. Пока не познакомился с Куртни. И Колином. Поэтому сейчас мнение этих двух людей о нем значило для Алекса больше, чем всех остальных.

И в следующее мгновение он как бы со стороны услышал собственный голос:

– Пойду-ка я на улицу и посмотрю, что там. И если мне удастся увидеть его хотя бы мельком, запомнить, как он выглядит, или узнать прокатный номер фургона... Тогда мы, может быть, будем знать хоть что-то о нашем противнике. Он уже не будет таким загадочным, таинственным – а значит, настолько пугающим.

– И если он все же попытается предпринять какие-то более серьезные шаги в отношении нас, – подхватил Колин, – мы дадим его описание в полицию.

Дойл вяло кивнул в ответ, потом подошел к шкафу и вытащил из него мятую, запачканную рубаху и брюки, которые он надевал два дня назад. Алекс натянул все это на себя, подошел к двери и в последний момент оглянулся на Колина:

– Ты-то здесь один как – справишься?

Мальчик кивнул и еще плотнее закутался в одеяло.

– Когда я выйду наружу, то захлопну за собой дверь. Ключ я не беру. Не открывай никому, кроме меня. И даже мне, пока не будешь абсолютно уверен, что узнал мой голос.

– Хорошо.

– Я долго не задержусь.

Колин снова кивнул. И потом еще умудрился мрачно пошутить, несмотря на то, что наверняка очень боялся и за себя, и за Алекса:

– Ты, знаешь ли, будь осторожен. Тебе, как художнику, непозволительно было бы дать укокошить себя крайне безвкусно, в такой дешевой и мрачной дыре, как эта.

Дойл грустно улыбнулся:

– Ни в коем случае.

И вышел наружу, убедившись, что дверь за ним захлопнулась на замок.

* * *

В тот же вечер, но чуть раньше детектив Эрни Ховел открыл парадную входную дверь особняка типа "ранчо", находящегося в неплохом районе новых застроек, где жили люди среднего достатка. Район этот находился между Кембриджем и Кадизом, штат Огайо, по двадцать второй магистрали, и около полутора тысяч миль восточнее "Рокиз Мотор отеля". Дом, куда пришел детектив Ховел, был довольно большим, с тремя спальнями, и тянул тысяч эдак на тридцать. Войдя в просторный холл, Эрни увидел, что весь он был запачкан пятнами крови. По стенам протянулись длинные кровавые полосы – видимо, в тех местах, где чьи-то руки в отчаянии пытались за что-нибудь ухватиться. Темные, почти коричневые капли зловещими точками выделялись на бежевом ковре и золотистом парчовом кресле на двоих, стоявшем возле гардероба.

Ховел прикрыл за собой дверь и прошел в гостиную. Там на софе лежала мертвая женщина. Ей было около пятидесяти лет, но она все еще была довольна привлекательна, даже красива: высокого роста, со смуглой кожей и темными волосами. Женщина была убита выстрелом в живот.

Вокруг труп волчьей стаей рыскали репортеры и фотографы из экспертного отдела. Четверо из них, похожие на квартет глухонемых, не произнося ни слова, ползали по комнате на четвереньках, измеряя и высчитывая разлет кровавых брызг, которые, казалось, попали в каждый угол и каждую щель.

– О Господи! – произнес Ховел, едва сдерживая тошноту. Затем он пересек гостиную и по узенькому коридору спустился в одну из ванных комнат, где на полу возле шкафчика, неуклюже повернувшись, лежала очень симпатичная девочка-подросток. Здесь тоже все было покрыто пятнами и каплями крови. На девчужке были только узенькие голубые трусики. В нее выстрелили один раз, попав прямо в голову. Ужасно, но в ванной крови было больше, чем в холле и гостиной, вместе взятых.

В самой маленькой спальне на кровати лицом вверх лежал юноша с длинными

волосами и бородой, закрытый покрывалом до подбородка. Его руки были мирно сложены на груди. Светлое одеяло насквозь пропиталось кровью, и в центре было порвано дробью, выпущенной из ружья. Ярко-красные полосы расчертили вдоль и поперек плакат с изображением "Роллинг Стоунз", висевший над кроватью, а углы и края его загнулись от липкой влаги.

– А я думал, вы работаете сейчас только с делом Пулхэма.

Ховел резко оглянулся. Перед ним стоял тот самый умник эксперт, который сумел найти на полицейской машине Рича Пулхэма отпечатки пальцев убийцы. Что и говорить, парень выглядел отнюдь не глупцом.

– Я послушал первоначальный отчет и подумал: а вдруг эти два дела можно связать воедино? Почерк похожий.

– Это бытовуха, – возразил эксперт.

– Уже есть подозреваемый?

– Уже есть полное признание, – заявил эксперт, равнодушно взирая на труп юноши на постели.

– Кто?

– Ее муж и их отец.

– Он что, убил собственную семью?

Ховел уже не впервые сталкивался с подобным случаем, но всякий раз испытывал шок. Его собственные жена и дети были для Ховела смыслом жизни, буквально всем, поэтому для него оставалось неразрешимой загадкой, как человек может дойти до того, чтобы зверски уничтожить собственную семью.

– Он ждал, когда за ним приедут и арестуют, – добавил один из фотографов. – Он сам и вызвал полицию.

Ховелу стало не по себе.

– Что-нибудь есть по Пулхэму? – спросил эксперт.

Ховел прислонился было к стене, но, вспомнив про кровь, выпрямился и посмотрел на свой рукав. Но в этом месте стена оказалась чистой. Он вновь прислонился к ней, теперь уже спиной. Чувствовал он себя отвратительно, мерзкий холодок то и дело пробегал по спине сверху вниз.

– Думаем, есть. – Он заставил себя сосредоточиться на эксперте. – Скорее всего это началось в кафе "Бринз".

И Ховел кратко рассказал о том, что полиция узнала от Жанет Киндер, той самой официантки, которая в понедельник днем обслуживала очень подозрительного субъекта, чье имя до сих пор не удалось установить.

– Если Пулхэм решил проследить за ним – а я все больше убеждаюсь, что было именно так, – тогда получается, что убийца – именно тот человек, который едет во взятом напрокат фургоне в Калифорнию.

– Это все равно что искать иголку в стоге сена.

Эрни мрачно кивнул:

– По семидесятому шоссе, на запад двигаются, наверное, тысячи таких фургонов. И потребуются недели для того, чтобы проверить их все, установить личности водителей, отсеять всех непричастных и наконец выйти на того гада, который сделал это.

– А официантка смогла его описать? – поинтересовался эксперт.

– Да. Она вообще чокнутая на мужиках, поэтому очень хорошо запомнила подробности.

И он повторил описание человека, полученное от девушки.

– Лично мне кажется, что такой парень скорее бывший морской пехотинец, но не левый радикал, – заявил эксперт.

– Теперь их сам черт не разберет, в наши-то дни, – возразил Ховел, – некоторые из этих молодчиков тоже стригут волосы, исправно бреются и моются, так что их и не отличишь от простых добропорядочных граждан.

Желтолицый умник уже начал снова раздражать Эрни, и он больше не хотел обсуждать

с ним эту тему, тем более что говорили они на разных языках. Поэтому Ховел наконец отлип от стены и еще раз заглянул в залитую кровью спальню.

– Но почему? Почему так? Зачем ему было убивать собственную семью?

– Он очень религиозен, – ответил эксперт и как-то странно улыбнулся.

Ховел не понял его и переспросил.

– Он проповедник, но без духовного сана, любитель, так сказать. Очень предан своему делу и Господу Богу нашему, Иисусу Христу. Он, понимаете ли, несет Слово Божие куда только может, на ночь по часу читает Библию. А потом вдруг видит, как его любимый сынок опускается все глубже и глубже на дно: наркотики, марихуана. Папаша начинает также думать, что его дочурка совсем разболталась, не имеет никакого представления о морали, потому что не рассказывает ему о своем парне и не объясняет, почему пришла домой за полночь. Ну а супруга его, слишком уж заботливая мамаша, покрывает детишек, более того, подталкивает их к греху.

– Ну а почему он сорвался в конце-то концов, где повод? – спросил Ховел.

– Его просто нет. Ничего особенного. Он говорит, что все эти мелочи мало-помалу и день за днем накапливались, и настал момент, когда он не смог этого больше вынести.

– А решение проблемы, выход из положения, значит, – убийство?

– По крайней мере для него – да.

Ховел горестно покачал головой, вспомнив симпатичную девчушку, лежавшую на полу в ванной.

– И куда только катится мир?

– Да никуда, – пожал плечами тощий эксперт, – или, по крайней мере, не весь мир.

10

Дождь лил как из ведра, и казалось, никогда не кончится. Высоко над Денвером ветер гнал с востока рваную серую пелену облаков. Вода потоками текла вниз по остроконечным крышам всех четырех крыльев мотеля, радостно журча, устремлялась по желобам к водосточным трубам, с грохотом обрушивалась по ним вниз и, шумно булькая, исчезала в канализационных решетках на тротуарах. Намокшие деревья и кусты, гладкие стены здания и поверхность мостовой матово поблескивали в темноте. На лужайках перед домом грязная вода собиралась в лужи. Тяжелые капли нарушали спокойствие водной глади бассейна, стучали по плитам его бортика и приминали густую траву вокруг. Порывистый ветер бросал дождевые капли под навес и на открытую веранду на втором этаже, куда выходила комната Дойла и Колина. В тот самый момент, когда Алекс закрывал за собой дверь, ураганный порыв мокрого и холодного ветра атаковал его справа. Тут же его синяя блузка и одна штанина промокли насквозь и прилипли к телу. Дрожа от пронизывающей сырости, Дойл обернулся и посмотрел на юг, в направлении самой длинной парковой аллеи, где располагалось дальнее крыло. Ни в одном окне там не горел свет, тьма была густой и плотной. Лишь слабенькие фонари ночного освещения на веранде, расположенные в пятидесяти-шестидесяти футах друг от друга, слегка рассеивали мрак. Тоскливую картину дополнял ночной туман, вившийся вокруг металлических подпорок навеса и сворачивавшийся в небольшие облачка в нишах входных дверей. Как бы там ни было, Дойл был искренне уверен в том, что никому не придет в голову слоняться по улице в такую погоду.

За его комнаткой располагались еще две, футах в тридцати к северу, а дальше шла решетка, за которой следующее крыло мотеля пересекалось с этим, образуя северо-восточный угол внутреннего двора.

Кто угодно, находясь возле двери, мог в одну секунду взбежать вверх по лестнице, быстро и легко скрыться из виду...

Алекс пригнул голову, чтобы дождь не хлестал в лицо, поспешно поднялся наверх и осторожно заглянул за угол. В проходе никого не было, только бесконечные входные двери красного цвета, ночная тьма, туман и влажные бетонные стены. Голубая электрическая лампочка, прикрытая защитной металлической решеткой, освещала еще одну лестницу,

которая вела вниз, на первый этаж, и выходила на автостоянку. Алекс осмотрел все здание, не встретив ни одной живой души.

Изрядно устав от беготни и тревожного возбуждения, он подошел вплотную к стальным перилам и посмотрел вниз. Он увидел все тот же внутренний двор с бассейном, утопающий в зелени. Кусты и деревья шуршали листвой и раскачивались, приводимые в движение ветром и дождем.

Внезапно Алекса сковало жуткое чувство: будто он был один не только на веранде, но и во всем мотеле. Единственное живое разумное существо во всем здании. Комнаты, холлы, кабинет управляющего – все было пусто, покинуто в ожидании какого-то катаклизма. Алекс тряхнул головой, отгоняя наваждение. Тяжелая, давящая тишина, нарушаемая лишь звуками дождя, да мрачные бетонные стены коридоров породили это странное ощущение и питали его до тех пор, пока оно не стало производить жуткое впечатление реальности.

"Не позволяй маленькому запуганному ребенку вновь появиться на сцене, – одернул себя Дойл. – До сих пор ты справлялся. И сейчас не теряй хладнокровия".

Опершись обеими руками на замысловатые перила, Дойл еще несколько минут вглядывался вниз, в темноту. Нет, никто не скрывался в густой тени, среди карликовых сосен и опрятных аллей, обсаженных кустарником.

Перекрещивающиеся тропинки оставались пустыми и тихими.

Окна – все до одного – были темными.

Внизу царила гробовая тишина, изредка прерываемая завываниями штормового ветра да барабанной дробью дождевых капель.

Стоя возле перил, Алекс промок до костей. Его брюки и рубашку можно было выжимать. Влага пропитала даже его обувь, носки сделались ледяными и издавали хлюпающие звуки. Все тело покрылось мурашками, и Алекс уже не мог сдерживать бившую его дрожь. Из носа текло, глаза слезились от дождевой влаги и тумана. Дойл, однако, чувствовал себя гораздо лучше, чем раньше. Хотя он не обнаружил незнакомца, преследовавшего их, по крайней мере он попытался столкнуться с ним. В конце концов, несмотря на укоризненный взгляд Колина, Дойл мог просто остаться в комнате, просидеть там всю ночь, не рискуя ничем. Но он все же рискнул, вот почему сейчас и был доволен собой.

Разумеется, инцидент был исчерпан. Кто бы ни был этот человек и, черт возьми, что бы он ни намеревался предпринять, ковыряясь в их замке, теперь очевидно, что он потерял интерес к игре, осознав, что его противники начеку. Сегодня ночью он уже не появится вновь. А возможно, они вообще не увидят его больше – никогда и нигде.

Дойл развернулся и двинулся было назад к их комнате, и тут все его спокойствие вновь улетучилось в мгновение ока... Приблизительно в сотне футов от него, в том самом проходе, который он обследовал в самом начале, как только вышел из комнаты, в том самом коридоре, казавшемся совершенно пустым и безопасным, из дверной ниши появился человек и побежал к лестнице, ведущей во внутренний дворик в юго-восточном углу. Из-за тумана, дождя и густой тьмы силуэт его был трудноразличим. Дойл увидел лишь бесформенное пятно, тень, фантом... Однако глухие звуки шагов свидетельствовали о том, что это был не бесплотный дух или игра воображения.

Дойл подбежал к перилам и посмотрел вниз.

Высокий человек, облаченный в темную одежду, которая и делала его почти невидимым в темноте штормовой ночи, бежал скачками через лужайку и вымощенные плитами площадки возле бассейна. Вскоре он скрылся под навесом первого этажа, служившим одновременно крышей открытой веранды.

Алекс бросился за незнакомцем, не успев вполне осознать, что делает. Он подбежал к лестнице, рванулся вниз по ступенькам и выбежал на лужайку, где властвовали дождь и ветер.

Никого. Казалось, неизвестный буквально растворился в воздухе.

Дойл посмотрел на сосны и кустарник. Этот сумасшедший вполне мог спрятаться в их

тени и подождать его там. Что-то опасное, угрожающее сквозило в плотной темноте... Стараясь держаться поближе к желтым и зеленым лампам вокруг бассейна и избегая затененных участков. Дойл пересек внутренний двор. Однако не успел он перевести дух, только что отразив дикую атаку дождя и ветра и добравшись до укрытия, как вновь услышал шаги. На этот раз они доносились откуда-то сзади, с северной стороны здания, и было ясно, что кто-то поднимается на второй этаж. Дойл последовал за ним, прислушиваясь к навязчивому, чуть приглушенному ливнем "тум-тум-тум".

Лестничная площадка, мокрые серо-коричневые крапчатые пролеты лестницы – все было пусто.

С минуту Алекс постоял у лестницы, размышляя и время от времени поглядывая вверх. Он прекрасно осознавал, что если поднимется на самый верх лестницы, то из него получится прекрасная мишень для выстрела из пистолета, он будет открыт и очень уязвим для удара кинжалом; даже крепкий быстрый удар кулаком – и он покатится вниз по тому же самому маршруту.

Но, как бы там ни было, он все же начал подниматься по ступенькам, удивляясь своей собственной смелости и все более и более возбуждаясь от мысли, что смог зайти так далеко. В этот вечер Алекс Дойл обнаружил внутри себя еще одного Алекса Дойла. Этот, новый, мог преодолевать свою трусость и малодушие, сталкиваясь лицом к лицу с опасностью, угрожавшей благополучию, а может быть, и жизни близких и любимых людей, за которых он нес ответственность. Этот Алекс Дойл умел перебарывать себя, когда было задето нечто большее, чем его собственные амбиции.

Но, преодолев последнюю ступеньку и оказавшись в северо-восточном крыле, Алекс по-прежнему был один. Никто не поджидал его там, кроме пустых, темных окон, бетонных стен и похожих одна на другую красных дверей.

И снова то же самое странное чувство: словно он – последний человек, оставшийся в живых в мотеле и даже во всем свете. Алекс не знал, мегаломания или паранойя вызывает подобные фантазии, но ощущение одиночества, изоляции было полным и абсолютным.

И тут он вновь увидел незнакомца в северном углу веранды, вернее – расплывающийся в тумане, исполосованный тенью силуэт. Человек стоял на верхней ступеньке лестницы, ведущей на автостоянку. Голубая лампочка в защитной проволочной сетке была слишком маломощной, чтобы осветить этот призрак. Человек спустился на одну ступеньку, затем, как показалось Алексу, оглянулся и посмотрел на него, сделал еще один шаг вниз, потом третий, четвертый и наконец исчез.

"Словно хочет, чтобы я пошел за ним", – подумал Алекс.

И он двинулся вдоль веранды в северном направлении и потом вниз по мокрым от дождя ступеням.

11

Четыре ртутные дуговые лампы висели над автостоянкой, расположенной позади "Рокиз Мотор отеля", и каким-то образом умудрялись освещать ряды машин внизу, хотя казалось, что тьма вокруг ламп и над ними была гуще, чем где бы то ни было. Мутный, раздражающий глаз сиреневый свет вспыхивал искорками в падающих дождевых каплях и то и дело сверкал на черном щебне, покрывавшем площадку. Этот свет буквально высасывал краски из всего, к чему прикасался, превращая яркие автомобили в застывшие унылые тени неопределенного зеленовато-коричневого оттенка.

Дойл, на лице которого тоже лежал светло-сиреневый отблеск, стоял на нижней площадке лестницы и оглядывал стоянку, вертя головой то налево, то направо. Незнакомца нигде не было видно. Разумеется, он мог спрятаться между машинами, пригнуться к земле и выждать... Но, если преследование превратится в "прятки" на площадке с двумя-тремя сотнями автомобилей, они проведут целую ночь, бегая туда-сюда между машинами.

Алекс подумал было, что пора на этом закончить, что таким образом он никого и ничего не найдет. Он не собирался караулить этого человека или его взятый напрокат фургон. Самое

время сейчас отправиться к себе в комнату, сбросить мокрую одежду, растереться полотенцем и... Но тут Алекс почувствовал, что не может так быстро и просто сбежать, уклониться от брошенного ему вызова. Он был не то чтобы опьянен собственной храбростью, но как бы слегка захмелел от сознания своего нового внутреннего состояния. В нем говорил новый Алекс Дойл. Дойл с чувством ответственности, Дойл, который был в силах преодолеть свой давнишний страх. Алексу было интересно, насколько далеко может завести его это доселе неведомое, отчасти подозрительное, но, несомненно, привлекательное ощущение собственной силы.

И он двинулся вперед в поисках незнакомца.

* * *

Неподалеку находился зал торговых автоматов, в который вели два входа – проемы в стене без дверей. Холодный белый свет широкими двойными полукругами исходил из обеих узких арок, рассеивая тошнотворное сиреневое сияние верхних дуговых ламп.

Дойл приблизился к одному из входов и вошел внутрь зала.

Помещение было хорошо освещено и казалось абсолютно пустым. Однако громоздкие автоматы создавали множество так называемых мертвых зон – по крайней мере, дюжину ниш и закоулков, где мог бы спрятаться человек.

Зал представлял собой помещение приблизительно двадцать на двадцать футов. Двадцать машин стояли в два ряда вдоль стен – друг против друга, словно некие футуристические бойцы-тяжеловесы, ожидающие сигнала к началу боя. Три гудящих автомата с шестью видами прохладительных напитков – в банках или бутылках; два приземистых – с сигаретами; два с печеньем и хрустящими хлопьями, наполненные большей частью уже зачерствевшими изделиями; два автомата с конфетами; один – с кофе и горячим шоколадом. У этого на зеркальном фасаде была изображена чашка с дымящейся коричневой жидкостью.

Имелись также автоматы с арахисом, хрустящим картофелем и сырными шариками и один автомат со льдом, шумно и монотонно трещащий, выплевывая все новые и новые кубики в блестящий стальной контейнер-накопитель.

Алекс медленно двигался вдоль бормочущих, гудящих и трещащих автоматов, заглядывая в каждую нишу между ними, всякий раз ожидая, что вот-вот на него выпрыгнет незнакомец. Внутреннее напряжение не отпускало его, но оно было совсем иного свойства, чем раньше. Странно, но ему было словно интересно и страшно одновременно. Эти жутковатые переживания как бы очищали его изнутри. Алекс чувствовал себя мальчишкой, слоняющимся по самым что ни на есть заброшенным глухим закоулкам кладбища в ночь Всех Святых. Противоречивые эмоции захлестывали все его существо.

Но в зале с торговыми автоматами никого не было.

Дойл снова вышел на улицу, под проливной дождь, но уже не столь сильно сожалел об отвратительной погоде. Видимо, незнакомец основательно сам запутался в своих действиях.

Алекс медленно шел вдоль рядов припаркованных машин, вглядываясь в промежутки между ними. Однако, пересекая стоянку по диагонали из конца в конец, он не увидел ни тени, ни одного движения, ничего.

Он уже был готов считать, что с этим покончено, как вдруг заметил слабую полосу света, исходящую из приоткрытой двери в подсобное помещение. Не более пяти минут назад Алекс проходил там – по пути в зал торговых автоматов. Тогда дверь была закрыта. И едва ли в этот час там работал мастер мотеля...

Алекс прислонился спиной к мокрой бетонной стене, а головой к аккуратно выполненной черно-белыми буквами надписи:

ПОДСОБНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ

Посторонним вход воспрещен

Минуту он молча прислушивался к звукам, доносившимся из комнаты. Потом осторожно протянул руку, толкнул большую, тяжелую, обшитую металлическими листами

дверь. Она бесшумно распахнулась, сероватый свет полился изнутри.

Дойл заглянул внутрь. Прямо напротив, в другом конце помещения, была вторая дверь, такая же массивная, обшитая металлом. И она была широко открыта. За ней виднелась площадка, где ремонтировали машины. Ну что ж, не так уж плохо. Незнакомец здесь был и уже ушел.

Алекс вошел в подсобку и огляделся. Она была чуть больше, чем зал торговых автоматов. Сзади, вдоль стены, выстроились контейнеры с чистящими техсредствами: шампунями, абразивами, восковыми полировочными составами. Там же стояли электрополотеры и целый лес метел и швабр на длинных ручках. Алекс увидел кучу губок для мытья стекол, а в центре – две машинки для стрижки травы. Рядом с ними были свалены в кучу садовые инструменты и две огромные катушки прозрачных зеленых поливочных шлангов. Прямо перед ним, ближе к двери, располагались верстаки, плотницкий инструмент, стояла ажурная пила и даже небольшой токарный станок. Стена справа была вся скрыта деревянными стеллажами с нарисованными на них контурами инструментов, и сами инструменты были развешаны строго по своим местам. Все, казалось, было на месте. Кроме садового топора.

Контейнеры размещались на большом расстоянии друг от друга и были слишком малы, чтобы за ними можно было спрятаться. Тем более там не смог бы укрыться такой высокий и широкоплечий мужчина, которого видел Алекс, когда тот бежал через внутренний двор.

Дойл сделал еще несколько шагов вперед и был уже на полпути ко второй двери – ему оставалось преодолеть лишь фунтов пятнадцать, – когда он вдруг неожиданно осознал, что может означать отсутствие топора на стеллаже. Алекс оцепенел. Зато в следующее мгновение, каким-то шестым чувством уловив опасность, он упал на пол и откатился в сторону с таким проворством, какого ему не приходилось демонстрировать никогда в жизни. В ту же секунду за ним словно из-под земли вырос настоящий гигант, светловолосый, с безумным взглядом. Держа обеими руками садовый топор, он занес его над головой.

12

За свои тридцать лет Алекс Дойл ни разу не дрался, не участвовал в спортивной борьбе и даже в юношеском "тяни-толкай". Он никогда не пытался наказать или проучить кого-либо физически и сам также не испытывал ни разу подобного давления. Будучи либо обыкновенным слабаком, либо убежденным пацифистом, либо и тем и другим вместе, Алекс всегда умел избегать опасных, приводящих к конфликту разговоров, ловко уходил от спора и, как правило, никогда не принимал чью-либо сторону. Одним словом, он стремился так строить свои отношения с окружающими, чтобы по возможности избежать вероятного физического насилия. Алекс был цивилизованным человеком. Все немногие его друзья и знакомые были такими же миролюбивыми, как и он сам. Он был просто-напросто не готов к тому, чтобы вступить в схватку с разъяренным сумасшедшим, размахивающим отточенным топором.

Однако там, где опыта было явно недостаточно, сработал инстинкт. Алекс, словно тренированный боец, упал на спину и, уклонившись от сверкающего лезвия, покатился по запачканному маслом цементному полу, пока не уперся в садовые косилки.

Его психоэмоциональное восприятие опасности намного опережало трезвый анализ ситуации. Алекс слышал свист топора, рассекающего воздух в нескольких сантиметрах от его головы, и думал только о том, как опередить противника, предугадать, каким будет его следующий шаг.

И все же это было непостижимо, невероятно – кто-то вдруг вздумал отобрать у него жизнь, причем таким кошмарным, кровавым способом. Алекс Дойл. Человек, у которого нет врагов. Человек, который шел по жизни с предельной осторожностью и мягкостью, человек безоружный, который зачастую приносил свою гордость в жертву, предпочитая отступление открытому столкновению. Какое-то безумие.

Незнакомец двигался быстро. Ошеломленный Алекс наблюдал за его приближением,

оцепенев от неожиданной и чрезвычайно жестокой атаки.

Великан снова занес топор.

– Нет! – сказал Дойл и едва узнал свой собственный голос.

Отточенное лезвие взлетело вверх и застыло на мгновение. В мощных руках незнакомца топор выглядел словно изящный хирургический инструмент. Яркие блики плясали на острие. Страшное орудие почему-то казалось Алексу фантастическим, нереальным, хотя он явственно ощущал исходящий от него холод. Лезвие топора, как будто колеблясь или размышляя, несколько мгновений было неподвижно – а потом резко упало вниз.

Алекс успел откатиться в сторону.

Топор снова упал рядом, следуя за ним по пятам. Прорезав влажный воздух, он издал свистящий звук и вонзился в жесткую резиновую крышку одной из газонных косилок.

Дойл вскочил и, ведомый слепым, но безошибочным инстинктом самосохранения, перепрыгнул через один из верстаков, с почти невероятной легкостью преодолев расстояние в четыре фута, и, споткнувшись, чуть было не растянулся плашмя, лицом вниз.

Позади него безумец хрипло и гневно выругался.

Дойл резко обернулся, ожидая, что в следующий момент топор разможжит ему голову либо сокрушит деревянную скамью позади него. Только теперь он осознал всю остроту и опасность ситуации: он понял, что может погибнуть.

Незнакомец сильным рывком выдернул топор из плотной резиновой шины – было видно, как напряглись его плечи. Потом он развернулся, издав неприятный звук – его мокрые ботинки царапнули цементный пол, – и вновь судорожно вцепился в топор обеими руками, словно это был священный и могущественный талисман, предохраняющий владельца от злых чар. В этом человеке определенно было что-то дикое, особенно его огромные, ненормально большие глаза, очерченные темными кругами....

Теперь эти глаза отыскивали Дойла. Невероятно, но человек кивнул ему и улыбнулся.

Алекс не стал отвечать на улыбку. Он просто не мог. Он почти физически ощущал близкое дыхание смерти и думал о том, какого дьявола ему надо было уходить из номера.

Он находился слишком далеко от обеих дверей, чтобы попытаться добежать до них. Он был почти уверен, что еще до того, как он сумеет перешагнуть порог, лезвие топора непременно вонзится ему между лопаток.

Человек медленно продвигался к Дойлу. С его насквозь мокрой одежды капало. Двигался незнакомец бесшумно и мягко, слишком ловко для человека его телосложения. Весь этот шум, производимый им сначала на лестницах и галереях, был, несомненно, хорошо продуманной уловкой. Человек намеренно приманивал Алекса, блуждая по темным коридорам, и наконец привел в такое место, где его можно было с легкостью поймать. В комнату-ловушку. И теперь их разделяла лишь деревянная скамья.

– Кто вы? – спросил Дойл.

Остановившись по другую сторону скамьи, которая приходилась ему по пояс, незнакомец больше не улыбался. Теперь он напряженно морщился и вздрагивал, будто его немилосердно щипали и кололи булавками. Что же это такое, что может быть у него на уме? Что еще, кроме убийства? Что-то его явно раздражало, это было очевидно. Рот его зловеще сжался в жесткую, прямую линию. Казалось, человек отчаянно боролся сам с собой, пытаясь заглушить, подавить некую внутреннюю боль.

– Что вам от нас нужно? – как можно спокойнее спросил Дойл.

Мужчина пристально посмотрел на него.

– Мы же не сделали вам ничего дурного!

Ответа не последовало.

– Вы ведь даже не знаете, кто мы, не так ли?

Дойлу было нужно, было необходимо говорить, задавать вопросы. Пусть очень тихим, слабым голосом, шепотом, в котором звучал предательский страх, ужас. Алексу не раз случалось успокаивать гнев других людей миролюбивыми, доброжелательными словами. И

теперь надо было попытаться извлечь хоть тень раскаяния из души этого человека.

– Что вы выиграете, уничтожив меня?

На сей раз сумасшедший взмахнул топором по горизонтали, справа налево, пытаясь перерубить Алекса пополам.

Он был близок к цели. Его руки были достаточно длинны для этого; даже деревянная скамья не могла бы помешать ему. Однако Дойл сумел вовремя заметить его движение и уклониться.

А потом он зацепился за большой верстак. Алекс замахал руками, безуспешно пытаясь восстановить равновесие. Стены комнаты накренились и поплыли у него перед глазами. В эту минуту Дойл понял, что, возможно, у него нет больше ни одного шанса выбраться живым из этого места. Он не вернется в комнату номер 318, где его ждал Колин, он никогда не доедет до Сан-Франциско и не увидит новую мебель в своем новом доме. И ему не суждено приступить к новой, прекрасной работе в агентстве. И любить Куртни. Никогда. Падая, Алекс заметил, как светловолосый незнакомец двинулся к нему в обход верстака.

Едва коснувшись пола, Алекс тут же вскочил на ноги, пытаясь выиграть у сумасшедшего хотя бы еще одно драгоценное мгновение.

Но, сделав три коротких шага назад, он уперся спиной в деревянный стеллаж с инструментами. И как только Дойл понял, что больше ему бежать некуда, незнакомец шагнул вперед, оказавшись прямо напротив него, и вновь взмахнул топором. Справа налево. Дойл пригнулся.

Лезвие царапнуло по дереву прямо над его головой. Дойл услышал, как топор вновь со свистом рассек воздух, и тем не менее выпрямился и схватил тяжелый молоток-клещи, висевший на вбитом в стену крюке. И, уже сжимая молоток в руках, был отброшен в сторону и назад сокрушительным ударом. Молоток с грохотом покатился по полу.

У Дойла в голове мелькнула мысль, что потеря молотка была, пожалуй, наименьшей из тех потерь, которые, возможно, его еще ждут. Невыносимая, пульсирующая боль где-то сбоку, в области грудной клетки, превратила Алекса в совершенно беспомощное существо. Что произошло? Его разрубили на куски? Разорвали на части? Боль... Боль была ужасной, самой жуткой, которую ему когда-либо приходилось выносить. Боже милосердный, пожалуйста, нет... Умоляю, только не это... Только не смерть... Кровь... Только не лежать неподвижно, истекая кровью, пока топор поднимается и потом методично расчленяет его. Черт возьми, только не смерть. Что угодно, но не это: пустота, тьма, вечный мрак. От этого видения кровь застывает в жилах... В голове вертелось: "Господи, Боже милостивый, нет..."

Все эти мысли молнией пронеслись в мозгу Алекса, однако в следующую секунду он осознал, что лезвие топора его не задело. Безумец ударил его обухом, как раз под ребра, справа. Удар был настолько силен, что еще немного, и Алекс испустил бы дух, а на теле остался бы лишь рубец или даже просто синяк. И ничего более. Ни крови, ни раны.

Но где же этот сумасшедший с его топором?

Дойл с трудом открыл глаза. К его великому изумлению, незнакомец бросил свое ужасное орудие и, прижав ладони к вискам, корчил какие-то странные гримасы. На лбу его выступил пот и крупными каплями катился по красному от натуги лицу.

Ловя ртом воздух, Алекс еле поднялся на ноги и прислонился к стене. Он был слишком слаб и разбит болью, чтобы двигаться.

Светловолосый заметил его движение и нагнулся за топором, но остановился на полпути. Он издал сдавленный вопль, повернулся и, спотыкаясь, побрел прочь из комнаты – в ливень и ночную мглу.

Прошло довольно много времени, пока Алекс пытался восстановить дыхание и преодолеть колющую боль в боку. Он ни секунды не сомневался, что получил лишь временную передышку. Ведь его врагу не имело смысла бросать почти законченное дело и уходить. Человек отчаянно нуждался в том, чтобы убить Дойла. Он не шутил и не играл. Каждый раз, взмахивая топором, он надеялся разрубить Алекса пополам. Вне всякого сомнения, он был ненормальным. А ненормальные, как известно, непредсказуемы.

Однако он не вернулся.

Постепенно боль в боку отпустила, и вскоре Дойл смог держаться прямо и идти. Дыхание стало гораздо ровнее, хотя Алекс все еще не мог глубоко вздохнуть без того, чтобы не почувствовать острую боль. Сердце тоже немного успокоилось.

Итак, он остался один.

Алекс медленно, прижимая ладонь к правому боку, подошел к двери, выглянул наружу и, секунду помедлив, сделал шаг вперед. Тут же с новой силой на него набросились дождь и ветер, пробирая до костей холодом и сыростью.

Стоянка была пуста. Блестели мокрые поверхности буро-зеленых машин. Все они были похожи друг на друга – неподвижные близнецы. Алекс прислушался к звукам ночи.

Но лишь монотонная дробь дождя и свист ветра звучали в тишине.

И вот уже стало казаться, что все происшедшее в подсобке было ночным кошмаром, дурным сном. И если бы не боль в боку, напоминавшая о реальности случившегося, Алекс, пожалуй, вернулся бы в мастерскую и поискал бы топор и другие свидетельства того, что с ним приключилось.

Он побрел по направлению к внутреннему дворику мотеля, поднимая фонтаны брызг, идя по лужам и не пытаясь обойти их. Десятки раз он останавливался, всматриваясь подозрительно в каждое движение теней и прислушиваясь.

Однако слышал он только свои собственные шаги.

Наконец Алекс добрался до северо-восточного крыла здания, поднялся вверх по лестнице на второй этаж и прислонился к перилам ограды. Некоторое время он стоял неподвижно, переводя дыхание и унимая новую вспышку тупой боли в боку и груди.

Алекс продрог, его била крупная дрожь. Дождевые капли, словно острые льдинки, кололи лицо.

Алекс обвел глазами десятки темных окон и закрытых дверей... Неожиданно ему пришла в голову мысль: а почему, собственно, он не закричал, не позвал на помощь, когда незнакомец напал на него с топором? Его голос проник бы, прорвался в эти комнаты, разбудил бы людей. И если бы Алекс кричал изо всех сил, так громко, как только мог, кто-нибудь наверняка пришел бы узнать, в чем дело. И еще кто-нибудь позвонил бы в полицию. Но Алекс был так напуган, что просто не догадался позвать на помощь. Их битва была странно бесшумной. Это был кошмар беззвучных ударов и контрударов. Никто из обитателей мотеля не слышал их.

А потом Дойл подумал: а ответил бы вообще кто-либо на его призыв о помощи? Или все эти люди просто перевернулись бы на другой бок в своих постелях, засунув головы под подушки?

Да уж, эту мысль не назовешь приятной.

Дрожа от озноба, Алекс попытался перестать думать обо всем этом, с усилием оторвал непослушное тело от перил и побрел в свою комнату по мокрой от дождя дорожке.

13

Когда Дойл насухо вытер волосы, Колин сложил вчетверо белое мокрое полотенце, отнес его в ванную и развесил на перекладине душевой вместе с мокрой от дождя одеждой. Колин был в одних трусах да еще успел нацепить на нос свои очки, и было забавно смотреть, как он изо всех сил старается вести себя спокойно и с достоинством, хотя Алекс видел, что Колин изрядно напуган.

Мальчик вернулся в комнату, сел на свою постель и устался на правый бок Дойла, где наливался фиолетовым большой синяк.

Кончиками пальцев Алекс осторожно ощупал бок и убедился, что вроде бы ребра целы и на этот раз, похоже, обойдется без врача.

– Болит? – спросил Колин.

– Чертовски.

– Может, приложить лед?

– Это всего лишь синяк, нечего возиться.
– Это ты так думаешь, что всего лишь синяк, – озабоченно произнес Колин.
– Ничего, самое страшное уже позади. Боль утихает. Несколько дней придется помучиться, но этого не избежать.
– Что нам теперь делать?

Дойл, разумеется, рассказал Колину все: о топоре, о сражении с высоким мрачным человеком с безумными глазами. Дойл знал, что обманывать его нет смысла – мальчик немедленно распознал бы ложь и приставал бы к нему до тех пор, пока не вытянул бы из Алекса все. Колин был не из тех людей, с которыми можно обращаться как с детьми.

Услышав вопрос Колина, Алекс перестал разминать и массировать бок и задумался.

– Ну... нам определенно нужно сменить маршрут от Солт-Лейк-Сити. Вместо дороги сорок, как было запланировано раньше, мы поедем по шоссе восемьдесят или двадцать четыре и...

– Мы и раньше уже изменяли маршрут, – сказал Колин, сверкая толстыми и круглыми линзами очков и при этом немного напоминая филина. – Это ни на что не влияет. Он снова и снова догоняет нас.

– Он догнал нас, только когда мы свернули на семидесятое шоссе, а это именно та дорога, по которой ехал он, – ответил Дойл. – Но на сей раз мы не будем возвращаться на главное шоссе. Мы поедем далеко в объезд. Придется рассчитать новый путь в Рено из Солт-Лейк-Сити, а потом запасной вариант из Рено до Сан-Франциско.

Колин с минуту поразмышлял.

– Может быть, нам следует останавливаться в других мотелях? Выбирать их наобум?

– Но у нас забронированы комнаты, там нас уже ждут.

– Именно об этом я и говорю, – помрачнел мальчик.

Дойл растянулся на постели, прислонившись головой к спинке кровати.

– Думаешь, этому типу известно, где мы собираемся останавливаться на ночь каждый раз?

– Но ведь каждое утро он снова и снова удачно выслеживает нас, – парировал Колин.

– И как же ему становится известно о наших планах?

Колин пожал плечами.

– Предположим, он из числа людей, которых мы знаем, – принялся рассуждать Дойл, отнюдь не воодушевляясь этой мыслью, наоборот, стараясь оттолкнуть, прогнать ее от себя. – Я с ним не знаком. А ты?

Колин опять лишь пожал плечами.

– Я уже описывал его, – продолжал Дойл. – Крупный, высокий мужчина. Светлые, почти белые волосы, короткая стрижка. Голубые глаза. Вообще-то симпатичный. Немного мрачноватого вида... Похож на кого-нибудь из знакомых?

– Я не могу так сразу сказать по одному описанию, – ответил Колин.

– Совершенно верно. Он ничем не отличается от миллиона других. Так, а если исходить из предположения, что он – совершенно незнакомый человек, просто рядовой сумасшедший американец, вроде тех, о ком мы каждый день читаем в газетах?

– Он поджидал нас в Филадельфии.

– Не поджидал. Он случайно...

– Он тронулся в путь вместе с нами, – произнес Колин, – он с самого начала преследует нас.

Но Дойл не желал даже думать о том, что это может быть знакомый, так сказать, имеющий на них зуб – обоснованно или надуманно. Если так, то вся эта безумная история может и не кончиться с концом поездки. Если маньяк их знает, он сможет вновь выследить их в Сан-Франциско. Он может следовать за ними когда захочет, в любое время.

– Нет, мы его не знаем, – настаивал Алекс, – он просто псих. Я видел, как он действует. Я видел его глаза. Он не из тех, кто может разработать и осуществить план погони через всю страну.

Колин молчал.

– Чего ради ему устраивать за нами погоню? Если ему нужно убить нас, то почему он этого не сделал еще там, в Филадельфии? Или на побережье? Чего ради гнаться за нами всю дорогу?

– Я не знаю, – признался мальчик.

– Послушай, тебе придется согласиться, что кое-что здесь просто совпадение, – продолжал Дойл. – По чистой случайности он начал свою поездку одновременно с нами, от того же дома той же улицы. И он ненормальный. А ненормальному вполне достаточно подобного совпадения, чтобы превратиться в одержимого навязчивой идеей. Он схватится за нее, раздует, использует как базу для своих параноических иллюзий. И все, что уже произошло, вполне объясняется этим фактом.

Колин обхватил плечи руками и стал медленно покачиваться из стороны в сторону. Потом произнес:

– Наверное, ты прав.

– Но я все же тебя не убедил?

– Нет.

– Ну хорошо, – вздохнул Дойл, – мы отменим все сделанные заказы и следующие две ночи будем выбирать мотели наугад. Если, конечно, будут свободные номера.

Он улыбнулся, почему-то почувствовав облегчение, хотя и не верил всерьез в смутные предположения Колина.

– Теперь тебе лучше?

– Мне не будет лучше, пока мы не доберемся до Сан-Франциско, до дома, – ответил Колин.

– Так же, как и мне.

Дойл скользнул под одеяло и вытянулся на кровати. Движение снова причинило ему острую, взрывную боль в боку.

– Не хочешь выключить свет, чтобы мы смогли хоть немного передохнуть?

– И ты сможешь спать после всего этого? – спросил Колин.

– Может, и не смогу. Но попытаюсь. Если мы собираемся возвратиться немного назад, выбрать другую дорогу и таким образом прибавить несколько часов пути к нашему расписанию, мне необходим максимальный отдых.

Колин выключил свет, но не лег.

– Я посижу вот так немного, – сказал он, – не могу сейчас спать.

– Нужно постараться.

– Я попробую. Чуть позже.

Смертельно уставший Дойл заснул, но спал урывками, не крепко. Ему снились сверкающие лезвия, топоры, кровавые брызги, в ушах звенел жуткий смех маньяка. Много раз Алекс просыпался, обливаясь холодным потом. А когда он не спал, то думал о таинственном незнакомце и гадал, кто это может быть. Кроме того, мысли Алекса занимала его собственная так неожиданно проявившаяся храбрость. Он понимал, что любовь к Куртни и Колину придавала ему силы и отваги. Когда ему нужно было заботиться только о себе, Алекс всегда мог избежать проблем. Но теперь... Их было трое, а троим не так-то просто убежать. Таким образом Алекс, сам того не желая, обнаружил в себе некие скрытые ресурсы, о которых и не подозревал. И, поняв, что находится теперь в большем ладу с самим собой, чем когда бы то ни было раньше, довольный, он вновь заснул. А потом ему опять приснился все тот же сон, и он опять проснулся. Но теперь он уже смог унять бившую его дрожь, уверенный, что отныне он в состоянии управляться с ней.

Долгих два часа Колин неподвижно сидел на кровати в полной темноте, слушая дыхание Дойла. Он слышал, как тот вдруг проснулся, забился под простынями и потом снова уснул. "Ну, по крайней мере, он хоть отдохнет", – подумал Колин, на которого произвели огромное впечатление хладнокровие и самообладание Дойла в такой опасной ситуации.

Колину всегда нравился Алекс Дойл. Он восхищался им настолько, что считал делом

чести скрывать свое восхищение. Иногда Колину хотелось сжать Дойла в объятиях, прижаться к нему и так остаться навсегда. Пока Дойл ухаживал за Куртни, Колин все время боялся, что сестра не сумеет его удержать и Алекс бросит их. И вот теперь, когда Алекс был членом их семьи, "принадлежал" им, Колин ни о чем так не мечтал, как о том, чтобы быть все время рядом с ним и учиться у него. Однако он давно уже изо всех сил старался быть взрослым, зрелым, поэтому сдерживал себя. И, несмотря на огромную любовь, восхищение и привязанность к Алексу Дойлу, выражал свои эмоции потихоньку, так сказать, маленькими порциями.

Когда утром солнечные лучи стали пробиваться в комнату поверх тяжелых гардин, Колин поднялся с постели и направился в ванную принять душ. Он знал, что Алекс спит. И пока теплая вода ласкала и массировала его тело, а желтое душистое мыло приятно пенилось в руках, Колин постепенно успокоился, почти забыл о незнакомце в "Шевроле". Немного, совсем немного удачи и везения – и все будет в порядке. Все просто должно кончиться хорошо в конце концов, потому что Алекс Дойл был здесь именно для того, чтобы ничего плохого не случилось ни с Колином, ни с Куртни. Колин был уверен в этом.

* * *

К тому моменту, когда Джордж Леланд добрался до своего фургона, припаркованного недалеко от "Рокиз Мотор отеля", он уже давно забыл и о Дойле, и о мальчишке. Джордж повертел в руках ключи, но пальцы не слушались его, и ключи полетели в грязь. Наконец отыскав их в глубокой луже, он отпер заднюю дверь и забрался внутрь фургона. Леланд был совершенно разбит, измучен болью.

Это была самая жуткая мигрень, которую он когда-либо испытывал. Обычно она концентрировалась внутри и вокруг правого глаза, но теперь веером разлилась по лбу и побежала дальше, назад и вверх, к затылку. От этой неистовой боли у Леланда заслезились глаза. Он слышал скрип собственных зубов, похожий на царапанье колес по песчанику, но не в его силах было усмирить свои челюсти: Леланд чувствовал себя так, словно был в чьей-то власти, и этот кто-то думал, что боль можно прожевать, измельчить на крошечные кусочки, проглотить и переварить.

В этот раз ничего не предвещало болевую вспышку. Обычно где-то за час до первой волны Леланда начинало тошнить, голова кружилась, разноцветные круги горячего слепящего света концентрировались перед глазами. Но не сегодня вечером. Странно, но за секунду до начала приступа он чувствовал себя просто великолепно, а потом боль, подобно удару молотка, обрушилась на него. Теперь он понимал, что раньше, по сравнению с сегодняшним приступом, она была просто ничтожной. Состояние Леланда быстро ухудшалось, боль нарастала так стремительно, что он не надеялся добраться до мотеля, прежде чем полностью обессилеет.

Выезжая с автостоянки, фургон зацепил бордюр при повороте на шоссе, и Леланд услышал, как скрипнули рессоры. В тот вечер он не чувствовал себя частью машины, совсем нет. Леланд был словно инородное тело, случайно попавшее в этот хитроумный механизм под названием "автомобиль", и руль, который сжимали его тяжелые большие ладони, казался ему чужим, незнакомым, враждебным предметом. С трудом управляя фургоном, Джордж бросил косой взгляд на мокрый тротуар, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть за плотной стеной дождя и длинными, похожими на призраки полосами тумана.

Навстречу ему вдруг выскочила низкая легковушка, которая, приблизившись, обдала фургон потоком воды и грязи из-под колес. Ее передние четыре фары светили так ярко, что Леланду показалось, будто четыре лезвия вонзились ему в глаза и изрезали их, оставив глубокую болезненную рану.

Автоматически, инстинктивно он крутанул руль вправо, уклоняясь от бьющего света. Фургон наткнулся на бордюр тротуара, накренился набок, прыгнул на обочину и только там выровнялся вновь, еще долго содрогаясь и восстанавливая равновесие. В кузове шумно задвигалась мебель. И в эту секунду неожиданно, словно из-под земли, из темноты перед

Леландом выросла стена, выложенная из красно-коричневого кирпича, невысокая, глухая, несущая смерть. Леланд вскрикнул и резко свернул влево. Правое переднее крыло с лязгом ударилось о кирпич. Фургон вновь прыгнул на тротуар, и его колеса угрожающе заскрипели по мокрому асфальту. Прошло всего несколько мгновений, показавшихся Джорджу вечностью. Наконец машина неохотно опять стала подчиняться управлению.

Леланд добрался до мотеля только благодаря счастливой случайности: ему на пути не попалось больше ни одной машины. В противном случае, если бы ему встретился хоть один автомобиль, Леланд разбил бы вдребезги "Шевроле" и погиб сам.

Он долго не мог вставить ключ в замочную скважину двери в свой номер. Дождь хлестал по его спине, и Леланд выругался так громко, что вполне мог разбудить других обитателей мотеля.

Войдя в комнату и плотно закрыв за собой дверь, Леланд почувствовал, как боль неожиданно и резко усилилась, и рухнул на покрытый пятнами ковер. В тот момент он был уверен, что умирает.

Однако это была последняя волна, и боль вскоре стала вполне переносимой.

Леланд подошел к постели и собрался было лечь, но вспомнил, что сначала нужно переодеться. На нем не было ни одной сухой нитки. И если провести остаток ночи в этой одежде, подумал Леланд, то на следующее утро он будет совершенно больным...

Медленно и с нарочитой тщательностью он разделся и докрасна вытерся пушистым полотенцем. Однако и после этого его продолжало колотить. Вероятно, он все-таки заболевает. Дрожа как в лихорадке, Джордж лег в постель и натянул одеяло до подбородка. Он смирился с неутихающей болью и попытался привыкнуть к ней.

Приступ длился в два раза дольше, чем обычно. И когда он совсем уже прошел, а это случилось только на рассвете, Леланда стали мучить кошмары, которые в этот раз были еще ужаснее, чем всегда. И единственным светлым пятном в круговерти отвратительных чудовищ был образ Куртни. Она то появлялась, то исчезала, а то подолгу стояла перед глазами. Нагая и прекрасная. Ее полная, округлая грудь и великолепной формы длинные ноги приносили облегчение, отдохновение от страшных картин сна... Однако всякий раз, когда Куртни появлялась, Леланд в своем воображении убивал ее кинжалом. И всякий раз, без исключений, убийство доставляло ему невиданное удовольствие.

Четверг

14

Двадцать пятое шоссе уходило к северу от Денвера и на границе штата Вайоминг состыковывалось с восьмидесятым шоссе. Это была прекрасная четырехполосная трасса, с великолепным покрытием и подъездными путями; по ней можно было доехать напрямик до Сан-Франциско, никуда не сворачивая.

Однако Алекс и Колин не поехали по этой трассе, поскольку такой маршрут казался слишком очевидным и естественным, если рассматривать его как альтернативу ранее задуманному плану. Ведь если этот ненормальный в фургоне действительно одержим навязчивой идеей преследования и убийства Алекса и Колина, то он наверняка пытается думать на ход вперед них. В таком случае, если он осознал, что теперь его жертвы решат изменить ранее спланированный маршрут, то достаточно бросить беглый взгляд на карту, чтобы понять: трассы двадцать пять и восемьдесят – это лучший вариант.

– Поэтому мы поедem по двадцать четвертой, – сказал Дойл.

– Что это за дорога? – Колин перегнулся через сиденье, чтобы взглянуть на карту, которую Дойл развернул прямо на руле.

– Местами она тоже четырехполосная, хотя в основном поуже.

Колин протянул руку к карте и пальцем провел по линии шоссе. Потом указал на области, заштрихованные серым:

– Это горы?

– Ну... высокое плато. Возвышенности. Но там есть много пустынных мест, солончаков,

равнин...

– Хорошо, что у нас есть кондиционер.

Алекс свернул карту и отдал ее мальчику.

– Пристегнись.

Колин сунул карту в отделение для перчаток и пристегнул ремень.

Пока Дойл выезжал с автостоянки "Рокиз Мотор отеля", Колин углубился в разглаживание складок на своей футболке с черно-оранжевым изображением "Призрака в опере". У Призрака была уродливо перекошенная физиономия. Потом он пару минут расчесывал и приводил в порядок свои густые темные волосы, пока они наконец не улеглись именно таким образом, как нравилось Колину. После этого мальчик сел прямо, откинувшись на спинку сиденья, и стал наблюдать, как за окном бежит опаленный солнцем ландшафт и медленно надвигаются горы.

Узкие полосы серовато-белых облаков расчерчивали электрическую голубизну неба, которое уже не было низким, штормовым. Ночной ливень прекратился так же внезапно, как и начался, оставив лишь некоторые практически незаметные следы. А песчаная почва по обочинам шоссе выглядела почти сухой, даже пыльной.

В то утро движение на дороге не было оживленным, и те машины, что попадались им на пути, двигались так быстро и корректно, что Алексу даже не пришлось обгонять, – пока они не выехали за пределы районов, прилегающих к Денверу.

Фургон не было.

– Ты сегодня чертовски спокоен и молчалив, – сказал Алекс после пятнадцатиминутного молчания. Оторвав на секунду взгляд от дороги, он посмотрел на Колина. – Ты себя хорошо чувствуешь?

– Я думал.

– Ты всегда думаешь.

– Я думал об этом маньяке...

– Ну и?..

– Сейчас он не преследует нас, не так ли?

– Нет, не преследует.

Колин удовлетворенно качнул головой:

– Держу пари, больше мы его не увидим.

Дойл нахмурился и слегка прибавил газу, чтобы не отставать от основного потока машин.

– Почему ты так в этом уверен?

– Интуиция.

– А-а. А я было подумал, что у тебя есть теория на этот счет...

– Нет, только предчувствие.

– Ну хорошо, – ответил Дойл, – хотя мне было бы гораздо спокойнее, если бы у тебя были серьезные основания полагать, что мы встречались с ним в последний раз.

– Мне тоже было бы спокойнее, – произнес мальчик.

* * *

Джордж Леланд понял, что прозевал их, как только въехал на автостоянку "Рокиз Мотор отеля". Из-за недавнего приступа, такого мучительно долгого и сильного, он потерял много времени. Помимо этого, последующее забытие длилось тоже не менее двух часов. Может быть, намного они и не оторвались, но, без сомнения, взяли фору.

То место, где ночью был припаркован "Тандерберд", пустовало.

Леланд приказал себе не паниковать. Ничего еще не потеряно. Никуда они не сбежали. Он точно знал, куда направляются Алекс и Колин.

Леланд припарковался на свободное место, выключил двигатель. Поверх обитой тканью шкатулки, хранившей пистолет 32-го калибра, как всегда, лежала карта. Леланд развернул ее и стал изучать сеть автомобильных дорог, покрывавшую штаты Колорадо и Юта.

– Выбор у них не богат, – обратился он к девушке со светящимися золотистыми волосами, только что появившейся на соседнем сиденье, – либо они будут придерживаться старого маршрута, либо поедут по одному из этих двух.

Девушка не ответила.

– После всего, что произошло этой ночью, они наверняка изменят свои планы.

Головная боль совсем прошла, и Леланд теперь смог восстановить в памяти все события: приезд в мотель за час до прибытия туда Алекса с Колином, наблюдение за холлом до их приезда, осторожная слежка за ними до номера мотеля. Леланд вспомнил, как за полночь он подошел к их двери и пытался отмычкой отпереть ее, как они с Алексом молча преследовали друг друга, садовый топор... И если бы не проклятый приступ, начавшийся в самый неподходящий момент, если бы он только задержался на несколько минут, то с Алексом Дойлом было бы покончено. Леланда совершенно не волновало то, что он пытался убить человека. Достаточно настрадавшись от других, даже сверх меры, Джордж Леланд пришел к выводу, что только наступление, насилие, агрессия с его стороны смогут разрушить опасный заговор против него. Он должен разорвать, уничтожить невидимый порочный круг связей, созданных исключительно с одной целью – довести его до полнейшего отчаяния. С того момента, как Алекс Дойл – и, разумеется, мальчишка – заложили основу этого заговора, Леланд считал их убийство вполне справедливым. Он действовал в целях самозащиты. В прошлый понедельник, поймав в зеркале свой собственный взгляд, Леланд был ошарашен, шокирован. Теперь уже, укрепившись в своих намерениях, он, глядя в зеркало, ничего такого не испытывал. В конце концов, он поступил так, как хотела Куртни, и во имя того, чтобы они могли вновь быть вместе, чтобы все было так же замечательно, как два года назад.

– Либо они поедут до Вайоминга по восьмидесятому шоссе, либо на юго-запад по двадцать четвертому. Как ты думаешь?

– Как скажешь, Джордж, – произнесла девушка голосом тихим и приятным, словно счастливое воспоминание.

Несколько минут Леланд продолжал изучать карту.

– Проклятье... Возможно, они поехали до восьмидесятого и дальше по нему. В таком случае, даже если мы последуем за ними и сумеем их нагнать, это будет бесполезно. Это же главная трасса. Оживленное движение, слишком много транспорта, слишком много полиции. Все, чего мы добьемся, – будем сидеть у них на хвосте, а этого далеко не достаточно.

Некоторое время Леланд молчал, размышляя.

– Но, если они поехали по другой дороге, это в корне меняет дело. Пустынная местность. Почти нет машин, гораздо меньше полицейских. И мы могли бы наверстать упущенное.

Девушка молчала.

– Поедем по двадцать четвертой, – наконец решил Леланд, – и если они все же поехали по другой трассе... Что ж, мы всегда сможем перехватить их вечером в мотеле.

Девушка не произнесла ни слова и испарилась, растаяла в воздухе.

Он улыбнулся, свернул карту и положил на место, на шкатулку с серебристо-голубоватым пистолетом.

Леланд включил мотор. И поехал прочь от "Рокиз Мотор отеля", прочь из Денвера, на юго-запад – к штату Юта.

* * *

За утро они успели преодолеть горный участок пути и спуститься в долины Колорадо, поросшие соснами, – от последнего снега к солнцу и песку. Они проехали через Райрл и Дебек, дважды пересекли реку Колорадо, оставили позади Великую Горную цепь и вскоре пересекли границу штата. Находясь уже на территории Юты, они наблюдали, как горы медленно плывут назад, все дальше и дальше, как земля становится все суше и суше. Поток машин значительно уменьшился. Некоторое время их автомобиль был на шоссе единственным.

– А что, если у нас спустит колесо? – спросил Колин, указывая на мрачный, пустынный ландшафт.

– Не спустит.

– А вдруг?

– У нас все покрышки новые, – сказал Дойл.

– Ну все-таки, а вдруг?

– Ну, тогда поставим запаску.

– А если и запаска спустит?

– Разберемся.

– Как?

Алекс понял, что Колин затеял одну из своих игр, и улыбнулся. Может быть, предчувствие мальчика не обмануло. Возможно, все позади. И их путешествие вновь станет веселым и забавным, каким было в самом начале.

– В случае необходимости у нас в багажнике есть все инструменты, – сказал Дойл подчеркнуто профессиональным тоном. – Например, баллон со сжатым воздухом крепится к клапану поврежденной шины. Он подкачивает воздух и одновременно затягивает прокол. И вы сможете таким образом ехать, пока не доберетесь до станции техобслуживания, где получите необходимую помощь.

– Умно придумано.

– Неужели?

Колин взял в руки воображаемый баллон, присоединил его к невидимому клапану и издал шипящий звук.

– А что, если баллон сломается?

– Не сломается.

– Ну ладно... А если будет три прокола?

Дойл рассмеялся.

– Но ведь может же такое случиться? – настаивал Колин.

– Разумеется. Может даже и четыре.

– И что тогда мы будем делать?

Дойл начал объяснять Колину, что в таком случае они бросят машину и пойдут пешком, и вдруг позади них затрубил сигнал. Он был близким, громким и неприятно знакомым. Это был сигнал фургона.

15

Еще до того, как Алекс осознал, что их надежды не оправдались и ночной кошмар продолжается, он сумел надавить на педаль газа и рвануться вперед, прочь от фургона, который проскочил в левый ряд и начал догонять его. Вновь скрипуче завыл сигнал. Далеко вперед – вплоть до высоких Скалистых гор, возвышающихся причудливыми нагромождениями, – на серой извилистой дороге не было ни одной машины, которая бы двигалась навстречу фургону.

– Ни в коем случае не позволяй ему обогнать нас! – крикнул Колин.

– Сам знаю! – ответил Алекс и подумал: "Если этот ублюдок обойдет нас, то сможет заблокировать путь".

Обочины шоссе были узкие и каменистые, под колесами – сухой, сыпучий песок, поэтому если "Тандерберд" свернет с проезжей части, то потеряет скорость, да и управление, которых уже не восстановит.

Дойл все жал и жал на газ. "Тандерберд" мчался, рассекая воздух.

Однако незнакомец за рулем фургона был далеко не глупцом, хотя и ненормальным. Он ожидал от Алекса подобного маневра. Он тоже увеличил скорость и на мгновение поравнялся с машиной Дойла. Два автомобиля неслись на запад, что называется, ноздря в ноздю, и ветер выл и свистел между ними.

– Мы его обойдем, – сквозь зубы сказал Алекс.

Колин не ответил ни слова.

Тоненькая стрелка спидометра постепенно подползла к отметке "80", перевалила через нее и дошла до "85". Дойл лишь мельком взглянул на спидометр, тогда как Колин напряженно наблюдал за движением стрелки: со страхом, а потом уже и с неподдельным ужасом.

Песок, солончаки, каменистая почва по обочинам дороги – все это слилось в белые полосы с дрожащими пятнами горячего воздуха.

Фургон не отставал, он как бы завис рядом с ними.

– Он не продержится долго, – произнес Алекс.

"90", "95"... А потом, когда они неслись со скоростью уже в сто миль в час и ветер с воем и свистом, казалось, застревал между двумя автомобилями, этот ненормальный повернул на мгновение. "Шевроле" царапнул "Тандерберд" коротко и несильно, но по всей длине. Прямо перед глазами Дойла за лобовым стеклом дождем посыпались искры, сверкающие, словно звездопад. Завизжали и заскрипели сминаемые, изуродованные листы металла.

Толчок чуть не вырвал руль из рук Дойла. Он крепко вцепился в него и сжимал, сжимал все сильнее. Машина выскочила на каменистую обочину, накренилась. По днищу громко застучал брызнувший из-под колес гравий. Скорость резко упала, и их медленно стало заносить в сторону. Алекс был уверен, что они вот-вот врежутся прямо в фургон, который все еще держался рядом. Но мгновение спустя автомобиль все же начал автоматически выравнивать движение... Алекс прикоснулся к педали газа и вновь вернул машину на шоссе, хотя предпочел бы воспользоваться тормозами.

– Ты как? В порядке? – спросил он Колина.

Мальчик с трудом перевел дух и сглотнул.

– Да.

– Ну тогда держись. Сейчас мы, черт побери, выберемся отсюда.

"Тандерберд" постепенно наращивал утраченную скорость, его корпус отбрасывал едва заметную тень на бок "Шевроле".

Дойл на долю секунды оторвал взгляд от дороги и посмотрел на боковое стекло фургона, отдаленное от него не более чем на три-четыре фута. Но, несмотря на столь малое расстояние, Алекс не смог рассмотреть водителя "Шевроле", он не увидел даже его силуэта. Тот сидел выше, в дальнем углу кабины, и слепящие золотисто-белые отблески солнечного света на стекле служили ему прекрасным укрытием. И вновь восемьдесят миль в час. Наверстать упущенное время, восстановить дистанцию. А теперь восемьдесят пять. Стрелка спидометра слегка подрагивает. Она немного колеблется на отметке "85", на мгновение кажется, что стрелка застыла, но потом судорожно дергается и начинает медленно ползти вверх.

Краем глаза Алекс следил за "Шевроле". Скорее почувствовав, чем поняв, что фургон собирается снова ударить их машину, он бросил "Тандерберд" на обочину, усыпанную булыжниками, и попытался избежать нового столкновения. Им долго не выдержать подобные удары. Хотя "Шевроле" стоил в полтора раза дешевле, их громоздкая машина развалится гораздо быстрее. Если "Тандерберд" занесет, то он начнет юзить с такой скоростью, что просто рассыплется, как картонный домик, и сгорит быстрее, чем папиросная бумага.

На скорости девяносто миль в час "Тандерберд" затрясся словно в лихорадке. Он гремел и грохотал, как если бы кто-то встряхивал жестяное корыто с камнями. Руль прыгал под руками Алекса, а потом стал еще и прокручиваться вхолостую туда-сюда.

Дойлу ничего не оставалось, как ослабить нажим на акселератор, хотя сейчас ему меньше всего этого хотелось.

Стрелка спидометра упала. На "85" машина восстановила плавность движения и вновь подчинилась водителю.

– Что-то сломалось! – закричал Колин, пытаясь заглушить завывание ветра и рев двух соревнующихся двигателей.

– Нет! Скорее всего плохой участок дороги.

И хотя у Алекса теперь не осталось ни малейшего сомнения в том, что их поездка, мягко говоря, не удалась, он молил Господа послать им немного везения. Он хотел надеяться на то, что слова, сказанные им Колину, были правдой. Пусть это будет правдой. Пусть это будет не более чем небольшой участок шоссе с плохим покрытием, размытым дождем. Только это, ничего более серьезного. Боже, только бы с "Тандербердом" ничего не случилось. Только бы он не сломался. Нельзя, нельзя им здесь оказаться на мели: среди песка, солончаков, слишком далеко от возможной помощи, слишком близко от этого сумасшедшего.

Алекс попробовал нажать на газ.

Машина ускорила ход, девяносто миль в час...

И тут же ее вновь немилосердно затрясло. Будто скелет ее и плоть не были больше единым целым, они сталкивались, врезались друг в друга, отделялись, снова врезались – вот что ощущали Колин и Алекс. Но в этот раз Дойлу не удалось удержать руль, и он тут же почувствовал леденящее душу вибрирование педали газа. Итак, их предел – восемьдесят пять миль в час, в противном случае автомобиль развалится на части. Таким образом, им не обогнать "Шевроле".

Казалось, водитель фургона понял это одновременно с Алексом. Вновь загудел сигнал, и "Шевроле" обошел их, вырвался вперед, получив таким образом пространственное преимущество – шоссе.

– И что нам теперь делать? – спросил Колин.

– Подождем и посмотрим, что будет делать он.

Когда фургон был впереди них уже приблизительно ярдов на тысячу, он замедлил ход и стал придерживаться скорости восемьдесят пять миль в час, сохраняя преимущество в полмили.

Таким образом они проехали милю.

Зыбкие волнистые струи горячего воздуха поднимались вверх от перегретой поверхности асфальта и словно укутывали, обволакивали машины. По обеим сторонам дороги земля, выцветшая, потерявшая краски под жгучими лучами солнца, становилась все светлее, белее. Оживляли пейзаж лишь редкие уродливые группки борющегося за существование кустарника да черные острые обломки скал, выжженные и потрескавшиеся от шального пустынного ветра и жары.

Две мили.

Фургон держался впереди, словно издеваясь над Алексом.

Кондиционер на приборной доске выпускал в салон струи холодного, свежего, бодрящего воздуха, и все же внутри "Тандерберда" было слишком жарко. Алекс почувствовал, как на лбу выступили капли пота, а рубашка намокла и прилипла к спине.

Три мили.

– Может, мы остановимся? – сказал Колин.

– И повернем назад?

– Вполне возможно.

– Все равно он это заметит, – покачал головой Дойл, – и сразу же развернется. Будет вновь преследовать нас и вскоре опять окажется впереди.

– Так...

– Давай подождем. Посмотрим, что он будет делать, – повторил Дойл, изо всех сил стараясь скрыть звенящий в голосе страх. Он был уверен, что должен служить мальчику живым примером силы и стойкости. – Не хочешь взглянуть на карту и посмотреть, сколько миль до ближайшего населенного пункта?

Колин прекрасно понял, что означает этот вопрос. Он схватил карту и расстелил на коленях. Она закрыла его, как большое покрывало. Слегка скосив глаза за своими тяжелыми очками с толстыми стеклами, Колин нашел местонахождение отеля, откуда они ехали, прикинул расстояние и отметил ногтем точку на карте. Потом определил, где находится ближайший город, сверился с масштабом в нужном углу карты и провел в уме некоторые

вычисления.

- Ну? – спросил Дойл.
- Шестьдесят миль.
- Уверен?
- Абсолютно.
- Понятно.

Это было чертовски далеко, слишком далеко.

Колин свернул карту и отложил ее в сторону. Он сидел неподвижно, как каменное изваяние, не отрывая взгляда от "Шевроле".

Дальше шоссе взбиралось на небольшой склон и ныряло вниз, в широкую солончаковую долину. Оно было похоже на линию, проведенную тушью по чистому белому листу писчей бумаги. Дорога была пуста. Насколько хватал глаз, на протяжении многих миль по шоссе не двигалась ни одна машина.

Это полнейшее одиночество на дороге было как раз на руку водителю фургона. Он резко затормозил и бросил свой "Шевроле" вправо к обочине, а затем по кругу влево, совершив большой виток. Фургон остановился, замер поперек дороги, заблокировав большую часть обеих полос движения.

Дойл резко надавил на педаль тормоза, а потом понял, что нет никаких шансов замедлить ход или сразу остановиться на такой скорости и при таком расстоянии. Поэтому он вновь переставил ногу на акселератор.

– Поехали!

Придерживаясь восьмидесяти пяти миль в час, "Тандерберд" несся прямо на фургон, целясь в самую середину сине-зеленой рекламы на его боку. Семьсот ярдов до "Шевроле". Теперь шестьсот, пятьсот, четыреста, триста ярдов...

- Он не собирается двигаться! – крикнул Колин.
- Неважно.
- Но мы разобьемся!
- Нет.
- Алекс...

За пятьдесят ярдов до фургона Дойл резко повернул руль вправо. Завизжали шины. "Тандерберд" промчался через усыпанную щебенкой обочину, совершил безумный скачок, будто пружины из металлических превратились в резиновые, и продолжал движение.

В голове Дойла молнией сверкнула мысль, что этот трюк он сам считал абсолютно невыполнимым буквально несколько мгновений назад. Однако, возможный или невозможный, он был их последней надеждой. Алекс пребывал в каком-то отчаянном, кошмарном угаре.

Автомобиль пропахал белую сыпучую породу, окаймлявшую шоссе, и хвост соляной пыли взвился из-под задних колес. В следующую секунду он угрожающе накренился и забуксовал в песке, неумолимо теряя скорость.

"Конец, – подумал Алекс, – тут-то мы и сядем на мель". И нажал на акселератор до отказа, так что педаль уперлась в пол.

Широкие колеса автомобиля из-за потери сцепления стали жестко прокручиваться вхолостую. Машину раскачивало в разные стороны, кузов нещадно мотало, и все же Алекс сумел набрать необходимую скорость.

Им удалось избежать столкновения.

Дойл, не снимая ноги с акселератора, выжимая его до конца, резко развернулся по направлению к шоссе. Стискивая руль, который временами отказывался слушаться, Алекс чувствовал, как предательски шуршит и плывет, осыпается песок под колесами. Однако ему удалось доползти до обочины шоссе, прежде чем одно или даже два колеса успели увязнуть в песке. Сотни, тысячи камешков брызнули в разные стороны от "Тандерберда" в тот момент, когда он вновь вырвался на проезжую часть. В течение следующих нескольких секунд он вновь набрал восемьдесят пять миль в час и помчался на запад, преследуемый фургоном.

– Получилось! – воскликнул Колин.

– Не совсем еще.

– И все же у тебя получилось!

Мальчик был все еще напуган, но в его голосе звучало радостное возбуждение от победы. Дойл взглянул в зеркало заднего вида. Прилично отстав от них, фургон старался теперь сократить расстояние. Белая точка на фоне еще более белого ландшафта.

– Он приближается? – спросил Колин.

– Да.

– Попробуй теперь за девяносто миль в час.

Дойл попытался увеличить скорость, но машина вновь начала трястись и греметь.

– Не выйдет. Что-то повредилось, когда он стукнул нас.

– Ну, по крайней мере, теперь мы знаем, что ты сможешь обогнуть любое препятствие, выставленное им, – заметил мальчик.

Дойл быстро взглянул на него:

– Знаешь, ты гораздо больше уверен в моем умении водить машину, чем я сам. Мы чуть не попали в переplet.

– Ты можешь, Алекс, – упрямо повторил Колин.

Яркий солнечный свет пустыни, проникая сквозь окна и освещая стекла его очков в металлической оправе, делал их похожими на небольшие лампочки.

Три минуты спустя фургон вновь уже висел у них на хвосте. Но, когда он попытался обойти их, Дойл бросил "Тандерберд" в левую полосу, перекрывая дорогу и вынуждая фургон сдать немного назад. Тогда "Шевроле" попытался выдвинуться вперед справа. Дойл тут же стал "болтаться" прямо перед его носом: туда-сюда, вправо-влево, а потом немного посигналил – запоздалый ответ на жуткие завывания сигнала фургона.

Несколько минут они ехали, играя в эту игру и абсолютно не по-спортивно игнорируя всяческие правила, "путешествуя" от одной обочины шоссе к другой и пересекая "сплошную" где и как угодно. Но потом случилось неизбежное. Водитель фургона сумел-таки отыскать лазейку и тут же воспользовался ею. Теперь он шел вровень с "Тандербердом".

– Ну вот опять, – сказал Дойл.

Сумасшедший за рулем "Шевроле" словно услышал его слова. Фургон подошел ближе и стукнул "Тандерберд" сбоку. Снова посыпались дождем искры, заскрипел и застонал металл, хотя и не так громко и визгливо, как во время первого столкновения.

Алексу опять пришлось сражаться с рулем. Их несло по песчаной, осыпающейся обочине добрую тысячу ярдов, пока наконец Алекс не справился с управлением и не вырулил снова на шоссе.

Фургон вновь ударил их, еще сильнее.

На этот раз Алекс потерял управление, не сумев удержать скользкий от пота руль, который завертелся как бешеный. И только когда "Тандерберд" вылетел на обочину и запрыгал по песчаным гребням, Алекс смог как следует ухватиться за мокрый пластик руля и вновь совладать с машиной.

Вернувшись на шоссе, они оказались на несколько ярдов впереди фургона со скоростью сорок пять миль в час. Но тот быстро догнал их и завис у них на хвосте, пока Дойл вновь не увеличил скорость до восьмидесяти пяти. Весь правый бок "Шевроле" был расцарапан и помят, но, глядя на фургон, Алекс думал о том, что левый бок их "Тандерберда" сейчас выглядит еще хуже.

Фургон снова стал готовиться к обходу. Неожиданно раздалось громкое "банг!", да такое, что Алекс решил – их атаковали в четвертый раз. Но не почувствовал удара. И тут вдруг "Шевроле" потерял скорость и отстал.

– Что он делает? – спросил Колин.

"Слишком хорошо, чтобы это было правдой", – подумал Дойл, а вслух сказал:

– Лопнула шина!

– Шутишь!

– Не шучу!

Бледный, дрожащий, мальчик тяжело откинулся на спинку сиденья и тихим голосом, почти шепотом, еле слышно выдавил: "Иисус Христос!"

16

Несмотря на то что места, в которых располагался близлежащий городок, были достаточно суровыми, он все же выжил, устояв под натиском песчаных бурь. Невысокие здания, деревянные, кирпичные, каменные – все они давно потеряли свой первоначальный цвет и стали унылыми, желтовато-коричневыми из-за немилосердно палящего солнца. Единственное, что вносило хоть какое-то разнообразие в эту тоскливую картину, – причудливые узоры изъеденной штукатурки, попадающиеся там и сям на стенах домов. Участок скоростного шоссе, проходивший через город и ставший, по сути дела, его главной улицей, под влиянием урбанизации превратился в пыльную и мрачную грязновато-коричневатого цвета заезженную провинциальную дорогу, тогда как от самого Колорадо именно это шоссе четкой черно-серой линией прорезало пустыню. Там, на просторе, ветер вычищал его до блеска; в городке же здания не позволяли ветру развернуться, поэтому пыль беспрепятственно скапливалась на дороге. Тонкий слой пыли покрывал машины, лишая их блеска. Словно невидимые руки какого-то неведомого существа потихоньку возвращали пустыне то, что давным-давно было у нее отнято человеком.

Проехав по главной улице три квартала, Алекс увидел здание полицейского участка – одноэтажное и такое же отчаянно унылое, как и все остальные, со стенами цвета горчицы и осыпающейся штукатуркой.

Начальник участка, представившийся капитаном Экриджем, был одет в форму коричневого цвета, очень подходившую к городскому пейзажу. Но вот лицо его – решительное, волевое, лицо опытного офицера – совершенно не вписывалось в окружающую обстановку. Ростом в шесть футов и весом приблизительно две сотни фунтов, этот человек был старше Дойла лет на десять, но его физически развитое тело – лет на десять же моложе и свежее. Коротко стриженные волосы были густо-черными, а глаза – еще темнее волос. Капитан Экридж держал себя как солдат на параде – гордо и уверенно. Он вышел на улицу и осмотрел "Тандерберд". Обойдя машину со всех сторон, он тщательно проинспектировал длинные вмятины и выбоины на боку со стороны водителя и с не меньшим интересом оглядел неповрежденные участки. Нагнувшись к слегка затемненному лобовому стеклу, он внимательно рассмотрел салон и уставился на Колина, как будто мальчик был вроде рыбки в аквариуме.

Потом он снова взглянул на исковерканный левый бок автомобиля и, судя по всему, остался доволен осмотром.

– Пройдемте теперь снова ко мне, – пригласил он Дойла. Голос капитана был слегка с хрипотцой, он четко выговаривал слова, несмотря на ярко выраженный юго-западный акцент. – Мы все это обсудим.

Они вернулись в участок, прошли через приемную, где две секретарши с треском печатали на машинках и толстый, одетый в форму полицейский попил кофе, одновременно жуя эклер. Когда Алекс и Экридж вошли в кабинет, этот коп встал и плотно закрыл за ними дверь.

– Как вы думаете, что можно предпринять? – спросил Алекс, пока Экридж обходил свой тщательно прибранный рабочий стол.

– Садитесь, прошу вас.

Дойл подошел к стулу, стоявшему напротив исцарапанного металлического стола, но садиться не стал.

– Послушайте, лопнувшая шина не остановит этого ублюдка. И если он...

– Пожалуйста, садитесь, мистер Дойл, – повторил полицейский, опускаясь на свой добротный стул с высокой прямой спинкой, который при этом пискнул, будто у него в

сиденье пряталась живая мышь.

Непонятно на что раздражаясь, Дойл сел.

– Я думаю...

– Давайте-ка лучше я буду задавать вопросы, – перебил его Экридж, слегка улыбнувшись какой-то неестественной, фальшивой улыбкой. Однако поняв, что улыбка не получилась, он придал своему лицу прежнее серьезное выражение.

– У вас есть какое-нибудь удостоверение личности?

– У меня?

– Ну я же вас спрашиваю.

В голосе полицейского не было никакой угрозы или злобы, но Дойл поежился, словно от холода. Он достал из кармана бумажник, вынул водительские права из пластикового прозрачного отделения и перебросил их через стол. Экридж начал внимательно изучать документ.

– Дойл, так-так.

– Вот именно.

– Из Филадельфии?

– Да, но мы переезжаем в Сан-Франциско. Разумеется, у меня пока нет прав штата Калифорния.

Алекс отдавал себе отчет в том, что едва ворочает языком под проницательным взглядом черных глаз Экриджа. Вряд ли это произведет на него благоприятное впечатление. Кроме того, он все еще не мог избавиться от панического страха после столкновения на дороге с этим маньяком.

– У вас имеется карточка владельца на "Тандерберд"?

Дойл отыскал ее, потом развернул бумажник так, чтобы были видны все прозрачные пластиковые кармашки, и передал его полицейскому.

Экридж долгое время изучал содержимое бумажника. Он казался крошечным в его огромных крепких ладонях.

– Это ваш первый "Тандерберд"?

Алекс не понимал, какое это имеет отношение к происходящему, но все же ответил на вопрос:

– Второй.

– Профессия?

– Моя? Художник от коммерции.

Экридж уставился на него, словно хотел пробуравить Алекса глазами насквозь.

– Поточнее.

– Я делаю эскизы для рекламы, – сказал Дойл.

– И вам хорошо платят?

– Вполне прилично.

Экридж по второму разу стал перебирать карточки в бумажнике, останавливаясь на каждой пару-тройку секунд. Его интерес ко всем этим мелочам личного характера был, по меньшей мере, странным. "Дьявол, что происходит? – думал Дойл. – Я пришел сюда заявить о преступлении. Кого тут, черт побери, подозревают?"

Алекс откашлялся.

– Простите, капитан...

Экридж перестал хлопать кармашками бумажника:

– Да?

– Капитан, – Дойл старался говорить уверенно, – я не понимаю, отчего вы так заинтересовались моей персоной. Неужели это важнее, чем, гм, преследовать этого ненормального?

– Я уверен, что следует изучить жертву преступления так же тщательно, как и преступника, – ответил Экридж. И вновь занялся бумажником Дойла.

Все неправильно. Как же неудачно, черт возьми, все складывается, и почему так?

Алекс принялся рассматривать комнату, чтобы не чувствовать себя униженным, наблюдая за копом, перетряхивающим его бумажник. Стены были покрашены в казенный серый цвет, оживляли их только три вещи: портрет президента Соединенных Штатов размером с афишу, в рамке, такая же большая фотография Эдгара Гувера и карта здешних мест примерно два на два фута. Вдоль одной из стен вплотную к ней стояли стеллажи. Между ними – окно и кондиционер. Еще в комнате были три стула с прямыми спинками, стол, за которым сидел Экридж, и застекленный стенд, хранивший шелковый в натуральную величину звездно-полосатый флаг.

– Отказник? – спросил Экридж.

Алекс удивленно посмотрел на него:

– Что это?

– У вас тут карточка отказника от военной службы.

И зачем он вообще таскал ее с собой, эту бумажку? Его никто не обязывал это делать, никаких официальных требований к нему не предъявлялось, тем более теперь, когда ему было тридцать лет. Давным-давно уже прекратили производить набор в армию после двадцати шести. И вообще, набор в армию – все основательно подзабыли, что это такое. Но Алекс продолжал перекладывать карточку из старого бумажника в новый каждый раз, когда менял их. Зачем? Возможно, где-то в закоулках его сознания пряталась вера в то, что этот документ подтверждает его принципиальную позицию, подтверждает то, что его философия "непротивления" основана на убеждении, а не на трусости. А возможно, он просто поддался неврозу, свойственному большинству американцев: подчас они просто не в состоянии выбросить что-либо, имеющее хоть сколько-нибудь официальный вид. И неважно, какое на документе проставлено число, месяц, год.

– Я проходил альтернативную службу в госпитале для ветеранов, – сказал Дойл, хотя чувствовал, что ему вовсе не нужно оправдываться.

– А я оказался слишком молод для Кореи, а для Вьетнама слишком стар, – заметил Экридж. – Но я служил в действующей армии. Как раз между войнами.

Он протянул Алексу через стол водительское удостоверение и бумажник. Дойл положил их обратно в карман и попытался вновь вернуться к волновавшей его проблеме:

– Ну так вот, этот тип в "Шевроле"...

– Когда-нибудь пробовали марихуану? – неожиданно спросил Экридж.

"Спокойно, приятель, – сказал себе Алекс, – будь очень осторожным. И очень вежливым".

– Давно, – ответил он. Алекс уже не пытался направить разговор в нужное ему русло, поближе к фургону и психу в нем. Он понял, что по каким-то причинам Экриджа это совершенно не волновало.

– А сейчас покуриваете?

– Нет.

Экридж улыбнулся. Той самой фальшивой улыбкой.

– Ах да, вы же никогда не признаетесь в этом ворчливому старому болвану копу вроде меня, даже если курите "травку" семь дней в неделю.

– Я говорю правду, – ответил Алекс, чувствуя выступающий на лбу пот.

– Ну а еще что?

– В каком смысле?

Нагнувшись к Алексу через стол и понизив голос до мелодраматического шепота, Экридж пояснил:

– Барбитураты, амфетамины, ЛСД, кокаин...

– Наркотики – это для тех, кто не дорожит жизнью, – произнес Дойл. Он говорил искренне, хотя и понимал, что этот полицейский в его искренность не верит. – Так случилось, что я люблю жизнь и дорожу ею. И мне не нужны наркотики. Я вполне могу чувствовать себя счастливым без них.

Экридж пристально наблюдал за Алексом некоторое время, потом откинулся на спинку

стула и скрестил свои тяжелые руки на груди:

– Хотите знать, почему я задаю все эти вопросы?

Алекс не ответил, так как не был уверен, хочет он узнать об этом или нет.

– Я вам объясню, – продолжал Экридж. – У меня есть две версии насчет вашей истории с человеком в фургоне. Первая – ничего этого вообще не было. Это ваши галлюцинации. Вот так. И это вполне возможно. Накачались чем-нибудь вроде ЛСД, вот и явилось вам страшное привидение.

Теперь оставалось только слушать. "Не спорь, Алекс. Пусть он говорит, а твоя задача – выбраться отсюда как можно скорее". Но все же он не смог удержаться и возразил:

– Ну а как же машина? Вмятины, вся краска слетела, кузов просто искорежен. Дверь не открывается, заклинило...

– Я и не говорю, что это тоже плод фантазии, – ответил ему Экридж, – но вы вполне могли зацепиться за подпорную стенку или за выступ скалы – да за что угодно.

– Спросите Колина.

– Мальчика в машине? Вашего, э-э-э, шурина?

– Да.

– Сколько ему лет?

– Одиннадцать.

Экридж отрицательно покачал головой:

– Он еще совсем мал, и я не имею права заставлять его давать показания. К тому же он, вероятнее всего, скажет то, что, по его мнению, вы хотите услышать.

У Алекса вдруг запершило в горле, стало больно глотать, и ему пришлось прокашляться.

– Общайте нашу машину. В ней нет наркотиков.

– Хорошо, – сказал Экридж, произнося слова с подчеркнутой медлительностью, – вот моя вторая версия, и я изложу ее вам, пока вы окончательно не взбесились. Мне кажется, она лучше первой. Догадываетесь, о чем я?

– Нет.

– Я полагаю, что вы, может быть, ехали по шоссе в этой вашей огромной черной машине, выпендриваясь и изображая из себя "короля дорог". И обогнали какого-нибудь местного паренька на старом, разваливающемся на части пикапе, на единственном автомобиле, который он смог себе позволить. – Экридж вновь улыбнулся, теперь уже искренне. – Кто знает, может, он узрел ваши длинные волосы, яркую, кричащую одежду и "утонченные" манеры и подумал: а почему это у вас такая огромная машина, а ему приходится платить за старую развалюху? И разумеется, чем больше он об этом думал, тем сильнее эта мысль изводила его. И вот он догнал вас и устроил небольшое "состязание" на шоссе. И плевать ему на его корыто. А вот вам – нет, было что терять, поэтому вы и беспокоитесь.

– Хорошо, но зачем в таком случае мне понадобилось сообщать вам столько подробностей о фургоне и его водителе? С какой стати я стал бы выдумывать этот рассказ о "гонках по пересеченной местности"? – спросил Дойл.

Он уже едва сдерживал ярость. Останавливало его только то, что этот тип с его взглядами на жизнь вполне мог отправить его за решетку за малейшее нарушение закона.

– Это несложно.

– Хотелось бы вас послушать.

Экридж встал из-за стола, отпихнув ногой стул, и подошел к стенду с флагом, сложив руки за спиной.

– Вы решили, что я не стану преследовать местного жителя, отдам, так сказать, предпочтение ему, а не субъекту вроде вас. Поэтому насочиняли разной ерунды, дабы вовлечь меня в дело. Раз уж я начну полное расследование, буду заполнять документы и протоколы, потом мне будет уже трудновато дать задний ход, когда всплывет правда.

– Это притянута за уши, одно с другим совершенно не вяжется, – возразил Дойл. – И вы

это прекрасно знаете.

– А для меня звучит вполне убедительно.

Алекс вскочил, сжав влажные ладони в кулаки. Раньше ему ничего не стоило справиться с таким вот приступом раздражения. Но теперь, после всех изменений, которые произошли с ним, особенно в течение последних двух дней, он не желал унижаться, поступаться своей гордостью.

– Итак, вы не будете нам помогать?

Теперь Экридж смотрел на Алекса с настоящей ненавистью. И впервые в его голосе зазвучала неприкрытая злоба:

– Я не из тех, кого ты в один прекрасный день можешь обозвать за глаза свиньей, поэтому катись куда подальше и проси там помощи.

– Я никогда не обзывал полицейских свиньями, – произнес Алекс, но Экридж уже не слушал его:

– Больше пятнадцати лет эта страна напоминала больного человека. Она блуждала в потемках и, как в горячечном бреду, натыкалась на все подряд, не понимая, где она, что с ней происходит и выживет ли она. Но сейчас она выздоровела и очищает себя от паразитов, которые сделали ее больной. И вскоре их, паразитов, не останется вообще.

– Понятно, – ответил Алекс, содрогаясь одновременно от страха и гнева.

– Она поднимется, уничтожит всех гадов и будет вновь здоровой, как была когда-то, – закончил Экридж, широко ухмыляясь и покачиваясь с каблука на носок. С заложенными за спину руками.

– Я вас прекрасно понимаю, – произнес Алекс. – Мне можно идти?

Экридж расхохотался резким, лающим смехом:

– Можно? Будьте добры, сделайте такое одолжение, убирайтесь.

* * *

Колин вылез из машины, освобождая Алексу место за рулем, потом сел рядом с ним, захлопнул дверь и запер ее.

– Ну и?..

Алекс взялся за руль и сжал его что было силы. Потом долго и пристально смотрел на побелевшие суставы пальцев.

– Капитан Экридж считает, что я накачался наркотиками и выдумал всю эту историю.

– Нет, ну это просто изумительно!

– Или один из местных мальчишек долбанул нас своим пикапом. И он, Экридж, разумеется, не понимает, почему он должен отдавать предпочтение нам, а не этим добропорядочным ребятам, решившим всего лишь пошутить и поразвлечься.

Колин застегнул ремень.

– Что, действительно так плохо?

– Я думаю, если бы не ты, он засадил бы меня за решетку. Он просто не знал, что в таком случае ему делать с одиннадцатилетним мальчишкой.

– Что теперь? – Колин оттянул ворот своей футболки с "Призраком в опере".

– Сначала заправимся, – сказал Алекс, – потом купим еды в дорогу и поедем прямо через Рено.

– А как же Солт-Лейк-Сити?

– Нет, туда мы не поедем, – сказал Дойл. – Я хочу добраться до Сан-Франциско как можно быстрее, и не по нашей прежней схеме, а отклоняться от нее насколько возможно. Этот ублюдок знает наш маршрут.

– Да, но чтобы добраться до Рено, недостаточно лишь завернуть за угол, – ответил Колин, вспоминая, где расположен этот город на карте. – Сколько мы будем туда ехать?

Дойл оглядел пыльную улицу, желто-коричневые здания и покрытые следами щелочи и известняка машины. И хотя они были всего лишь неодушевленными, бесчувственными предметами – без злобы и без доброты, – ему захотелось побыстрее выбраться из этого

города.

– Я смогу прибыть в Рено уже завтра на рассвете.

– Если не будешь спать?

– Я в любом случае не буду спать сегодня ночью.

– Все равно, столько часов езды выбьют тебя из колеи. И неважно, как ты себя чувствуешь сейчас. Ты просто заснешь за рулем.

– Нет, – сказал Алекс, – если я почувствую, что клюю носом, то остановлюсь на обочине и посплю пятнадцать-двадцать минут.

– Ну а как насчет сумасшедшего? – спросил Колин, указывая большим пальцем через плечо на дорогу.

– Эта лопнувшая шина хоть ненадолго, но остановит его. И ему будет нелегко самому справиться с ней – поднимать фургон домкратом, приводить все в порядок... И когда он снова сможет ехать, то не станет вести машину всю ночь напролет. Наверняка он подумает, что мы остановимся в каком-нибудь мотеле. И если ему известно, что этим вечером мы должны быть в Солт-Лейк-Сити – хотя мне до сих пор непонятно, как он об этом может узнать, – он приедет туда и станет нас разыскивать. Поэтому сейчас у нас есть хороший шанс оторваться от него, причем навсегда. Если, конечно, "Тандерберд" не развалится на части.

И Алекс включил стартер.

– Хочешь, я намечу маршрут? – спросил Колин.

Алекс кивнул:

– Только второстепенные дороги. Но чтобы мы могли сохранить хорошую скорость.

– Это может быть даже забавно, – произнес Колин, разворачивая карту, – настоящее приключение.

Дойл изумленно посмотрел на него и увидел в глазах мальчика какую-то затравленность. Его взгляд, должно быть, был отражением взгляда Алекса, в котором тоже наверняка сквозили страх и напряжение. Поэтому Дойл понял, что слова Колина были всего лишь бравадой. Колин изо всех сил пытался противостоять ужасному, невероятной силы стрессу, справиться с ним, и, надо сказать, это ему удавалось – для одиннадцатилетнего ребенка он держался просто великолепно.

– В тебе определенно что-то есть, – сказал Дойл.

– В тебе тоже. – И Колин залился краской.

– Мы подходим друг другу.

– Неужели?

– Взмывая в неизвестность, – процитировал Алекс и подмигнул Колину, – даже не моргнув глазом.

А затем он выжал сцепление, и "Тандерберд" рванулся прочь от полицейского участка.

* * *

Справиться с фургоном было чертовски трудно. Все равно что сдвинуть с места упрямого осла. После получасовой упорной борьбы Леланду наконец-то удалось закрепить колеса, и домкрат поднял корпус автомобиля на достаточную высоту, чтобы заменить лопнувшую шину. "Шевроле" слегка покачивался на металлической подпорке под порывами ветра с песчаных равнин. В кузове гремела ничем не закрепленная мебель.

Спустя час Леланд затянул последнюю гайку на запаске и опустил фургон на землю. Поднимая неисправную покрышку и укладывая ее в багажник, Леланд подумал, что ему следует остановиться на ближайшей станции техобслуживания и починить ее. Но...

Дойл и этот мальчишка уже выиграли слишком много времени с начала пути. И хотя он вполне может догнать их этим же вечером в Солт-Лейк-Сити, Леланду не хотелось упускать шанс покончить с ними здесь, на пустом шоссе. Чем ближе они были к Сан-Франциско, тем неувереннее чувствовал себя Джордж – неувереннее в себе и в том, что он владеет ситуацией.

А если он не сможет убрать их? Что подумает Куртни? Она ведь теперь зависела от него. И если Леланд не позаботится о том, чтобы эти двое исчезли, то Куртни и он никогда

уже не смогут быть вместе, как им того хотелось.

Так что шина могла подождать.

Леланд захлопнул заднюю дверь, запер ее и поднялся в кабину. Уже через пять минут фургон мчался по прямой пустынной дороге со скоростью девяносто пять миль в час.

...Детектив Эрни Ховел из государственной полиции штата Огайо ужинал в небольшой забегаловке, которую предпочитало большинство местных полицейских. Атмосфера в ней была скандальная, но кормили хорошо. Полицейским делали скидку на двадцать процентов.

Эрни уже наполовину съел свой сэндвич с жареной картошкой, когда напротив него уселся желтолицый пройдоха эксперт из экспертного отдела.

– Не возражаете?

Ховел был против, но поморщился и пожал плечами.

– А я и не знал, что такой человек, как вы, берет взятки, плохо замаскированные под ресторанный скидку, – заявил эксперт, открывая принесенное официанткой меню.

– Я не брал, когда только начинал, – сказал Ховел, обнаруживая с удивлением, что ему хочется поболтать с этим парнем, – но все остальные делают это... К тому же, кроме скидок, в ресторане нагреть руки больше не на чем. Если ты, конечно, хочешь оставаться хорошим полицейским.

– Э-э, вы точно такой же, как и остальные, – заключил эксперт, шутливо махнув на Ховела рукой. – Как сэндвич?

– Великолепно, – ответил Ховел с набитым ртом.

Тот заказал такой же, но без картошки, и еще кофе. Когда официантка, принесла заказ, отошла от стола, он спросил:

– Что там по делу Пулхэма?

– Я сейчас им не занимаюсь, – сказал Ховел.

– Да?

– Вернее, не уделяю ему много времени. Если убийца выехал в Калифорнию, то он уже не на моей территории. ФБР проверяет имена и фамилии, которые они получили из центральной картотеки. Сейчас они сузили круг до нескольких десятков человек. Похоже, через пару недель они отыщут этого типа.

Эксперт нахмурился, взял со стола солонку и принялся вертеть ее костлявыми пальцами.

– Через пару недель может быть уже поздно.

– Ты опять за свое? – в сердцах спросил Ховел, кладя недоеденный сэндвич на тарелку.

– Я считаю, что мы имеем дело с психом. И если так, то он добавит еще парочку убийств к тому, что уже совершил. За эти две недели. А потом покончит жизнь самоубийством.

– Он никого больше не убьет, пока ему не попадется следующий коп. – Ховел продолжал настаивать на том, что это дело политическое.

– Вы ошибаетесь на его счет, – произнес эксперт.

Ховел покачал головой и сделал большой глоток лимонного коктейля.

– Ты и тебе подобные либералы, "чье сердце плачет кровавыми слезами", вы меня просто поражаете. Ну почему бы не перестать искать легкие пути?

Официантка принесла кофе. Когда она отошла, эксперт сказал:

– Я не либерал и полагаю, что ваш ответ на вопрос гораздо более прост и примитивен, чем мой.

– Черт возьми, страна катится в преисподнюю, а ты винишь в этом психов.

– Ну хорошо, – сказал эксперт, поставив наконец солонку на стол, – я уже почти надеюсь, что вы правы. Так как если этот парень действительно псих и если он будет болтаться неизвестно где еще пару недель...

Пятница

В пятницу, в два часа утра, шестнадцать часов спустя после того, как они покинули Денвер, Алекс чувствовал себя пациентом палаты для неизлечимо больных. Ноги отяжелели, их периодически сковывала судорога. Спину терзала тупая боль, разливающаяся от шейных позвонков до поясницы. Помимо всего этого, Алекс был мокрым от пота, грязным, в измятой одежде. Покрасневшие глаза болели, словно в них насыпали песок. Щеки чесались от однодневной жесткой щетины; язык был шершавым, во рту пересохло, Алекс постоянно ощущал отвратительный привкус кислого молока.

Час за часом, мило за милей он не выпускал из рук осточертевшую баранку...

– Не спишь? – спросил он Колина.

По радио тихо играла приятная музыка в стиле кантри.

– Не сплю, – сказал Колин.

– Попытайся хотя бы вздремнуть.

– Я не могу. Я волнуюсь. Боюсь, что машина скоро развалится на куски.

– С машиной все в порядке, – заверил Дойл, – слегка помят кузов, только и всего. Когда мы идем больше восьмидесяти пяти миль в час, начинает трясти оттого, что колеса задевают за погнутый металл.

– И все же я волнуюсь.

– При первой же возможности мы сделаем остановку и освежимся, – сказал Дойл. – И тебе, и мне это просто необходимо. И у нас маловато бензина.

В четверг после полудня они направились на юго-запад через штат Юта, используя небольшие и малоизвестные дороги, потом поехали по шоссе двадцать один – второстепенной двухполосной магистрали, которая вела к северо-западу штата. Солнце в пустыне заходит очень быстро. Небо за считанные минуты из яркого красно-оранжевого превратилось в торжественно-лиловое, а потом стало бархатным, густо-черным. А они все еще ехали и ехали через Неваду, меняя шоссе, выезжая с двадцать первого на пятидесятое. По нему Алекс намеревался пересечь Серебряный штат из конца в конец.

Чуть позже девяти вечера они остановились заправиться и позвонили Куртни из автомата. Алекс соврал, что говорит из мотеля, так как не видел причин беспокоить ее. И хотя им пришлось пережить воистину кошмарные мгновения, может быть, со всей этой историей теперь было покончено. Они оторвались от преследователя. Поэтому не было никакой нужды тревожить Куртни. Они вполне смогут рассказать ей обо всем, что случилось, по приезду в Сан-Франциско.

С половины одиннадцатого вечера в четверг до двух утра в пятницу Алекс пересек местность, считающуюся сердцем романтического Старого Запада. Справа и слева простирались мрачные, темные и безлюдные пески. Угрюмые Скалистые горы внезапно появлялись и так же внезапно исчезали на горизонте. По обеим сторонам шоссе виднелись очертания кактусов, и в желтом свете фар изредка пробегали через дорогу кролики. И если бы путешествие проходило по-другому, если бы две тысячи миль у них на хвосте не висел сумасшедший, возможно, поездка через Неваду была бы истинным удовольствием. Но сейчас это был просто маршрут, скучный, надоевший, просто дорога, которая вела их в Сан-Франциско.

В два тридцать они остановились на станции техобслуживания, там же находилось и небольшое кафе, работавшее круглосуточно. В то время как "Тандерберд" заправляли и проверяли масло, Колин сходил в душевую и освежился перед следующим большим, прямо-таки марафонским переездом. В кафе они с Алексом заказали гамбургеры и жареный картофель. В ожидании заказа, пока ломтики картошки аппетитно поджаривались, шипя и брызгая маслом, Алекс тоже умылся и побрился в мужской комнате.

И принял две таблетки чистого кофеина.

Алекс купил их тем же вечером, чуть раньше, когда они останавливались на автозаправке перед тем, как выехать из Юты. Колин сидел в машине и не видел, как Алекс покупал их. И хорошо, так как Алекс не хотел, чтобы мальчик знал о них. Колин и без того был напряжен и нервничал. Он заволновался бы еще сильнее, если бы обнаружил, что Дойл,

несмотря на все его заверения, все же клевал носом за рулем.

Алекс взглянул на свое отражение в битом зеркале над грязной раковиной и скорчил гримасу:

– Ну и физиономия у тебя!

Отражение промолчало.

* * *

Они обогнули въезд в Рено и следовали по пятидесятой магистрали, пока не обнаружили мотель – к востоку от Карсон-Сити. Это было довольно убогое место, но ни у Алекса, ни у Колина не оставалось сил искать другое. На часах, встроенных в приборную доску "Тандерберда", было восемь тридцать – это значило, что прошло двадцать два часа с момента их выезда из Денвера, двадцать два часа без отдыха и сна.

В комнате Колин тут же, не раздеваясь, шлепнулся на постель и сказал:

– Разбуди меня месяцев через шесть-семь...

Алекс прошел в ванную и плотно прикрыл за собой дверь. Он еще раз побрился, но уже своей, электрической бритвой, вычистил зубы, принял горячий душ. Когда он вернулся в комнату, Колин уже спал, так и не раздевшись. Дойл переоделся в свежее и разбудил его.

– Что случилось? – спросил мальчик, чуть не свалившись с кровати от неожиданности, когда Дойл тронул его за плечо.

– Пока еще спать нельзя.

– Почему? – Колин потер глаза кулаками.

– Мне нужно выйти. А оставить тебя одного я не могу, поэтому думаю, что тебе придется пойти со мной.

– Куда?

Алекс на секунду запнулся:

– Куда?.. Покупать оружие.

И тут же у Колина сон как рукой сняло. Он мгновенно вскочил и поправил на себе тенниску с Призраком.

– Ты всерьез полагаешь, что нам нужно оружие? Думаешь, человек в фургоне...

– Возможно, мы его больше не увидим.

– Ну тогда...

– Я сказал, возможно. Больше ничего не знаю... Я всю ночь думал об этом, всю дорогу, пока ехали через Неваду, и понял, что ничего не знаю наверняка. – Алекс провел руками по лицу, пытаясь отогнать усталость. – И потом, когда я почти уверен, что мы от него избавились, я тут же начинаю думать о людях, с которыми мы столкнулись в пути. Этот заправщик в Харрисбурге, женщина в "Лейзи Тайм мотеле", капитан Экридж... Нет, ничего не знаю. С одной стороны, конечно, это люди, не представляющие опасности. Но... Да, я полагаю, мы должны приобрести оружие. И даже скорее не для того, чтобы быть в безопасности последние несколько часов пути, а на будущее, чтобы держать его при себе в Сан-Франциско.

– Тогда почему не купить его в Сан-Франциско?

– Знаешь, я буду спать спокойнее, если оно будет при нас сейчас.

– А я-то думал, что ты пацифист.

– Так оно и есть.

Колин покачал головой:

– Пацифист, который носит с собой оружие?

– В жизни каждый день происходят гораздо более странные вещи, – произнес Дойл.

Спустя полтора часа Алекс и Колин вернулись в мотель. Было начало двенадцатого. Алекс захлопнул дверь, оставив за порогом невыносимую жару пустыни. Потом он заперся на замок, цепочку и попробовал повернуть дверную ручку, но это ему почему-то не удалось сделать.

Колин уселся на кровать и поставил перед собой небольшую, но тяжелую картонную

коробку. Потом он приподнял крышку. В коробке лежали пистолет 32-го калибра и набор патронов к нему. Когда Дойл направился в магазин покупать его, то запретил Колину выходить из машины. Не разрешил он и посмотреть на оружие, пока они ехали обратно. Поэтому сейчас Колин впервые увидел его. На лице у мальчика появилось огорченное выражение:

- Ты говоришь, продавец назвал это дамским оружием?
- Да, – ответил Дойл, присаживаясь на край кровати и снимая ботинки. Он чувствовал, что еще одна-две минуты – и он потеряет сознание, если не заснет сейчас же.
- А почему он так сказал?
- Потому что по сравнению с 45-м калибром у него небольшая сила удара, небольшая отдача и он гораздо менее шумный. Обычно такие покупают женщины.
- А тебе его спокойно продали? Не было проблем, что ты из другого штата, ну и так далее?
- Дойл растянулся на кровати и ответил:
- Нет, проблем не было. Вообще, это оказалось чертовски просто и легко.

18

В пятницу пополудни Джордж Леланд ехал через пустыню Невада в Рено. У него невероятно болели глаза, несмотря на то что от яркого света солнца и белого песка их защищали темные очки. Леланду было плохо. Он не мог сконцентрироваться, ведя машину.

С той самой памятной ночи во вторник, когда он гонялся с садовым топором за Алексом Дойлом и когда пережил приступ кошмарной головной боли, Леланд обнаружил, что потерял способность логически мыслить. Его мысли бродили в голове сами по себе, почти не поддаваясь контролю. Джордж не мог собрать их воедино и сконцентрироваться на чем-либо более чем на пять минут. Мысли перескакивали с одного на другое, словно в фильме с множеством купюр – вырезанных кадров.

Снова и снова он как бы просыпался, отвлекался от мечтаний и с удивлением обнаруживал себя за рулем фургона. Он преодолевал милю за милей, а мысли его были где-то далеко... Очевидно, какой-то участок его сознания следил за дорогой и движением, но это был очень маленький участок. И Леланд наверняка разбил бы фургон и погиб, если бы двигался по оживленной трассе со множеством автомобилей, а не по этой ровной, прямой, как стрела, пустынной дороге...

Куртни была с ним, она постоянно присутствовала в его мечтах. И вот сейчас, когда он снова "вернулся" на шоссе, окаймленное песчаником, и обнаружил, что "Шевроле" трясется и дрожит, производя резкие ворчливые звуки, Куртни сидела рядом, на соседнем сиденье, вытянув вперед свои длинные ноги.

– Вчера я почти покончил с ним, – сокрушенно рассказывал Леланд, – но эти проклятые шины...

– Ничего, Джордж, – ответила она тихим, каким-то близким и одновременно далеким голосом.

– Нет, Куртни. Я должен был разделаться с ними. И... прошлой ночью, когда я проверял мотель в Солт-Лейк-Сити, их там не было.

Леланд был озадачен этим фактом.

– В его книжке сказано, что в Солт-Лейк-Сити они остановятся в "Хайлендс мотеле". Что могло случиться?

Должно быть, она не знала, потому что не ответила на вопрос.

Леланд поочередно вытер правую и левую ладони о брюки.

– Я искал во всех мотелях возле "Хайлендса".

И их не было ни в одном. Я потерял их. Каким-то образом они скрылись.

– Ты их опять найдешь, – сказала девушка. Леланд надеялся, что Куртни будет воодушевлять его и помогать ему, будет относиться к нему с симпатией. Милая Куртни. На нее всегда можно положиться.

– Может, и так, – произнес Леланд, отрывая взгляд от песчаных холмов и далеких розово-голубых гор, – но каким образом? И где? – Он надеялся, что у Куртни есть ответ на этот вопрос.

И он у нее был:

– В Сан-Франциско, разумеется.

– В Сан-Франциско?

– У тебя есть мой адрес, – сказала Куртни, – и они направляются именно туда. Не так ли?

– Да, – ответил он, – конечно.

– Ну вот и все.

– Но... Может быть, я смогу перехватить их сегодня вечером в Рено?

Очаровательная, неземная, воздушная Куртни ответила мягким голосом:

– Они опять поменяют маршрут и мотель. Так ты их не найдешь.

Леланд кивнул. Это было правдой.

Ненадолго он отвлекся. Теперь он был не в Неваде, а в Филадельфии. Три месяца назад Леланд приехал в центр города посмотреть фильм, который был довольно неплох, и... Да, девушка в этом фильме была очень похожа на Куртни, так похожа, что Джордж после этого не спал всю ночь. На следующий вечер он пошел снова смотреть этот же фильм и узнал из рекламных плакатов, развешанных в фойе, что актрису звали Кэрол Линлей. Но вскоре он уже забыл о ней. И стал вечер за вечером приходить и смотреть этот фильм. Потому что экранный образ превратился для него в живую Куртни. Она была совершенна. Длинные, светлые, отливающие золотом волосы, тонкие, волшебные черты лица, завораживающий взгляд прекрасных глаз... Посмотрев картину шесть, семь, восемь, девять раз, Леланд вдруг почувствовал, как к нему возвращается желание, он вновь хотел Куртни. В конце концов, основательно накачавшись в баре, Джордж снял девочку. Они провели ночь вместе... Но она была совсем не похожа на Куртни. И когда он вгляделся в ее лицо и увидел, что это не Куртни, он пришел в ярость. Леланд почувствовал себя обманутым. Девчонка провела его. И он принялся избивать ее, лупить кулаками по лицу, пока она...

Джордж взглянул на синее небо, белый песок, черно-серую ленту шоссе впереди.

– Хорошо, – обратился он к девушке рядом, – я полагаю, что не поеду в Рено. В любом случае их не будет в заранее запланированном мотеле. Я поеду прямо во Фриско.

Девушка с золотистыми светящимися волосами улыбнулась.

– Прямо во Фриско, – повторил Леланд, – они не ожидают увидеть меня там. Они будут не готовы. И я легко смогу заняться ими. А потом мы будем вместе. Да?

– Да, – ответила она так, как ему этого хотелось.

– И мы снова будем счастливы, правда?

– Да.

– И ты позволишь мне вновь прикасаться к тебе.

– Да, Джордж.

– И мы будем заниматься любовью.

– Да.

– И жить вместе.

– Да.

– И люди перестанут плохо относиться ко мне.

– Да.

– Ты не волнуйся, Куртни, я никогда не обижу тебя, – сказал Леланд. – Когда ты в первый раз ушла от меня, я хотел тебя ударить. Убить. Но теперь нет. Мы снова будем вместе, и я ни за что на свете никогда не причиню тебе вреда.

Куртни подняла трубку сразу после первого звонка. Она была необычайно возбуждена и взволнованна.

– Я ждала твоего звонка. У меня хорошие новости.
Ее голос звучал тепло и приветливо, и у Алекса на душе сразу стало гораздо спокойнее.

– Что за новости?

– У меня есть работа, Алекс!

– В журнале?

– Да! – Она рассмеялась, и он представил себе Куртни, стоящую возле телефона: она наверняка откинула голову с золотистыми волосами назад и улыбается.

– Правда, это замечательно?

Счастливый голос Куртни сотворил чудо – Алекс забыл почти все, – все то ужасное, что случилось с ним в последние несколько дней.

– Ты уверена, что это именно то, что ты хотела?

– Это даже лучше.

– Тогда... Мы с Колином вскоре тоже будем жителями Сан-Франциско, и мне придется догонять тебя.

– Знаешь, сколько мне будут платить?

– Десять долларов в неделю?

– Бери выше.

– Пятнадцать?

– Восемь тысяч пятьсот в год. Для начала.

Алекс присвистнул.

– Для начала неплохо. Ведь это твоя первая работа по специальности. Но, слушай, не только у тебя есть хорошие новости.

– О, неужели?

Дойл взглянул на Колина, который втиснулся вместе с ним в телефонную будку, и, стараясь, чтобы голос не фальшивил, начал откровенно врать:

– Десять минут назад мы прибыли в Рено.

На самом деле они вообще не заезжали в Рено, а приехали в Карсон-Сити. И произошло это рано утром, а не десять минут назад. Колин и Алекс, проспав весь день до ужина, проснулись только в половине девятого вечера, около часа назад.

– И мы совсем не хотим спать. – Вот это уже было истинной правдой. – До Сан-Франциско около двухсот пятидесяти миль, и...

– И вы приедете домой завтра вечером? – спросила она.

– Думаем, что да.

– Знаешь, если хотите отоспаться – спите.

– Мы не хотим.

– Днем раньше, днем позже, – сказала Куртни, – не торопитесь под конец. Если ты заснешь за рулем...

– Ты потеряешь "Тандерберд", но зато получишь неплохую страховку, – закончил Алекс.

– Не смешно.

– Да, пожалуй. Извини.

Куртни стала раздражаться, и Алекс это сразу понял. Когда ему приходилось лгать ей, – а это случалось, если он хотел избавить ее от бессмысленных волнений, – Алекс всегда чувствовал себя скверно, и в результате они все равно ссорились.

– Ты уверен, что чувствуешь себя нормально и в состоянии приехать завтра?

– Да, Куртни.

– Тогда я согрею постель...

– А вот в том, что я буду чувствовать себя в состоянии и для этого, я далеко не уверен.

– Будешь, – ответила она и вновь рассмеялась. – Для этого ты всегда в форме.

– Глупая шутка, – улыбнулся Алекс.

– Одна из тех, которые просто необходимо время от времени повторять. Ну так когда мне ждать тебя и Великолепного Малютку?

Дойл посмотрел на часы:

– Сейчас четверть десятого. Сорок пять минут на ужин... Мы будем дома около трех утра, если не заблудимся.

Куртни чмокнула телефонную трубку:

– До трех утра, дорогой.

* * *

В одиннадцать часов Джордж Леланд проехал указатель расстояния до Сан-Франциско. Он посмотрел на спидометр и произвел в уме кое-какие вычисления. Это далось ему с большим трудом и не так быстро, как когда-то. Числа прыгали и разбегались у него в голове, тогда как с ними легко справился бы любой третьеклассник. Леланд же не был настолько уверен в себе, поэтому ему пришлось пересчитывать три раза. Наконец он осилил задачу и остался доволен результатом.

Леланд посмотрел на соседнее сиденье. Там, зыбко покачиваясь и слегка расплываясь в воздухе, по-прежнему сидела золотоволосая девушка.

– Мы приедем к тебе домой около часу ночи. Может быть, в полвторого, – сказал он ей.

Суббота 20

Куртни собирала по квартире груды мусора, оставшиеся после переезда и доставки новой мебели: пустые деревянные ящики, картонные коробки, горы смятых и порванных газет, упаковочной бумаги и пенопласта, шпагат, веревки, мотки проволоки. Все это она сложила в одну большую, довольно неприглядную кучу в комнате для гостей, где еще не было мебели. Потом, вздохнув с облегчением, вышла в холл и заперла дверь за собой на замок. Ну вот и все. Теперь можно забыть об этом хламе по крайней мере до понедельника, когда будет необходимо куда-то это все распахивать, потому что привезут последнюю партию мебели.

"Это как выметать пыль из-под ковра, – подумала Куртни, – совершенно ненужное занятие, пока никто не заглядывает под него".

Она вернулась в спальню и внимательно осмотрела ее. Комод, туалетный столик, тумбочки – все сделано из тяжелого темного дерева, очень подходящего для спальни. Мебель выглядела так, словно была ручной работы. На полу лежал густо-синий ковер. Бархатные покрывала и гардины цвета темного золота выглядели очень благородно. Их мягкий отлив напоминал загар на коже самой Куртни. "В общем и целом, – подумала она, – спальня получилась очень сексуальной".

Она не замечала, что покрывало слегка сбилось, на туалетном столике беспорядочно громоздились флаконы с духами, множество коробочек и баночек с косметикой, а огромное зеркало от пола до потолка не мешало бы еще раз протереть... Все эти мелочи и делали комнату Куртни Дойл особенной, неповторимой. Где бы она ни жила, везде присутствовал едва заметный беспорядок, не нарушавший, впрочем, общей гармонии.

– Не забудь, – предупредила она Алекса в ночь перед свадьбой, – что из меня не получится идеальная хозяйка.

– Я и не хочу жениться на идеальной хозяйке, – ответил тогда он. – Черт побери, да я могу нанять дюжину горничных!

– К тому же я не великий кулинар.

– Ну а на что тогда рестораны?

– И знаешь, – добавила она, нахмурясь и подумав о своей лени, – я обычно накапливаю грязное белье до тех пор, пока у меня не останется ни одной чистой пары. Тогда нужна либо капитальная стирка, либо покупка всего нового.

– Куртни, зачем, ты думаешь, Бог изобрел прачечные? А?

Вспомнив этот диалог, вспомнив, как тогда они рассмеялись и, словно маленькие дети, вместе повалились на пол, Куртни улыбнулась, подошла к их новой кровати, села на нее и

слегка попрыгала, проверяя пружины.

Вообще-то она проверяла их раньше. Обещав Алексу по телефону "согреть постель", Куртни решила немного поупражняться, поэтому разделась и начала выделять разные па, подпрыгивая в центре матраца. Эта разминка возбудила Куртни, и она едва смогла заснуть в ту ночь, думая об Алексе. Она думала о нем, вспоминала ночи, проведенные вместе, и то, как им было хорошо вдвоем. Алекс был не похож на других мужчин, и его любовь была совершенно другой. Никогда и ни с кем до него Куртни не переживала подобных ощущений.

Вообще их многое объединяло, не только постель. Им нравились одни и те же книги, фильмы и, как правило, одни и те же люди. И если правда то, что противоположность привлекает, то сходство привлекает еще больше.

В конце первой недели их медового месяца Куртни спросила Алекса:

– Как ты думаешь, мы когда-нибудь устанем друг от друга?

– Устанем? – переспросил он, притворяясь, что широко зевает.

– Я серьезно.

– Нет, нам даже и минуты не будет скучно друг с другом, – ответил он.

– Но мы ведь так похожи, и...

– Меня утомляют люди трех типов, – продолжал Алекс. – Первый: те, кто может говорить только о себе. Ты не эгоистка и не одержима собой.

– Второй?

– Те, кто не может говорить вообще ни о чем. Эти просто выводят меня из себя. А ты умна, активна, красива. У тебя всегда есть дело. И тебе всегда есть что сказать.

– Ну а третий?

– А самые несносные люди те, кто не может слушать меня, когда я говорю о себе, – полушутя-полусерьезно заявил Алекс, пытаясь заставить Куртни улыбнуться.

– Я всегда тебя слушаю, – ответила она, – и мне нравится, когда ты говоришь о себе. Ты очень интересный человек. Правда.

Теперь, сидя на кровати, которая будет их супружеским ложем, Куртни поняла: самое главное, что делает взаимоотношения людей прочными и добрыми, – это умение слушать друг друга. Куртни стремилась лучше узнать своего мужа. И Алекс тоже хотел понять ее до конца. Если вдуматься, они вовсе не были так уж похожи друг на друга. Возможно, именно из-за того, что Куртни и Алекс прислушивались друг к другу, они очень быстро пришли к взаимопониманию и стали ценить вкусы и привычки друг друга, а потом и разделять их. Они не дублировали один другого, а помогали друг другу расти.

Будущее выглядело многообещающим, и Куртни почувствовала себя очень счастливой. Она обхватила плечи руками, и на ее лице появилось то самое умиротворенное, довольное выражение, которое перенял у нее Колин.

Внизу у входной двери зазвенел звонок. Куртни взглянула на часы: десять минут третьего. Неужели они приехали почти на час раньше? Возможно, Алекс неправильно рассчитал время...

Куртни вскочила с постели и бросилась по лестнице в холл, перепрыгивая через две ступеньки. Ей не терпелось увидеть Алекса и Колина, задать им тысячу вопросов... В то же время она немного сердилась. Неужели Алекс превышал скорость где можно и нельзя? Ну если так... Как он посмел рисковать своей жизнью и их будущим ради того только, чтобы сэкономить час в пятидневной поездке? К тому моменту, как Куртни подбежала к входной двери, она уже была рассержена почти так же, как и довольна, что они наконец-то дома.

Куртни сбросила цепочку с двери и распахнула ее.

– Привет, Куртни, – сказал он, протягивая руку и осторожно дотрагиваясь до ее лица.

– Джордж? Что ты здесь делаешь?

Не успела Куртни сообразить, что его неожиданное появление, несомненно, не к добру, не успела она сделать попытку развернуться и убежать, как Леланд довольно крепко сжал ее

руку и повел в холл. Там он подошел к софе, заставил Куртни сесть и сел сам. Оглядев комнату, Леланд удовлетворенно кивнул головой и улыбнулся:

– Неплохо. Мне здесь нравится.

– Джордж, что...

Не выпуская ее руки, Леланд опять дотронулся до ее лица и нежно провел пальцами по подбородку.

– Ты такая чудесная, – произнес он.

– Джордж, зачем ты здесь?

Куртни была испугана, но лишь чуть-чуть. Его появление было абсурдом, но она не видела причин впадать в панику.

Джордж погладил ее шею, ощутив кончиками пальцев биение пульса. Потом его рука соскользнула к груди.

– Еще чудеснее, чем всегда, – произнес он.

– Пожалуйста, не трогай меня, – ответила она, отодвигаясь от него. Но Джордж крепко обнял ее одной рукой, а другой попытался приласкать.

– Ты говорила, что мне снова можно будет прикасаться к тебе, трогать тебя.

– Что ты хочешь этим сказать?

Пальцы Леланда впились в ее руку с такой силой, что у Куртни заболело плечо.

– Ты говорила, что я снова смогу любить тебя. Как раньше.

Его голос звучал низко и как бы во сне.

– Нет, я никогда такого не говорила.

– Да, Куртни, да. Ты именно так и сказала.

Она взглянула в его налитые кровью, очерченные темными кольцами глаза, в эти мутные бледно-голубые круги, и в первый раз в жизни испытала чисто женский страх. Страх оттого, что поняла: этот человек может ее изнасиловать. И Куртни знала, что, несмотря на его кажущуюся удобу, у него вполне хватит сил сделать это... Но не смешно ли? Ведь в прошлом они занимались любовью десятки раз, пока Джордж не начал резко меняться. В таком случае чего ей бояться? Но Куртни понимала, что ее пугал не секс. Это было другое. Физическое превосходство, грубое насилие, унижение и чувство, что тебя используют. Куртни не знала, как Леланд добрался до ее дома, как он узнал ее адрес. Она не знала и его истинных намерений. Но сейчас все это не имеет никакого значения. Черт возьми, сейчас важно одно: попытается Джордж изнасиловать ее или нет. Куртни почувствовала себя жалкой, беспомощной и угнетенной. Внезапно ее душу заполнили пустота и холод. Куртни задрожала при мысли, что, возможно, ей придется уступить его силе.

– Лучше тебе уйти, – произнесла она, презирая себя за слабенький, дрожащий голосок.
– С минуты на минуту должен прийти Алекс.

Леланд улыбнулся:

– Конечно, он придет. Я знаю.

– Тогда что тебе здесь нужно?

– Мы об этом уже говорили раньше.

– Нет, не говорили.

– Говорили, Куртни. Вспомни. Мы разговаривали в фургоне. По дороге сюда. Ты и я. Уже несколько дней, как мы говорим об этом: как избавиться от тех двоих и потом снова быть вместе.

Теперь уже Куртни была не просто напугана. Ее охватил ужас. Наконец-то Леланд перешел грань. Что-то неладное творилось с ним – был ли у него физический недуг или психическое заболевание, – но это что-то превратило его в безумца.

– Джордж, ты должен выслушать. Ты меня слушаешь?

– Конечно, Куртни. Мне нравится твой голос.

Ее передернуло. Невольно.

– Джордж, ты нездоров. Что-то произошло с тобой за последние два года...

Улыбка угасла на его лице, и он перебил Куртни:

- Мое здоровье в полном порядке. Почему ты постоянно убеждаешь меня, что я болен?
- Слушай, ты не проходил обследование, которое доктор...
- Заткнись! – крикнул он. – Я не желаю слышать об этом!
- Джордж, ты болен, и, может быть, что-то все еще...

Куртни увидела, что Леланд ее сейчас ударит, но не смогла вовремя увернуться. Она почувствовала его грубую мозолистую ладонь на своей щеке, стукнули зубы, и Куртни этот звук показался почти забавным...

Но потом у нее в глазах потемнело, и Куртни поняла, что теряет сознание. И тогда она будет полностью в его власти. А еще мгновение спустя она вдруг осознала, что изнасилование – это еще полбеды, потому что у Леланда на уме может быть совсем другое. Он может просто убить ее.

Куртни закричала или подумала, что закричала, а потом провалилась в темную бездну.

* * *

Леланд вышел из дома, направился к фургону и взял пистолет, который забыл прихватить с собой сразу же. Потом он вернулся в дом, прошел в гостиную и встал возле софы, разглядывая лежащую на ней Куртни. Он любовался ее золотистыми волосами, тонкими, изящными чертами лица и веснушками на нем.

Ну почему она не могла быть с ним поприветливее? Всю поездку Куртни была так мила, и, когда он говорил ей, к примеру, чтобы она прекратила ныть, она тут же и замолкала. А теперь она снова превратилась в стерву, которая постоянно унижала его и твердила, что у него не все в порядке с мозгами. И ведь знала, что этого просто не может быть! Эти самые мозги много лет назад выигрывали все конкурсы на стипендию; когда он учился в колледже, это неординарное мышление вывело его в люди, вырвало из нищеты, избавило от долбежки Библии на проклятой отцовской ферме и папашиного ремня. Как же он может теперь потерять разум? Куртни сказала это, чтобы подразнить и напугать его. Леланд вставил дуло пистолета ей в ухо. Но не смог нажать на спусковой крючок.

– Я люблю тебя, – сказал он Куртни, хотя она не могла слышать его.

Леланд сел на пол возле дивана и заплакал. Когда через некоторое время он очнулся, то обнаружил, что раздевает Куртни. Пока его мысли бродили где-то очень далеко, он успел стянуть с нее тонкую синюю блузку и теперь возился с "молнией" на джинсах. Леланд перестал дергать застежку и посмотрел на Куртни. Обнаженная до пояса, она казалась совсем еще юной девочкой, несмотря на четкие линии груди, беззащитной, слабой девочкой, нуждающейся в помощи и покровительстве.

– Нет, так нельзя.

Джордж вдруг понял, как ему следует поступить. Он свяжет Куртни и спрячет ее до тех пор, пока не разделается с Дойлом и мальчишкой. Когда они умрут, Куртни поймет, что Леланд – единственное, что осталось у нее в жизни. И они снова смогут быть вместе.

Легко, словно ребенка, Джордж поднял Куртни и понес ее наверх, в спальню. Там он положил ее на кровать. Потом отыскал в гостиной на полу ее блузку и кое-как натянул ее на Куртни.

За следующие пятнадцать минут Леланд связал ее запястья и ноги веревкой и залепил рот куском клейкой ленты.

Когда Куртни пришла в себя, открыла глаза и отыскала ими Леланда, тот сидел на кровати и смотрел на нее в упор.

– Не бойся, – сказал он.

Она попыталась крикнуть, но не смогла – рот был заклеен.

– Я не сделаю тебе ничего дурного, – продолжал он, – я люблю тебя.

Он потрогал ее длинные красивые волосы.

– Еще немного – и все будет в порядке. Мы будем счастливы, мы будем вместе – никого в целом свете, кроме нас двоих.

– Это наша улица? – спросил Колин. "Тандерберд" медленно, с трудом взбирался вверх по небольшой улочке.

– Да, наша.

Слева, за хорошо подстриженными и ухоженными вишневыми деревьями, простирался темный Линкольн-парк. Справа дорога уступами сбегала вниз, к сияющему ожерелью огней города, бухты и моста через залив. Зрелище было впечатляющим, особенно в три часа утра.

– Вот это местечко! – сказал мальчик.

– Нравится, а?

– Филадельфия ни в какое сравнение не идет с этим.

– Да уж! – рассмеялся Дойл.

– А наш дом там? – спросил Колин, указывая на скопление огоньков прямо перед ними.

– Да. И еще один неплохой сад с бо-о-льшими деревьями.

В первый раз Дойл приезжал сюда как хозяин, он ехал домой и знал, что дом и парк вокруг него стоили каждого цента, что он заплатил, хотя вначале цена казалась совершенно непомерной. Дойл подумал о Куртни, о том, как она ждет их дома. Он вспомнил дерево, которое видно из окна их спальни. Интересно, смогут ли они не заснуть сегодня до рассвета и увидеть из окна, как косые лучи солнца заскользят по синей воде залива...

– Надеюсь, Куртни не рассердится сильно из-за того, что мы ей наврали, – сказал Колин, все еще вглядываясь в темноту океана за полоской города. – Если рассердится, то все испортит.

– Она не рассердится, – заявил Дойл, прекрасно зная, что Куртни обязательно разозлится, но слегка и всего на несколько минут, – она обрадуется, что с нами все в порядке.

Огни, освещавшие их дом, заметно приблизились, хотя само здание спряталось за стеной тенистых деревьев, которые росли позади, поэтому разглядеть его пока было практически невозможно.

Дойл замедлил ход машины, пытаясь найти подъездной путь к дому. Вскоре он нашел его и свернул на дорожку. Тысячи мелких овальных камешков гравия брызнули из-под колес.

Алексу пришлось объехать полдома до того, как он увидел припаркованный возле гаража фургон "Шевроле".

23

Дойл вышел из машины и положил руку на худенькое плечо Колина.

– Ты останешься здесь, – сказал он. – Если увидишь, что кто-то, кроме меня, выходит из дома, бросай машину и беги к соседям. Ближайшие – вниз по холму.

– А разве не надо позвонить в полицию и...

– Для этого уже нет времени. Он в доме. С Куртни.

Алекс вдруг почувствовал, что в животе у него что-то перевернулось, и его сразу же затошнило. В горле запершило, желчь подступила ко рту, но Алекс загнал ее внутрь, обратно, подавив рвотный порыв.

– Минутой раньше, минутой позже...

– Одна минута может все изменить.

И Дойл побежал через темную лужайку к парадной двери, которая была слегка приоткрыта.

Как же это возможно? Кто был этот человек, который следовал за ними, куда бы они ни поехали, который находил их всегда и везде, как бы они ни меняли свои планы и маршрут? Кто, черт возьми, был этот тип, который смог обогнать их, приехать сюда раньше и поджидать их? Да уж, это становится более чем серьезным, и он наверняка не просто маньяк.

Боже, а что он сделал с Куртни? Если только он как-то навредил ей... Алекса охватило смешанное чувство ярости и ужаса. Было страшно осознавать, что, даже если у тебя самого достаёт храбрости противостоять насилию и жестокости, ты не всегда можешь защитить тех, кого любишь. Особенно когда не имеешь ни малейшего представления о том, откуда ждать

опасности и какой именно.

Алекс добежал до парадной двери, толкнул ее и очутился внутри дома. Только тут он сообразил, что, может быть, попался прямо в ловушку, и с неожиданной ясностью вспомнил хитрость, ловкость и жестокость этого безумца, когда тот размахивал топором. Дойл вжался в стену, пытаясь укрыться за этажеркой, на которой стоял телефонный аппарат, и быстрым взглядом окинул переднюю.

Комната была пуста.

Все лампы горели, но ни сумасшедшего, ни Куртни видно не было.

В доме было очень тихо.

Слишком тихо.

Прижимаясь спиной к стене, Алекс проскользнул из гостиной в столовую. Ковер с толстым ворсом делал его шаги бесшумными.

Столовая также была пуста.

В кухне на разделочный стол были выставлены три тарелки, ножи, вилки, ложки и другая утварь. Куртни собиралась приготовить им поздний ужин.

Сердце его больно билось о грудную клетку, а дыхание стало таким тяжелым и резким, что Дойл был уверен: хрипы его наверняка слышны по всему дому.

"Куртни... Куртни... Куртни..." – вертелось у него в голове.

Небольшой кабинет в углублении и задняя застекленная терраса – там тоже не было ни души. Все было убрано, везде был порядок или, точнее, тот "порядок", который обычно имеет место в доме Куртни. И это хороший знак. Не так ли? Никаких следов борьбы, мебель цела, кровавых пятен не видно....

– Куртни!

Поначалу Алекс старался как можно меньше шуметь и решил помалкивать, но теперь ему вдруг показалось жизненно важным позвать ее, произнести ее имя – будто сказанное слово имело некую магическую силу и могло защитить Куртни от этого безумца.

– Куртни!

Молчание.

– Куртни, где ты?

Интуиция подсказывала Алексу, что ему следовало бы успокоиться и помолчать минуту-другую, чтобы еще раз обдумать положение, еще раз поразмыслить над тем, что он может предпринять, и только потом начинать действовать. Ведь он не сможет помочь ни Куртни, ни Колину, если позволит себя убить.

Но как бы там ни было, полнейшее молчание, царившее в доме, угнетало Алекса настолько, что он потерял способность вести себя разумно.

– Куртни!

Пригнувшись и слегка наклонившись вперед, Алекс побежал вверх по лестнице, прыгая через две ступеньки; он был похож на солдата-десантника, высаживающегося на вражеский плацдарм. Добежав до самого верха, он схватился за перила, удерживая равновесие и переводя дух. На втором этаже все двери, выходящие в холл, были закрыты, каждая – как крышка шкатулки с сюрпризом.

Самая близкая к лестнице дверь вела в спальню для гостей. Алекс сделал три шага по направлению к ней и потом резко распахнул ее.

В первые мгновения он не мог понять, что перед ним. Ящики, коробки, бумага и другой хлам были свалены в кучу посередине комнаты, гора мусора на новом, красивом ковре. Алекс шагнул вперед, непонятно почему взволнованный неуместностью того, что видели его глаза. И тут же за его спиной раздался низкий, густой голос, шедший из дверного проема:

– Ты отнял ее у меня.

Алекс резко рванулся влево, но это было уже бесполезно. Несмотря на его маневр, пуля достала его. Он рухнул как подкошенный.

Высокий широкоплечий мужчина, улыбаясь, стоял в дверях. В руке он держал пистолет – точно такой же, какой Дойл купил в Карсон-Сити и, совершенно забыв о нем, оставил в

машине. Именно тогда, когда он нуждался в оружии больше всего.

Дойл подумал: это лишь доказывает, что за одну ночь нельзя перемениться. Никто этого не может. Ни ты, ни он. Ты можешь быть в тысячу раз храбрее его, но не можешь заставить его думать, а не разговаривать языком оружия. Как нелепы были мысли, пришедшие Алексу на ум в такой момент! Поэтому он перестал размышлять и погрузился в обволакивающую его багровую тьму.

Когда Леланд в очередной раз пришел в себя и отвлекся от воспоминаний об отцовской ферме, он обнаружил, что сидит на краю кровати Куртни и гладит ее лицо. Куртни напряглась, пытаясь освободиться от веревок, ее мускулы словно застыли, превратились в негнущийся твердый сплав. Она попыталась что-то сказать, порвать клейкую ленту, но вместо этого разрыдалась.

– Все хорошо, – произнес Леланд, – с ним я покончил.

Куртни металась из стороны в сторону, безуспешно стараясь сбросить его руки. Леланд взглянул на пистолет, который все еще держал в руке, и вспомнил, что выстрелил в Дойла только раз. Может быть, этот сукин сын еще жив. Он должен вернуться и проверить это.

Но ему не хотелось оставлять Куртни. Ему хотелось снова и снова трогать ее, может быть, даже переспать с ней прямо сейчас. Почувствовать ее мягкую теплую кожу, скользющую под его огрубевшими ладонями, наслаждаться ею, наслаждаться тем, что он рядом с ней. Они вновь вместе, вдвоем...

Леланд обеими руками прижал Куртни к дивану – так чтобы она лежала прямо и неподвижно. Затем он поцеловал ее и запустил пальцы в ее золотистые волосы. В тот момент он совсем забыл об Алексе Дойле. А о Колине не думал вообще.

Мальчик услышал выстрел. И хотя стены дома слегка приглушили звук, ошибиться было невозможно.

Колин открыл дверцу и выпрыгнул из машины. Сначала он побежал вниз, по подъездной дороге к дому, но остановился на полпути. Колин вдруг понял, что ему некуда бежать.

Как вниз, по склону холма, так и вверх все дома оставались темными и молчаливыми. Очевидно, звук выстрела не смог разбудить людей.

Так. Но ведь он может растолкать их и рассказать обо всем, что случилось. Тут Колин вспомнил, как обращался с Алексом капитан Экридж. Возможно, соседи отнесутся к нему тепло, по-дружески, но они могут не поверить ему. Колин прекрасно понимал это. Ведь он всего-навсего одиннадцатилетний мальчишка. Его поднимут на смех, может, обругают. Но не поверят. Во всяком случае, он потеряет драгоценное время.

Колин побежал назад к машине, остановился возле открытой дверцы и посмотрел на дом. Из него никто не выходил.

"Ну давай же! – подумал он. – Алекс бы не раздумывал. Алекс пошел прямо внутрь за Куртни. А ты? Хочешь ты в конце концов стать взрослым человеком или так на всю жизнь и останешься запуганным ребенком?"

Колин присел на краешек переднего сиденья и открыл отделение для перчаток. Затем вынул оттуда небольшую картонную коробку. Достав пистолет и положив его на сиденье рядом, Колин нащупал патроны. За свои одиннадцать лет он ни разу не держал оружие в руках, однако думал, что зарядить пистолет не очень сложно. В тусклом свете верхней лампы салона Колин кое-как разглядел тоненькие буквы, обозначающие положение предохранителя. И перевел его в боевое.

Алекс одну-две минуты непонимающе рассматривал разодранные пакеты, клочки газет и другой мусор, пока окончательно не пришел в себя и не вспомнил, где он находится и что случилось. Сумасшедший с пистолетом в руке...

– Куртни! – тихо произнес он.

Он попытался двинуться, но тут же его пронзила острая боль. Она волнами охватила его, и Алекс чувствовал себя изможденным, старым и слабым. Пуля прошла повыше левой ключицы, и ощущение было такое, словно кто-то обильно посыпал рану солью.

"Он не попал в сердце, – подумал Алекс, – и, должно быть, особенно ничего не повреждено". Однако эта мысль его слабо утешила.

При помощи здоровой руки Алекс заставил себя встать на колени. На ковер закапала кровь. Боль усилилась, ее толчки обрушивались на него теперь уже гораздо чаще.

Алекс все ждал, когда же раздастся следующий выстрел, и уже мысленно представил себе, как он проваливается в кучу картонок и газет. Однако никто не помешал ему подняться на ноги, и, обернувшись, он обнаружил, что маньяк исчез. Дверной проем был пуст. Алекс зажал плечо рукой и медленно направился к двери. Кровь с бульканьем сочилась у него между пальцами. Преодолев половину пути, он вдруг подумал, что было бы неплохо сначала чем-нибудь вооружиться, а потом уже искать того ненормального. Но как? Чем? Повернувшись и поглядев на кучу хлама, Алекс увидел то, что могло ему пригодиться. Он вернулся и поднял кусок доски от разбитого деревянного ящика. С одной стороны доски торчали три погнутых гвоздя. Это подойдет. Алекс снова побрел к выходу.

Восемь шагов до двери показались ему восемью сотнями. После того как он преодолел их, ему пришлось остановиться и отдохнуть. Грудь сдавило, дыхание было невероятно тяжелым. Алекс прислонился к стене как раз за открытой дверью, так что его не было видно из холла.

"Ты должен, ты обязан собрать все свои силы", – приказал он себе, прикрывая глаза, так как комната начала слегка покачиваться и кружиться перед ним.

"Даже если ты его найдешь, ты не сможешь остановить его и он сделает с Куртни и Колином все, что ему захочется. Ты не имеешь права быть настолько слабым. Это всего лишь шок. Тебя ранили, ты истекаешь кровью. Но ты должен преодолеть себя, иначе всем придется умереть".

* * *

Леланд содрал клейкую ленту со рта Куртни и прикоснулся к ее бледным, бескровным губам.

– Теперь все в порядке, Куртни. Дойл мертв. И нам не нужно беспокоиться об этом. Мы с тобой – я и ты – против всех.

Куртни не могла говорить. Она была бледна как смерть, ее золотистая кожа приобрела молочный оттенок.

– Сейчас я разрешу тебе встать, – улыбаясь, продолжал он, – если ты, конечно, будешь хорошо себя вести, будешь хорошей девочкой, я развяжу тебе ноги и руки – чтобы мы могли заняться любовью. Хочешь?

Куртни отрицательно покачала головой.

– Ну конечно, хочешь.

На первом этаже разбилось окно, и послышался звон осколков, падающих на голый пол.

– Это полиция, – произнесла Куртни, сама не зная наверняка, кто это, не желая напугать его.

Леланд, начавший было развязывать ее, резко встал.

– Нет, – сказал он, – это мальчишка. Как я мог забыть про него?

В замешательстве он повернулся к ней спиной и пошел к дверям.

– Не трогай его! – закричала Куртни. – Ради всего святого, не трогай его!

Леланд не слышал ее. Он мог воспринимать только одно и думать только об одном в каждый отдельный момент времени. Теперь это был мальчик. Он должен найти его и убить, уничтожить последнее препятствие, стоящее между ним и Куртни.

Леланд вышел из спальни и направился по коридору к лестнице, ведущей вниз.

Когда Алекс услышал внизу звон разбившегося и посыпавшегося на пол стекла, он подумал, что Колин, должно быть, привел кого-нибудь на помощь. Но потом он вспомнил, что парадная дверь была открыта. Почему они не вошли через нее?

И сразу же понял, что Колин вообще не ходил за помощью. Напротив, этот мальчишка

взял из машины пистолет, тот самый, о котором забыл Алекс. В самый неподходящий момент Колин решил, что открытая входная дверь передней – это ловушка, поэтому обежал вокруг дома и, чтобы проникнуть внутрь, разбил окно. Мальчик пришел им на помощь совсем один. И хотя это был очень смелый поступок, решившись на него, Колин подписал себе смертный приговор.

Дойл сумел наконец оторваться от стены, и в этот самый момент закричала Куртни. От удивления Алекс едва не упал, споткнувшись о собственную ногу. Куртни жива! Конечно, он пытался убедить себя, что с ней все в порядке, но не верил в это. Он ожидал найти ее труп.

Алекс повернулся лицом к двери в холл как раз в тот момент, когда сумасшедший дошел до лестницы и начал спускаться вниз. Алекс увидел его.

Из их спальни вновь послышался душераздирающий крик Куртни:

– Не трогай его! Не убивай еще и моего брата!

"Он сказал ей, что я мертв", – подумал Дойл.

– Куртни! – позвал он, нимало не заботясь о том, что тот, внизу, мог услышать его. – У меня все в порядке. С Колином тоже все будет хорошо.

– Алекс! Это ты?

– Я, – сказал он. И крепко сжав здоровой рукой свое оружие, он прошел через лестничную площадку и быстро стал спускаться вниз, торопясь настигнуть маньяка.

24

Колин подергал застекленную дверь в кухню. Она была заперта. Ему не хотелось тратить время на поиски открытого окна, так же как и входить через парадную дверь. Алекс сделал это и пропал, словно дом поглотил его. Колин колебался лишь секунду, а потом взял пистолет за дуло и рукояткой что было сил ударил по одной из стеклянных панелей двери.

Колин подумал, что должен будет проникнуть в дом достаточно быстро, чтобы успеть найти укрытие до того, как сумасшедший войдет в кухню. А потом он выскочит и выстрелит в него.

Однако Колин никак не мог найти задвижку. Просунув руку через образовавшийся проем и оцарапавшись об острые края разбитого стекла, он ощупал внутреннюю сторону двери, но безуспешно. Казалось, что задвижки там не было вообще.

Колин взглянул в противоположный угол ярко освещенной кухни, на дверь, из которой должен появиться этот ненормальный. Теряя драгоценные секунды, он, с шумом дергая дверь, пытался отыскать невидимую щеколду. И вдруг нашел ее. Вскрикнув, Колин повернул задвижку и толчком открыл дверь. Держа пистолет прямо перед собой, он с шумом ввалился в кухню.

Но еще до того, как Колин начал искать место для укрытия, в кухню вошел Джордж Леланд. Колин сразу узнал его, хотя не видел уже более двух лет. Но это не остановило мальчика. Он направил дуло пистолета в грудь Леланду и нажал на спусковой крючок.

Отдача от выстрела с силой ударила его по рукам, прошла до локтей. Леланд зарычал и рванулся вперед со скоростью экспресса. Он замахнулся и ударил Колина. Тот неуклюже растянулся на блестящем кафеле. Пистолет с грохотом покатился по полу, задевая за ножки стола и стульев. Теперь до него было не дотянуться.

Увидев это, Колин понял, что его первый и единственный выстрел не попал в цель.

* * *

Алекс потерял Леланда из виду, когда тот вошел в кухню. Почти в то же мгновение прогремел выстрел. Алекс услышал, как заорал сумасшедший, потом – как вскрикнул Колин и что-то с грохотом упало на пол.

Но Алекс не знал, кто в кого стрелял.

Бегом преодолев последние несколько футов, он ворвался в кухню и занес над головой Леланда обломок доски с торчавшими из нее кривыми гвоздями.

Колин лежал на полу возле холодильника и время от времени пытался подняться на

ноги. В стороне от него, где-то в двух ярдах, незнакомец медленно поднимал пистолет...

Закричав от ярости, издав какой-то совершенно дикий вопль, Алекс изо всех сил замахнулся своей дубинкой и нанес Леланду удар сзади. Гвозди раскроили ему череп.

Леланд взвыл, выронил пистолет и обеими руками схватился за голову. Он сделал два шага и оперся локтями о разделочный стол.

Алекс ударил его еще раз. В этот раз гвозди вошли в пальцы, пронзив их насквозь до черепа. Дойл выдернул доску.

Сумасшедший повернулся лицом к своему врагу и выставил вперед окровавленные руки, как бы пытаясь отразить следующий удар.

Алекс посмотрел прямо в его голубые, широко раскрытые глаза и подумал, что теперь в них светилось нечто похожее на здравый ум, что-то ясное и рациональное. Видимо, безумие временно отступило.

Но Алекса это уже не волновало. Он вновь взмахнул обломком доски. Гвозди расцарапали лицо Леланда, разорвали кожу, оставив три красные глубокие борозды на щеке.

– Пожалуйста, – произнес Леланд, перегибаясь через стол и скрещая руки перед собой, пытаясь защитить лицо. – Пожалуйста, прекратите это!

Но Дойл понимал, что если он остановится, то безумие может вновь наполнить эти глаза. Безумие и жажда мести. И тогда этот огромный человек будет беспощаден.

Дойл подумал о том, что этот подонок уже сделал с Куртни и что он уготовил для Колина. И вновь ударил Леланда. Еще и еще. И каждый раз сильнее и быстрее, вонзая гвозди в его руки, шею, голову... Неожиданно ему вдруг пришло в голову, что теперь он, Алекс Дойл, превратился в одержимого, а тот, наоборот, стал его жертвой. От этой мысли он застонал, но все же продолжал изо всей силы наносить удары, разбивая и разрывая плоть Джорджа Леланда.

Наконец тот не выдержал и упал на кафельный пол, сильно ударившись головой. Потом он как-то печально взглянул вверх, на Дойла, и попытался что-то сказать. Кровь ручьями бежала из многочисленных ран и вдруг фонтаном хлынула из носа. Леланд умер.

Минуту Алекс стоял неподвижно, уставившись на труп. Алекс словно окоченел и ровным счетом ничего не чувствовал: ни злости, ни стыда, ни жалости, ни грусти – ничего. Хотя ему раньше казалось, что это неестественно: убить человека и не чувствовать при этом угрызений совести.

Алекс вновь ощутил волнообразные толчки боли из раненого плеча. Только теперь он осознал, что держал доску обеими руками. Алекс уронил свое оружие на труп Леланда и отвернулся.

Колин стоял в углу возле холодильника. Он дрожал, лицо его было блее снега. Мальчик выглядел еще меньше и слабее, чем обычно.

– Ты как? В порядке? – спросил Дойл.

Колин не мог произнести ни слова. Он только пристально смотрел на Алекса.

– Колин!

Но тот только вздрагивал.

Дойл шагнул ему навстречу. Колин вдруг вскрикнул, побежал вперед, бросился к Алексу и обнял его за пояс. Потом он истерически разрыдался.

– Ты никогда нас не бросишь, правда?

И посмотрел Алексу прямо в глаза, снизу вверх.

– Брошу? Ну конечно, нет, – ответил тот. Потом взял Колина на руки, как маленького, и крепко прижал к себе.

– Скажи, что ты никогда меня не бросишь! – снова потребовал мальчик.

Слезы ручьями катились у него по лицу, и он так сильно трясся, что никак не мог успокоиться и унять дрожь, несмотря на то что Алекс все крепче и крепче прижимал его к себе.

– Скажи! Скажи это!

– Я никогда вас не брошу, – сказал Дойл. – Господи, Колин, ты и твоя сестра, вы двое –

это все, что у меня теперь есть в жизни. Все остальное я потерял.

Колин обнял его за шею и заплакал еще громче. Алекс вышел из кухни и, неся Колина на руках, прошел через столовую к лестнице.

– Пойдем посмотрим, как там Куртни, – сказал он мальчику, надеясь успокоить его.

Но ничего не вышло.

Он преодолел уже половину лестницы на второй этаж, как вдруг Колин стал опять дрожать еще сильнее, чем раньше.

– Ты говоришь правду? Ты действительно никогда нас не бросишь?

– Правду. – И Дойл поцеловал Колина в мокрый от слез нос.

– Никогда-никогда?

– Никогда. Я уже сказал тебе... Все, что у меня осталось, – это вы. Только что я потерял все остальное.

Прижимая мальчика к себе и поднимаясь с ним наверх, Алекс подумал, что одной из потерь была способность плакать просто и светло, как ребенок.

А в тот момент ему, как никогда раньше, хотелось расплакаться.